

Джиллиан КАРР

New Hollywood

Из жизни звезд

Карр Джиллиан. Из жизни звезд: Роман // АСТ, Москва, 1995
ISBN: 5-88196-381-4
FB2: , 132710211715473539, version 1
UUID: {2DF701EF-EB49-4C56-BB6C-4F4C68ED47F6}
PDF: fb2pdf-j.20160627, coollib.net converter, Jun 16, 2023

Джиллиан Карр

Из жизни звезд

В центре романа — четыре блистательные женщины: голливудская звезда, фотомодель международного класса, модная маникюрша и издатель популярного женского журнала. Все они близки к тому, чтобы обрести свое счастье. Но... никогда не знаешь, какую шутку может выкинуть жизнь.

Содержание

Пролог.....	0005
Глава первая.....	0007
Глава вторая.....	0019
Глава третья.....	0027
Глава четвертая.....	0036
Глава пятая.....	0042
Глава шестая.....	0046
Глава седьмая.....	0050
Глава восьмая.....	0058
Глава девятая.....	0069
Глава десятая.....	0074
Глава одиннадцатая.....	0085
Глава двенадцатая.....	0094
Глава тринадцатая.....	0103
Глава четырнадцатая.....	0112
Глава пятнадцатая.....	0116
Глава шестнадцатая.....	0124
Глава семнадцатая.....	0133
Глава восемнадцатая.....	0140
Глава девятнадцатая.....	0150
Глава двадцатая.....	0154
Глава двадцать первая.....	0159
Глава двадцать вторая.....	0166
Глава двадцать третья.....	0173
Глава двадцать четвертая.....	0176
Глава двадцать пятая.....	0183
Глава двадцать шестая.....	0188
Глава двадцать седьмая.....	0194
Глава двадцать восьмая.....	0196
Глава двадцать девятая.....	0202
Глава тридцатая.....	0207
Глава тридцать первая.....	0214
Глава тридцать вторая.....	0217
Глава тридцать третья.....	0222
Глава тридцать четвертая.....	0228
Глава тридцать пятая.....	0234
Глава тридцать шестая.....	0240
Глава тридцать седьмая.....	0243
Глава тридцать восьмая.....	0250
#40.....	0257
#41.....	0258

Джиллиан КАРР
Из жизни звезд

Пролог

Резкий телефонный звонок внутренней связи нарушил утреннюю тишину офиса.

Стоя у окна и глядя на море движущихся зонтов внизу, Моника Д'Арси глотнула кофе, не реагируя на настойчивый призыв секретарши включиться в рабочий день.

— Еще не время, Линда. Ну что уж такое важное может произойти в семь тридцать утра?

Она закрыла глаза и прислонила кофейную чашечку к переносице, чувствуя, как благотворное тепло согревает ноющие пазухи. Телефон продолжал отчаянно звонить; пять звонков с кратковременными перерывами отдались в голове Монике, словно удары отбойного молотка.

— Черт бы тебя побрал!..

Моника разгребла стопку свежих июльских номеров журнала «Идеальная невеста» и гранок будущих выпусков, чтобы добраться до телефона внутренней связи, стоявшего на мраморном столике, и, вздохнув, нажала кнопку.

— Твоя взяла, Линда... Ну, что там такое сверхважное?

— Штормовое предупреждение!

— Что?! — Моника резко повернулась к окну и посмотрела на безрадостное оловянно-свинцовое небо, из которого сеялся унылый дождь. Манхэттен насквозь пропитался влагой. На окне офиса поблескивали кристаллики капель, и не было даже намека на ветер.

— Линда, что ты мелешь?

— Шенна Ивз, — прошипела Линда. — Она скоро будет здесь. — Я полагала, что вас следует предупредить об этом.

— Эта скотина! — Адреналин подступил к голове Монике, усилив боль в висках. Необходимо было срочно решить — принять бой или уклониться от него. Она зашагала по комнате, бесшумно погружая каблуки в роскошный толстый ковер. Меньше всего хотелось ей сегодня встречаться с этой тварью. Моника все еще не теряла надежды всерьез заняться июньским номером, несмотря на возникшие коллизии. Она с трудом отыскала свободное место на столе, куда можно было поставить чашку, и обратила внимание, что у нее дрожат руки. Необходимо собраться... Нельзя позволить этой твари взять верх. О Боже, ну зачем мне это сегодня?

Ее взгляд упал на сияющие лица трех невест, которые смотрели со страниц открытого журнала. Она думала о них все время с того момента, когда полчаса назад обнаружила сигнальные экземпляры июньского номера в ящике возле своего стола.

Трое, а не четверо. А ведь должно было быть четверо. Сердце Монике горестно сжалось при мысли об отсутствующей четвертой.

Это была ее идея. Четыре эффектные невесты; свадьбы года, поданные ярко и броско. Чтобы спасти журнал, спасти собственную шкуру, осчастливить Ричарда... Все были знаменитостями. Кроме одной.

Тери... Моника улыбнулась, вспомнив свою первую встречу с этой миловидной миниатюрной маникюршей, которая сразу же решительно воспротивилась тому, чтобы оказаться в центре внимания. Многие женщины мечтают о подобной счастливой возможности, которая раз в жизни выпадает Золушке,

а вот Тери добровольно отказывалась от своего шанса.

«Но я отрезала ей все пути к отступлению... Разве могла я представить тогда, к чему все это приведет?»

Или Ана, голливудская кинозвезда с буйными рыжими волосами, обрамляющими тонкое лицо, это воплощение женственности и очарования. Пожалуй, ей и в самом деле было что скрывать.

Бедная, очаровательная Ана, со своими тайнами из довольно темного прошлого... Да и я никак не могла предположить, что мне самой придется кое-что скрывать.

А Ева — милая, мужественная Ева, самый близкий мой друг в этом суровом мире. Эта длинноногая красавица стала фотомodelью, получившей международное признание. Я просила ее лишь об одном маленьком одолжении...

И наконец я, — продолжала свои размышления Моника, с ироничной и грустной улыбкой вглядываясь в собственное роскошное фото рядом с изображениями двух других невест. Сама того не замечая, она потрогала бриллиант в два с половиной карата на пальце, — Моника Д'Арси, графиня... Если бы люди знали правду...»

С минуты на минуту сюда ворвется Шенна Ивз, чтобы обрушить на нее шквал огня. Но Моника не имела сил прервать свои размышления о трех женщинах, чьи судьбы за последние несколько месяцев настолько переплелись с ее собственной. Тери, Ана, Ева — все они были близки к тому, чтобы обрести свое счастье с теми людьми, которых любили.

Для одной из них это обернулось кошмаром.

«Никогда не знаешь, какую штуку может выкинуть жизнь, — подумала Моника, садясь в кресло. Дождь монотонно стучал по стеклу окна. — Никогда не знаешь... Разве кто-нибудь из нас мог предположить, что все так обернется?»

Она, во всяком случае, не могла этого предвидеть в тот момент, когда у нее впервые родился план спасения журнала, ее работы и замужества. Блестящий, до мелочей продуманный план неожиданно рушился.

Глава первая

Нью-Йорк

Держа домашние туфли и кошелку на согнутой руке, Ева нетерпеливо шарилась в сумочке в поисках ключа от квартиры. Через минуту она сможет содрать с себя эти проклятые колготки. Она не могла дожидаться того момента, когда освободится от платья, лифчика, грима и погрузится в теплую ванну. Ей попала губная помада и два тампона, прежде чем она сумела извлечь со дна сумки ключ в форме сердечка. Когда дверь, щелкнув распахнулась и Ева ступила на прохладный пол из розовой мраморной плитки, она издала вздох облегчения оттого, что наконец-то добралась до дома.

Суматошный день начался для нее в шесть утра. Десять часов подряд она провела на съемках, а затем должна была присутствовать на обеде со своим агентом, Натали Ройс, и представителями фирмы Эсте Лаудер. Каждая клеточка ее тела просила, умоляла о сне и отдыхе.

Знакомое, успокаивающее жужжание системы охраны было похоже на приветствие доброго старого друга. Она едва не споткнулась о Беспризорницу, когда ставила поклажу и тянулась к кнопке, чтобы отключить электронный механизм охраны.

— Приятно видеть тебя, малышка. А как ты провела день? — улыбнулась она черной, как ночь, кошке, которая с выгнутым хвостом прошествовала мимо нее и запрыгнула на диван в гостиной. Вслед за Беспризорницей Ева пересекла слабо освещенную переднюю, опустилась на колени перед обитым кремовым сатином диваном и погладила кошку по лоснящейся спине.

— Ну почему ты не собака? Та лизнула бы меня в лицо, принесла бы тапочки или, по крайней мере, радостно встречала бы меня, когда я появляюсь в дверях. А ты такая неблагодарная.

Она поцеловала Беспризорницу в головку, поднялась с колен и начала стаскивать с себя колготки.

— Только не пытайся убедить меня, что у тебя тоже был трудный день. Труднее моего быть не может.

Кошка зевнула и свернулась клубочком.

Ева улыбнулась, вспомнив, какой маленькой и беспомощной была Беспризорница, когда она нашла ее студеным весенним днем, занимаясь бегом трусцой в Центральном парке. Она чуть не наступила на крохотное существо, которое зализывало поврежденный хвост. Рана была свежей, на хвосте виднелись следы крови. Ева подняла худенькое беззащитное создание и сразу же направилась домой. Она промыла котенку рану перекисью водорода, напоила молоком, дала кусочек сэндвича с тунцом, и Беспризорница расположилась на подушечке перед камином. С того времени она ни разу не изобразила даже подобия благодарности, но Ева все равно продолжала ее баловать.

— Мы одинаковы с ней, — неоднократно говорила она Нико, который терпеть не мог кошек. — Мы обе выжили — упрямые, чувственные самки, питающие слабость к мягким атласным подушечкам, сэндвичам с тунцом и к себе.

Это было правдой. Беспризорница ходила за Нико, словно фанатичная поклонница, терлась о его ногу, начинала мурлыкать, когда он входил в комнату. Чем меньше он замечал ее, тем больше она сходила с ума по нему.

«А вообще-то я еще не встречала женщины, которая не сходила бы с ума по Нико», — подумала Ева. Зевнув, она бросила снятые колготки на спинку дивана и направилась босиком в спальню.

От Нико не было никакой весточки. Чертовски жаль, ей не терпелось рассказать ему о новом контракте с Эсте Лаудер, который организовала для нее сегодня Натали. Ева взглянула на часы из золоченой бронзы на тумбочке и быстро прикинула, который час может быть в Лондоне. Оставался час или чуть больше до того момента, когда заря окрасит туманные берега Темзы. Что ж, со звоном придется подождать до утра. Если она не бросит сейчас свое усталое тело в постель, ее ноющие ноги больше не выдержат.

Послышался глухой звук падения какого-то предмета. Ева вздрогнула и замерла. Она осторожно приблизилась к двери, заглянула в гостиную и рассмеялась: Беспризорница свалила с кофейного столика журнал ее деловых встреч и теперь стояла лапками на раскрывшихся страницах.

— Ах ты, нарушительница спокойствия! Уверена, — ты не мякнула бы, если бы кто-то скрывался здесь! — выговорила она кошке. Ева подняла журнал и на всякий случай снова проверила систему сигнализации. Система была в полной исправности. Не зря же Клара после получения того письма на прошлой неделе обращалась в фирму, чтобы усовершенствовать охрану квартиры.

Да и вообще, сказала себе Ева, возвращаясь в кремово-розовую спальню, скорее всего это был какой-то безобидный псих, о котором она никогда больше не услышит.

Ева расстегнула молнию и стянула с себя тесно облегающее золотистое ламе, и нагнулась, чтобы поднять его с пола, когда ей на глаза попался красивый пакет в серебристой упаковке, перевязанный толстой атласной лентой, неведомо как оказавшийся среди щеток и флакончиков на туалетном столике. Это был, конечно же, свадебный подарок.

— Это Нана! — воскликнула Ева, узнав знакомую подпись на визитной карточке. — Что же это может быть? — Она сорвала бумажную упаковку, открыла коробку и моментально позабыла об усталости.

У Евы перехватило дыхание, когда она увидела великолепную белоснежную скатерть, отделанную финскими кружевами, уложенную между защитными слоями белой материи. Ева с восхищением дотронулась до тонких кружевных стежков.

— Боже мой, Нана, ведь это твоя фамильная ценность, — прошептала Ева, и на ее глаза навернулись слезы.

Через минуту она уже звонила в Миннеаполис. Ева не боялась разбудить Нану Хямеляйнен, зная, что она никогда не ложилась спать, не посмотрев ночной выпуск.

— Нана, я даже не знаю, как благодарить тебя! — Ева смахнула слезу и улыбнулась, представив себе, как ее статная седовласая бабушка возлежит в постели, обложившись подушками, с кроссвордом на коленях. Это великолепно! Ты же знаешь, как мне всегда она нравилась!

— Эви, дорогая, наслаждайся этим долгие, долгие годы! Я знаю, что скатерть будет в хороших руках.

— Это так, Нана!

Бабушка хмыкнула.

— Ты же знаешь, что я всегда берегла ее для тебя. Ни у кого так не загорались глаза, как у тебя, когда ты помогала мне стелить скатерть в День Благодарения. Взять Марго... Она никогда ничего не замечала, кроме своих книг... А ты такая же, как и я, — чувствуешь красоту и тянешься к ней. Конечно, сейчас ты такая знаменитая и можешь позволить себе купить все, что захочешь, но я знаю, что тебе до сих пор нравится моя фамильная скатерть.

— Я буду очень ею дорожить, Нана! И Нико тоже. И я обещаю тебе, что, когда придет время, передам ее тому, кто будет ценить ее так же, как я.

«Надо будет утром рассказать Нико о скатерти», — подумала Ева, устраиваясь через несколько минут на пуховой перине. Она щелкнула выключателем, и темнота поглотила комнату. Беспризорница запрыгнула на кровать и, мяукнув, расположилась на подушке Нико.

— Ты тоже скучаешь по нему, малышка? — улыбнулась Ева, свернувшись клубочком на своей половине кровати. Она закрыла глаза и заснула раньше, чем Беспризорница замурлыкала в ответ.

Кто-то находился в квартире.

Ее разбудили чьи-то осторожные шаги.

— Нико, это ты, дорогой?

Ответом ей была тишина, лишь Беспризорница мурлыкала рядом. Внезапно она вспомнила, что Нико здесь не может быть, он ведь в Лондоне.

Тогда кто же...

Охваченная ужасом, Ева резко села в кровати.

Боже мой, это он! Он собирается убить меня!

Ева снова услышала шорох шагов. Она попыталась взглянуть в темноту, но не видела ничего, кроме зеленого свечения часов на столике, которые показывали 2 часа 30 минут. Она пошарила рукой в поисках кнопки для вызова охраны. Движения ее рук были неверными, дрожащие пальцы не могли отыскать панель с кнопкой вызова. Боже мой, где же это? Пожалуйста, пожалуйста...

Она в панике сделала более размашистое движение рукой и сбила африканскую фиалку, которая глухо упала на ковер. Ева услышала негромкий смех.

Затем она увидела его — еле заметную тень,двигающуюся к ее кровати.

Ева отчаянно вскрикнула.

Ужас парализовал ее, кровь застыла в венах, у нее перехватило горло. Он приближался. Ева попробовала вскочить с кровати, но свинцовая тяжесть в теле приковала ее к месту. Она была совершенно беспомощной. А он надвигался на нее. Когда он схватил ее за волосы, Ева увидела: в его руке сверкнул нож...

— Нет!

Ева села в кровати, часто и тяжело дыша. Вокруг было темно и тихо. Она прислушалась, но не услышала ничего, кроме собственного тяжелого дыхания. Ева прекрасно понимала, что она в квартире одна: Нико — в Лондоне, Клара — у сестры, и больше никого. Никого.

Ей просто приснился этот кошмар — и только.

Она неподвижно сидела на обложенной подушками кровати, дрожащая и испуганная, с потными ладонями, в прилипшей к телу ночной рубашке.

Господи, когда же наконец она освободится от этого страха?

Было всего лишь одно письмо, сказала она себе. Лишь одно. Скорее всего, с целью розыгрыша.

Почему бы ей не поверить в это — и успокоиться?

Она откинулась на подушки и посмотрела на часы рядом с роскошной африканской фиалкой. Четыре часа. А она легла не раньше часа.

Вчера был такой суматошный день, что она должна была спать, как младенец. Целый день она снималась с влажными волосами, в мокрых купальных костюмах, иногда отогревалась тем, что набрасывала на себя халат да пила горячий кофе. Ей никогда не приходилось иметь дело с такими непроходимыми болванами — фотографами, которые довели одну из девушек до слез и так долго возились с освещением, что съемка затянулась до семи вечера. У нее болели все мышцы, ей хотелось вернуться в тишину дома и побыстрее погрузиться в теплую ванну.

Но ее агент организовал обед, и ей пришлось идти на него и играть роль супермодели. В течение всего обеда она лелеяла мечту атом, чтобы быстрее оказаться дома, отдохнуть, поспать до десяти утра, чтобы затем быть готовой дать интервью для «Эсквайра» на следующий день. И вот она дома, проснулась в четыре часа утра, сидит и трясется от ужаса и страшно хочет, чтобы рядом был Нико.

Ева потеряла глаза. Конечно, это был всего лишь сон. Но до чего же явственно ей все привиделось! Черт бы побрал ее слишком живое воображение! Почему бы ей не быть такой, как Марго? Даже в детстве ее уравновешенная белокурая сестра смеялась над теми, кто верил в привидения. Обладая аналитическим умом, Марго никогда не принимала всерьез страшные истории и фильмы ужасов. Но она с удовольствием и с подробностями, от которых стыла в жилах кровь, рассказывала Еве об убийцах и привидениях, рассчитывая на впечатлительность и легковерность Евы. И потрясенная Ева потом множество ночей проводила без сна, прислушиваясь к скрипу половиц в крохотном домике в Дулуте.

«Мне надо избавиться от этого, — размышляла Ева, — иначе я сойду с ума. Если бы здесь был Нико, я бы так не нервничала. Он всегда успокаивающе действует на меня».

Он спас ее еще в их первую встречу. Во время посещения рок-концерта в Лиссабоне Ева стала пленницей толпы. Она оказалась отрезанной от своего сопровождения, толпа несла ее, Ева извивалась, сжатая телами, не видя никакой возможности выбраться. Внезапно чья-то сильная рука взяла ее за талию и вытащила из этого бедлама. Через пару минут Ева очутилась в блестящем серебристого цвета спортивном автомобиле, рядом с мужчиной потрясающей внешности.

Нико Чезароне был красавец шести футов с черными шелковистыми волосами и манящими глазами цвета морской волны. Позже выяснилось, что он один из самых знаменитых в мире автогонщиков. Он привел Еву в небольшое тихое кафе, угостил густым крестьянским супом с хрустящим хлебом и сухим красным вином. Непоставленным, но приятным баритоном он исполнил несколько отрывков из веселых итальянских песенок, что вернуло ей хорошее настроение и помогло забыть пережитое испытание.

В ту же ночь она влюбилась в него.

Нико. Кажется, и сейчас она видела его тонкое, чувственное лицо, ощущала исходящий от него характерный аромат и вкус его поцелуя на своих губах. Если бы он был сейчас с ней! Когда он обнимал ее сильными руками, а она лежала, положив голову на поросшую черными кудрявыми волосами грудь, она чувствовала себя в полнейшей безопасности. По крайней мере, до появления того злополучного письма.

Ева не сказала о письме Нико, да и вообще никому. Она просто порвала его и выбросила, как будто от этого исчезнут ее страхи.

Но страх оставался.

Более того, лаконичное послание, обернутое в маленький лоскут материи, не выходило из головы и казалось ей зловещим предостережением.

«Может быть, мне отправиться в Лондон? Провести несколько дней с Нико было бы настоящим счастьем. Если не считать интервью, я свободна до понедельника. Я могу сесть вечером на Конкорд и удивить его».

От внезапного телефонного звонка она подпрыгнула.

— Ева, я знаю, что звоню непозволительно рано, но мне необходимо переговорить с тобой. — Голос Моники был несколько возбужденным, но, как всегда, решительным и властным. — Я и без того сколько могла оттягивала этот звонок.

Ева взглянула на часы. Шесть пятнадцать утра. Проклятье, она лежит здесь в растрепанных чувствах без сна уже более двух часов!

— А что стряслось?

— Это не телефонный разговор, но поверь, это очень важно. Когда ты будешь здесь?

Так уж повелось, что когда Моника Д'Арси, редактор журнала «Идеальная невеста», звонила, Ева мгновенно вскакивала с постели. Через двадцать минут она захлопнула дверь квартиры и окунулась в розовый туман свежего утра, сторонясь и уступая дорогу ранним любителям бега трусцой.

— Ваше такси остановилось во втором ряду, мисс Хэмел. Позвольте помочь вам.

Ева рассеянно кивнула. Эдди, на три шага опередив ее, распахнул дверцы машины с шиком королевского лакея.

— Вы выглядите очень мило для такого раннего часа, мисс Хэмел, — добавил портье, ямаец средних лет. — Очень мило!

— Спасибо, Эдди, — отозвалась Ева. — Так уж и мило. Без сна, без кофе, без грима... Даже губы не успела накрасить.

Хотя Ева и снялась для многих обложек журнала «Мода», она по-прежнему продолжала смотреть на себя как на нескладную девчонку-подростка, которой до смерти хочется быть такой же красивой, как ее старшая сестра, немножко пониже ростом, и иметь дружка. Марго была роскошной девушкой, всеми любимой, пользующейся неизменным успехом. И вот внезапно, перед последним годом учебы, все произошло так, словно фея из волшебной сказки махнула палочкой над ее головой — и молитвы Евы были услышаны.

Такси двигалось по Центральному парку, старательно объезжая рытвины и кочки. Хорошо бы сейчас выпить чашечку кофе, мечтала Ева, расположив плечи между пружинами, вылезавшими из-под зеленой обшивки. Но Моника была так настойчива, что Ева едва успела собрать свои волосы в конский хвост, и сунуть в карман шоколадку.

Что за ночь! Она достала шоколадку и откусила... Ей непременно нужно выбраться из Нью-Йорка. По крайней мере она сможет выспаться в Лондоне, рядом с Нико. Может, за эти несколько дней она забудет о том проклятом письме.

Когда дверца такси захлопнулась у Семьдесят второй Западной улице, Ева почти улыбалась, представляя себе лицо Нико в ту минуту, когда он войдет в затемненный номер в Савое и внезапно увидит ее на кровати. На ней — ничего, кроме обручального кольца, а на лице — призывная улыбка.

Восторг!

— Пообещай, что ты сделаешь это, Эви Б! Немедленно пообещай!

Моника схватила ее за руку и потащила в просторное, освещенное утренним солнцем помещение. Ева удивленно осмотрелась. Обычно идеально убранные комнаты, эти свидетели уникальной драматической судьбы и успеха Моника Д'Арси, сегодня больше напоминали свалку. На ковре восточной работы валялись скомканные бумажки, на столике для коктейлей громоздились грязные кофейные чашки и виднелись обертки от конфет, а хрустальные пепельницы были переполнены окурками. Комната была пропитана запахом застоялого табачного дыма и перекипевшего кофе. Скупое октябрьское солнце, заглядывающее в большие окна, беспристрастно высветило полный беспорядок обычно столь эффектно выглядевшего кабинета.

— Ступай осторожнее. Смотри, не поскользнься в этом бедламе. — Моника показала рукой на ворох бумаг, разбросанных по полу. — Аннет придет через час и займется уборкой... Но, я думаю, ты ничего не ела... В столовой нас ожидает завтрак — кофе, земляника и очень аппетитные булочки с орехами. Я работала всю ночь, и мне сейчас очень нужны углеводы.

«Это должно сработать», — подумала Моника и открыла дверь на террасу, впустив свежего воздуха в прокуренную комнату. Она направилась в столовую, легко передвигаясь по полу из мореного дуба. Опустившись в кресло с высокой спинкой, она поправила поясok атласного платья персикового цвета и из серебряного кувшина налила Еве дымящегося кофе в чашечку из лиможского фарфора.

Косые солнечные лучи, падающие из окна, согревали ледяные руки Моника.

Вчера вечером, когда Ричард уехал на побережье, она пребывала едва ли не в отчаянии. Он был взбешен, узнав о реакции совета директоров, вызванной уменьшением тиража журнала. Монике необходимо было придумать что-то эффективное и грандиозное, и сделать это нужно было немедленно.

Всякий раз, когда она вспоминала о суровом взгляде Ричарда и о том, какое разочарование сквозило в его глазах, ее охватывала паника. Во что бы то ни стало ей требовалось предпринять нечто из ряда вон выходящее, нечто совершенно неординарное, чтобы он поверил в правильность своего решения сделать ее главным редактором вместо Шенны.

Всю ночь она не сомкнула глаз. Боже, какая это была ночь! Она вышагивала по комнате, придумывала варианты и тут же отбрасывала их, стимулируя мозг сигаретами и кофеином, пока наконец в пять утра ее не осенила идея.

Это должно было сработать. Не могло не сработать. Интуиция подсказывала ей, что такой сплав великолепия и романтики привлечет внимание не

только подписчиков и будущих невест в стране, но и любую женщину, которая в душе всегда мечтала о сказочно счастливом замужестве. Если что-то и способно разрушить устоявшийся имидж «Идеальной невесты» как скучноватого рекламного журнала, то это именно то, что она придумала.

— Ну что ж, твоя взяла. — Ева глотнула кофе и с интересом уставилась на Монику. — Я умираю от любопытства. Что именно я должна сделать для тебя?

На первый взгляд, перед Евой сидела обычная Моника — урожденная французская графиня и олицетворение красоты и изящества. Однако в это утро, несмотря на щедрость использованной косметики и эффектность ее обнаженных плеч, можно было заметить, что глаза ее воспалены, и под ними темные круги, а розовые румяна не могут скрыть бледности лица.

— Я задумала нечто фантастическое для «Идеальной невесты», — сказала Моника, выразительно приподняв брови. В ее глазах сверкнули искры. — И ты, душа моя, должна стать главной приманкой.

— Надеюсь, ты не имеешь в виду, что я должна торговать журналом вразнос, — осторожно отреагировала Ева, откусывая булочку с мармеладом и давая себе слово пробежать лишних три мили за свою слабость к подобным излишествам.

— Это План Б. — Моника раскатисто рассмеялась, но Ева заметила, что лицо ее осталось напряженным. Моника потянулась за новой сигаретой. — План А более эффектен. И великолепен. Вот подумай: что нас всех объединяет — тебя и Нико, меня и Ричарда, Ану Кейтс и этого уважаемого сенатора Фаррелла?

— Всеми нами занимается ФБР?

— Типун тебе на язык! Я говорю серьезно.

— Все мы собираемся сочетаться браком, — осторожно предположила Ева, начиная понимать, куда гнет ее собеседница.

Моника кивнула, ее лицо осветилось улыбкой.

— Именно!

— И ты хочешь дать наши фото в «Идеальной невесте»?

— Не просто дать фото, а сделать его центром внимания! Представь себе журнал в газетных киосках. Ева, он разодется тиражом большим, чем «Секс Мадонны! С гарантией!» — Моника сделала несколько глотков. «Осторожнее, не переборщи», — предостерегла она себя. — Июньский номер выразит заветную мечту каждой женщины, — произнесла она, после чего слова прямо-таки полились из нее. — Слава, состояние, верная любовь!.. Три красивейших невесты, три достойных жениха, изысканные наряды, медовый месяц на Мауи. Ведь это мечта! Плюс еще одна приманка — безвестная Золушка! Это был бы coup de grace![1] Глаза Моника, встретившись со взглядом Евы, торжественно сверкнули. — Ты готова к этому? Я собираюсь выбрать какую-нибудь милую Золушку из присутствующих на Опра Уинфри Шоу, которой выпадает счастье оказаться в центре внимания рядом с нами.

Увидев, как загорелись аквамариновые глаза Евы, Моника решила закрепить успех, продолжая обрушивать на нее информацию.

— Она получит возможность бесплатно провести медовый месяц, сыграть свадьбу, а впридачу ей достанутся все наряды, которые будут использованы при съемке на Мауи — платья, пеньюары, бикини, спортивные костюмы. Мы снимем свадьбу, будуары и пляжи на острове... Возможно, я уговорю Ричарда

провести съемки и на его яхте. Ты только представь себе! Три пары знаменитостей — и одна пара простых смертных на страницах «Идеальной невесты»! Ну как, ты согласна?

Моника затаила дыхание. Без сомнения, Ева заинтересовалась предложением, но Моника понимала, что загвоздка может быть из-за Нико. Она произнесла про себя молитву и занялась разливанием кофе по чашкам из лиможского фарфора. Ее руки дрожали — то ли от нервного напряжения, то ли от бессонной ночи. После преодоления барьера Евы и Нико ей предстоит встреча с Аной Кейтс и сенатором Фарреллом. Но важно было сейчас преодолеть это препятствие, коль уж она оказалась перед ним.

— Эви, я уверена, что это будет грандиозно, — продолжала нажимать Моника. — Постараюсь, чтобы съемки выполнял Антонио.

— Она старалась говорить убежденно и уверенно, ибо знала, что именно уверенность может привлечь людей на ее сторону. Моника заметила, что наматывает концы своих волос на палец — от этой старой привычки, которая проявлялась при волнении, она давно и безуспешно пыталась избавиться. Она снова взяла сигарету и с подчеркнутой неторопливостью прикурила.

В тишину помещения ворвались звуки полицейской сирены. Ева откусила от булочки. Она понимала, что Моника очень нуждается в ней, даже больше, чем признается себе в этом, но у нее не было уверенности, что Нико изъявит желание впутываться в это дело. Графиня не относилась к числу тех людей, к которым Нико благоволил, в особенности после того, как она нарушила их уединенный уик-энд в Милане, заставив Еву в последнюю минуту подменить модель, которую госпитализировали по причине болезни. Нико, отличающийся ярко выраженными собственническими инстинктами, был возмущен вторжением в их личное время. Вплоть до последнего дня при упоминании имени Моника из его уст начинали сыпаться колоритные итальянские проклятья.

— Конечно, мне все это по душе, — осторожно сказала Ева, но я не могу ручаться за Нико. Ты же знаешь, он связан контрактами.

— Ну, он может употребить свое влияние и с ним вынуждены будут считаться.

— И потом, он сейчас вместе с конструкторами работает над новой машиной...

— Но ты ведь попросишь его...

Ева снова почувствовала, насколько важно для Моника получить ее согласие. Но почему Моника так нуждалась в ней?

По-видимому, это была не просто интересная идея, от которой, надо полагать, очень многое зависело. Возможно, журналу угрожала опасность. В таком случае Моника скорее проглотит цианистый калий, чем проболтается об этом.

Быстрая, экстравагантная и одержимая, Моника Д'Арси была прирожденным администратором, отличалась дотошностью, безупречностью вкуса и умением добиваться своей цели. Она контролировала всех и вся из своего окружения. «И это мое счастье», — подумала Ева, вспомнив, как семь лет назад она пришла в агентство Д'Арси, сжимая в дрожащей руке альбом фотографий. Моника бросила лишь один взгляд на трясущуюся от волнения девчонку и усадила ее в кресло.

— Ты моя Вильгельмина, Черил Тигз и Элла Макферсон одновременно, —

горячо произнесла она. — Твое лицо вылепил сам Бог, чтобы порадовать камеру. Дорогая моя, ты пришла по адресу.

«И тогда я уронила альбом на роскошный ковер... фотографии рассыпались... Моника звонко засмеялась».

— Дорогая моя, не смотри так испуганно. Ты скоро станешь самой знаменитой моделью в мире. С гарантией! Все твои мечты сбудутся, даже те, что тебе и не снились.

Она сдержала слово. Ева никогда не забудет, какое давление оказывала неумная графиня на «Спорт иллюстрейтед», чтобы на его страницах появилось фото неизвестной модели в купальном костюме, настаивая на том, чтобы для дебюта опекаемую ею инженерю одели в самые соблазнительные бикини и дали самый сексуально-привлекательный фон.

Это был блестящий ход, принесший поразительный успех Еве и мгновенно сделавший ее суперзвездой. Это стало трамплином для Евы, ошеломительным дебютом, после чего тут же последовали обложки для журналов «Она» и «Мода», которые произвели фурор в Европе. И всем этим Ева обязана Монике. Моника не только помогла Еве пережить первые ошеломительные месяцы успеха, но и заменила ей сестру, стала ее хранителем и защитником от кружащих хищников, которые готовы были прибрать к рукам наивную девчонку из Миннесоты.

За все годы дружбы Ева никогда не видела Моника уязвленной и обиженной, но она знала ее достаточно хорошо, чтобы понять: сейчас за личиной ее спокойствия кроится нечто близкое к этому. Ева глубоко вздохнула.

— Да, я попрошу Нико. Я даже сделаю это сегодня вечером. — Ева внезапно улыбнулась, подумав о маленьком запланированном сюрпризе. Она допила остатки апельсинового сока и добавила: — Я гарантирую, что он отнесется к этому хорошо, ну и кроме того, мы посоветуемся с адвокатами.

— Я знала, что могу положиться на тебя. Это сыграет роль динамита.

Моника поборолла желание на момент закрыть глаза. Она знала, что ей необходимо выспаться, но даже после ухода Евы она не позволила себе расслабиться. Сон может подождать. Сперва надо решить другие важные вопросы.

Подавляя зевоту, она потянулась к телефону.

«К черту сон! Только после того, как уговорю Ану Кейтс».

Лежа на обитом красным шелком диване в ожидании, когда Ана Кейтс ответит на ее звонок, Моника вспомнила, как она в первый раз встретилась с Евой. Именно она сделала из этой застенчивой, не уверенной в себе, но хорошенькой семнадцатилетней инженерю с ниспадающими волнами белокурых волос и наивными аквамариновыми глазами мировую знаменитость, известную под именем Эви Б.

«Я и «Идеальную невесту» могу сделать процветающей. Я никогда не проигрывала и не намерена проигрывать сейчас. Шенна Ивз ждет моего фиаско, но черта с два она его дождется».

Какой-то слабый голосок издали напомнил ей о том, как некогда Шенна унизила ее. «Именно это и подхлестывает меня», — сказала она себе.

Ана Кейтс пользовалась чуть ли не самой шумной известностью в Голливуде, и в любом еженедельнике подавались подробности ее романа с блистательным сенатором с острова Роуд.

Ева также была суперзвездой в своей сфере. Она помолвлена с чемпионом и победителем европейских автогонок, Нико Чезароне — предметом обожания многочисленных поклонников. Какая невеста в стране не пожелает походить на Эви Б в день своей свадьбы?

Да и она сама была не последней спицей в колеснице. Она сделала себе имя и в сфере моды, и в издательском деле, возглавляя собственное агентство высшего класса, открывая и поставляя миру красавиц и возводя их в ранг звезд. А Ричард? «Что ж, Ричард есть Ричард», — подумала она, слегка скривив губы. Он не только стоит на страже собственных интересов в стольких компаниях, что вынужден был нанять десять вице-президентов, чтобы все держать в поле своего зрения, но он еще и красив, умен, и относится к числу самых влиятельных людей в Америке.

«И он принадлежит мне», — с гордостью подумала Моника.

Она посмотрела на захламленную гостиную и поморщилась. Аннет придет через час, чтобы навести порядок. Бедняжка Ева с таким трудом пыталась скрыть, насколько шокирована подобным хаосом. Конечно, любого другого она постеснялась бы принимать в таком беспорядке, но никто другой и не примчался бы по первому ее зову в столь ранний час.

Моника никогда не думала, что будет так дорожить дружбой с Евой.

«Она знает обо мне больше, чем кто-либо другой, кроме, может быть, Ричарда, — подумала Моника. — Интересно, что она сказала бы... что они оба сказали бы... если бы знали всю ее подноготную».

Им было известно, что графиня Моника Лизет де Шевалье росла, купаясь в роскоши и богатстве, пока ее легкомысленный отец не проиграл состояние в Монте-Карло, после чего сбежал с наследницей греческого владельца судоходной компании, оставив двадцатилетнюю дочь и красавицу-жену Мирей без наследства и в полном отчаянии. Моника и ее мать приехали в Соединенные Штаты, не имея ничего, кроме гордости да титула. Изящная и рафинированная графиня де Шевалье вернула потерянное, выйдя замуж за техасского нефтяного миллионера. Моника возненавидела своего отчима и преисполнилась решимости добиваться успеха собственными силами, не рассчитывая на любовь и состояние мужчин.

По общему мнению, она преуспела в своих начинаниях, первоначально как агент по скупке, затем как консультант фирмы и наконец как заведующая отделом мод журнала «Глэмор» и редактор-управляющий еженедельника «Семнадцать». Впоследствии она организовала собственное легендарное Агентство «Д'Арси», познакомившее мир со многими ныне знаменитыми моделями. А сейчас она бросила новый вызов: отказалась от поста президента агентства и возглавила журнал «Идеальная невеста», владельцем которого был ее жених.

«Звучит здорово, — подумала Моника, с удовольствием потягиваясь на диване. Немного фактов, немного вымысла. Вот так и создаются легенды... Вроде того, что моя мама — графиня де Шевалье, а не белошвейка его сиятельства. Интересно, что бы сказал Ричард, если бы узнал, как и за что я ненавижу Шенну?»

Шенна Мальгрю Ивз была составной частью ее прошлого, той частью, которую она никогда не забудет, до тех пор пока окончательно не сведет с ней счеты.

Телефонный звонок вернул Монику к действительности. Она повернулась к аппарату, моля Бога о том, чтобы это была Ана Кейтс.

«Боже, сделай так, чтобы она сказала «да»!

— Ева, bambina[2], ради Бога, где ты? Ты мой единственный луч света в этом проклятом тумане и слякоти! Я соскучился по тебе, — слышался воркующий голос Нико, когда она включила автоответчик. — Я соскучился по твоим глазам, которые вижу, просыпаясь утром... Соскучился по губам, по твоему телу... И где это ты можешь быть так рано утром? Ладно, я позвоню тебе после своей дневной деловой встречи. А ты, bambina, пожалуйста будь дома.

Из груди Евы вырвалось нечто среднее между смехом и стоном, и она отключила автоответчик. Если бы Нико был рядом с ней, а не за тридевять земель! Его воркование сводило ее с ума. Даже находясь на другом континенте, он был способен соблазнить ее. Блистательный итальянец. Ева представила, как он ждет, пока телефонистка соединит его с ней. Смуглый, мускулистый, экспансивный, с закатанными рукавами шелковой рубашки, он возбужденно проводит ладонью по волосам, вышагивая по комнате. У Нико торс греческого бога, душа поэта и руки мастерового. Даже сейчас ее тело тосковало по ним и стремилось к нему.

«Я тоже тоскую по тебе, любимый!»

Положив заказ на билет для полета на Конкорде среди флаконов, щеток и кремов, Ева разделась и стала продумывать, что ей необходимо взять с собой. Она прошлепала голая по пушистому ковру к солнечной комнате с застекленной дверью, где были настоящие джунгли из филодендронов и пальм, росших в фарфоровых горшках. Скользнув в подернутую легким паром ванну, Ева направила на себя сильную струю воды, задохнувшись от удовольствия. Тоненькие упругие струйки щекотали и массировали ее лицо. Ева чувствовала, как вода снимает и уносит напряжение.

Сейчас, при свете дня, все ее ночные страхи показались ей абсурдными. Она нагнулась за пушистым полотенцем — и оцепенела.

Зеленый конверт был едва виден за кроной пальмы. Но он был, он торчал среди листьев, и почерк, без сомнения, был тот же самый, что и в прошлый раз.

Ева села на край ванны. Он все-таки был здесь. А, может, он и сейчас здесь.

Она закричала.

Клара прибежала из кухни, с вытаращенными глазами, вытирая о фартук испачканные мукой руки.

— Вызови полицию! — задыхаясь, произнесла Ева, дрожащими руками разворачивая полотенце. — Кто-то был в квартире... Господи, он и сейчас еще может быть здесь.

Напуганная, побледневшая, Клара бросилась к телефону в спальне. Ева тупо смотрела на конверт, пытаясь справиться с охватившим ее волнением. В ней боролись два желания: разорвать и выбросить не читая и — все-таки узнать его содержание. Преодолевая страх, она надорвала конверт, вытащила единственный линованный зеленый листок, и клочок золотистой ткани ламе слетел ей на колени.

— О Боже, опять!

Зеленая бумажка, казалось, обжигала ей пальцы. Он не уходил. Он прибли-

жался.

Глава вторая

Джорджтаун

Анастасия застонала от удовольствия, и трепет пробежал по ее телу, когда губы Джона проделали путь от ее золотисто-каштановых волос на затылке по позвоночнику до двух ямочек, что симметрично располагаются чуть повыше округлых ягодиц. Она перевернулась на спину и потянула его на себя. Обвив его бедра ногами, Ана закрыла глаза, чтобы сосредоточиться на ощущениях, испытываемых от слияния прильнувших друг к другу губ.

— Ана, ты ведьма, мне ведь надо выступать в парламенте, — произнес Джон хриплым шепотом над ее ухом. В его голубых глазах сверкнули искры, когда он коснулся ртом ямочки на щеке, а затем дотронулся губами до пульса на шее.

— Кто тебе мешает, сенатор? — пробормотала Ана. Ее губы скользнули к упругим мужским соскам, заставив Джона застонать от удовольствия.

Солнце, ворвавшись через застекленную дверь в спальню сенатора Джона Феррелла, осветило возлежащих любовников, отчего волосы Аны запылали золотистым пламенем.

Смятые сатиновые простыни на кровати с пологом были усыпаны лепестками роз. На ночном столике стояли два недопитых бокала, поблескивая янтарными капельками шампанского на стенках. Аромат духов Аны смешался с запахом роз. Вполне подходящий фон для любви... Она на мгновение открыла зеленые глаза, когда Джон вошел в нее, и еще крепче прижалась к нему, стремясь раствориться в том тепле, которое излучало его мускулистое тело.

Пот выступил на точеном лице Джона.

— Не останавливайся, Джонни, продолжай, прошу тебя, продолжай... Боже, не останавливайся...

Мир унесся куда-то прочь, оставив наедине сплетенные тела, которые соединила страсть.

Но это было не так. Ана изо всех сил пыталась скрыть разочарование, когда Джон достиг пика, содрогаясь в оргазме, а ее тело так и не воспламенилось.

«Подожду следующего раза», — подумала она, плотно закрывая глаза, чтобы удержать слезы.

— Теперь я могу остановиться? — засмеялся Джон. — Он лизнул розовые девичьи соски, откатился в сторону и обнял ее.

— Гм... — пробормотала Ана, делая вид, что пребывает в сладкой дреме. Она не могла признаться ему, что чувствовала себя неудовлетворенной.

Джон всмотрелся в ее лицо.

— Ангел мой! Тебе было хорошо?

— Это было чудесно. — Ее губы сложились в неповторимую улыбку, которая обошла экраны всего мира. Она потянулась к нему и игриво взлохматила ему волосы, затем обняла за шею, продолжая все так же лучезарно улыбаться.

Лишь на какое-то мгновение Джон уловил тоску в ее взгляде.

Он не мог этого понять. Ана была самой привлекательной и сексуальной женщиной, какую он когда-либо встречал, и она любила его — видит Бог, любила. И в то же время он не мог сказать, что знает ее. Иногда, когда они занимались любовью или когда он держал ее в объятиях, ему казалось, что она за

тысячу миль от него.

Джон познакомился с Анной более года назад в Лос-Анджелесе во время телевизионной программы, посвященной сбору средств на борьбу со СПИДом. Он полагал, что имеет дело с необыкновенно привлекательной, но поверхностной штучкой. К его удивлению, Анна оказалась душевной, внимательной молодой женщиной, обладающей чувством собственного достоинства, хладнокровием и здравым смыслом.

— Сенатор, — сказала она за кулисами, доброжелательно улыбаясь ему. — Я слышала, как вы говорили о развитии здравоохранения в телевыпуске «Доброе утро, Америка», и хочу признаться, что мне весьма по душе ваши мысли и взгляды. Но разве только в этом отношении вам следует объединить свои усилия с демократами? У них есть целый ряд моментов, которых вам не хватает. Я имею в виду, — поспешно добавила она, слегка вспыхнув при виде его удивленного выражения лица, — что если вы воспримите наилучшее отовсюду, вы станете еще сильнее. Или за этим кроются более глубокие интересы?

Джон улыбнулся. Ему пришлось приложить определенные усилия, чтобы не приклеиться взглядом к соблазнительной ложбинке на груди, которую не скрывало украшенное блестками янтарного цвета платье. Каким-то чудом ему это удалось.

— Нет, мисс Кейтс, но должен заметить, что в тот день, когда я что-либо позаимствую у демократов, аллигаторы научатся летать. Бога ради, не говорите, что вы принадлежите к их стану — вы слишком разумны для этого.

Она смотрела на него своими удивительными глазами, которые в полутьме кулис светились загадочным зеленым огнем, и говорила не спеша, сдержанно, не позволяя выплеснуться раздражению.

— Да, я одна из них, и возможно, не нужно, чтобы люди видели, что вы говорите со мной...

— Напротив.

— Или слушали меня...

— Я буду польщен...

— Или воспринимали меня всерьез...

— Мисс Кейтс, я намерен обратить вас в свою веру...

— Сенатор, вы шутите?

— За обедом... Сегодня вечером, после окончания шоу.

— Сенатор, — ответила Анна сладкоречиво, глядя на него из-под опущенных ресниц. — Я буду рада пообедать с вами, но что касается обращения меня в вашу веру, то, боюсь, это случится лишь тогда, когда аллигаторы научатся летать.

Анна была остроумной, находчивой и дьявольски женственной. Она сразу очаровала Джона. Наблюдая за тем, как за кулисами она возилась с детьми, зараженными СПИДом, дарила им игрушки и раздавала автографы, обнимала их, доброжелательно разговаривала с юной девушкой, присматривающей за младенцами, он был сражен ее непринужденностью и сердечностью.

Позже, во время обеда, он чутко уловил сигналы, исходившие от нее: за внешней бойкостью и уверенностью в себе проглядывали уязвимость и тонкость ее натуры. В ней было что-то от ангела и одновременно от хулигана. Внешне она напоминала молодую Брижит Бардо, в которой причудливо соединились невинность, необузданная страсть и сексуальная привлекатель-

ность. Но Ана Кейтс была не просто секс-бомбой и даже не только одаренная актриса. Ее отличали открытость и искренность.

— Актрисочка, — фыркнула его мать, когда он сообщил ей, что пригласит Ану на обед в День Благодарения. — Джон, ну как ты можешь? Она не принесет тебе ничего, кроме забот.

Но Ана принесла счастье. Его карьера, твердая вера в то, что он способен изменить мир к лучшему, и Ана — это то, что позволяло ему чувствовать себя счастливым, заряжало бодростью и энергией. Он не допускал и мысли о том, что женитьба на актрисе может повлиять на его политическую карьеру. Он поставит это на службу делу и сделает Ану такой же счастливой, как и он сам.

— Я бы так хотел остаться, — с сожалением произнес он, целуя ее в макушку.

— Я тоже. Мы можем заказать завтрак. А сейчас я бы с удовольствием съела сандвич с цыпленком.

— В холодильнике есть ростбиф. Подойдет? Прости, что я не могу составить тебе компанию, но мне действительно нужно идти. Для меня будет большим ударом, если сенат не утвердит закон об абортах.

— Кажется, нет другого такого одержимого сенатора, к тому же обладающего даром убеждать.

— За это спасибо.

Он снова нежно поцеловал ее и направился в душ. Ана слушала, как он на свистывает в ванной.

Она не спешила вставать, прислушиваясь к пению птиц за дверью. Обнаженной спиной она ощущала ласкающую мягкость ковра. Ана чувствовала себя по-настоящему счастливой. Джонни был ее причалом и якорем, удерживающим ее на месте, надежной гаванью.

Ей так не хотелось сегодня снова лететь в Лос-Анджелес. Она знала, что Арни придет в ярость, когда она скажет, что ей не нравится сценарий, за постановку фильма по которому он рассчитывает получить Оскара. Она уже слышит, как он будет кричать: «Если этот сценарий хорош для Де Ниро, почему он плох для тебя? Да вы вдвоем сделали бы такую ленту, какой не было со времени супербоевика «Тепло тела»! Ана, милая, выбрось ты эту бредовую мысль из головы!»

Однако она уже приняла решение. Она не желает играть роль проститутки, пусть даже и с добрым сердцем, независимо от того, светит Оскар или нет. К чертовой матери этого Арни!

«Он нуждается во мне больше, чем я в нем, — подумала она, садясь в постели и отводя волосы с глаз. — Я уже определенно сказала ему, что окончательное решение о том, какая роль мне подходит, принимаю сама, но он никогда не умеет вовремя отступить». Если он не осознает этого, ей придется найти другого агента.

Это будет прискорбно, поскольку Арни сотрудничал с ней начиная со второй ее крупной роли в кино, где небольшую, но колоритную роль играла шизофреничная дочь Пола Ньюмена. Именно Арни убедил Тайло Миллера дать ей роль Фиби в фильме «Пришел незнакомец», за исполнение которой она получила Оскара. После этого к ней пришла известность. «Но, в конце концов, я сама решила сыграть роль Фиби. И пока не ошиблась». У нее было какое-то особое чутье относительно того, какие роли для нее подходят и в каких филь-

мах она раскроется наилучшим образом. Арни в целом устраивал ее, она доверяла в какой-то степени ему. Но до конца она доверяла только самой себе.

Сейчас у нее выдалась передышка, и она получила возможность побыть с Джонни, отдохнуть от работы, от Арни, от всевозможных хлопот, связанных с подготовкой к предстоящей в июле свадьбе. У нее голова шла кругом, когда она начинала думать о том, что ей предстояло еще организовать и сделать. Заказать цветы от Элеганцы, проконсультироваться с Вольфгангом относительно меню, заказать платье, решить вопрос о приглашении ее голливудских друзей и коллег Джонни по Капитолийскому холму. А дальше, после медового месяца пойдут приемы в Вашингтоне, о которых она еще и не думала. Некоторые из этих вещей нельзя было поручить никому, даже такой расторопной секретарше, как Луиза.

Ей хотелось, чтобы приемы были организованы так же идеально, как идеально будет ее новая жизнь в качестве миссис Джон Фаррелл.

Ее брак с Джонни будет последним и самым аппетитным украшением торжества, подумала Ана, проделывая несколько балетных движений. Она взяла с кресла малиновый шелковый халат Джона и набросила его на себя, наслаждаясь прикосновением шелка, и еле уловимым запахом Джонни. Всякий раз, когда Ана сталкивалась с житейскими проблемами, она заставляла себя вспоминать о том, как много она в жизни добилась, сколько труда вложила, чтобы стать знаменитостью, после чего все эти проблемы становились приятным отвлечением.

В двадцать семь лет Ана Кейтс достигла таких вершин, каких достигают редкие актрисы. Она была красавицей с белоснежной кожей, полными чувственными губами и чистыми зелеными глазами, которые буквально проникали в душу человека. Операторы любили снимать ее крупным планом, фильмы с ее участием пользовались огромным успехом. Отмечали, что в ней удивительным образом сочетается пряная чувственность с почти девичьей чистотой. Она обладала природной способностью завоевывать сердца зрителей, привнося в каждую роль неповторимый свет. Людям нравилось все, что она делала.

Ана понимала, что ее имидж создан ее поклонниками. Тем не менее жизнь ее не была легкой, она добилась всего благодаря упорству и сильной воле. Конечно, не обошлось и без некоторого везения. Без этого она все еще стояла бы в длинной очереди тех, кто снимается в массовках, мечтает оказаться на первом плане и получить роль со словами. Но все-таки в основе ее успеха был тяжелый, изматывающий труд во время многочасовых съемок. Теперь все это позади. Она — звезда Голливуда.

Единственное, что омрачало ее жизнь, — это пресса, постоянно и безжалостно преследующая ее. В остальном ей все нравилось: лепнина роскошного Беверли Хиллз с бассейном и аллеями, ее белый «мерседес» с открывающимся верхом, внутренняя изумрудного цвета обшивка которого так гармонировала с цветом ее глаз, и, конечно, наряды — блестящие, сногшибательные, о которых ребенком она могла лишь мечтать в родном Бак Холлоу, что в штате Теннесси. Ей понадобилось восемь месяцев напряженных занятий с преподавателем, чтобы избавиться от своего местного диалекта. В конце концов она добилась этого.

Джонни был для нее величайшим подарком судьбы. Он любил ее, любил

по-настоящему, как ни один мужчина до этого. Ни отец, ни Эрик, никто из тех, с кем она общалась. Джонни — самый порядочный и самый удивительный человек, какого только можно себе представить.

Она подошла к зеркалу и посмотрела на свое отражение. Золотисто-каштановые волосы обрамляли ее лицо, глаза пытались что-то высмотреть в душе, но это что-то скрывалось глубоко, за невидимой броней, которой она сумела окружить себя. Неважно, что скрывалось, какие страхи терзали ее — на нее смотрело красивое, живое и умное лицо.

Ана отвернулась от зеркала, от того образа, который так мало соответствовал реальности.

— Я думал, что тебе надо успеть на самолет, лежебока, — шутливо сказал Джон, появляясь из ванной и вытирая волосы полотенцем. — Почему не присоединилась ко мне?

— Не хотела, чтобы ты слишком перевозбудился. — Ана уклонилась от брошенного в нее полотенца. — У меня нет ни малейшего желания спешить. Мне хочется как можно дольше оттянуть отъезд.

Джон натянул трусы.

«У него великолепное тело», — подумала Ана, любуясь игрой его мускулов. Ему бы стать кинозвездой, а не сенатором.

Джон поймал ее взгляд и улыбнулся.

— Мне снова снять это?

Она бросила ему полотенце.

— Не искушай меня. Если бы у меня был выбор — остаться здесь или ехать для препирательств с Арни, ты бы так и не попал на авеню Конституции.

Джон внимательно посмотрел ей в глаза.

— Ана, стой на том, чтобы он отказался от своей идеи. Ты самая яркая кинозвезда в Голливуде и имеешь право сама делать выбор.

— Да-да, я знаю. — Ана оторвала ягоду от виноградной кисти, свешивающейся из стоящей на столике хрустальной вазы, положила ее в рот и растянулась на кровати. Она разгладила простыню, подняла лепесток розы и стала задумчиво крутить его пальцами.

Джон застегнул элегантную рубашку, глядя в зеркало, вделанное в массивный дубовый шкаф, который принадлежал еще его деду. Вдоль противоположной стены располагался такого же цвета комод с латунными ручками, по бокам от него висели гравюры. В зеркале ему было видно лицо Аны. Он знал это выражение лица. За его красотой пряталась суровая непримиримость. Старику Арни Фиферу явно не поздоровится.

— Я вижу, что излишне говорить тебе о том, чтобы ты проявила твердость, — заметил он, и в его глазах сверкнули веселые искорки.

«Проявить твердость... Он не знает, насколько твердой я могу быть», — подумала она, а вслух сказала:

— Бедняга Арни получил больше, чем это следовало из договора. — Она отбросила лепесток розы и отщипнула еще одну ягоду винограда. — Он не хочет понять, что я никому не позволю принимать за меня решения.

— В том числе и твоему будущему мужу? — Он просунул руки в серый пиджак и улыбнулся.

Она бросила в него виноградину.

— Чтобы быть демократичной, я иногда буду позволять тебе иметь право

вето. — Внезапно посерьезнев, она села на кровати. — Как ты относишься к предложению Моники Д'Арси относительно «Идеальной невесты»?

Полностью одетый Джон подошел к Ане и поднял ее. Она прижалась к крупному телу Джона (его рост составлял шесть футов два дюйма), и он крепко обнял ее.

— Это тот случай, когда у меня есть право вето?

— Угу.

Джон пригладил шелковистые пряди волос на лбу Аны.

— Я поговорю сегодня вечером с Элиотом, думаю, что это хорошая идея. «Идеальная невеста», идеальная пара, в будущем идеальный кандидат в президенты... И будущая Первая леди. — Он поцеловал ее в нос. — Если руководство моей компании скажет «да», я тоже скажу «да».

— Хорошо, — Ана притянула его к себе и поцеловала в губы. — Я позвоню Монике вечером, после того как услышу твое окончательное решение. Она будет страшно довольна. Я думаю, что это и нам доставит удовольствие.

— Удовольствие мы уже получили сейчас. А теперь предстоит работа. Надо поменять полы. Эти недостаточно эффективны.

— Я позвоню тебе, чтобы узнать, как идет дело.

Внезапно она обвила его шею руками.

— Я буду чертовски скучать по тебе!

Поцелуй был крепкий и жадный, словно они оба хотели насытиться друг другом, прежде чем окажутся разъединенными целым континентом.

Когда за Джоном закрылась дверь, Ана вздохнула и подумала, что такой страсти и самозабвения ей не хватало тогда, когда они занимались любовью. Это было то, в чем она не могла признаться ему и даже себе. Надо еще подождать, сказала она себе, подходя к окну и прижимаясь щекой к раме. Когда хлопоты, связанные со свадьбой, будут позади, все изменится. Джонни будет любить ее, и она будет отвечать ему тем же. Пару раз ей приходила мысль обратиться к врачу, но затем она отвергла ее, как только представляла, что в бюллетене появится сенсация: Ана Кейтс, одна из самых зажигательных кинозвезд, несостоятельна в постели. Нет, лучше она, как всегда, будет решать проблему самостоятельно.

Она смотрела, как Джонни, высокий, сильный, уверенный в себе, подходил к машине. Возможно, эта уверенность — результат того, что он рос и воспитывался в богатстве и роскоши. Он пользовался привилегиями старшего сына в довольно известной семье, предки которой нажили состояние, занимаясь сталелитейным делом в те времена, когда королем был Эндрю Карнеги. Джон родился с золотой ложкой в восемнадцать каратов во рту. Он учился в престижных школах, состоял в одной из правящих партий.

Однако, несмотря на свое привилегированное положение, Джон Фаррелл не был снобом. Он был глубоко порядочным и добрым человеком. Не стремление к власти, а желание улучшить жизнь простых людей привело его в политику. В этом его поддерживали стойкие республиканцы, и сам он твердо отстаивал свои принципы. Он горячо выступал в защиту окружающей среды, был автором билля о помощи бездомным, заслужив одобрение со стороны представителей самой различной ориентации. Он строил планы создания в стране доступного медицинского обслуживания, хотя и понимал, что с этим нужно подождать до того времени, когда он станет президентом, в чем он не

сомневался.

«В этом мы с ним похожи, — размышляла Ана, направляясь в ванную. — Несмотря на определенные различия, мы похожи тем, что оба знаем, чего хотим и что нужно для этого делать».

Позже, глядя из окна роскошного авиалайнера, она подумала о том, что они выходцы из совершенно противоположных миров. Не в пример Джону, ее детство было мрачным и безрадостным. Слава Богу, что все это позади и она может думать, что это было не с ней, а с кем-то другим. Прежняя Ана осталась далеко в прошлом. Сейчас ее сменила Анастасия Кейтс, которую любил Голливуд и Джон Фаррелл.

Белокурая стюардесса остановилась возле нее и предложила бутылку бордо.

— Вам налить в бокал, мисс Кейтс?

— Да, благодарю вас. — Она подняла бокал и пятикаратовый бриллиант кольца, подаренного ей по случаю помолвки, сверкнул и отразился в хрустале. Сидевший через проход средних лет бизнесмен не сводил с нее восхищенного взгляда, машинально снимая и снова надевая колпачок авторучки.

— Мне очень нравится «Пришел незнакомец», — сказала стюардесса. — Я плакала, когда смотрела... Я знаю, что вы получили за эту роль Оскара.

Ана поблагодарила ее, дала автограф на журнале и откинулась в кресле, смакую вино.

Сидевший через проход бизнесмен, услышав разговор, предался собственным размышлениям, навеянным фильмом «Пришел незнакомец». Он вспомнил сцену, где почти совсем голая Ана Кейтс соблазняет партнера при свете угасающего костра.

Он в уме прокрутил сцену, но сейчас соблазнителем был он. Он мысленно раздевал ее, снимая одну за другой все ее одежды. Сначала он развязал и отбросил позолоченный пояс, затем расстегнул и снял оливкового цвета блузку. Он мог чем угодно поклясться, что под блузкой увидит отделанную кружевами черную комбинацию. Затем он спустил вниз замшевую юбку, и та, с шелестом скользнув по бедрам и лодыжкам, легла на пол. Теперь на ней не осталось ничего, кроме соблазнительных черных колготок и отделанных золотом черных замшевых туфель. Пот выступил у него на лбу. Ему стало трудно дышать.

Ана потягивала вино, зная, что бизнесмен продолжает пялить на нее глаза. Она почувствовала, что краснеет, и нервно поправила юбку. Люди всегда смотрели на нее, но не так нахально. Это напомнило ей прошлое. А с прошлым покончено. Оно умерло и похоронено.

Ана повернулась и в упор посмотрела на мужчину. Ее взгляд способен был испепелить его.

— Может быть, вы хотите, чтобы я задрала юбку повыше? Тогда вы сможете все получше рассмотреть?

Мужчина покраснел до корней волос. Стюардесса, передававшая подушку пассажиру позади Аны, подавила смешок. Ана некоторое время продолжала сверлить мужчину взглядом, затем подозвала стюардессу.

— Скажите, сиденья не оборудованы кнопкой катапультирования? — нарочито громко спросила она.

Стюардесса изо всех сил старалась сохранить серьезность.

— Нет, мисс Кейтс, к сожалению, не оборудованы.

— Очень жаль.

— Может быть, я могу чем-то помочь вам? — спросила стюардесса.

— Я думаю, что этому «джентльмену» помогло бы ведро холодной воды.

Бизнесмен встал и направился в туалет. Стюардесса бросила на него полный презрения взгляд.

— Простите, мисс Кейтс. Я думаю, он получил урок.

— Думаю, что так.

«Еще одного болвана поставила на место», — удовлетворенно подумала Ана. Она дала себе слово, что не позволит, чтобы на нее смотрели как на женщину легкого поведения. Она отпила еще глоток вина, чтобы успокоиться, и стала смотреть на облака за окном, заставив себя снова вернуться к мыслям о свадьбе, о будущем, о Джонни, и о том, как он смотрел на нее.

Мало-помалу Ана успокоилась и закрыла глаза. Прошлое умерло, напомнила она себе.

Никому не дано его узнать.

Она достала из кожаной сумки оливкового цвета, лежащей рядом на сиденье, последний номер «Варьете». Лениво перелистывая страницы, прочитала слухи о переменах на студии, рецензию на новый фильм Бибена Кидрона и решила, что стоит напугать Арни, сказав о своем желании работать с этим человеком. Ана хотела было попросить второй бокал вина. И вдруг оцепенела от ужаса, ее пальцы судорожно сжали страницу журнала. Не веря своим глазам, она вчитывалась в напечатанное крупным жирным шрифтом объявление.

«Кэнди Монро, я соскучился по тебе. Собираюсь увидеть тебя. Папаша».

Этого не может быть! Ана в смятении зажмурилась и снова открыла глаза. Слова были на месте. Она почувствовала, что к горлу подступает тошнота. Ей показалось, что из салона откачали весь кислород, и ей нечем дышать.

Кэнди Монро. Страницы выскользнули из онемевших пальцев. Этим именем ее называли много лет тому назад.

Только один человек мог поместить это объявление.

«Но ведь он мертв», — с ужасом подумала она. Она знала, что он мертв.

Ведь она сама убила его.

Глава третья

Ливония, Мичиган

— Надеюсь, я не слишком рано, — сказала миссис Уарнлер, появляясь в дверях. Она стряхнула грязь с туфель и сняла покрытую снегом шерстяную куртку с капюшоном.

Тери в это время наносила лак на овальные ногти миссис Енсен и ответила, не поднимая головы:

— Очень здорово, что вы пришли. Вы мой последний клиент, и если я закончу раньше, то успею просмотреть свои записи к сегодняшнему последнему экзамену.

Миссис Енсен, подняв тонкие подведенные брови, посмотрела сквозь спустившиеся пряди седеющих волос на черноволосую молодую маникюршу с оливковой кожей.

«Что происходит сегодня с молодыми девушками? Очень много учатся. Много работают. А ведь какая милая девушка», — подумала она.

Прямые иссиня-черные волосы до плеч, тонкое лицо, карие глаза, разрезом и кротостью напоминающие глаза лани, — все в ней дышало очарованием. Тери Метьюз вполне могла служить моделью для журналов «Семнадцать» или «Глэмор», которые всегда можно найти у Хильды рядом с кофейником. Миссис Енсен много раз говорила Тери об этом, но девушка только смеялась, отчего на щеках у нее появлялись симпатичные ямочки.

«Она выглядит слегка усталой сегодня, — продолжала размышлять миссис Енсен. — Вон и круги под глазами... Наверное, занималась всю ночь напролет».

Даже ее веселенький светло-розовый свитер с вырезом лодочкой и слоник с блестящими глазами-бусинками пониже правого плеча, а также элегантная короткая юбка не спасали положения.

«Какая все-таки милая девушка! Ну разве можно сравнить ее с этой костлявой Жози, которая не вынимает изо рта жевательную резинку... Тери словно куколка. Она создана для того, чтобы заниматься домом и баюкать на коленях своих малышей. Ну да теперь, когда она выходит замуж за такого симпатичного парня, как Брайен, долго ждать этого не придется».

— А семестр уже закончился? — спросила миссис Енсен, наблюдая за тем, как ловко Тери наносит слой розового лака на ногти. — Значит, вы уже заканчиваете учебу?

Тери покачала головой и, улыбнувшись, посмотрела пожилой женщине в глаза.

— К сожалению, нет. — Она вздохнула. — Я заканчиваю в июне, а затем буду учиться еще два года, чтобы получить диплом магистра.

Миссис Уарнлер опустилась в зеленое не очень новое кресло рядом с рабочим столом Тери и закурила сигарету. Снег на ее туфлях таял, и возле ног образовалась небольшая лужица.

— Могу поспорить, что диплома вы не получите.

Тери подняла голову, и по очереди посмотрела на обеих женщин.

— Кто так говорит?

Лицо миссис Уарнлер просияло.

— Это говорю я. Вы ведь собираетесь выйти замуж за этого симпатичного парня, не так ли? Ну вот, предсказываю: у вас появится ребенок, и вы забудете про все свои вечерние занятия.

— И вы об этом же. — Тери улыбнулась доброжелательной улыбкой, отрываясь от своего занятия. — Брайен хочет, чтобы я работала, миссис Уарнлер. Мы уже обсуждали это много раз и решили подождать с детьми, пока я не пройду практику. В конце концов, — она спокойно взглянула на миссис Енсен, которая широко улыбалась, — у меня есть пятилетний опыт. Правда же, Жози? — обратилась она к девушке-косметологу, которая что-то размешивала в формочке.

— Да, это точно. Мы много чего видели. У нас только не было инструктора, — с улыбкой ответила девушка.

Тери поправила на виске прядь волос, пока миссис Уарнлер и миссис Енсен менялись местами.

— Опять ярко-розовый? — спросила Тери, придвигая поближе стул и беря в руки флакон.

— А что, если чуть посветлее? Сейчас такие мрачные дни. Я ненавижу ноябрь. Теперь бы куда-нибудь на Гавайи, — мечтательно проговорила миссис Уарнлер.

Тери стала втирать крем вокруг ногтей миссис Уарнлер.

— Я бы тоже не отказалась, — негромко сказала Тери. Она представила себе белый песок пляжей и окаймленную барашками бирюзовую волну. Они обсуждали с Брайеном возможность провести медовый месяц на Гавайях, но решили, что это будет им не по карману. Брайен и его отец собирались приобрести новый обрезной станок для мастерской, а ее зарплата увеличится лишь со следующего семестра. В конце концов, Торонто совсем близко от Гавайев. А можно наскрести денег и снять со скидкой дачу с верандой в Плимуте.

«В этой ситуации чаевые никак не помешают», — невесело подумала Тери, видя, как миссис Енсен легкими шагами удаляется к выходу, в очередной раз позабыв оставить на чай.

— Между прочим, Тери, — нарушила молчание Жози, не отрываясь от своего занятия, — Миссис Салински передала мне твои чаевые вчера, когда ты ушла перекусить. Напомни, чтобы я отдала их тебе.

— О! — Миссис Енсен резко остановилась и повернулась к Тери, на ходу открывая коричневую сумочку. — Я чуть не забыла. Вот вам доллар, душа моя. Я кладу его в боковой карман. Приду к вам на следующей неделе в это же время.

— Благодарю вас, миссис Енсен.

«Спасибо тебе, Жози», — подумала Тери, бросая благодарный взгляд на подругу. Жози встретила с ее глазами в зеркале и улыбнулась.

Тери тщетно пыталась сосредоточиться на болтовне миссис Уарнлер о ее внуках, но мысли снова и снова возвращались к грядущему выпускному экзамену. Она нервничала больше, чем сама в том себе признавалась. Ей было просто необходимо оказаться на высоте, она не могла позволить себе даже частичной неудачи. Ее жизнь, как и жизнь Брайена, была строго расписана на последующие два года, если начинать отсчет со дня их свадьбы в мае. Каждый день и каждый час их совместной жизни они методично и аккуратно разнесли по пунктам в специальный журнал. Окончить школу, получить диплом магистра, купить дом и начать собственное дело — фирму по оказанию услуг

инвалидам — все это до второй годовщины их свадьбы. А Брайен надеялся расширить свое дело и ввести в строй вторую очередь собственной мастерской. Это нелегко, но если бы все получилось так, как задумано, было бы здорово. Нет, совершенно не было времени, чтобы позволить себе неудачи, срывы, ребенка. Пока у Тери был план и она придерживалась его, она считала, что ее маленькая вселенная в полном порядке. Неожиданные затруднения, случающиеся в жизни, пугали ее, вносили смятение в душу, лишали уверенности и спокойствия. Поэтому Тери постоянно стремилась сохранить свой мир в целостности. Она знала, что Брайена это иногда сердит, потому что он считал, что в жизни надо действовать, как классный футболист, — нападать, уходить, маневрировать. Он верил в правильность своей стратегии, в свои способности, в конечную победу. Тери же написала свой план игры набело, и коль скоро чернила, которыми он был написан, высохли, план становился обязательным и неизменным, как окончательный счет в игре. В целом Брайен относился к ней с пониманием, тем более, что строгий подход Тери удачно дополнялся здравым смыслом Брайена, и она это чувствовала. Чем ближе был день свадьбы, тем увереннее смотрела она в будущее.

В три часа тридцать минут Тери сложила все инструменты в наполненный дезинфицирующей жидкостью стакан, убрала лаки и сняла с вешалки свой жакет на ворсистой подкладке.

— Не спеши так, подружка. — Жози загородила ей дорогу.

«Ну вот, все-таки она не забыла», — подумала Тери, расцветая в улыбке. Однако она перестала улыбаться, когда Жози потрясла перед ее носом долларовой бумажкой.

— Вот чаевые миссис Салински. Ты чуть не забыла.

— О, спасибо...

— Удачи тебе на экзамене.

— Спасибо, Жози. Я буду счастлива, когда все это кончится.

— Ты собираешься с Брайеном это отметить?

— Отметить? — Лицо Тери на мгновение просветлело.

— Ну да. Выпускной экзамен. Что с тобой сегодня? Ты как будто немного не в себе.

— Я плохо спала эту ночь. Брайен уехал по делам в Индиану и вернется только завтра. А поскольку мне без него не спится, я занималась почти до четырех часов.

— Надеюсь, ты отоспишься сегодня. После экзамена у тебя станет легко на душе.

Да, подумала Тери, идя под мокрым ноябрьским снегом. Ветер швырял холодные хлопья ей в лицо, леденя щеки, заставлял все глубже засовывать руки без перчаток в карманы.

«Отосплюсь в свой день рождения». Она надеялась, что хоть Жози помнит. В прошлом году Жози и Мари принесли ей мороженое Баскин-Роббинс, и все, даже Хильда, владелица ателье, пели «С днем рождения тебя» так громко, что люди выглядывали из окон автобуса. А сегодня ей придется просто купить себе пломбир с фруктами после экзамена, прийти домой, завернуться в вязаный шерстяной плед и за стаканом белого вина ждать, когда позвонит Брайен. Он-то должен помнить.

Тери ответила на предложенные экзаменатором вопросы меньше чем за

час. Вчерашние ночные занятия не прошли даром, она быстро и легко дала письменные ответы и почувствовала радость и торжество, отложив ручку.

Противный дождь со снегом прекратился, было сухо и темно, когда она направилась на стоянку к своему старенькому «вольво». Пристегивая ремень безопасности, Тери почувствовала, насколько голодна. Через квартал она остановилась, чтобы купить что-нибудь съестного.

«С днем рождения меня!»

На лестнице горела маленькая тусклая лампочка, когда спустя час она поднималась по пропитанным солью цементным ступенькам в свою квартиру. Брайен позвонит скорее всего после одиннадцати, когда оплата за телефонные услуги ниже. Может быть, она успеет принять ванну и облачиться во фланелевую пижаму до его звонка. Тери вошла в квартиру, и ее встретили темнота и одиночество. Вздохнув, она нащарила выключатель.

Дальше все произошло в один момент. Зажегся свет, и она в смятении зажмурилась, услышав хор голосов:

— Сюрприз!

— Боже мой! — вскрикнула Тери, всплеснув руками. — Не могу поверить!

В воздухе парили красные, розовые, желтые и зеленые шары, а Жози, Хильда, сестра Брайена Тина и еще несколько ее друзей прыгали возле дивана, смеясь и приглашая ее в празднично убранную комнату. Двери были украшены фиалками и лентами, а на столе красовался огромный торт с двадцатью шестью свечами.

Тина щелкнула фотоаппаратом, запечатлев ошеломленное выражение лица Тери. Заревел стереомагнитофон, и Битлы запели «С днем рождения тебя», а Жози возвестила:

— Пицца будет через двадцать минут!

— Иначе вычтем из тебя три доллара, — хихикнула Мари.

Оправившись от изумления, Тери обняла Жози за костлявые плечи, и счастливо засмеялась.

— Значит, ты помнила!

Жози поцеловала ее в щеку, от нее пахло вином и кремом.

— Мы задумали это несколько недель назад! Ты бы только посмотрела сейчас на себя! Животики можно надорвать!

— Брайен позвонит тебе часов в одиннадцать, а пока что прими от него вот это, — сказала Тина и сунула открытку в руки Тери.

Дальше началось веселье, были пицца, шоколад, подарки. Тери поговорила по телефону с Брайеном в тишине спальни — он позвонил вместе с боем «Рожден в США».

— Похоже, что у тебя там развеселая компания. Надеюсь, ты не делаешь ничего такого, чего не сделал бы и я, малышка.

Как же ей хотелось поцеловать его!

— О, Брайен, у меня так здорово! Как бы мне хотелось, чтобы ты был рядом.

— Мне тоже, но я застрял в Индиане до послезавтра. Очень досадно, что я не попал на твой день рождения. Но верь мне, это в последний раз. Больше никогда не пропущу твой день.

— Обещаешь?

— Слово скаута!

— Но ты говорил, что никогда не был скаутом.

— Ну не придирайся, душа моя!

Она улыбнулась и посмотрела на фотографию в рамке, стоявшую на фанерованном под дуб ночном столике. Они были сняты вдвоем. При росте в шесть футов два дюйма Брайен был на добрых шесть дюймов выше нее. Он отличался ладной мускулистой фигурой; волосы у него были песочного цвета, карие глаза глубоко посажены, скуластое лицо выглядело привлекательным и добродушным. Он вполне мог украсить объявление, рекламирующее модную одежду. Впрочем, Брайен больше интересовался играми в водном бассейне и забрасыванием мячей в корзину, нежели модной одеждой. Он до сих пор по выходным дням носил вылинявшие джинсы, в которых был и в тот вечер, когда Тери впервые увидела его.

— Ты прочитала мою открытку? — спросил Брайен. Тери с трудом расслышала его вопрос, потому что кто-то в этот момент завизжал и засмеялся. Она прижала трубку плотнее к уху.

— Нет еще. Вскрыть сейчас?

— После окончания разговора... А потом иди продолжай праздновать. И помни, что я люблю тебя. С днем рождения тебя, малышка!

Она сжала трубку, не желая расставаться с ним.

— Я тоже, Брай. Приезжай поскорей! Без тебя здесь так холодно...

— Ну, положим, там всегда холодно, — шутливо сказал он. — Ведь это ноябрь и Мичиган, ты же понимаешь?

— Когда я в твоих объятиях, у меня июль.

Он засмеялся.

— Ну что ж, в таком случае я устрою тебе фейерверк, когда вернусь. Слово скаута!

Тери некоторое время стояла в оцепенении после окончания разговора. Как же ей повезло с Брайеном! И с такими друзьями, как Жози и Мари. Не забыли, значит, про нее, были люди, которые любили ее, и это тем более удивительно, поскольку, как Тери Метьюз она существовала всего лишь последние десять лет.

На открытке Брайена забавный слоненок спрашивал:

«Чтобы я забыл твой день рождения?»

Тери рассмеялась, развернула открытку и прочитала написанное довольно неразборчивым почерком послание:

«ЯДТ — Милая Тери. Я Должен Тебе обед в «Старом Парфеноне». Мы сразим наповал греков, когда я вернусь — будет шиш-кебаб, рубленая баранина по-гречески, пахлава. Люблю тебя, малышка. Брай».

Она села на кровать, глядя на буквы «ЯДТ».

Тери вспомнила день рождения, когда ей исполнилось девять лет.

Отец вручил ей открытку, на которой были изображены розовые цветы и воздушный шар посередине. «ЯДТ два билета на день открытия Парка развлечений», — прочитала она. Это потрясло ее. Побывать вдвоем с отцом на таком мероприятии — это такой подарок, о котором можно только мечтать. «Белые носки!» Она знала всех игроков в команде, все позиции — ведь она была его дочерью. В тот апрельский день, когда отец выполнил свое ЯДТ, мама снабдила их сэндвичами с тунцом и сладостями. На стадионе папа купил ей жареных орешков... А позже помогал ей вести счет. Кто-то забрызгал кока-колой ее новые парусиновые тапочки во время игры, но она не расстроилась. «Белые

носки» в тот день выиграли, и отец купил ей в честь этого вымпел. Неповторимый, незабываемый день!

Тери заморгала глазами, заметив, что слезы попадают на открытку Брайена. «Даже Брай не знает правды», — с тяжелым сердцем подумала она. Тери положила открытку на цветное покрывало и запретила себе предаваться воспоминаниям. Больше не было папы, не было семьи, не было возврата назад. Та маленькая девочка навсегда исчезла, как будто ее никогда и не существовало. Сейчас была только Тери Метьюз, будущая невеста Брайена Михаэльсона.

Прошлого нет. Тери знала это. Было только будущее. Она смахнула слезы, заставила себя успокоиться и направилась к друзьям, благодаря Бога за то, что у нее есть будущее.

— Поднимайся, Метьюз, праздник еще не кончился.

Жози и Мари пытались стянуть с Тери одеяло цвета морской волны и фланелевые простыни. Холодный воздух окатил ее обнажившиеся ноги.

— Оставьте меня! — отбивалась она.

Ей удалось снова натянуть на себя одеяло и простыню, но Жози вытащила ее из двуспальной постели. Жози и Мари провели ночь в спальнях мешках на полу и к этому времени успели, как заметила Тери, принять душ и одеться.

— Мы позволили тебе спать до последней минуты по случаю твоего дня рождения, но пора кое-куда идти и кое-кого повидать, — щебетала Мари, блестящая очками в светлой оправе.

— Мой день рождения закончился вчера, девочки. — Тери сладко зевнула.

— Но не праздник, — возразила Жози и подтолкнула ее к ванной. — Быстренько принимай душ, мы сейчас приготовим тебе одежду и завтрак.

Едва Тери включила душ, Жози и Мари засуетились. Жози достала красный свитер с высоким воротником и черные шерстяные брюки из переполненного чулана рядом с ванной, а Мари бросилась на кухню, разложила остатки холодной пиццы и праздничного торта по белоголубым тарелкам и налила в фужеры апельсиновый сок.

Когда Тери появилась на кухне, ароматный запах кофе убедил ее в том, что уже действительно наступило утро, хотя ее часы показывали лишь пять сорок пять.

— Пять сорок пять! Мне на работе надо быть не раньше десяти!

— Тебе вообще не надо быть сегодня на работе! Хильда предупредила всех твоих клиентов. Ты свободна, подруга!

— Что еще вы придумали? — Тери обычно нужно было не менее трех чашек кофе, чтобы окончательно проснуться. Но сейчас сон слетел с нее, она с подозрением смотрела на вырядившихся подруг. Конский хвост на голове Жози был сейчас украшен огромной заколкой, а каштановые волосы Мари заплетены в косы и перевязаны розовой лентой, которая удачно гармонировала с ее блузкой с золотыми пуговицами.

— Надень те золотые сережки, которые подарил тебе Брайен на Рождество, — посоветовала Мари. И добавь теней на глаза.

— Да куда мы все-таки собираемся?

Жози хмыкнула.

— Я знаю, что ты не любишь сюрпризов, мисс План, но на сей раз ты будешь довольна. Давай поторапливайся.

Когда машина Жози через час подкатила к входу на станцию метро «Аэро-

порт», Тери раскрыла рот от удивления.

— Потерпи еще немного, — засмеялась Мари. — Даже и не пытайся строить догадки.

«Подружки посходили с ума... Что за шутку они придумали? — подумала заинтригованная Тери. — Может быть, Брайен прав, и если идти по течению, то добьешься большего? Расслабься и радуйся. Им, наверное, пришлось хорошо потрудиться. — Она испытала прилив теплого чувства к подругам. Но куда все же они меня ведут? — Когда они прошли мимо контрольно-пропускных автоматов, Тери ахнула. «Неужто на самолет? А ведь я не взяла с собой даже запасной смены белья!»

Висевшая через плечо сумка била Тери по бедру, когда она подходила под руку с Жози и Мари к входу N 4. Жози протянула пропуска сутулому служащему.

— Хоть теперь-то вы скажете мне, куда мы направляемся? — взмолилась Тери, бросая на подруг отчаянные взгляды.

Средних лет служащий сжалился над ней, его важность слетела с него, когда он увидел ясные карие глаза Тери.

— Вы бы застегнулись, мисс, как никак направляетесь в город ветров.

Тери остановилась. Жози дернула ее за руку.

— Пошли, ты мешаешь движению.

Чикаго... Нет! Мари и Жози энергично тянули ее к самолету, но их слова не доходили до ее сознания, она двигалась, словно в каком-то сне.

Внезапно она услышала слова Жози.

— О, Мари, я больше не могу! Давай скажем ей.

Лицо Мари вспыхнуло от возбуждения.

— У нас билеты на Опра Уинфри Шоу, которое открывается сегодня, — торжественно объявила она. — Шоу посвящено свадьбам, будет выставка мод и присутствовать редактор журнала «Идеальная невеста». А еще мы сделали заказ на ленч в ресторане Дью — там фантастическая пицца, затем посетим магазины. Моя двоюродная сестра работает в магазине, который продает товары для молодоженов со скидкой, и она подобрала для тебя шикарное платье. Тебе надо будет только примерить его! И еще один сюрприз, но с ним придется подождать.

Тери проглотила комок в горле.

— Мне кажется, что больше сюрпризов мне не вынести, — сказала она глухо.

Истолковав это как выражение восторга, Мари сжала руку Тери.

— Ты была когда-нибудь в Чикаго?

— Нет.

Ложь. Рука Тери вспотела. Когда самолет оторвался от взлетной полосы, она испытала смятение.

«Я поклялась, что никогда туда не вернусь. Как я попала в эту ловушку? Но сейчас я ничего не могу сделать», — подумала она.

Через сорок пять минут Тери сошла с трапа самолета и направилась с подругами в зал ожидания. Среди моря незнакомых лиц внезапно появилось дорогое и близкое. Брайен! Она бросилась в его объятия так стремительно, что он едва не выронил букет роз.

— Ну, малышка! — Он поцеловал ее, улыбаясь, — успокойся. Я никуда не

исчезну.

— Пожалуйста, не исчезай!

Сильные руки Брайена крепко прижали ее к себе.

— Ты хорошо себя чувствуешь?

Тери чувствовала себя плохо. Но она вынуждена была притворяться радостной и счастливой, ибо именно этого все ждали от нее.

— Все очень здорово, — пробормотала она, выдавливая из себя улыбку. Она продолжала прижиматься к Брайену, боясь, что колени ее подогнутся, если она оторвется от него. — Ты превзошел самого себя. Это будет самый незабываемый день рождения.

Тери все еще дрожала, когда они занимали места в десятом ряду в зале, где начиналось Опра Уинфри Шоу. Телевизионное. Она заполнила информационную карточку этого самого популярного в Америке шоу, с трудом удерживаясь от того, чтобы не залезть под скамейку или не закутаться в пеструю кашемировую шаль, которая была на Жози. Но ведь тогда все решат, что она сошла с ума.

«Ну зачем я вернула своим волосам естественный цвет? Ведь все эти годы я все планировала. Почему же я не предусмотрела, что такое может случиться?» — Тери заставила себя принять спокойную позу, пока операторы выискивали наиболее удобные точки для съемок, а помощник продюсера развлекал и разогревал аудиторию.

— Пожалуйста, все, кто жует жевательную резинку, отделайтесь от нее... В зале есть мониторы, в которых вы сможете увидеть шоу... Если камера остановится на вас, не смотрите на себя и не машите... Договорились?

— Девчонки, мы можем попасть на телевизионный экран, — возбужденно сказала Мари. — Вы представляете? Умереть можно!

Тери в этот момент хотелось умереть. Она сидела в напряженной позе, черные шерстяные брюки показались ей вдруг слишком теплыми, свитер слишком тесным, а воротник сжимал горло, словно тиски. Сидевший рядом с ней Брайен и все другие следили за последними приготовлениями организаторов шоу.

Тери молила Бога, чтобы ее никто не заметил, чтобы этот день наконец закончился и ее жизнь потекла бы и дальше по тому же руслу, что и последние десять лет.

«Боже, сделай так, чтобы ничего не случилось!»

Что-то шевельнулось в сердце Тери, когда зазвучала знакомая мелодия, и Опра, одетая в изысканное черно-золотое платье, вышла, приветствуя аудиторию.

— Сколько невест сегодня здесь? — спросила она. — О, так много? А женихов? Итак, леди и джентльмены, мы имеем июнь в ноябре, и мы начинаем представление для вас!

Великолепные модели в шикарных нарядах прошли одна за другой по украшенной цветами дорожке в центре зала. Моника Д'Арси, главный редактор журнала «Идеальная невеста», сопровождала их выход блестящим комментарием и комплиментами, затем совместно с Опра непринужденно и шутливо порассуждала о радостях и рифах при организации идеальной свадьбы. Моника Д'Арси была красивой высокой брюнеткой с весьма соблазнительной фигурой, что подчеркивало плотно облегающее розовое шелковое платье, допол-

ненное длинным жемчужным ожерельем. При свете играющих огней на ее пальце поблескивало кольцо с крупным бриллиантом. Тери почти не слушала ее полные колкого остроумия шутки и вступительное слово. Она с трудом поняла, что речь идет о номере журнала, посвященного знаменитым невестам — кинозвезде Ане Кейтс и популярной фотомодели Еве Хэмел, а также некоей счастливнице из присутствующих, которой свадьба предоставит возможность оказаться в их компании.

— Тери Метьюз!

Кто-то назвал ее имя.

— Тери Метьюз из Ливонии, штат — Мичиган! — выкрикнула Опра. — Где вы? Покажитесь, счастливца!

«Опра? Опра называет мое имя?» — Тери остолбенела.

Брайен вскочил и зааплодировал; Опра с микрофоном в руке устремилась в зал, направляясь к Тери.

Этого не может быть!

— Тери, вставай, это ты! — закричала Жози. — Она вскочила и хлопнула ее по спине с такой силой, что Тери чуть не упала. — Скорей иди туда!

— Они ждут тебя! — не отставала от Жози и Мари.

Брайен помог подняться Тери на ноги, поцеловал и подтолкнул к Опра, приветственно раскрывшей руки.

Тери не могла дышать. Она была не в состоянии думать, даже бежать. Ее охватила паника.

«Нет, нет, нет и нет!» — повторяла про себя Тери. Рушилась ее спокойная новая жизнь, ее культивируемая безвестность. Опра разговаривала с ней — и ее видели по национальному телевидению.

Ей оставалось лишь молиться о том, чтобы никто ее не узнал.

Он узнал ее сразу, как только увидел по телевизору эти изумительные глаза лани, которые он не сможет забыть никогда, которые снились ему по ночам все эти долгие годы.

Это была она! И хотя в это невозможно было поверить, но это была она! Годы лишь превратили ее юную небесную красоту в земную красоту женщины... Он не мог оторваться от телевизора, смуглое лицо его так побледнело, что приобрело цвет чикагского снега.

Ему хотелось броситься к ней и заключить в объятия.

Тери Метьюз? Ну да, она наверняка изменила имя. Потому-то он и не мог найти ее. Тери Метьюз из Ливонии, штат Мичиган. Да, Джина, далеко ты забралась.

И все же после многих лет бесплодных поисков он нашел ее. На сей раз ей не удастся убежать от него.

Глава четвертая

Ева провела Максин Гудмен в гостиную и предложила сесть на один из обитых замшей стульев. Ее удивила миниатюрность женщины. Ева считала, что директор лучшей нью-йоркской фирмы по обеспечению личной безопасности клиентов должен обладать более внушительной внешностью. Что же касается Максин Гудмен, то в своем темно-красном костюме с красным шарфом, непритязательными сережками, манерой слушать собеседника, она вполне могла сойти за школьную учительницу. Каштановые волосы ее были коротко подстрижены. Однако при всем ее изяществе в ней чувствовалась сила, и карие глаза смотрели пронизательно. Когда Максин откликнулась на сиденье, Ева решила, что ей около сорока.

— Я рада, что вы так оперативно отреагировали, мисс Гудмен... Хотите кофе? — предложила Ева.

— Нет, благодарю вас... Пожалуйста, зовите меня Максин. Нам придется часто встречаться, пока это дело не разрешится, поэтому не будем столь официальными.

Еве нравилось, как говорила Максин: четко, уверенно, и доброжелательно. Это, несомненно, внесло успокоение в ее смятенную душу.

Как утверждала Натали, половина всех знаменитостей Голливуда и Нью-Йорка находятся под охраной Максин Гудмен. Ее репутация среди богатых, ставших жертвами шантажа и угроз, была безупречной. В течение тринадцати лет она служила в нью-йоркской полиции и приобрела славу первоклассного детектива по расследованию убийств, что помогло ей пять лет назад открыть собственную фирму по обеспечению безопасности клиентов в Манхэттене. Она не только наняла ушедших в отставку агентов секретной службы в качестве телохранителей для своей элитной клиентуры, но и окружила себя высококвалифицированными детективами и лаборантами, наладила связь с другими солидными фирмами и лабораториями. Ее известность росла, и Максин Гудмен открыла фирмы на Западном побережье. Ее услугами пользовались многие знаменитости из Лос-Анджелеса и Лас-Вегаса. Она отлично руководила всеми операциями, о ее доблести и умении складывались легенды. Максин Гудмен отличалась блестящими аналитическими способностями, здравым смыслом и логикой, все это дополнялось интуицией и огромной работоспособностью. Знаменитости охотно платили ей ежемесячный гонорар и спокойно спали по ночам.

— Вы не будете возражать, если я запишу на магнитофон ваше интервью? — спросила Максин, делая пометку в записной книжке в кожаном переплете. — Иногда незначительные изменения интонации могут оказаться очень важными. Мой секретарь занесет всю беседу в ваш персональный файл.

Ева кивком выразила согласие, и Максин потянулась к кожаной сумке. Она поставила миниатюрный магнитофон на стеклянном столике для кофе и нажала на кнопку.

— Ну что ж, расскажите мне все о письмах, которые вы получаете.

Ева поняла, что Максин Гудмен незаметно наблюдает за ней и осматривает комнату, где разыгрывалась драма. Они обе некоторое время приглядывались друг к другу и, кажется, почувствовали взаимное расположение. Глядя на руки, Ева стала вспоминать события последних трех беспокойных недель.

— Первый зеленый конверт появился двадцать восьмого сентября, — начала Ева. Второй, точно такой же — на прошлой неделе, когда я уезжала в Лондон. И в оба, — при этих словах Ева невольно содрогнулась, — были вложены лоскутки ткани от одежды, в которой я была накануне появления писем.

Максин поджала губы.

— Я могу взглянуть на эти конверты?

— У меня только один — второй. Первый я разорвала и выбросила... Глупо, конечно, — Ева покачала головой и состроила гримасу. — Я до сих пор не могу поверить в реальность этого... Вначале я подумала, что это просто чья-то дурацкая шутка.

— Ну, это вполне нормальная реакция, Ева... я могу вас так называть? Пожалуйста, наденьте эти перчатки... возможно, там есть чьи-то отпечатки пальцев.

Ева кивнула, натянула тонкие хлопчато-бумажные перчатки и направилась к письменному столу, цвета слоновой кости, что стоял у большого окна, выходящего на Центральный Парк. Она открыла средний ящик и осторожно вынула оттуда зеленоватый конверт. Казалось невероятным, что здесь, в ее уютной солнечной квартире, устланной роскошными коврами и обставленной любовно подобранной мебелью, где она грелась у отделанной розовым мрамором камина, в окружении столь дорогих ее сердцу вещей: хрустальной статуэтки балерины, подаренной ей Нико в день рождения; картины Дега, купленной ею после выхода двадцать пятой обложки журнала «Мода», бежевого пледа ручной вязки, который прислали ей из дома во время ее первой зимы в Нью-Йорке, ей угрожала неведомая опасность. Она была рада передать конверт в руки Максина. Ей было противно прикоснуться к нему.

Максин к тому времени успела натянуть вторую пару перчаток.

— Я понимаю, что конверт прошел через многие руки, но здесь кто-нибудь, кроме вас, трогал его?

— Нет.

— Хорошо. Мне нужны отпечатки ваших пальцев для сравнения.

Лоскут золотистого лама сверкнул на солнце, когда Максин вынула его вместе с единственным листком разлинованной зеленой бумаги. Прищурившись, она прочитала:

«Хорошенькое платье хорошенькой девочки. Но мне очень хочется узнать, как ты выглядишь голенькой. Когда-нибудь я это выясню. Билли Шиэрз».

Максин внимательно изучила мелкие, аккуратные буквы подписи. Билли Шиэрз. Остряк. В глаза Максин сразу же бросилась двойная завитушка внизу буквы «з». И еще: имя показалось ей знакомым. Она не могла припомнить, где его слышала, но она готова была спорить на трехкаратовый сапфир, который сверкал на пальце Евы Хэмел, что Ронсон найдет это имя в своем компьютере.

— А первое письмо было подписано тем же именем?

— Да. Билли Шиэрз. И мне запомнилась завитушка на последней букве.

— Постарайтесь как можно точнее вспомнить, что было написано в первом послании. — Максин внимательно наблюдала за выражением лица Евы.

— Я помню абсолютно точно. Эти слова врезались мне в память. — Ева шагнула к диванчику, где Беспризорница грелась на солнце. Она подняла ее и прижала к плечу. — Там было написано: «Я уверен, что в постели ты такая же

зажигательная, как и в этом платье. Когда-нибудь я это выясню».

В комнате воцарилась тишина. Слышно было лишь, как мурлычит кошка да шуршит лента монитора. Ева снова села в кресло напротив мисс Гудмен.

— Меня бросает в дрожь при мысли, что этот тип бывает настолько близко от меня, что может незаметно отрезать лоскут от платья.

— Подобные типы обычно очень умны, чуть ли не гениальны. Я не хочу вас запугивать, Ева, но именно по этой причине они очень опасны. — Максин увидела, как потемнели от страха глаза Евы. Она быстро добавила: — Я не говорю, что этот тип — насильник. Этого я пока не знаю, так же как и вы, поэтому не будем преувеличивать опасность. Возможно, он просто хочет запугать вас. Некоторые люди испытывают удовольствие от того, что имеют психологическую власть над знаменитостями, что они как бы в родстве с ними, могут влиять на них, и часто удовлетворяются возбуждением от этого.

— Но не всегда, — возразила Ева. Беспризорница, устав от ласк, соскочила с колен и снова направилась на освещенный солнцем диван. Ева стряхнула приставшую шерсть кошки с белой шелковой блузы и колен и выжидающе посмотрела на собеседницу.

— Не всегда, — ровным тоном подтвердила Максин. — Она спокойно встретила тревожный взгляд Евы. — Некоторые из таких типов действуют в полном соответствии со своими агрессивными фантазиями. Но у нас пока слишком мало информации, чтобы строить обоснованные предположения. Мы даже не знаем точно, мужчина это или женщина... Но мы непременно узнаем. — Она ободряюще улыбнулась, однако за этой улыбкой скрывалась стальная холодность в ее глазах. Впервые после возвращения из Лондона от Нико Ева почувствовала, что находится под защитой. Обратившись в службу обеспечения личной безопасности, она сделала первый шаг к тому, чтобы выиграть этот матч нервов. И Максин Гудмен будет ее гладиатором.

— Пусть Ронсон сравнит все отпечатки пальцев на страницах, — сказала Максин в магнитофон. Затем в течение получаса она изучала распорядок дня Евы, записи в журнале, фамилии служащих, выясняла, куда она сдает в чистку свою одежду и в каких магазинах покупает платья. Максин намеревалась проверить всех людей, с которыми Ева вступала в контакт, от портье дома до гримера и гардеробщика во время съемок.

Максин связалась со своим офисом и вызвала двух телохранителей, которые должны были круглосуточно находиться близ дома Евы и которых можно мгновенно вызвать, стоит лишь нажать на кнопку. Один или двое будут охранять ее в течение всего дня, но, успокоила ее Максин, Ева даже не будет подозревать об их существовании, пока у нее не возникнет нужда в них.

Телохранители Том Свенсон и Джо Тамбурелли появились еще до окончания разговора Евы и Максин. Ева улыбнулась про себя, пожимая каждому руку. Она ожидала увидеть крупных, неповоротливых людей в строгих официальных костюмах, но, к ее удивлению, перед ней предстали двое симпатичных мужчин в спортивных куртках и брюках.

Тому Свенсону на вид было лет тридцать пять, высок, широк в плечах, хорошо сложен, с копной белокурых волос и широкой улыбкой; Джо Тамбурелли было лет двадцать с лишним, с прямыми черными волосами, серыми глазами и ямкой на подбородке. Он выглядел физически хорошо накаченным. Ева внимательно всмотрелась в их лица, чтобы хорошо запомнить и затем узна-

вать их в толпе.

Когда Максин ушла, а телохранители заняли свои посты, Ева почувствовала себя в гораздо большей безопасности, чем все последнее время.

При расставании Максин сказала:

— Не позволяйте этому подонку мешать вам жить. Я понимаю, что это легче сказать, чем сделать, но, как правило, подобные типы так и не становятся насильниками. В ближайшие дни мы узнаем об этом Билли Шиэрзе больше, после того как проверим все окружение и проведем лабораторное исследование. А пока я оставляю вас в надежных руках. Свенсон и Тамбурелли относятся к числу моих лучших сотрудников. Если у вас появится еще одно письмо, не вскрывайте его, а немедленно свяжитесь со мной.

«Она выглядела такой уверенной», — подумала Ева, открывая холодильник и доставая диетическую соду. — Может быть, им удастся поймать этого подонка, и мне не понадобится рассказывать об этом Нико. Ему совсем ни к чему отвлекаться, когда он несется со скоростью 130 миль по сложнейшей трассе. Если повезет, то все может оказаться позади к моменту его возвращения в Нью-Йорк».

Десять дней спустя, когда Ева собралась ехать встречать прилетающего Нико, из Дулуга позвонила мать и сообщила, что сейчас в Нью-Йорке Марго, приехавшая на конгресс медиков.

Ева с трудом удержалась, чтобы не бросить саркастическое «Ну и что».

— Чудесно, мама...

Она закрыла глаза и скорчила гримасу, готовая к тому, что будет сказано вслед за этим.

— Она остановилась у Пьера, — осторожно продолжала мать. — Я думаю, было бы славно, если бы вы пообедали вместе.

«Славно. Скорее мучительно», — подумала Ева.

Она давно смирилась с тем, что мать выступает миротворцем между дочерьми. Элизабет Химеляйнен всегда пыталась сгладить пристрастное отношение отца к Марго, которую он называл «красавицей и умницей». Эту блистательную девочку с обворожительной улыбкой и ямочками на щеках перевели из третьего класса сразу в пятый и в течение всех лет учебы избирали старостой класса. Ева была тихоней. Несмотря на спортивные трофеи, которыми была заставлена ее полка, она чувствовала себя человеком второго сорта в отцовском доме. И Марго такое положение вещей было вполне по душе.

Элизабет знала о непростых взаимоотношениях дочерей и подталкивала Еву к тому, чтобы она вышла из тени Марго. Однако трещина между сестрами еще больше углубилась после внезапного успеха Евы. В настоящее время Ева и Марго почти не разговаривали друг с другом, а виделись лишь тогда, когда их сводили вместе семейные обстоятельства.

— Мам, — сказала Ева как можно более ровным голосом, — если бы Марго хотела меня увидеть, неужто она не позвонила бы мне? — Она взглянула на часы. До приземления самолета оставалось пятьдесят минут.

Когда она услышала, что мама вздохнула, у нее упало сердце. Похоже, сейчас начнется лекция.

— Дорогая, я понимаю, что это нелегко, но иногда и ты должна сделать первый шаг. — Элизабет говорила тихо, но твердо. — Ты скоро выйдешь замуж. У

тебя появится своя семья, и я уверена, ты всегда будешь стремиться к тому, чтобы твои дети были близки друг другу.

За тихими словами матери скрывались боль и волнение. Ева вспомнила, как часто мать, обнимая, пыталась успокоить ее.

— Я знаю, что тебе ближе твои братья, но Марго — твоя единственная сестра. Я не прошу тебя, чтобы ты изливала ей душу, но было бы замечательно, если бы вы как-то восстановили отношения до свадьбы.

Ева не представляла себе, как это сделать, но коль скоро для матери это было так важно, надо попытаться.

— Я позвоню ей вечером, — пообещала она без особого энтузиазма. — Нико возвращается сегодня из Лондона, наверное, он в эту минуту уже кружится над аэродромом Кеннеди, так что я побегу, мам, но я подумаю насчет совместного обеда.

Нико допил бренди и постучал по часам.

— Если ты не поторопишься, bambina, твоя сестра будет обедать в одиночестве.

Ева перед зеркалом надевала длинные, украшенные бриллиантами серьги. Нико затянул покрепче узел на шелковом галстуке цвета морской волны, гармонировавшем с его глазами, и стал застегивать черный костюм европейского покроя, который подчеркивал его идеальное телосложение. Как только Ева сделала шаг к стенному шкафу, Нико нетерпеливо провел рукой по волосам.

— Предупреждаю: если ты вздумаешь еще раз сменить наряд, я брошу тебя на кровать, и тогда твоей сестре придется ждать встречи со своим будущим зятем до самого завтрака.

— По мне так хоть до самой свадьбы, — ответила Ева, — продолжая с хмурым видом рассматривать себя в зеркале. Она отвергла уже два ансамбля и была не в восторге от этого, но Нико оделся уже час назад и может взорваться, как бомба, если она отвергнет и этот.

Придется смириться с этим. На ней было голубое шелковое платье в обтяжку с жакетом, отделанным разноцветным стеклярусом, простой серебряный браслет и синие туфли на шпильке. Ее янтарного цвета волосы были собраны в виде пышной короны на макушке, с которой ниспадали пышные завитки, обрамлявшие лицо. Еще чуть-чуть губной помады, решила Ева, и неверными от волнения пальцами принялась красить губы.

Испугалась собственной сестры, с отвращением подумала она. Но на самом деле Ева боялась не Марго, а того, что рядом с сестрой она будет выглядеть недостаточно умной и красивой.

Она украдкой взглянула в зеркало на Нико, задавая себе вопрос, как он отнесется к Марго. Не ослепит ли она его своим умом, не очарует ли?

«Не полиняю ли я, как обои, когда она заговорит?» Ева понимала, что это смешно. Нико любил ее и считал ее красивой. И никакая Марго не сможет затенить любовь, которая светится в его глазах.

— Готова, — провозгласила Ева в тот момент, когда Нико подошел к ней сзади, положил руки ей на талию и поцеловал в шею. От него приятно пахло бренди.

— Точно?

— Абсолютно точно... Надо пройти и через это.

Он повернул к себе ее лицо и посмотрел в глаза.

— Похоже, ты не очень любишь свою сестру, bambina? — Осторожно спросил он.

— Это она меня не любит.

— Ты говорила, что она очень ученая. Я думаю, что она просто со сдвигом.

Ева засмеялась и дотронулась до его щеки.

— Я люблю тебя.

— Я поклоняюсь тебе. — Нико поцеловал ее так крепко, что наверняка снял с губ всю помаду. Но когда Ева попыталась развернуться к зеркалу, он потащил ее к двери.

— Сделаешь это в машине, — скомандовал он.

Подождав, пока она нашла свою украшенную бисером косметичку, Нико вытолкнул ее из комнаты.

Глава пятая

Ева увидела сидящую на изящной банкетке Марго еще до того, как метрдотель провел их к освещенным свечами столикам.

«Надо максимально использовать предоставившуюся возможность», — сказала она себе. Она изобразила приветливую улыбку на лице, краем глаза видя, как головы присутствующих поворачиваются в ее сторону, пока она с Нико шла через роскошный зал.

За столом, накрытым бледно-розовой скатертью, уставленным хрусталем и фарфором, на фоне хрустальной вазы с орхидеями, в роскошном черном платье, открывающем плечи, сидела сестра. Ее короткие платинового оттенка волосы поблескивали в свете свечей. На ней было минимальное количество украшений — серебряное кольцо с рубином и стилизованные под античность серьги с ониксом и рубинами. Это было в духе Марго — быть холодной и подчеркнуто сдержанной.

— Надеюсь, вы не станете возражать, что я начала без вас, — она неприступно показала на открытую бутылку вина. Ее бокал был наполовину пуст, зато пепельница полна окурков. — Не говори мне, пожалуйста, что ты десять раз меняла наряд, Эви, — упрекнула Марго, сверкнув опаловыми глазами. — Наш отец обычно сходил с ума, дожидаясь тебя к столу, — добавила она, ослепительно улыбаясь Нико.

— Да, ты всегда первая садилась за стол, — в тон ей сказала Ева, — и, повернувшись к Нико, закончила фразу, — конечно, после того как я помогла маме накрыть его.

«И всегда норовила поставить свой стул рядом с отцом, а я оказывалась где-то между Робом и Дерексом, — подумала Ева. — И благодаря этому ты всегда могла шепнуть что-то отцу, когда на кухне поднимался шум».

Отец. Он был центром всех ее конфликтов с Марго с того времени, как она помнила себя. Ева всегда мечтала, чтобы он обратил на нее такое же внимание, как на Марго. Молчаливый и сдержанный скандинав, Эдвард Хямеляйнен, большую часть времени проводивший в работе на спиртоводочном заводе, все тепло, которое он мог выжать из своей души, отдавал старшей дочери. Ева никогда не видела, чтобы его любовь распространялась на кого-нибудь еще, даже на мать.

Он был достаточно доброжелателен к другим, но предпочитал ограничиваться улыбками вместо объятий. Зато его расположение к Марго не имело границ. Он хвалил ее ум и выставлял ее грамоты и награды на каменной доске. В тот день, когда Ева заняла первое место в финальных соревнованиях по бегу, мать и братья приветствовали ее на трибунах, а отец предпочел в этот день отработать вторую смену на заводе, чтобы заплатить за выпускной вечер Марго.

Когда Ева в последний раз посетила родительский дом, она с горечью увидела, что сияющая позолотой роскошная обложка журнала «Мода» с ее изображением, которую она послала ему на день рождения, стоит на полке рядом с мамиными безделушками в кухне, в то время, как непрезентабельный журнал со статьей Марго лежит на почетном месте в гостиной.

«Некоторым вещам не дано меняться», — подумала Ева, прикоснувшись губами к подставленной щеке сестры и представила ее, как положено, Нико.

— Стало быть, вы знаменитый Чезароне, — произнесла ровным голосом Марго, глядя, как Ева и Нико усаживаются за столом. Официант принес и поставил на стол еще два бокала и наполнил их шампанским. Марго взяла сигарету. — В прошлом году я видела вас на автогонках в Испании, но не могла тогда предположить, что мы породнимся.

— К счастью, тогда мне не понадобились ваши услуги, Dottoressa[3], когда Жильбо снес переднюю часть моего автомобиля. — Нико слегка улыбнулся своей неотразимой улыбкой элегантной женщине с чуть приподнятым подбородком и чувственными опаловыми глазами, которые с любопытством смотрели на него.

Марго откинулась на спинку кресла и выпустила струйку дыма.

— Я не знаю, что именно рассказала вам моя младшая сестра обо мне, но я не тот доктор.

Пальцы Евы крепко сжали ножку бокала. Ее всегда поражало и интриговало, как это Марго удавалось, не затрачивая особых усилий, подчеркивать дистанцию между ней и другими, но, кажется, высокомерный тон сестры не произвел никакого впечатления на Нико.

— Ева рассказывала о вас очень много, Dottoressa Хямеляйнен, и я вижу, что все соответствует действительности.

Рука Евы сжала теплые, сильные пальцы Нико. Ее взгляд блуждал по залу... Кто он, этот безмянный и близкий человек, который наблюдает за ней, вносит в ее душу смятение, а, возможно, намерен посягнуть на нее? Им мог быть кто угодно: официант, помощник официанта, любой другой из присутствующих... Сможет ли она теперь появляться на публике, не думая о том, что за ней следят?

Через три стола она заметила теперь уже знакомого Тамбурелли, склонившегося над меню. Его присутствие подтвердило суровую реальность ситуации.

— Как долго ты собираешься пробыть в Нью-Йорке? — спросила Ева сестру, когда официант принес меню.

Марго загасила сигарету в только что принесенной новой пепельнице.

— Я улетаю в Киото сразу после своей презентации завтра на симпозиуме по проблемам избытка протеинов в мозгу и болезни Алжаймера. Меня просили сделать сообщение о моих новейших исследованиях.

— Марго одна из самых крупных авторитетов в этой области, — с искренним уважением пояснила Ева, обращаясь к Нико. — Благодаря ее исследованиям болезнь скоро станет излечимой.

— Дело в том, что отец ждет, когда я получу Нобелевскую премию, а мне не хотелось бы его разочаровывать, — сказала Марго, потянувшись за новой сигаретой.

Нико подождал, пока Марго прикурила.

— Dottoressa, весьма удивительно, что вы курите. Должно быть, вы единственный доктор в Нью-Йорке, который не отказался от этой столь пагубной привычки.

— Что тут сказать? Это одна из моих слабостей. — Марго вздохнула и пожала обнаженными плечами. — Как и мое увлечение европейскими мужчинами... Увлечение, которое моя младшая сестра, по всей видимости, разделяет. — Она не уклонила от его взгляда, и в ее красивых глазах читался вызов.

Ева затаила дыхание. Предоставить Марго возможность пофлиртовать с Нико в духе Марлен Дитрих? Нико долил шампанское и повернулся к Еве.

— Не знаю, как ты, но я умираю от голода, *bambina*. — Он говорил очень ласково. Ева чувствовала, как расслабились мышцы его лица. Нико не дурак. Его не проведешь.

Он закрыл меню и решительным жестом подозвал оказавшегося поблизости официанта.

— Примите заказ.

Под столом крепкая нога Нико явно с провоцирующей целью прижалась к Евиной. Он поставил ступню между ее ног. Ева с трудом подавила смешок.

Марго внимательно наблюдала за ними.

— Голубки, — заметила она. — Очень мило...

За едой Ева изо всех сил старалась поддержать легкую беседу. Марго, верная себе, использовала малейшую возможность, чтобы подчеркнуть, насколько непреходящи ее успехи и известность в науке, насколько значительнее они эфемерной и мимолетной славы сестры.

— К тому времени, когда принесли десерт, я готова была плеснуть ей шоколадным муссом в лицо, — призналась Ева, обнимая Нико ногами за талию в теплой ванне. Хмыкнув, он подтянул ее поближе и выпустил в ее сторону пригоршню пузырьков.

— А мне хотелось плеснуть взбитые сливки в ее задранный нос, особенно после того, когда она сказала, что модели голова нужна только для того, чтобы использовать косметику... *Merda*[4]. — Он направил пузырьки к розовым соскам, которые напряглись при его прикосновении. — Если бы это были взбитые сливки, я бы их слизал, — игриво сказал он. Нико сжал ее мочку уха зубами. Ева ощутила его теплое дыхание на щеке и стала ласкать его под водой.

— Ты находишь ее красивой?

Рот Нико передвигался по щеке Евы и наконец достиг чуть раскрытых девичьих губ.

— Если тебе по душе сухая ледяная принцесса с табачным запахом изо рта, — хриплым шепотом произнес он, — то лично мне нравятся женщины зажигательные и живые.

Ева закрыла глаза.

— Она флиртовала с тобой.

— Со мной флиртуют все женщины, *bambina*.

С этими словами он поднял и посадил ее на свою изнывающую в ожидании плоть. Он запустил руки в распущенные мокрые волосы и погрузил язык в алчущий рот. Ева трепетала и хваталась за его мускулистую спину, покачиваясь в одном ритме с его движениями. — *Carissima*[5], — выдохнул Нико. Он погружался в нее снова и снова, пока она не забыла о Марго, Тамбурелли и обо всем на свете.

Он зажег свечи. Все десять, одну за другой. Затем медленно, благоговейно дунул на спичку. При мерцающем свете свечей его глаза сверкнули обсидиановым блеском. Он зачарованно смотрел на страницы из журналов, наклеенные на всех четырех стенах, которые по конфигурации напоминали гигантский кроссворд.

— Какая ты красивая, — прошептал он. Уже давно содрал он со стен все

другие обложки и объявления, оставив лишь Еву — улыбающуюся, смеющуюся, кокетливую. — Ты была такой красивой сегодня вечером. Мне очень понравилось твое платье. Видишь?

Он извлек из кармана маленький кусочек голубого шелка.

— Оно такое же возбуждающее, как золотистое ламе. Оно мягкое и гладкое, как твое тело... Ты знаешь, что я чуть не заговорил с тобой сегодня? Но потом передумал. Решил подождать, пока мы сможем остаться одни. Я почти готов, Ева, почти готов...

Он положил квадратик шелка на середину стола, окруженного горящими свечами, правее расположил маленькие хирургические ножницы, достал из ящичка листок линованной зеленой бумаги и такого же цвета конверт и положил их среди свечей.

— Я знаю, ты ждешь в одиночестве вестей от меня, дорогая. Но Билли не забыл тебя. Я не смогу забыть тебя. Никогда. И я не позволю разлучить нас с тобой. Очень скоро мы будем вместе, очень скоро. Я позабочусь обо всем. Все будет идеально, как ты сама.

Продолжая предаваться мечтам, он написал письмо. Затем задул свечи и стал размеренно шагать по комнате, вытянув руки и водя пальцами по глянцевым обложкам, как если бы читал по системе Брайля. В нем поднималась любовь и сводящее с ума возбуждение. Наконец он сел на принадлежавшее его матери плетеное кресло-качалку. Часто и неглубоко дыша, он дотронулся до места, где рождалось возбуждение. Вначале это были мягкие касания, затем сильнее и резче в такт ритмично раскачивающегося и шуршащего по потертому ковру кресла, он, хватая ртом воздух, в экстазе повторял:

— Ева... Ева... Ева... — Скоро, очень скоро, — проговорил он очнувшись, — я убью тебя, Ева.

Глава шестая

На следующее утро Ева и Нико на такси доехали до Хилтона. Мими Кон, декораторша из «Идеальной невесты», преобразовала два смежных гостиничных номера в костюмерные, и теперь вдоль всех стен здесь стояли шкафы с нарядами для съемок на Мауи. Повсюду были развешаны платья, купальные и спортивные костюмы, смокинги, и пеньюары. Все это дополняли бесчисленные, стоящие до потолка ящики со всевозможными аксессуарами. На диванах были разложены соломенные шляпы, защитные очки, теннисные ракетки, сандалии, а на столе для коктейлей лежали бутфорские драгоценности, свадебная фата, экипировка для подводного плавания. Мими, худая энергичная особа с короткими черными волосами в очках, дирижировала двумя ассистентками. Она приветственно помахала Еве и Нико, когда те вошли в номер, и повесила на вешалку пластиковую сумку с защитными очками и розовыми сережками рядом с оранжевыми бикини.

— Моника, они пришли, — пропела она, принимая из рук ассистентки пару сандалий, которые должны были завершить ансамбль.

Ева провела Нико через лабиринт висящей одежды к Монике, поглощенной беседой с молоденькой симпатичной брюнеткой и высоким мужчиной в джинсах и белой тенниске.

— Ева! Я очень рада, что ты пришла вовремя и можешь пообщаться с Тери и Брайеном. — Моника горячо обняла Еву. — Нико, дорогой, ты сразишь наповал любую женщину в Америке в тех плавках, которые мы тебе подобрали. Они оставляют не слишком много для воображения, но я уверена, что тебе это не страшно.

— Может, поэтому и не стоит надевать их, — высказал сомнение Нико.

Моника поцеловала его в обе щеки.

— Не беспокойся. У нас не «Плейгерл».

Ева протянула руку Тери.

— Приветствую вас, я Ева Хэмел, а это мой жених Нико Чезароне.

— Я никак не думала, что так получится, — смущенно улыбаясь, произнесла Тери. — Все произошло так быстро. Мисс Д'Арси уверяет, что все будет отлично.

— О, так и будет, — убежденно сказала Ева. — Вы такая симпатичная, и жених вам под стать.

Моника положила руку на плечо Тери.

— Будет более чем отлично, будет замечательно. Вы и Брайен великолепны. Вы не можете себе представить, как я обрадовалась, когда среди присутствующих нашла вас. Мне по ночам снились кошмары, я боялась, что моя Золушка с женихом окажутся какими-нибудь неуклюжими толстяками с патлами или чем-то вроде этого.

Моника засмеялась, затем серьезно сказала Тери:

— Вам надо снова прийти для окончательного монтажа непосредственно перед Рождеством. Моя секретарша Линда пришлет вам приглашение и билеты на самолет. А сегодня сходите на концерт. Мы вам заказали самые лучшие места.

Пока Моника провожала Тери и Брайена до дверей, Нико оглядывал ворох одежды и аксессуаров вокруг.

— Не могу поверить, что меня втянули в это дело, — проворчал он, вращая глазами. — Эта женщина напоминает мне укротителя змей, которого мне однажды довелось видеть.

— Да будет тебе! Мне очень хочется увидеть тебя в тех плавках, о которых говорила Моника. — Ева шутливо ткнула пальцем ему в живот.

Вернувшись, Моника снова обрушила поток слов на них.

— Мы собираемся лететь в Лос-Анджелес и Вашингтон, прихватив около тонны всей этой бутафории для Аны Кейтс и сенатора Фаррелла... Никто не отвертится, и мы не можем больше откладывать... Сроки... Сроки... Скажите, как вам понравилась Тери?

— Она очаровательна, — ответила Ева. — Только почему-то нервничает... Может, боязнь сцены?

— Не знаю... Может быть, и не только это, но не знаю, что именно. Я, можно сказать, выкрутила ей руки, чтобы подписать контракт. К счастью, Брайен хо-рош во всех отношениях.

— Мне очень жаль прерывать вашу столь важную доверительную беседу, но коль уж вы сказали о купальном костюме, мы можем устроить это представление. У меня завтрак со спонсором в час двадцать, и если вам требуется мое тело, графиня, то воспользуйтесь им и отпустите меня с Богом, — вмешался Нико.

— Коль сказал свое слово, — театральным шепотом произнесла Моника, обращаясь к Еве. Затем позвала Мими. Декораторша вбежала в комнату. — Мими покажи мистеру Чезароне гардероб, который мы приготовили для него. Карла, — она обратилась к невысокой рыженькой девушке, — принеси для мисс Хэмел отделанное стеклярусом платье, в котором она будет на яхте, и найди те туфли от Адольфо, которые я приготовила. По-моему, они за пляжной сумкой.

Направляясь в костюмерную, Моника схватила Еву за руку.

— Между прочим, я еще не поблагодарила тебя за то, что ты вовлекла в это Нико, — сказала она проникновенно. — Это будет лучший номер за все время существования журнала, — убежденно продолжала она. — И с яхтой здорово придумано. Это произведет фурор! — Она сверкнула глазами. — Будет совсем не так плохо, как думает Нико. Разве может быть плохо на Мауи?

Ева подумала о двенадцатичасовых ежедневных съемках под тропическим солнцем, когда не знаешь, каких еще причуд ждать от Антонио. Разве может быть плохо на Мауи? Ева криво улыбнулась, однако сказала:

— Конечно, будет фурор.

В тот момент, когда Ева скрылась за ширмой, зазвонил телефон.

— Это Ричард, — возвестила Мими, подавая трубку Монике.

— Ну? Как идут дела? — Ричард говорил резко и отрывисто.

Моника окинула взглядом забитую вещами комнату.

— Великолепно. Ты бы видел, как смотрится эта милая пара из Мичигана. Это произведет фурор.

— Хорошо. Я знал, что ты добьешься своего. Послушай, я звоню, чтобы сообщить тебе: в Атланте разразился пожар, вылетаю тушить его. Я сейчас в аэропорту.

— Какие-нибудь неприятности?

— Идут слухи, что Салливан ведет переговоры с людьми Тернера. Мне

нельзя потерять его сейчас.

Моника закрыла глаза. Голос Ричарда звучал спокойно, но она знала, что он будет в ярости, если потеряет Салливана.

— Обещай ему все, что хочешь, — посоветовала она. — Ты вернешься к завтрашнему собранию акционеров, или я должна заменить тебя?

— Не раньше трех. Сожалею, что наш обед сегодня не состоится, Мо. Отмени его.

— Нет проблем, дорогой. Кстати, это даст мне возможность прочитать гранки январского номера. Я возьму их сегодня домой.

— Меня зовут на посадку. Целую, Мо.

Моника положила трубку и стала рыться в аксессуарах. В зеркало она увидела Нико, загорелого и мускулистого. Мими в этот момент подавала ему бокал бордо.

«Я знала, что этот парень будет потрясающе смотреться в этом весьма экономном наряде», — подумала она с торжеством. Да и сам Нико, несмотря на высказанное ранее неудовольствие, сейчас с удовольствием красовался перед Мими и Карлой и любовался собой в зеркале.

Зазвонил телефон. Моника услышала знакомый голос. В это время Ева вышла из-за ширмы и ущипнула Нико за ягодицу.

— Я буду сегодня, — тихо сказала Моника в трубку. — К обеду! И на этот раз могу остаться допоздна.

Максин Гудмен подняла глаза на Ронсона, который ворвался в офис и бросил папку на ее дубовый стол.

— Ваши подозрения, как всегда, оправдались. Но я (умаю, вам не очень понравится то, что мы узнали об этом Билли Шиэрзе.

Максин посмотрела на высокого черноволосого детектива с резкими чертами лица, расположившегося в кресле с твидовой обивкой напротив нее, затем на папку с наклейкой «Хэмел». Она взяла в руки факс, взглянула на него, и пульс у нее участился.

— Скотина!

— Еще какая...

Максин повернулась в кресле и пододвинула телефон. Набирая номер Евы Хэмел, она быстро продумывала план дальнейших действий.

— Скотина!

Бисеринки пота блестели на теле Евы, когда она подносила пятифунтовую гантель к плечу. Беспризорница наблюдала за ней со своего обычного места на диване. Еще два упражнения — и она может принять душ и ехать к Натали. В контракте с фирмой Эсте Лаудер ее беспокоил один пункт, который Натали должна ей пояснить. Ева была преисполнена решимости преодолеть все затруднения. Она заинтересована в этом контракте сроком на пять лет. Он позволит ей спокойно пережить свое тридцатилетие. Ведь она не становилась моложе. Другие, свежие цветущие лица и молодые тела ждали своей очереди. Благодаря этому контракту Ева материально обеспечит себя, даже если не будет работать.

Материальная обеспеченность и личная безопасность — это то, чего она хотела. Концом полотенца, висевшего у нее на шее, Ева стерла пот со лба. От

Билли Шиэрза не было писем почти две недели. От Максина тоже не было вестей. Но для Евы отсутствие вестей было хорошим знаком.

Она находилась на кухне, когда раздался телефонный звонок.

— Ева! — Голос Максина был, как всегда, спокойным, но чувствовалось, что сказать она хочет нечто важное. — Это Максин Гудмен.

— Вы что-то выяснили?

— Да, нам надо встретиться.

— Хорошо. Но вначале скажите, как дела.

На другом конце провода возникла пауза.

— Я предпочла бы поговорить с глазу на глаз, — сказала наконец Максин.

Ева поставила банку консервов на полку.

— Я не упаду в обморок, Максин. Скажите мне.

Она услышала вздох Максина.

— Хорошо. Новости о Билли Шиэрзе малоприятные. Похоже, вы не первая, кого он преследует.

— О Боже! — Ева закрыла глаза. — Продолжайте.

— Хорошо, — бесцветным деловым тоном сказала Максин. — Но думаю, вам лучше сесть.

Глава седьмая

Осень была ее любимым временем года. Моника нажала на акселератор, и красный «порш» двинулся по извилистой дорожке, ведущей к усадьбе. Вдоль дороги росли березы и гикори, листья которых разукрасила осень. Склоны холмов были усыпаны багряными и желтыми листьями — настоящее буйство красок под лиловым небом. Через час стемнеет, и этот на редкость теплый ноябрьский день уйдет в небытие с восходом луны. А пока что было здорово, и Моника наслаждалась последними косыми лучами солнца, живописными пейзажами и пьянящими запахами коннектикутской осени.

Увидев на взгорье роскошную усадьбу с белыми колоннами и шпилями, окруженную садом с аллеями, ведущими к ручью, она, как обычно, улыбнулась про себя. Стены из белого мрамора закрывали темно-зеленые лозы плюща. Она купила этот трехэтажный особняк через четыре года после основания своего агентства. Это была достойная графини загородная резиденция. Каждый квадратный фут здесь приносил ей радость, начиная от блестящих бело-голубых мраморных полов до величественных дубовых лестниц, от сложенных из камня-плитняка каминов в каждой из семи спален до захватывающих дух пейзажей с лесистыми холмами и сверкающим на солнце ручьем, петляющим возле дома.

Моника преодолела последний поворот и с удивлением увидела нагруженный досками пикап голубого цвета, который загораживал проезд на боковой аллее.

«Кто бы это мог быть», — подумала она, вынимая ключ зажигания и направляясь в ту сторону, откуда слышался стук молотка. Ей ничего не было известно о проведении каких-либо ремонтных работ в ее особняке, и она не делала никаких заказов. Моника обогнула клумбы с пурпурными хризантемами, прошла мимо бассейна и купальни для птиц к противоположной стороне фасада дома.

Стук молотка прекратился. Однако козлы, возвышающиеся над низкой кирпичной стеной террасы, свидетельствовали, что ремонтные работы идут полным ходом.

— Что за черт!

Из-за стены показалась голова в бейсбольной кепке. Моника увидела загорелое лицо и стального цвета глаза, направленные на нее.

— Кто вы такой и какого черта вы делаете в моем доме! — воскликнула она.

— Вы, должно быть, дочь. — Мужчина отложил в сторону молоток и выпрямился. Моника отметила про себя, что роста он был высокого — добрых шесть футов четыре дюйма. Он выглядел крепким и мускулистым, и было видно, что мускулы он приобрел не в гимнастических залах, а физическим трудом на открытом воздухе и под лучами солнца. Моника имела возможность хорошо разглядеть его торс, ибо он был обнажен до пояса.

Мужчина вытер пыльные руки о бежевые, завернутые выше колен джинсы и спрыгнул с террасы к ней. Он протянул ей руку.

— Я Пит Ламберт. Ваша мама...

— Мне на это наплевать, будь вы даже клоун Бозо. Какого черта вы делаете в моем доме?

Он прищурился и опустил руку.

— Ваша мама не предупредила меня, что вы такая легковозбудимая. — Он разглядывал Монику с терпением взрослого человека, который пытается найти подход к испорченному, капризному ребенку, и это бесило Монику. — Кажется, она не посвятила вас в маленькую тайну нашего проекта.

— Нашего проекта? Какого еще проекта? — недоумевающе уставилась на него Моника.

«В нем что-то есть», — подумала она, стараясь не попасть под влияние его мужской красоты. Его широкие плечи были бронзовыми от загара, грудная клетка выглядела хорошо развитой и крепкой, талия удивительно узкой... Из-под бейсбольной кепки выбивались густые белокурые волосы, несколько более темные, чем выгоревшие от солнца волосы на груди. Моника почувствовала, что у нее перехватывает дыхание.

— Послушайте, давайте поставим все точки над «i». — Она сняла темные защитные очки и холодно посмотрела на него. — Я графиня Д'Арси, а это мой дом, — сказала она, обращаясь к нему так, как если бы он был маленьким, несмышленным ребенком. — И я не нанимала ни Пита Ламберта, ни кого-либо другого для каких бы то ни было работ. Теперь ваша очередь.

Он усмехнулся.

«Графиня...» Это деликатный намек на то, чтобы я стал целовать ваш след?» — подумал он, с изумлением глядя на нее. В своей жизни он встречал немало броских и красивых женщин, но ни одна не была столь эффектной и привлекательной. Она блистала, словно сапфир, украшавший ее платье. Декор в виде буквы V и плотно облегающий лиф платья подчеркивали соблазнительную пышность ее груди и одновременно тонкость талии. Экая красота. Тысяча вольт, не меньше. Только этих ясных глаз хватит, чтобы осветить ночное небо.

— Вы уже знаете, кто я, — произнес он нарочито ленивым тоном, желая позлить ее. — Я занимался реконструкцией усадьбы по соседству с вашим домом. Две недели назад я встретил вашу маму и Дороти, когда они были на прогулке. Ваша мама очень приятная женщина, графиня.

«А я нет, мистер Ламберт? Вы на это намекаете?» — Взгляд Моники посуровел.

— Ближе к делу, мистер Ламберт. Вы пока еще не объяснили мне, что вы здесь делаете.

— Ваша мама не предупредила меня также о том, что вы еще и нетерпеливы, — задумчиво проговорил Ламберт. — Гм... легковозбудимая и нетерпеливая... Уверен, вам приходится принимать снотворное, мадам, чтобы спать по ночам.

— Мои привычки вас не касаются.

«Но я бы хотел, чтобы они касались меня», — подумал Пит, невольно задавая себе вопрос: она и в постели столь же сердится, как сейчас, когда стоит, уперев руки в бедра, сверкая холодными серыми глазами?

— Вы правы, — неожиданно согласился он. — Приношу свои извинения.

Он оценивающим взглядом осматривал ее фигуру, и Моника была близка к тому, чтобы взорваться, когда напряжение разрядил голос Дороти.

— Вы здесь, мисс Д'Арси. Я слышала шум автомобиля. — Она вышла из застекленных дверей и осторожно пробиралась по террасе, захлавленной доска-

ми и инструментами. Это была высокая, крепкая женщина лет пятидесяти с короткой стрижкой. Она пользовалась коралловой губной помадой, носила накрахмаленную белую униформу, состоящую из рубашки и брюк.

— Как вам понравился сюрприз? — с улыбкой спросила Дороти. — Ваша мама знает, как вы любите сидеть здесь и смотреть на небо, деревья и все прочее, и она хочет, чтобы вы могли любоваться видом отсюда круглый год. Мистер Ламберт застеклит всю террасу, даже потолок. И вам будет видно, как олень пьет из ручья, как падает снег, и все такие вещи, которые вам нравятся. — Все это она говорила Монике с сияющим лицом, однако вскоре заметила суровость во взгляде Монике, и улыбка сошла с ее губ. — Все в порядке, мисс Д'Арси? Мама думала, что вы будете очень довольны.

Моника поправила ремешок сумки на плече.

— Я довольна, Дороти. Замечательная идея... Да, встреча с мистером Ламбертом была действительно для меня сюрпризом.

— Я вас понимаю... Надеюсь, вы познакомились? — Дороти озабоченно переводила взгляд с Монике на Ламберта.

Пит коротко засмеялся.

— Скорее, столкнулись...

Моника холодно посмотрела на него. Надменный сукин сын, весь из мышц. А мозги, должно быть, мышинные. Вслух она сказала:

— Я надеюсь, что вы не будете докучать мне после окончания рабочего времени, мистер Ламберт. Полагаю, оно уже закончилось.

— Да, и теперь можно заглянуть в бар неподалеку и пропустить пару-другую кружек пива. Может, там удастся встретить нескольких таких же дураков и устроить соревнование, кто кого перепьет, — с растяжкой произнес он. В глазах его сверкнули бесовские искорки.

Моника резко повернулась на каблуках.

— Не смею вас задерживать. — Она стала подниматься по лестнице на террасу упругим, уверенным шагом, который выработала еще в пятнадцатилетнем возрасте, однако ее эффектный уход был испорчен тем, что она споткнулась о лежащий на ее пути молоток.

— Сукин сын, — вырвалось у нее.

Она сумела удержаться и не высказать вслух всех проклятий, которые пришли ей в этот момент на ум. Моника услышала смешок Ламберта за спиной. Черт бы побрал этого человека!

— О, мисс Д'Арси! вы не ушиблись? — с тревогой в голосе спросила Дороти.

— Все в полном порядке, — бросила Моника и скрылась в дверях, не обернувшись.

— Еще и неуклюжая, — тихо пробормотал Пит. Дороти озадаченно посмотрела на него.

— Я искренне думала, что ей эта идея понравится, — проговорила Дороти, поправляя на носу очки в черепаховой оправе. Она покачала головой. Не обращайтесь внимание на бурный нрав мисс Д'Арси. Понимаете, она привыкла сама вести дела. Но вообще она очень славная девочка. Я никогда не видела, чтобы кто-нибудь так заботился о своей матери. Вы поймете меня, когда лучше узнаете ее.

«Узнать ее лучше? — да я предпочту языком выкрасить все стены».

— До завтра, Дороти — произнес он вслух, укладывая инструменты, после

чего закрыл доски брезентом.

Солнце превратилось в бледный лимон над самым горизонтом, воздух становился прохладным, как величественно-неприступная мисс Д'Арси. Такая женщина способна так подействовать на парня, что он перестанет чувствовать себя мужчиной. Пит покачал головой и бросил ящик с инструментами в пикап.

Моника доковыляла до гостиной, расположенной в передней части дома, где находилась ее мать, прежде, чем успела остыть. Мирей Д'Арси сидела в кресле на колесах и, закрыв глаза, слушала Лучиано Паваротти. Она открыла глаза и подняла голову, когда Моника влетела в комнату и плюхнулась в цветастое кресло. Чертыхаясь про себя, она сняла туфлю и потеряла ушибленный большой палец.

— Что случилось, *ma petit*?[6] — спросила Мирей Д'Арси тихим голосом. Прожив в Америке более тридцати лет, она так и не утратила французского акцента. Она сочувственно посмотрела на дочь, — ты поранила ногу?

— Гордость мою поранили, — раздраженно произнесла Моника, — ну почему, *тапап*, ты мне не сказала, что наняла этого несносного человека?

— Какого несносного человека?

— Питера Ламберта!

Мирей приподняла бровь. В свои шестьдесят два года она оставалась хрупкой и все еще красивой женщиной, несмотря на случившийся с ней удар, который растянул мышцы на одной стороне лица и лишил ее способности передвигаться.

И хотя правая часть ее лица несколько провисла, она неукоснительно соблюдала ежедневный ритуал туалета. Каждое утро Дороти помогала ей наносить румяна, тени, красить губы и подводить глаза. Блестящие черные волосы она подкрашивала, чтобы скрыть седину. Будучи прикованной к креслу-каталке, она тем не менее сохраняла стройную фигуру, а физиотерапия помогала ей поддерживать нормальный мышечный тонус. Она предпочитала яркие цвета, и Моника следила за тем, чтобы в гардеробе матери всегда был большой выбор красивых шелковых жакетов, шерстяных брюк, классических блузок с воротником-стойкой, которые очень нравились Мирей. Сегодня она выглядела особенно нарядной в своей зеленой блузке, темно-зеленом жакете с жемчужными пуговицами и в темных брюках. На шее у нее висело жемчужное ожерелье. Она подняла здоровую руку и потрогала его.

— Ты видела террасу? — Мирей казалась расстроенной, — я хотела сама показать ее тебе.

— Я направилась к террасе, когда увидела «пикап» и полный разгром. *Тапап*, это приятный сюрприз, только зачем ты наняла этого человека? Какой-то грубиян и болван!

— Кто, Пит? Нет-нет, он очень славный. И очень интересный.

Моника закатила глаза.

— Это, если тебе нравится, тип пещерного человека, *тапап*.

Мирей изучающе посмотрела на Моника:

— Что же все-таки произошло между вами?

— Ну, скажем так, мы не нашли общего языка, — пробормотала Моника, массируя пострадавший палец ноги. Она сбросила вторую туфлю, по коврику

подошла к матери и поцеловала ее в здоровую щеку. — Прости меня. Ты здорово придумала — застеклить террасу. Это грандиозная идея, и я не должна быть такой брюзгой. Просто я не ожидала, что столкнусь с таким мужланом.

Мирей покачала головой.

— Что угодно, только не это. Он милый и внимательный. Ты знаешь, он каждый день мне что-нибудь приносит. То свежие пирожные, то цветы, то книгу, которая ему нравится...

— Ты хочешь сказать, что он умеет читать? — изобразила удивление Моника.

Миниатюрная женщина засмеялась и потрепала дочь по щеке тонкой рукой с просвечивающими голубыми венами.

— Моника, ты невыносима! Он может читать, он может строить, он может даже готовить. В прошлый вторник, когда Софи была в отлучке, он сварил такую похлебку, что пальчики оближешь.

— Ты шутишь! — Моника покачала головой, пытаясь представить себе этого здорового строительного робота в белом фартуке.

Посмотрев на опухший палец, она дала себе зарок быть подальше от кухни, — вдруг он там оставил разбросанными ножи для разделки мяса или топоры, подобно тому как разбросал молотки на террасе.

— Мамап, насколько хорошо ты знаешь этого человека?

— Дороти и я встретили его однажды во время прогулки... Ты знаешь тропинку, которая ведет к усадьбе Паркеров? Мы дошли до мостика и увидели, как он работал на крыше. Он просто творил чудеса с этим старым домом! Ты не узнаешь его.

— И там вы его наняли?

— Примерно так. Мы стали прогуливаться туда каждый день. Однажды он пришел к нам, и мы посидели на террасе. Я стала говорить ему, что это твое самое любимое место.

— И тогда он, конечно, предложил застеклить террасу... Он же авантюрист, мамап!

— Нет-нет! Это была моя идея. Моника, ты всегда с таким подозрением относишься к людям. — Ее лицо приобрело грустное выражение. — Этого следовало ожидать... Я хочу сказать, если бы у тебя было не такое детство.

Моника стала перед матерью на колени и взяла ее за руку.

— Мамап, мы сейчас хорошо живем. Мы сами сумели сделать жизнь такой, — прошептала она. — Давай не будет трогать прошлое.

— Но иногда мне так грустно, что я не смогла подарить тебе счастливое, беззаботное детство. Моника, ты так много делаешь для меня, гораздо больше того, что я могла дать тебе.

На глаза Моника неожиданно навернулись слезы.

— Ш-ш... Мамап, мне доставляет удовольствие делать тебе что-нибудь приятное. Ты всегда так много работала, чтобы мы могли прилично жить... Нужно обладать огромным мужеством, чтобы повезти меня в Америку и самостоятельно всего добиться.

Мирей стала перебирать пальцы, что-то вспоминая. На ее лице затеплилась улыбка.

— Даже в то время с тобой было немало хлопот.

Моника не успела ответить. Они услышали, что через зал к ним идет Доро-

ти.

— Можно войти? — спросила она, появившись в дверях. — Я принесла лед для вашей ноги, мисс Д'Арси. Был такой грохот, когда вы споткнулись.

— Спасибо, Дороти. Я просто похожу некоторое время без туфель и все пройдет. Обед готов?

— Как всегда. Софи говорит, что суп аппетитный и острый, какой вы любите.

Дороти отпустила у кресла тормоз и покатила его к двери. Мирей посмотрела на дочь.

— Плохо, что Ричард не смог приехать вместе с тобой. Мы его так давно не видели.

«Мамап такая тактичная», — подумала Моника. Она знала, что мать всегда недоумевала по поводу того, что Ричард никогда не сопровождал Монику, когда она раз в неделю приезжала сюда. И все же Мирей запустила этот пробный шар.

— Ему пришлось сегодня улететь в Атланту. — Моника помолчала, затем добавила: — Я уверена, он скоро появится здесь.

Однако в душе она чувствовала, что это было неправдой. За восемнадцать месяцев их близкого знакомства он лишь дважды был в этом загородном доме: на Рождество и по случаю официального объявления об их помолвке.

Два раза Ричард старался быть предельно любезным с Мирей, но Моника видела, что ему не по себе из-за физического состояния ее матери. Однажды он рассказал ей, как мучительно умирал от рака его дед и каким беспомощным чувствовал он себя, тогда четырнадцатилетний мальчишка, видя, как крепкий, здоровый мужчина, который раньше брал его на рыбалку и лыжные прогулки, на глазах превращался в немогущий скелет, будучи не в состоянии произнести даже своего имени. Ричард не мог преодолеть в себе этого чувства беспомощности вплоть до нынешнего дня.

В итоге Моника вынуждена была постоянно извиняться перед матерью. И раз в неделю приезжать к ней в одиночестве — обычно в тот день, когда Ричард бывал в отъезде. Она понимала Ричарда, но все же ей очень хотелось, чтобы два человека, которых она любила больше всего на свете, узнали бы друг друга так, как она знала каждого из них.

Моника подавила в себе вздох и села на свое обычное место во главе стола. Мать и Дороти расположились слева от нее. В столовой аппетитно пахло специями и свежеприготовленным супом. Моника осмотрелась. Стол был накрыт скатертью камчатного полотна, которую она лично приобрела в Ирландии, и сервирован фарфором с золотыми ободками и белыми лебедями, привезенным из Англии. Под стать была украшенная лебедем ваза с роскошными желтыми розами, стоявшая между высокими золотыми подсвечниками.

— Ричард будет у нас в День Благодарения? — продолжала допытываться Мирей, с надеждой глядя на дочь, пока Дороти наливала в хрустальные бокалы Шардонне.

Моника закусил губу. Осторожно орудуя половником, она разливала суп и тщательно подбирала слова.

— Прости, мамап, дело в том, что мы будем в это время на Мауи, нужно подыскать места для натуральных съемок. Они начнутся второго января... Ты помнишь, я говорила тебе о специальном выпуске журнала.

— Она помнит, — вмешалась Дороти. — Она все время смотрит ленту Оп-ра-шоу.

Мирей выдавила улыбку, за которой явно скрывалось разочарование.

— Прости, маман, но я буду здесь на Рождество, обещаю тебе.

— Ничего, все в порядке. Не беспокойся о нас. Возможно, мы пригласим Пита Ламберта на обед в День Благодарения. У него, по-моему, нет семьи.

Эта идея, кажется, взбодрила ее. Она снова улыбнулась Монике, на сей раз с неподдельным интересом.

— А сейчас, ma petite, расскажи мне об «идеальной невесте». Как идет дело с выпуском специального номера? Ты уже встречалась с Анной Кейтс?

— Нет еще, но я уже разговаривала с ней по телефону. Она представила мне длинный перечень условий.

Падкая до слухов и сенсаций, Дороти наклонилась вперед.

— Каких это?

— Она никак не соглашается, чтобы Джон Фаррелл снимался в купальном костюме. Она против будуарных съемок с участием обоих, хотя сказала, что готова позировать в белье или в купальном костюме, но предварительно должна знать, что это за белье. Она хочет, чтобы съемки длились не более десяти часов в день. И ничуть не дольше. Довольно жесткая особа, вовсе не отвечает своему имиджу. Но в то же время она была очень любезна.

— Я читала в бюллетене, что сенатор Фаррелл настоял на расторжении ее последнего контракта с продюсером, потому что ее роль в этом фильме плохо согласуется с имиджем будущей Первой леди, — сказала Дороти.

Моника удивленно подняла бровь.

— Насколько мне известно из разговора с ней, решение может принять только она сама.

Моника отметила для себя, что ей по душе бескомпромиссный, здравый подход актрисы. Она не скулила, не упрашивала, не юлила и не командовала. Она вежливо, но решительно объявляла, будет или нет сниматься в фильме.

Когда они обсуждали некоторые детали, Моника в категоричности тона актрисы где-то узнавала себя.

«Анна Кейтс любит быть хозяйкой положения, как и я», — подумала она.

Точно таким был и Ричард, который фанатично любил порядок во всем. Пока что они находили общий язык, ибо контролируемые ими территории не пересекались. Это было одной из причин, почему они до настоящего времени жили каждый в своей квартире. Моника не без опасений думала о том времени, когда они съедутся. Тем не менее как-то надо было решать эту проблему. Через восемнадцать месяцев, десять из которых он оставался в браке с Шенной, наступит время, когда возникнет необходимость создавать общий дом, где они смогли бы растить детей.

Они выбрали особняк в Осборне, и Моника с одобрения Ричарда принялась обустроить его. Выходец из нью-йоркской семьи, относящейся к среднему классу, и добившийся успеха собственными силами, Ричард любил окружать себя тем, что напоминало ему о его успехе. Он предпочитал мягкие кожаные диваны, с желтой или красной обивкой, картины с изображением сцен английской охоты современными или декоративными полотнами, которые нравились и Монике. Пока что ей удавалось как-то примирять столь различные вкусы и склонности: в доме удивительно сочетались яркий цвет и приглушен-

ные тона, современная изысканность и очарование старины.

Позже, когда Моника и мать в гостиной покончили с кофе и Дороти отвезла Мирей в спальню, Моника подбросила полено в камин и опустилась на коврик, наблюдая за пламенем. Ее мысли были сосредоточены на Ричарде.

Запах горящих поленьев напомнил ей аромат его трубки, и она стала вспоминать свою первую встречу с ним. Их потянуло друг к другу еще до того, как она узнала, что он женат на Шенне Мальгрю.

«Я хотела его, еще не зная о ней», — напомнила она себе.

Когда же она узнала о Шенне, она захотела его еще больше.

Глава восьмая

Они встретились на одном из приемов. Это было шумное, безалаберное мероприятие с играми, пальмами, попугаями, макао и джунглями из тропических цветов. Воздух был пропитан запахами духов, дыма, пряным ароматом цыплят под острым соусом. Моника вышла на террасу, чтобы прийти в себя от шума голосов, пытающихся перекричать гром карибского оркестра. Удары барабанов, пьяный смех отдавались в ее голове, рождая боль в висках.

У нее был тяжелый день, и она не была настроена развлекаться в этот вечер. К тому же голова болела нещадно...

Она увидела высокого мужчину в черном смокинге. Он дымил трубкой и смотрел на огни вечернего города. Пахло весной, воздух казался сырým и прохладным.

— Еще один беглец от шума и суеты? — спросил он с отрешенной улыбкой, заметив неподалеку от себя Монику.

— Головная боль и самбо плохо сочетаются. Не возражаете, если я нарушу ваше уединение?

— Ради Бога.

Моника прижала руки к вискам и вдохнула свежего весеннего воздуха. Открыв глаза, она увидела, что незнакомец смотрит на нее, скользя взглядом по ее черному платью с блестками. Серьги из горного хрусталя сверкнули при лунном свете и отразились в его глазах. Моника, в свою очередь, окинула его изучающим взглядом.

Она решила, что ему под пятьдесят, если судить по проблескам седины на висках. Ей понравился его профиль с мужественным подбородком и исходящая от него уверенность, которая была для него столь же естественной, как и безупречного покроя смокинг. Он производил впечатление богатого, сильного и уверенного в себе человека.

— Может быть, вам достать аспирина? — спросил он, вытряхивая табак из трубки в каменную урну.

— Нет, благодарю, мне сейчас станет легче.

Он сунул трубку в карман и приблизился на шаг. От него пахло табаком, тонкой кожей и каким-то экзотическим соусом. Взглянув на него, Моника почувствовала, что между ними пробежал электрический разряд.

Когда он дотронулся пальцами до ее затылка, раздвинув пряди волос, она напряглась, не поняв его намерений.

— Иногда это помогает, — пробормотал он и начал пальцами растирать напряженные мышцы ее шеи. По ней пробежала дрожь, причиной которой мог быть либо прохладный воздух, либо теплые пальцы, снимающие с нее напряжение.

— Лучше?

— Гм... гм... — Моника на мгновение откинула голову назад, прижавшись к массирующим пальцам, затем заставила себя снова выпрямиться. — Благодарю вас... Мне уже значительно легче.

— Куда, по-вашему, вы идете? — спросил он, когда она направилась к стеклянной двери. Его голос ласкал, подобно его уверенным и волшебным пальцам. — Хотите уже превратиться в тыкву? До полуночи еще далеко.

Моника посмотрела на него — красивого, уверенного в себе мужчину, в

глазах которого читался призыв. Она позволила себе изобразить улыбку.

— Боюсь, пора спешить к моей золотой карете. Эти хрустальные башмачки с каждой минутой становятся все теснее.

Его темные глаза оценивающе скользнули по ее стройным ногам, к элегантным туфлям на высоких шпильках.

— Может быть, я помогу вам в этом, — медленно сказал он. — Что вы скажете, если мы воспользуемся моей каретой и сбежим отсюда? В кафе Данго готовят великолепный кофе со сливками... Немного кофе, немного беседы... Вы сможете сбросить ваши башмачки. Я могу даже помассировать ваши ступни.

— Вы настоящий принц.

— Какого и заслуживает настоящая принцесса.

Моника засмеялась.

— Близко к истине. Я графиня Моника Д'Арси — графиня де Шевалье. А вы?

— Ричард Ивз. Рад познакомиться, графиня. — Он поцеловал ей руку.

Именно в этот момент она поняла, что этот чертовски привлекательный мужчина, флиртующий с ней на затемненном балконе, — муж Шенны Мальгрю.

Ричард Ивз. Это имя прозвучало, как свист ветра. Ричард Ивз. Магнат — миллиардер. Глава издательской империи. Он был в состоянии купить и продать королеву Англии. У него имелись филиалы во всех частях света. И он был женат на женщине, которая была ее единственным настоящим врагом.

Начал накрапывать дождь.

— Так как насчет кофе со сливками? — спросил он, не выпуская ее ладонь. Он так и не выпустил ее: сунул под свою прижатую руку и повел в сторону карибского оркестра.

Она позволила ему вести себя, испытывая целую бурю эмоций. К черту Шенну Мальгрю — ее влекло к этому человеку. Она последует за ним и посмотрит, куда это ее приведет.

Дрова потрескивали в камине. Моника потянулась к шоколадному ликеру, который стоял на низком кофейном столике. Ликер приятно согрел и пощекотал ей горло. Согрел и пощекотал. Именно так чувствовала она себя в тот вечер, когда встретила с Ричардом. И к чему это привело? К новой работе, к новому дому, к замужеству.

На ее губах блуждала улыбка. Ветер бросал листья в окна. Она слышала негромкие шаги Дороти. Согретая ликером и камином, она испытывала удовлетворение от жизни. В ту первую ночь у нее и в мыслях не было заменить Шенну Мальгрю Ивз в постели или в зале заседаний совета директоров. Моника даже не могла точно определить, когда поставила себе такую цель. Она с уверенностью могла сказать лишь то, что ее с самого начала влекло к нему, так же как и его к ней. Ее чувство к Ричарду и желание отомстить Шенне тесно переплелись.

Они с Ричардом были очень похожи: оба были деятельные и энергичные. Сплав их индивидуальностей, их страсти, любви к жизни и к власти оказался настолько прочным, что его невозможно было разрушить. Через шесть месяцев после первой ночи Ричард попросил Шенну дать развод и переехал в собственные апартаменты. Позже, после шумного бракоразводного процесса, он сместил ее с поста главного редактора «Идеальной невесты» и назначил на ее

место Монику.

Замечательно, решила Моника. И думала она сейчас вовсе не о ликере. Да, она смаковала каждую деталь падения Шенны. Она отняла у нее работу, мужа и ее самодовольную уверенность в себе. Но окончательный удар еще впереди. День свадьбы Моника и Ричарда будет вершиной ее триумфа над Шенной Мальгрю. Какая красивая месть! Можно считать, что теперь Шенне полностью воздастся за те страдания, которые она когда-то причинила Монике.

После еще одного глотка ликера ее мысли сосредоточились на событиях еще большей давности. Она вспомнила обстоятельства, при которых впервые встретила Шенной Мальгрю.

— Где эти платья?

Мирей Д'Арси стояла, трепеща от ужаса, перед разъяренной Шенной Мальгрю.

— Я тебя спрашиваю, идиотка! Миссис Эмерсон ждет. Где ее платья?

— Я их не видела, мисс Мальгрю. — От волнения ее французский акцент стал еще заметнее, что еще более раздражало Шенну. — А вы не спрашивали Деллу? Может быть, она...

— На карточке твое имя. — Шенна швырнула в лицо Мирей желтую карточку. — И ты должна была исполнить заказ сегодня! Миссис Эмерсон утром отбывает в Европу, и я пообещала, что ее платья будут сегодня готовы.

Трясаясь от страха, Мирей смотрела в белые от гнева глаза руководительницы отдела. Шенне Мальгрю было всего двадцать пять, но она уже выдвинулась в руководство фирмы. Высокая и худая, словно манекенщица, с густыми подстриженными светлокаштановыми волосами, она отличалась исключительной самоуверенностью, своеобразным стилем одежды и широким энергичным шагом. Из-под густо накрашенных век смотрели глубоко посаженные и зоркие глаза, не упускающие ни малейшей детали, которая имеет отношение к ее маленькому царству. У нее был вздернутый носик и маленький, в форме дуги, рот, что делало ее больше похожей на принцессу из спектакля какого-нибудь загородного клуба, чем на энергичную, делающую карьеру женщину. Тем не менее, она, видимо, родилась с амбициями и неукротимым желанием добиться своей цели, занять такое место в жизни, чтобы никто не посмел встать у нее на пути.

Сегодня она особенно разозлилась. Она прямо-таки заходила от гнева и ярости, — и все это выплеснулось на миниатюрную белошвейку-француженку, стоявшую перед ней.

Мирей лихорадочно пыталась вспомнить, видела ли она когда-нибудь эти злосчастные платья. Когда Мирей бросила испуганный взгляд на злую матрону, выряженную в одежду фирмы Шанель и курившую у прилавка, она почувствовала спазм в желудке. Она беспомощно взглянула на молодую продавщицу.

— Мисс Данбар, какого цвета были платья?..

— Я не верю тебе! — взвизгнула Шенна. — Никогда не встречалась с такой бестолочью! — Она резко повернулась к продавщице и сунула ей в руки желтую карточку — Мисс Данбар, разыщите эти платья... Сию же минуту! — Она направилась к клиентке, маскируя свою ярость напускным спокойствием. — Миссис Эмерсон, приношу извинения за этот возмутительный инцидент. Уве-

ряю вас, что я лично разберусь с этим и доставлю вам платье к пяти часам вечера. Лично гарантирую вам это.

Миссис Эмерсон сверкнула глазами.

— Поскольку до сих пор у меня не было претензий к вашему сервису, я не стану ничего предпринимать. Однако если я не получу платье к пяти часам, обещаю, что ваш управляющий... нет, президент компании — узнает об этом, — предупредила она.

Мирей направилась к вешалкам готового платья, за ней двинулась Керри Данбар.

— Мирей, я думаю, что она отдала переделывать эти платья Делле, — шепнула Керри. — Посмотри на дату на карточке. По-моему, в этот день Моника заболела ветрянкой, и тебя здесь вообще не было.

Мирей прекратила свои бесплодные поиски платьев... А ведь сегодня день начался так радостно. Утром она поцеловала Монику и принесла ей в постель французские тосты по случаю своего дня рождения. Однако, после возникшего скандала с платьями, все развеялось, как дым. Мирей чувствовала, что судьба ее предрешена.

Сутилившись, она отрешенно посмотрела Керри в лицо.

— Это не имеет значения, Керри, — тихо сказала она. — Шенна настроена уволить меня в любом случае.

Уже несколько месяцев Мирей не зря опасалась этого. Однажды задержавшись допоздна, она невольно стала свидетелем телефонного разговора Шенны и Уэйна Кингсфорда, главного заказчика готового платья для мужчин, когда они договаривались о совместном обеде.

Уэйн Кингсфорд был отцом двух маленьких детей, жена была беременна. Его беседа с Шенной не оставляла сомнений: обед будет с продолжением. По возникающим паузам Мирей поняла, что их отношения не ограничивались только разговорами.

Она продолжала молча работать, моля Бога о том, чтобы Шенна ушла, не обнаружив ее присутствия. В конце концов это не ее забота, чем занимается Шенна Мальгрю.

«Кто я такая, чтобы быть им судьей?» — подумала Мирей, пожав плечами. Конечно, им будет весьма неприятно узнать, что она слышала их разговор...

Словно нарочно, в тот день Шенна оставила свой плащ на вешалке в отделе... Мирей никогда не забудет выражения ее лица, когда она проходила мимо комнатки Мирей и увидела ее.

— Что вы здесь делаете? Мы закрылись пятнадцать минут назад.

— Заканчиваю работу, мисс Мальгрю. Я не люблю останавливаться на середине, когда подрубаю платье, — стежок будет отличаться. Джо Нестор обычно открывает дверь и выпускает меня, когда я задерживаюсь. — Она старалась справиться с волнением, говорить ровным голосом, не поднимая глаз, но нутром чувствовала гневный сверлящий взгляд Шенны.

— Я никогда не подозревала, что у нас такие старательные сотрудники, — отчеканила Шенна. — На ее верхней губе выступили мелкие бисеринки пота. — Впредь, Мирей, будь добра ставить меня в известность, если ты снова не успеешь сделать работу за отведенное время.

— Она схватила свой плащ и удалилась. Но с тех пор Мирей постоянно ощущала ее враждебность. Она понимала, что Шенна думает, будто Мирей бу-

дет разносить сплетни по всем отделам. Мирей же не сказала об этом никому. Она была гордой женщиной, не любила, когда вторгаются в ее душу и не пыталась вторгаться в души других.

— Эта сучка все время ждала предлога, чтобы отделаться от тебя, — сочувственно сказала Керри, сжимая желтую карточку в руке. — Она многие месяцы придиралась к тебе, не могу понять почему. Ты бы знала, как она выходила из себя, когда Моника заболела и ты не вышла на работу.

Мирей устало опустилась на складной стул.

— Я знала, что это разозлит ее, но у дочки был сильный жар... Доктор сказал, что дети в старшем возрасте тяжелее переносят ветряную оспу, чем маленькие. У нее сыпь была с головы до пят... Ну как я могла ее оставить? — прошептала она.

Керри не успела ответить. — К ним ворвалась Шенна.

— Мирей, убирайся отсюда! Немедленно! Керри, почему ты не ищешь платья? Кто-нибудь, кроме меня, здесь что-нибудь делает?

Керри увидела, как побледнело лицо Мирей.

— Мисс Мальгрю, — в отчаянии заговорила Керри, — здесь произошла ошибка. Мирей не было на работе в тот день, когда миссис Эмерсон принесла эти платья... Именно в тот день у нее дочка заболела ветрянкой. Я думаю...

— Я плачу тебе не за то, что ты думаешь. Иди и немедленно найди платья, если ты не хочешь оказаться в очереди безработных вслед за своей подружкой.

Мирей положила ладонь на руку Керри.

— Иди, — сказала она твердо, глядя в лицо подруги большими, печальными глазами.

Когда Керри удалилась, Мирей встала.

— Пожалуйста, поймите, мисс Мальгрю, — произнесла Мирей, смиряя свою гордость при мысли о Монике, о необходимости платить за квартиру и о счете доктору, который она еще не оплатила, — мне сейчас никак нельзя терять работу. — Она подкрепила просьбу типичным французским жестом. — Поверьте, меня не было на работе, когда поступил заказ на эти платья... Я впервые слышу о них. И вам известно, что на мою работу никогда не было жалоб... А многие постоянные клиенты специально просят, чтобы я выполняла их заказы.

— Больше они не будут просить об этом, — холодно ответила Шенна. — Она круто повернулась. — Получите расчет в конце недели. — И ушла, стуча каблуками по плиткам пола, обдав запахом дорогих резких духов.

Из стереомагнитофона доносился томный голос Элтона Джона, когда через некоторое время Мирей вошла в свою маленькую квартирку. Она заблаговременно осушила слезы. Перед Моникой она не должна плакать.

Окна были открыты, но ветерок едва шевелил шторы и почти не проникал в тесное помещение, которое Мирей изо всех сил старалась сделать уютным. Недавно она сшила новый чехол из ситца для старенького потертого дивана, купленного некогда по случаю. Белое макраме, украшенное розовыми и желтыми бусами, которое Моника подарила ей на Рождество, висело рядом со шкафом бледно-желтого цвета. На его полках стояло несколько дорогих книг, множество цветов в горшках и свечи. И хотя в моде были спокойные темные тона, Мирей и Моника окрасили холодильник и плиту в белый цвет, нанесли

сверху легкие пастельные узоры, что зрительно увеличивало их размеры. Кроме гостиной и кухни, у них была общая маленькая спальня, которая благодаря их стараниям, подушечкам, зеркалам и пушистому светлому коврику на сияющем чистотой полу выглядела очень уютной.

Моника сидела в кухне за деревянным столом, корпя над учебником по алгебре. Она спешила наверстать упущенное за неделю болезни и настолько погрузилась в формулы, что не слышала, как мать ключом открыла дверь. Мирей некоторое время молча смотрела на сосредоточенное лицо дочери, с гордостью отметив, что Моника очень красива. Даже еще не вполне сошедшие следы только что перенесенной ветрянки на ее лице и шее не портили исходящего от нее очарования. Нельзя было не залюбоваться экзотическим разрезом ее глаз или тонким оригинальным профилем. Черные густые волосы отчасти скрывали черты лица четырнадцатилетней девочки-подростка, которая на глазах, превращалась в роскошную женщину.

Мирей вздохнула и посмотрела на сияющую чистотой кухню. Моника неукоснительно следила за тем, чтобы посуда была вымыта и вытерта до ухода в школу. Когда Мирей возвращалась вечером после работы домой, она неизменно видела чистый пол, блестящую раковину, свежее сухое посудное полотенце. Моника, видимо, сегодня уже успела отнести белье в прачечную, потому что корзины, которую Мирей оставила утром в углу гостиной, не было видно.

«Замечательная у меня дочь», — подумала Мирей, чувствуя, как любовь к Монике переполняет ее грудь. — Как жестоко будет с моей стороны расстроить ее!»

Услышав невольный вздох Мирей, Моника резко подняла голову.

— Маман, почему ты пришла так рано? Ты не заболела ли? — Она шумно отодвинула стул и бросилась к ней со всей непринужденностью подростка.

Мирей смогла лишь отрицательно покачать головой, говорить она была не в состоянии. Она опустилась на диван и сбросила туфли, пытаясь взять себя в руки. Она боялась напугать Моника.

— Маман! — В голосе Моника прозвучала тревога. Она заметила неестественную бледность в лице матери. В ее обычно живых глазах, казалось; потух огонь. — Что случилось?

— Пожалуйста, родная, выключи музыку. Я хочу поговорить с тобой...

Спустя час Моника стояла перед величественным зданием Ронуит Теллер. Она обязана сделать это. Она не может смириться с тем, чтобы мать потеряла работу, тем более сегодня, в день своего рождения. Она не боится Шенны Мальгрю или кого бы то ни было, внушала она себе, отводя волосы за уши. Универмаг был для нее родимым домом. Они с Мирей приходили сюда по крайней мере раз в месяц в субботу полюбоваться элегантной одеждой, выставленными под стеклом украшениями, модельной обувью и кожаными сумочками, понаслаждаться запахом духов и косметики. Они медленно проходили по всем отделам, внимательно разглядывая товары, выставленные для продажи.

Мирей изучала фасоны, приглянувшиеся Монике, и затем дома терпеливо показывала ей, как сшить такое же платье из подобной ткани, которую можно купить в другом месте по более низкой цене. Благодаря матери Моника приобрела вкус к элегантной одежде и имела возможность прикасаться к мод-

ным платьям и костюмам, когда мать приносила их домой, чтобы поработать над срочным заказом ночью.

Однако сегодня, войдя в этот сверкающий рай, Моника не испытала обычной эйфории. Взявшись за латунную ручку, она увидела свое отображение в застекленной двери — худую, длинноногую девчонку в красном мини-платье. Она тяжело вздохнула, вспомнив, как в эту минуту мама мерит комнату шагами, и толкнула массивную дверь.

«Ты должна это сделать, — сказала она себе, проходя мимо сверкающих витрин и прилавок к эскалатору. — Ты должна объяснить мисс Мальгрю, что мама не виновата».

Моника никогда раньше не видела Шенну Мальгрю, но как-то случайно она подслушала жалобы маминой подруги Деллы на ее бесконечные придирки и грубость. Что касается мамы, то она никогда не жаловалась. Моника понимала, что мать просто оберегала ее. Им уже немало пришлось пережить. Непросто было оплачивать ежемесячные счета за жилье, не говоря уже об уроках игры на фортепиано, которые брала Моника по настоянию мамы.

Моника всячески старалась помочь матери. Она приглядывала за соседскими детьми, выполняла роль посыльного у престарелой миссис Девейн, которой трудно было преодолевать лестницу. Она понимала, что потеря даже недельного жалованья матери чревата серьезными осложнениями. К тому же мама любила свою работу. Она была лучшей белошвейкой фирмы. Клиентам импонировала ее европейская школа, они неизменно отмечали высокое качество ее работы. Гордость не позволяла Мирей Д'Арси представить клиенту плохую работу.

«Возможно, мисс Мальгрю уже жалеет, что уволила маму, — подумала Моника, поднимаясь по эскалатору на второй этаж. Несмотря на свою решимость довести дело до конца, она почувствовала, как вспотели ее ладони, когда взялась за перила. — Вероятно, мисс Мальгрю уже нашла платье, и вопрос закрыт... Все будет хорошо», — сказала себе Моника.

Мирей просила ее не ходить, но Моника настояла на своем.

Разве могла она оставить в беде маман, которая принесла столько жертв ради нее? Она подумала о сюрпризе для мамы — праздничном вечере по случаю дня ее рождения, безнадежно испорченном, если маму не вернут на работу. Этого никак нельзя допустить.

У Мирей Д'Арси была трудная жизнь. Она родилась в маленькой деревеньке во Франции и в раннем детстве осиротела. Много лет она работала в женском монастыре, где шила одежду для священников, вышивала скатерти и мантии, чинила одежду монашек. Моника не могла себе представить более скучного занятия. Мирей удалось вырваться из этой рутины, выйти замуж и стать работницей состоятельного графа и графини де Шевалье. Она была их личной белошвейкой, и ей хорошо платили. Ее мастерство было замечено, и часто по ночам она выполняла сторонние заказы. В течение какого-то времени она была счастлива. Но заветной мечтой Мирей было уехать в Америку и открыть собственное ателье. Она жила очень экономно, копила деньги и через год или два могла отправиться в путешествие. Однако безвременная гибель графа и графини Шевалье в автомобильной катастрофе вынудила ее предпринять этот шаг раньше, чем она планировала.

Моника никогда не знала своего отца — он умер, когда она еще не помнила

себя. Мать рассказывала, что это был добрый и благородный человек, довольно красивый, но бедный. Моника иногда задавала себя вопрос, как бы сложилась их жизнь, если бы отец не умер. Но она настолько привыкла жить с матерью, что не могла этого представить. Сколько она себя помнила, ее опорой была мама, которая никогда не жаловалась и не выказывала сомнений, никогда не рассказывала дочери о трудностях, какие бы материальные и финансовые коллизии ни возникали на их жизненном пути.

Теперь настала очередь Монике защитить мать.

Она сошла с эскалатора, полная решимости довести дело до благоприятного исхода. Войдя в отдел, где работала мать, она узнала Керри Данбар, которую видела в одну из суббот.

— Мисс Данбар, вы не могли бы мне сказать, где я могу найти мисс Мальгрю.

Монике показалось, что огромные голубые глаза на круглом симпатичном лице Керри Данбар стали еще больше.

— О, Моника, я не думаю, что тебе стоит подходить к ней ближе чем на десять футов. Она в кошмарном настроении... Мы до сих пор не нашли эти злополучные платья.

— Где она?

Керри указала в сторону стола, у которого высокая блондинка нервно рылась в грудe квитанций.

— Но, Моника...

Моника не дослушала ее фразу до конца. Выпрямившись и ступая вымеренными шагами, она приблизилась к женщине, которая ластиком переворачивала квитанции. Моника кашлянула.

— Да, — сказала Шенна, — чем могу помочь?

— Мисс Мальгрю?

Кукольные глаза Шенны прищурились. Она бросила карандаш на стопку квитанций и, выпрямившись, уставилась на стоящую перед ней девочку-подростка.

Шенна оказалась высокой, стройной, молодой женщиной, в белом льняном платье без рукавов. Золотая цепочка на шее гармонировала со свисающими кружками сережек и часами фирмы Ложин, украшенными бриллиантами. Ногти ее были покрыты светло-розовым лаком. Этой женщине нельзя было отказать в привлекательности. Но она явно злоупотребляет духами, и запах у них очень резкий, раздражающий. Может быть, именно это последнее и подстегнуло Моника и она бросилась в омут.

— Я Моника Д'Арси, дочь Мирей, и хотела бы поговорить о своей матери, — решительно начала она.

Шенна недовольно фыркнула и снова уткнулась в квитанции.

— Здесь говорить не о чем.

— Но, мисс Мальгрю, вы меня не совсем поняли. Моя мать нуждается в работе. И она не сделала ничего плохого. Кто-то другой допустил ошибку, но мама в этом не виновата. Вы должны дать ей шанс.

— Я ничего не должна.

Сердце Моника упало. Она увидела презрение в глазах женщины. Шенна Мальгрю смотрела на нее как на букашку. «Она не способна испытывать сострадание, ей глубоко наплевать на нас», — подумала Моника, и почувствовала

ла, что ее охватывает паника. Но она должна убедить Шенну.

— Но, мисс Мальгрю, моя мать отличная работница и эта работа для нее все. Она берет ее даже на дом.

— Ах, на дом! — саркастически воскликнула Шенна.

Моника помолчала, не понимая, почему Шенна с таким интересом смотрит на ее платье.

— Где ты взяла его? — внезапно спросила Шенна, показав на платье.

— Его сшила моя мать.

— Ты врешь! Это платье продается вон там! Оно стоит сто семьдесят пять долларов. Каким образом ты могла раскошелиться на него?

— Я не вру! — Щеки Моника вспыхнули и приобрели цвет платья. — Моя мать сшила его. Она его скопировала. Надеюсь, в этом нет ничего дурного.

— В том случае, если это правда.

Моника сделала новую отчаянную попытку вернуть разговор в нужное русло.

— Я уверена, что ваши клиенты были довольны работой моей мамы.

— В таком случае ей не составит труда найти работу в другом месте. Разве не так?

Моника почувствовала, что холодеет, несмотря на кондиционер, ее подмышки стали липкими от пота.

Она оперлась ладонями о прилавки и наклонилась вперед, ненавидя эту женщину за то, что та вынуждает ее опуститься до унижительных просьб.

— Но она любит свою работу, мисс Мальгрю. Пожалуйста, дайте ей шанс. Ей всего два года до пенсии, ей трудно начинать все сначала где-то в другом месте?

Шенна собрала все свои бумаги и отвернулась.

— Это не мои проблемы. Моя проблема — миссис Эмерсон и эти платья, которые я обещала доставить ей готовыми сегодня, хотя мы, кажется, вообще их не найдем.

Моника побежала вслед за удаляющейся Шенной. Керри Данбар сочувственно следила за ней уголком глаза...

— Но, мисс Мальгрю, это несправедливо!

Глаза Шенны злое сверткнули.

— Я и без того потратила слишком много времени на тебя и твою идиотку-мать! Освободи помещение немедленно, пока я не позвала охрану! Ты слышишь, безмозгая тупица?! Вон из моего магазина!

На них смотрели люди. Моника застыла в шоке. Тем временем Шенна удалилась, оставив после себя тошнотворный запах духов. Слезы брызнули из глаз Моника.

— Сука смердящая, дерьмо вонючее, — прошептала она, — больше ты никто...

Моника не помнила, как выбралась из магазина и добралась домой.

А вечером она изо всех сил старалась сохранять улыбку на лице, когда соседи один за другим пододвигали стулья к празднично накрытому кухонному столу.

Моника зачарованно смотрела на горящие свечи по краям шоколадного торта.

— Мама, загадай желание, — сказала она, обняв Мирей за худенькие пле-

чи.

Миссис Скапарелли сунула салфетку в вырез тенниски Джо и сказала:

— Только вслух не произносите, иначе ваше желание не исполнится.

Едва Мирей задула свечи и попыталась придать своему лицу веселое выражение, раздался громкий стук в дверь.

— Кто бы это мог быть? Вы еще кого-то ждете? — престарелая миссис Девейн оглядела кухню. Здесь были все: Ида Скапарелли и ее два скандальных малыша, Джо и крошка Ева, миссис Витковски, занятая как всегда, своим слуховым аппаратом; даже мистер Гуммер со своей женой, принесший по случаю события галлон неаполитанского мороженого.

Моника посмотрела в глазок двери и увидела двух полицейских в униформе.

— Добрый вечер, мисс. Мы хотели бы поговорить с Мирей Дарси. Она дома? — Старший по возрасту офицер, дородный мужчина с рыжими волосами, выбивающимся из-под фуражки, с ошибкой прочитал фамилию матери, глядя на казенный бланк.

Сердце Моника, казалось, выскочит из груди. Она отступила в узкий коридор, прикрыв дверь.

— Да, а в чем дело?

— Нам нужно задать миссис Дарси несколько вопросов. Она дома?

— Но у нас праздник по случаю ее дня рождения. Вы не могли бы прийти завтра?

Они, естественно, не могли, и Моника вынуждена была вызвать мать в переднюю. Она отчетливо представила себе, какое любопытство у гостей вызывает тот факт, что полицейские задают вопросы Мирей в связи с пропажей платьев. Они объяснили, что у них есть ордер на обыск. Мирей устало привалилась к стене, ее лицо побледнело.

Моника кипела от ярости, щеки ее полыхали. «Как они смеют даже в мыслях допустить, что тамап может украсть? Сама Шенна Мальгрю не верит в это! Впрочем, не исключено, что именно она и затеяла все это дело...»

Когда полицейские стали осматривать кладовки и ящики с одеждой, заглядывая даже под кровати, гости в смущении один за другим покинули квартиру... Наконец Мирей и Моника остались вдвоем. Едва начатый торт, растаявшее мороженое, разбросанные смятые флажки и спущенные воздушные шары казались немymi свидетелями беды, пришедшей в их дом. Моника обняла мать и разрыдалась.

— Я ненавижу Шенну Мальгрю! Я готова убить ее!

— Тихо, моя дорогая! — Мирей пригладила волосы дочери, отведя их от заплаканного лица, и в свою очередь прижала Моника к себе. — Это не имеет значения.

Но Моника знала, что это имеет значение. Ее мать обладала обостренным чувством собственного достоинства, и с ней так несправедливо обошлись. Как ни старалась Мирей казаться спокойной, она испытала глубокое потрясение, лицо ее осунулось и приобрело землистый цвет.

В Монике все клокотало от ненависти и бессилия. «Как можно быть такой жестокой!» — думала она о Шенне.

Ночью она внезапно проснулась и поняла, что одна в душной спальне, — кровать матери пуста. Не видно было света и в ванной. Моника на цыпочках

подкралась к двери и слышала звуки, похожие на стоны раненого животного. Обхватив себя руками, мать стояла, покачиваясь, перед открытым окном, пытаясь справиться с рыданиями, вырывавшимися из ее груди.

Моника бросилась на постель и зарылась лицом в подушку. Здесь она дала волю слезам, испытывая мучительную боль за мать. Когда наконец она выплакалась и вытерла в темноте слезы наволочкой, она поклялась, что заставит Шенну Мальгрю сполна заплатить за все их обиды и унижения. Когда-нибудь она так или иначе отомстит этой твари.

Моника допила остатки ликера, смакуя сладкие густые капли с таким удовольствием, с каким смаковала свою победу над Шенной. Конечно, Шенна не имела понятия, что женщина, которая обворожила ее мужа и отняла у нее работу, когда-то, будучи четырнадцатилетней девчонкой, стояла перед ней в красном мини-платье, тщетно пытаясь защитить мать. Шенна никогда не узнает, что та «безмозглая тупица», с которой она так жестоко обошлась двадцать лет тому назад, явилась причиной ее теперешних несчастий.

Ранним утром, возвращаясь в город, Моника удовлетворенно подумала, что если спокойную обеспеченную жизнь тамап можно считать достойным реваншем, то она расквиталась с Шенной.

Если сегодня совет директоров пройдет по плану и бюджет для июньского выпуска будет утвержден, то она окажется дома свободной. И тогда, если не разразится на Мауи ураган, или Джон Фаррелл не передумает в последний момент, или эта маленькая маникюрша Тери не окажется какой-нибудь убийцей или чем-то вроде того, то — в этом Моника была уверена — успех выпуска обеспечен. Тираж должен подскочить, причем подскочить здорово, в противном случае совет директоров потребует ее крови. Если продажа от журнала резко не увеличится, Дрю Макартур, президент отдела распространения станет добиваться ее отставки и немедленного возвращения на должность Шенны.

«Но раньше я убью ее», — поклялась Моника, еле двигаясь в потоке автомашин, поскольку начался час пик. Нажимая на тормоз, она всякий раз ощущала, как болит ушибленный палец, и с раздражением вспоминала ухмылку Пита Ламберта. Очень мило, что мама решила застеклить террасу для нее. Жаль только, что она не наняла профессионального мастера вместо этого тупоголового типа. Конечно, она не могла отрицать, что при всем том Пит Ламберт производил впечатление человека, который знает, что делает.

Посмотрим, подумала она. Если он не справится, она встретится с ним в суде. В другом месте она не намерена с ним встречаться.

Глава девятая

— **П**риготовиться к съемке!
Команда режиссера прозвучала словно удар хлыста, и актеры бросились занимать исходные позиции на отгороженном участке улицы. Сидя на операторской тележке, режиссер Джим Козлов рявкнул на своего помощника, чтобы утихомирить остальных.

— Никаких голосов, я не желаю ничего слышать! Гари, Бога ради, скажи им, чтобы они заткнулись и не лезли на тротуар!

— Замолчать всем на съемочной площадке! — взревел Гари и стал по переносной рации отдавать приказания другим помощникам.

Ана закрыла глаза, пока Молли наносила пудру на ресницы и красила губы в более темный цвет. Когда на съемочной площадке стало пусто, по Беверли Хилл прокатился крик:

— Мотор!

— Сцена тридцать четвертая, дубль седьмой!

Хлопушка оператора щелкнула перед камерой, словно пасть крокодила. Выражение лица Аны изменилось, едва она вновь вошла в образ Викки, молодой актрисы, обладающей сверхъестественным восприятием, заподозрившей своего любовника в том, что он хочет убить ее. Это было кульминацией фильма.

Снималась сцена, в которой Викки случайно увидела, что ее любовник целуется с другой женщиной.

— Стоп! — Джим, минуя звукооператора и помощников, подошел к Ане. — Прекрасно, Ана, это было прекрасно! — Он одобряюще улыбнулся ей. — Но, знаешь, все-таки я хочу попробовать еще. На этот раз надо сделать более длительную паузу перед тем, как появляются те двое. Ты должна дать нам увидеть всю глубину предательства.

— О'кей, я поняла.

Ана знала, что он прав. Она не выложились до конца в последнем дубле. Джиму можно верить в отношении того, где следует копнуть глубже. Джим Козлов был ее режиссером в фильме «Пришел незнакомец» и открыл в ней нечто такое, о чем она и сама не подозревала. Высокий, лысеющий, с неизменной жевательной резинкой во рту, он относился к числу режиссеров, которым актеры доверяли. Он не кричал, не ругался и не распекал, но всегда добивался того, чего хотел.

Ана опустила защитные очки со лба на глаза.

— Как вы считаете, не лучше ли мне опустить их, когда я сажусь в машину?

Джим согласился.

— Отличная деталь! Это оставляет их в неведении, о чем Викки думает в тот момент... Попробуй, Ана. — Он сжал ей плечо. — Готова?

Ана кивнула и снова водрузила очки на лоб. По сценарию был жаркий июльский день; на самом деле ноябрьская прохлада давала о себе знать, и она чувствовала себя неуютно в легкой юбке из тонкой материи и открытой блузке. Серебряные серьги были слишком тяжелыми для ее нежных мочек. Но она старалась не думать об этих мелких неприятностях, а сосредоточиться на образе Викки.

Через сорок минут, сделав пять дублей, Джим воскликнул:

— Конец, все в порядке!

Люди бросились завтракать. Направляясь к будке-уборной, Ана пересекла съемочную площадку и прошла мимо Дебби, третьего помощника режиссера, который сидел на скамейке, закинув ногу на ногу, ел салат и листал журнал «Варьете».

Ана состроила гримасу. Она регулярно просматривала этот журнал, но не встретила никаких других вестей после того загадочного объявления, на которое наткнулась в самолете.

Однако рано или поздно новый сигнал должен появиться. Сейчас, когда она знала, что Эрик жив и затеял хитроумную игру, ей было ясно, что он на этом не остановится.

Эрик. Живой. Ана поднялась в будку и закрыла за собой дверь. Она достала из холодильника банку апельсинового сока, рогалик с индейкой и мед. Она не знала, каких именно неприятностей ждать от Эрика, но частный сыщик, которого она наняла после появления объявления в журнале, подтвердил ее предположения о том, что с момента их последней встречи семь лет назад Эрик не изменился ни на йоту.

Ей вспомнились те первые недели и месяцы, когда она думала, что убила его. Всякий раз при стуке в дверь она в испуге вздрагивала, думая, что пришли из полиции, чтобы упрятать ее за решетку. Даже спустя год, после того как она поняла, что ее никто ни в чем не подозревает, ее продолжали мучить ночные кошмары и бессонница. Она без конца проигрывала в мозгу те ужасные, не поддающиеся описанию переживания, которые обрушились на нее в тот роковой момент.

И все же она не убила этого выродка.

Ана села на раскладной стул и откусила индейку. Она совершенно не ощущала вкуса. Испытав поначалу облегчение оттого, что она все же не убийца, теперь она почувствовала страх, ибо Эрик снова ворвался в ее жизнь.

По сообщению Гарри Дамона, он жил в Лос-Анджелесе, где снимал плохонькую однокомнатную квартиру в одном из зданий старого Голливуда. Занимался он все тем же — делал порнофильмы и приторговывал наркотиками.

Ана передернула плечами, возвращаясь в мыслях к тому кошмарному времени, когда чувствовала себя самым несчастным существом на свете. Даже по прошествии семи целительных лет воспоминания о том времени не тускнели. Чего бы ей это ни стоило, она намерена навсегда вытравить Эрика из своей жизни.

У нее совсем пропал аппетит. Ана бросила недоеденный сэндвич с индейкой в мусорный ящик и стала нервно выхаживать в тесном пространстве будки. Она представила, что станут писать в бюллетене репортеры, когда узнают про Эрика и про то, какое отношение он имеет к ней. Карьера Джона, а заодно и ее собственная, становилась туманной и проблематичной.

Ана посмотрела на часы и с облегчением подумала, что пора идти гримироваться. Работа поможет ей избавиться от мыслей и воспоминаний об Эрике. Она направилась было к двери, но затем остановилась, чтобы допить остатки сока.

Ана всегда гордилась своей пунктуальностью. Никто не мог обвинить ее в отсутствии профессионализма. Она бросила пустую банку в мусорный ящик

и распрямила плечи, изгоняя мысли об Эрике.

Время, необходимое ей для того, чтобы дойти до гримерной, она использует для вхождения в образ тонкой и уязвимой женщины, которую играет. Едва она открыла дверь, как рассыльный протянул ей обернутую фольгой бутылку.

— Для вас, мисс Кейтс. Наслаждайтесь.

Ана вернулась в будку, чтобы прочитать открытку, которая была привязана к горлышку бутылки.

Она решила, что это от Джима. Кто же еще может посылать сюда подарки? Нужно иметь дьявольскую уверенность в том, что съемки завершатся к концу недели. На открытке ничего не было написано, только карандашом нарисована ухмыляющаяся рожица.

Бутылка показалась Ане неестественно легкой. Она встряхнула ее и услышала легкое шуршанье. Ана закусила губу и содрала фольгу. На бутылке не было этикетки, как и намек на жидкость внутри. В ней находился лишь сложенный листок белой бумаги.

У Аны екнуло сердце. Это Эрик. Старина Эрик со своими мерзкими шуточками.

Проклятый выродок! Она смотрела на бутылку и сожалела, что не может разбить ее о его череп. Небось, выжрал ее, прежде, чем задумал послать... Пел и гаденько хихикал... Ана схватила полотенце, обернула им бутылку и постучала ею о край стола. Похоже, эта дерьмовая бутылка не желает разбиваться. Ана стукнула сильнее. Бутылка разлетелась на множество осколков. Ана развернула полотенце и, чертыхаясь, достала из-под груды стекла записку, умудрившись не порезаться. Она развернула ее и, несмотря на то, что сердце ее готово было выскочить из груди, стала читать.

*Раз, два, три, четыре, пять!
Кто-то хочет рассказать,
Раззвонить на целый свет
Деликатный,
Неприятный
И скандальнейший секрет!*

Подписи не было, да ее и не требовалось. Она смотрела на бумажку, снова и снова перечитывая строчки. Наконец она со свистом выдохнула воздух.

«Черта с два, вонючий выродок! У тебя ничего не выйдет, я этого не допущу».

Она достала из сумочки маленькую записную книжку с телефонами и, подняв трубку портативного телефона, набрала номер офиса Гарри Дамона.

Частный сыщик ответил мгновенно.

— Гарри? Ана Кейтс. Я только что получила необычное послание от старого приятеля, которого вы недавно разыскали. Я бы хотела направить ему прочувственную благодарность, которую он никогда бы не смог забыть.

— Можно устроить, мисс Кейтс.

Голос Дамона по телефону звучал совсем иначе, чем в жизни. Впервые Ана обратилась к нему три года назад, после исполнения своей первой большой роли. Она наняла его, чтобы он разыскал ее мать. Он нашел ее — на кладбище в Шейди Медоу, где она была похоронена. Ее сбил грузовик с прицепом на неосвященной загородной дороге...

Продумывая, что можно предпринять, Ана испытала невыразимое удовле-

творение.

— Приходите сегодня вечером, чтобы обсудить все детали. У меня есть кое-что на уме. Возможно, для этого понадобится пара ваших рассылных.

— Нет проблем. Найдутся такие ребята. Они специалисты по ночным доставкам, если вам нужно быстро что-то срочно доставить.

— Дело не в срочности. Я должна быть уверена, что послание не искажено. Дамон засмеялся.

— Что, если часов в восемь?

— До встречи! — Она положила трубку и напонила себе, что надо успокоиться. Эрик может напугать ее лишь в том случае, если она сама это позволит ему.

Ана закрыла книжку и положила ее в сумочку. В открытую дверь постучала Молли.

Гримерша уставилась на осколки разбитой бутылки на столе и на полу.

— Боже мой, мисс Кейтс, что случилось?!

Ана изобразила безразличие на лице. Она нагнулась и подняла длинный зазубренный осколок стекла.

— Пустяки! Я уронила бутылку. Осторожно ступай. Ах, черт!

— Вы порезались! — искреннее сочувствие отразилось на лице Молли. Она тут же бросилась к телефону. — Хэл, нам нужен пакет первой помощи и кто-нибудь из людей, чтобы убрать битое стекло в будке мисс Кейтс.

— О'кей. Мне нужен лишь бинт. — Ана прижала полотенце к небольшому порезу на пальце. — Пошли. Перевязать можно и на съемочной площадке.

Гари просунул голову в дверь.

— Какие-то проблемы? Джим вышагивает, Ана, а ты знаешь, что это означает.

«Из-за этого вонючего выродка я опоздала», — подумала Ана, перешагивая через битые стекла и направляясь к двери.

Гари заметил разбитую бутылку на полу и кровь на пальце Аны.

— О, да ты поранилась! Дай взглянуть... Что случилось?

— Ничего такого, что может повлиять на страховые взносы, — пошутила Ана, пока Гари помогал ей преодолеть металлические ступеньки и вынимал переносную рацию.

— С Аной небольшой несчастный случай, — произнес он в аппарат. — Ничего серьезного. Будем на площадке через пять минут.

Внезапно их окружили люди. Молли спустилась вниз, Дебби принес пакет скорой помощи.

— Мне нужен только бинт, — настаивала Ана.

— Дай мне руку. — Гари осмотрел порез, а Молли тем временем принесла небольшой флакон. — И как ты умудрилась ее порезать? — Он смочил ранку антисептиком, принимая предосторожности, чтобы жидкость не попала на одежду. Не так уж много было кинозвезд, с которыми он мог так запросто общаться. Ана отличалась от них. В ней не было самомнения примадонны. Она была отличным профессионалом, легко сходилась с трупой и всегда находила время, чтобы давать автографы статистам. Но едва лишь включалась камера, она полностью отдавалась игре и образу.

— Уборщики вызваны, — сказал Дебби и повернулся к Молли. — А что случилось?

— Черт побери, просто я разбила эту дурацкую бутылку! — взорвалась Ана. — И чего вдруг столько шума вокруг такой мелочи? — Гари, Молли и Дебби удивленно уставились на нее, и Ана взяла себя в руки. — Простите, ребята. Я панически боюсь репортеров из бюллетеня. Они могут раздуть любую мелочь. Того и гляди, появятся заголовки: Ана Кейтс была пьяной в рабочее время, или Ана Кейтс пыталась перерезать себе вены! — Гари закончил перевязывать палец. Ана посмотрела на бинт. — Интересно, как теперь объяснить, что в одной сцене я перебинтована, а в другой — нет?

— Ну, это не проблема, — улыбнулся Гари. — Слава Богу, что ты не повредила руку.

Когда Ана подошла к огороженному участку улицы, Джим нетерпеливо поглядывал на часы. Он даже не попытался изобразить улыбку, когда она помахала перебинтованным пальцем и сказала:

— Прошу прощения.

— Слушайте все, — объявил Джим. Он потрогал языком жевательную резинку во рту. — Нам не удастся закончить съемки до конца недели — слишком много задержек. После сегодняшней работы мы сделаем перерыв до понедельника. Гари оформит листы с вызовом на понедельник.

«Чудесно, — обрадовалась Ана, проходя мимо глазееющих на нее статистов к исходной позиции. — Спасибо, Эрик. — Она расправила свою юбку. — Эрик Ганн не разрушит мне жизнь и карьеру, ни мне, ни Джонни, — поклялась она. — Чего бы мне это ни стоило, я навсегда загоню эту змею обратно в ее нору. Пока что он может скалить зубы, но ему придется отползти прочь, или я раздавлю его, как червяка. Да, чего бы мне это ни стоило», — подумала Ана, пока Молли пудрила ей нос и лоб. Эстель взбила ей волосы и брызнула на них лаком, а ответственный за сценарий посмотрел в свои записи и подал ей защитные очки.

— Они были у вас на лбу в последней сцене.

Ана кивнула. Она сосредоточилась на Викки. С Эриком будет покончено, так или иначе. Пусть катится куда подальше! И пусть больше никогда не пересекутся их пути.

Глава десятая

«Индейка и салат в холодильнике. Мисс Луиза оставила на столе факсы от редакторши журнала. Звонил сенатор Фаррелл, еще дважды звонила Моника Д'Арси (будет звонить вечером). До понедельника! Грациэлла».

Ана отодрала записку от кухонного буфета и покачала головой. Нужно поговорить с Грациэллой, чтобы она не приклеивала свои записки к чистым стеклам полированного буфета. Для этого вполне сойдет холодильник, подумала она и бросила бумажку в мусорную корзину. Индейка, брр... Если она опять откусит даже кусочек индейки, ее стошнит. А вот салат — это прекрасно.

Съемки закончились на час раньше. Гарри Дамон должен был появиться с минуты на минуту. Измученная после более чем пятидесяти дублей, Ана еле вытерпела, пока Молли отклеивала искусственные ресницы, быстро села в поджидавший ее студийный лимузин, мечтая о душе и легком домашнем обеде. Было так приятно облачиться в домашнюю одежду, собрать волосы в виде конского хвоста и смыть грим с лица. Если постараться, можно приготовить какой-нибудь обед до прихода Гарри Дамона.

Ана поняла, что страшно проголодалась. У нее заурчало в желудке, когда она увидела завернутый в целлофан лаваш и бананы.

«Лаваш с артишоковым маслом очень подходит к салату», — подумала она. Доставая салат, она нажала порезанным пальцем на ребро тарелки и поморщилась.

Пока еще Эрик мог причинять ей боль. Но это будет продолжаться недолго. Она и без того слишком много хлебнула за свою жизнь.

Ана снова подумала о предстоящей встрече с Гарри Дамоном. Надо ясно объяснить ему, что она не хочет, чтобы Эрика убили или искалечили. Его следует хорошенько проучить и убедить в том, что шантаж не принесет ему ничего, кроме крупных неприятностей. Сейчас она была сильнее его и могла доставить ему такие неприятности, каких он и представить себе не может.

Если он поймет это, он тихо слиняет. Ана была в этом уверена. Он был порочным и мстительным, но не дураком.

Открыв снова холодильник, Ана увидела на средней полке миску со спагетти, политым красным мясным соусом. К горлу ее подступила тошнота.

«Грациэлла же знает, что я ненавижу спагетти. Должно быть, она приготовила это для Луизы», — подумала Ана, захлопнув холодильник. Она прислонилась к холодной белой дверце и закрыла глаза, не зная как избавиться от возникшей в мозгу картины: разварившиеся спагетти — липкие, с кусочками мяса в красном соусе — летят с огромной скоростью по воздуху и падают, забрызгивая и пачкая все вокруг.

И она слышит грубый голос пьяного отца.

— Ты ничего не можешь сделать как следует, дрянная соплячка! Ишь, вырядилась, как на свадьбу! Никуда ты не пойдешь!

Это были последние слова, которые она слышала от него.

Воспоминания нахлынули и полностью завладели ею. Ана находилась теперь уже не в своей чистой, обставленной в западном стиле кухне с огромным каминным очагом, уставленной горшками с кактусами и геранью, разросшимися чуть ли не до потолка. Она увидела себя в закопченной, размером во-

семь на восемь футов, кухоньке своей юности, пол которой был покрыт зеленым линолеумом и всегда выглядел грязным, сколько бы она его ни мыла. В кухоньке была эмалированная плита с облупившимися ребрами и стоял шаткий деревянный стол, окруженный складными стульями. Ана как бы снова вернулась в Теннесси, в дом, из которого убежала ее мать, когда ей было всего десять лет, в дом, которым отец управлял с помощью бутылки и рычания, и который ее бабушка тщетно пыталась превратить в подобие семейного очага.

Ана явственно видела все: выгоревшие желтые шторы, телевизор, который регулярно переносил ее в мир великолепных женщин и обольстительных мужчин, мир богатства и роскоши.

Потрепанный ковер в столовой был единственной вещью, которая осталась от матери. Казалось, в этом ветшающем пятикомнатном доме бал правил гнев и безверие.

Ана вспомнила запах магнолий, росших возле школы в ту памятную весну, запах выхлопных газов, которые гнал старенький школьный автобус.

— Ана, подожди, у тебя нет сигареты? — обратился к ней Бадди, когда Ана с выдавшим видом ранцем на плече спешила к автобусу. Отбросив со лба длинные лоснящиеся волосы, он зашагал рядом с ней.

— Разве вы, мальчики, не знаете, что в моем автобусе не курят? — рявкнула миссис Хьютт, со скрежетом закрывая дверцы.

Их встретил гул голосов. Бадди хмыкнул, увидев, как Деннис и Джесс на заднем сиденье хохотали, словно гиены.

Ана сунула ему пачку Кента, когда они пробирались на свои обычные места мимо Денниса и Джесс. Бадди пустил пачку по кругу, тайком закурил, открыл окно и ухмыльнулся, когда миссис Хьютт произнесла:

— Ничего смешного нет, разве не так?

— Конечно, мадам. Мы просто делаем домашнее задание, — пропел Деннис. Сделав вид, что хочет расчесать рукой свои длинные желтовато-каштановые волосы, он пустил голубя в сторону водителя. Ана захохотала. Бадди посадил ее к себе на колени, ткнулся носом ей в щеку и стал совать руку под короткую черную юбку, пока автобус потряхивало на ухабах.

— Знаешь, — со смешком проговорил ей Бадди в самое ухо, — я страшно люблю выполнять такое домашнее задание. Ты мой самый любимый предмет, малышка.

Ана улыбнулась. Сидя на коленях у Бадди, она ощущала себя привлекательной, взрослой и желанной. Она поцеловала его так громко, что сидевшие впереди Ширлин и Бобби повернулись и захихикали.

— Джесс, ты не попросишь брата купить для нас пива сегодня? — Громкий голос Бобби перекрыл шум автобуса.

Ширлин ревниво наблюдала, как Бадди на заднем сиденье возится с Аной.

— Ана, а видела, как этот тип Рой Коуди с тобой сегодня разговаривал, — громко сказала она, подмигнув Бобби. — Может, ты его собираешься пригласить на вечер?

Бадди выпрямился и с подозрением уставился на Ану. Его реакция была похожа на реакцию молодого волка, который услышал вой другого самца в лесу. Он бросил сигарету на пол и затоптал ее носком ботинка.

Бадди Крокер был крепкий парень с карими глазами, густыми ресницами и походил на молодого Джеймса Дина. Он не был красавцем, но ему нельзя

было отказать в мужском обаянии. Держался он уверенно, ходил с развернутыми плечами. Ане многое нравилось в нем, даже то, как он держал сигарету. Ей импонировал его бунтарский дух. В этом плане она была в какой-то степени похожа на него.

— А ну-ка, малышка! — Взяв Ану за подбородок, он приподнял его и посмотрел ей в глаза. — Ты зачем болтала с этим болваном?

Ана заставила себя рассмеяться, пожала плечами и бросила свирепый взгляд на Ширлин.

— Не глупи, Бадди. — Она обняла его за шею и прижалась к нему. Бадди продолжал подозрительно смотреть на нее.

— Он просто спросил меня, когда будет семинар по химии. Он пропустил занятия, вот и все. — Ана встретилась глазами со взглядом Бадди и улыбнулась на манер Эрики Кейн.

— Ты уверена, что в эту группу его направил старина Уилкоккс? — допытывался Бадди. — Или он пришел сюда из-за тебя?

— На твоём месте я дал бы ему пинка в зад, — посоветовал Джесс, доставая новую сигарету.

Сердце Аны тревожно забилося. Она провела пальцем по пробивающимся волосам на подбородке Бадди. Мало-помалу тени в его глазах растаяли, и она испытала облегчение, почувствовав, что ее женские хитрости срабатывают.

— Бадди, не пытайся стать еще большим дураком, чем ты есть, — сладким голосом сказала она. — Все знают, что я твоя девчонка.

— До тех пор, пока ты не забудешь об этом. — Он грубо схватил ее за густые, блестящие волосы и притянул к себе. Его поцелуй был крепок и продолжителен, он впился зубами в нижнюю губу, а руки по-хозяйски ощупывали ее ягодицы.

Ана торжествовала. Извиваясь в его руках, она царапала ногтями его спину и лопатки. Она понимала, что Бадди хочет сейчас всем что-то доказать, и была вполне готова помочь ему в этом, но в то же время в глубине души, пока Бадди, сопя, целовал и лапал ее, она пыталась представить, что чувствовала бы, если бы ее целовал Рой Коуди. Этот рослый белокурый футболист никогда не являлся с ее компанией, так же как и она с его. В школе Ана пользовалась репутацией испорченного ребенка. Было известно, что она пьет, балуется наркотиками, посещает по субботам рестораны, и ведет себя шумно и вызывающе. Рой Коуди был типичный молодой американец, он получал стипендию как футболист, намеревался сделать карьеру в области права, жил в центре города в солидном викторианском доме на главной улице.

Ана училась кое-как. Она знала, что у нее есть способности, но для занятий не было времени, поскольку ей приходилось вести хозяйство, готовить для отца и каждый вечер проводить с Бадди. Сознание того, что она девчонка Бадди, помогало ей сносить нападки со стороны отца. Она старалась не думать о нем, а думать о Бадди, о том, какая это честь быть его девчонкой. Ане нравилось, когда на них пялили глаза, ей было приятно слышать перешептывания за спиной. Тогда она ощущала себя некоей знаменитостью. Она знала, что те девчонки, которые шепчутся о ней в сортирах, рассказывают всякие истории о ней и Бадди, на самом деле были завистливыми, сексуально озабоченными ханжами, у которых не доставало решительности для того, чтобы действовать.

Бадди ухаживал за ней, проявлял заботу, был по-своему внимателен, чего

нельзя было сказать об отце: объектами его внимания были пиво, бейсбол и в последнее время — официантка в баре.

За два последних года Ана видела его трезвым только однажды — во время похорон бабушки. У него едва хватило терпения дождаться момента, когда будет брошена последняя лопата земли на гроб матери, после чего он начал кутеж, который длился три дня.

Когда пил Бадди, все было по-иному. Он не швырял вещи, не рычал и не кричал, как ее отец. Он возбуждался в сексуальном отношении, сыпал анекдотами, сажал ее к себе на колени на заднем сиденье автомобиля и целовал. Его руки блуждали по ее телу, и тогда она почти забывала о своем мрачном доме, где пьяные ругательства постоянно сотрясали воздух. И вот, когда в тот день Рой Коуди, заикаясь, пригласил ее в кино на «Огни святого Эльма», что-то расцвело в ее душе, словно цветок при появлении солнца. Она не могла даже подумать о том, что кто-нибудь вроде Роя может пригласить ее на свидание. Он так мило покраснел, что на лице его выступили веснушки. Рой Коуди... Зачем ему понадобилась скандальная Ана Кейтс, живущая в трущобной части города?

Странно то, думала Ана, пока автобус тащился по ее улице, что Рой никогда не смотрел на нее свысока, как другие добродетельные дети. Когда их руки соприкоснулись во время занятий по химии в библиотеке, ей показалось, что ее ударило током. «Но ведь я девчонка Бадди», — сказала она себе. Бадди принадлежал к ее кругу. Его отец последние восемь лет работал в той же авторемонтной мастерской, что и ее отец, играл на той же бейсбольной площадке, пил то же самое пиво. Правда, его мать не умерла, но могла и умереть. Ана часто видела ту же тоску в ее глазах, какую раньше видела в глазах своей матери. Она, Бадди, Ширлин, Бобби, Джесс, Деннис и другие жили в одном и том же мире, который был гораздо грубее, грязнее и бессодержательнее, чем мир, населенный спортсменами и принцессами. Она явно не подпадала под категорию принцесс. Так почему же этот сногшибательно красивый спортсмен Рой Коуди хочет с ней встретиться?

«Из-за моей репутации», — заключила Ана, горестно скривив рот. Ладно, скоро она выяснит это. Правда, она надеялась, что Бадди не узнает о том, что у нее на пятницу назначено свидание с Роем Коуди. Тем временем автобус остановился.

— До встречи в восемь, — крикнула Ширлин в окно, махнув Ане и Бадди, которые, держась за руки, двинулись по выщербленному тротуару. Они спрятались за ветви плакучей ивы, когда из-под колес удаляющегося автобуса вырвались клубы пыли. Бадди шел с Аной до густых зарослей, окружавших двор Аны.

— Надень сегодня что-нибудь понаряднее, ладно? — крикнул на прощание Бадди, когда она стала подниматься по лестнице.

— Как всегда! — отозвалась она.

К ее удивлению, отец был дома и храпел на диване. На животе его лежали газеты, а стол был заставлен пустыми пивными банками. Храп прекратился, когда Ана захлопнула за собой дверь. Отец выпученными глазами посмотрел на нее.

— Папа, почему ты дома так рано? Ты заболел?

— Да, я заболел, и мне надоело, что меня вечно надувает этот сукин сын

Диксон.

— Что в этот раз случилось, папа? — Ана осторожно вошла в комнату и расчистила место на столе, чтобы положить книги. Отец не казался слишком уж пьяным. Должно быть, проспался, решила она и слегка расслабилась.

Уоррел Кейтс был крупный мужчина, выше шести футов роста, с кулаками размером с пивную кружку. До службы во флоте он занимался боксом и все еще сохранял силу и подвижность профессионального боксера. Расплющенный, похожий на картофелину нос и шрам под левым глазом свидетельствовали о том, что Уоррел Кейтс не только наносил, но и получал удары, хотя много раз хвалился Ане, что его никто ни разу не нокаутировал и он всегда брал верх и добивался цели. Даже если этой целью была женщина, думала про себя Ана, припоминая невесть откуда появлявшиеся синяки под глазами и ссадины на теле у матери.

Странно, что своими кулачищами отец ни разу не ударил Ану. Когда он был в буйном настроении, он швырял вещи — будь то открытая банка пива или лампа в гостиной. Но чаще всего он осыпал ее ливнем ругательных, оскорбительных слов, не оставляющих ни малейшего сомнения в том, насколько никчемной была она.

Она ждала своего часа. Всего один год до окончания, и она навсегда уедет отсюда. Ей хотелось жить в большом городе и иметь приличную работу, что-то вроде банковского кассира или бухгалтера. Она была в ладах с цифрами, учитель математики не раз говорил, что ей нужно попробовать поступить в школу бизнеса после окончания. Имея постоянную работу, она, возможно, скопит денег для того, чтобы поступить на вечерние курсы в колледж бизнеса.

Что бы там отец ни говорил, она знала, что способностями не обделена. Об этом свидетельствовали ее оценки, да и бабушка заставила ее поверить в то, что она кое-чего в жизни добьется. Конечно, Бадди не был посвящен в ее планы. Он бы стал смеяться и говорить, что она фантазерка. А вот бабушка сказала, что если у кого-то есть цель и он прилагает усилия к ее достижению, то нет ничего невозможного.

Отец покряхтел, позевал и открыл новую банку пива, пока Ана убирала пустые.

— Диксон всех, кроме Эллиса, отправил домой пораньше... Говорит, что дела идут плохо, работы для всех нет, и нечего всем торчать... Дерьмо вонючее... Вот и скажи мне, как тут заработать на жизнь? — Он глотнул тепловатого пива, его табачного цвета глаза с тяжелыми веками прищурились. — Тьфу! Как моча кошачья! Дочь, принеси мне холодного и включи телевизор — где-то должны играть в бейсбол.

«Я уйду отсюда», — дала себе клятву Ана, направляясь на кухню. Ей было тошно смотреть на двухдневную щетину на лице отца, на грязь под его ногтями. Она ненавидела этот дом, ей было противно сидеть с отцом за обедом и выслушивать его бесконечные жалобы, ворчание и ругательства. Но больше всего она ненавидела его за то, что он вынудил мать сбежать и обращался с ней как с грязью.

«Да, я уйду отсюда, — повторила Ана, открывая холодильник и доставая пиво. — И никто меня не остановит и не отговорит — ни отец, ни Бадди, ни даже Рой Коуди. Я и минуты не задержусь в этой вонючей дыре, как только получу диплом».

Однако через три недели у Аны появились новые мысли. Рой Коуди в течение двух недель ежедневно приглашал ее на свидание. Ситуация изменилась.

Ана больше не ездила в автобусе вместе с Бадди, Ширлин и другими. Теперь Рой Коуди подвозил ее домой в своем роскошном лимузине с открытой крышей. Их обдувал легкий весенний ветер, до них доносился запах магнолий. Он пригласил ее на предстоящий грандиозный бал, и она согласилась. Те, кто раньше никогда с ней не заговаривали, стали приветствовать ее в коридоре и приглашали на вечера.

Ей было неловко перед Бадди. Она хотела бы, чтобы они остались друзьями, но Бадди не желал с ней даже разговаривать. С ней никто из прежних друзей не желал разговаривать. Ее словно не замечали. Ану нисколько не волновало то, что Ширлин буквально увивалась вокруг Бадди. Но ей было не по себе, что глаза Бадди, некогда загоравшиеся огнем при взгляде на нее, теперь холодно смотрели мимо.

Однако она не желала возврата. Рой умел выслушивать ее. Он заставил ее поверить, что мечты ее могут сбыться. Он разглядел в ней нечто другое, не только груди да пикантные ямочки, а то, что она и сама в себе почти не замечала. Она ощутила себя умной, красивой, привлекательной — и для этого вообще не надо было позволять тискать себя на заднем сиденье автомобиля. Когда она целовалась с Роем, то испытывала нежность. Ана чувствовала себя спящей красавицей, которая проснулась от поцелуя принца, а предстоящий бал казался ей сказочным.

Сестра Роя, Эшли, помогла ей устроиться работать после занятий официанткой придорожного ресторана. Ана подсчитала, что на заработанные деньги к первой неделе июня она сможет купить себе бальное платье.

Она сразу положила глаз на это платье и решила, что должна купить его. Это было изумительной красоты изделие из белоснежного атласа и кружев, с отороченным жемчужинами декольте, которое оставляло открытыми плечи и спину почти до пояса. Эшли показала ей, как собрать волосы на макушке, и предложила длинные хрустальные сережки. Ана не имела возможности купить серьги, но готова была удовлетвориться крохотными жемчужинами, которые ей оставила бабушка вместе с таким же ожерельем. Это была единственная драгоценность Аны, и она будет счастлива надеть их на бал и пройти рядом с Роем, элегантная и блестящая, словно кинозвезда.

В пятницу, в день бала, Ана выпорхнула из школы и подскочила к Рою, с трудом сдерживая переполнявшую ее радость от предвкушения праздника.

— Эшли сказала мне, что ты облюбовала очень симпатичное платье, — сказал Рой, вырубивая со стоянки на дорогу. Он повернулся к ней и, улыбаясь, добавил: — Только ты не забудь, кому назначила свидание, когда все парни станут смотреть на самую красивую девушку в зале.

— Кому я назначила свидание, — повторила Ана, делая вид, что не понимает. Она громко и счастливо рассмеялась от сознания, что будет с ним и что жизнь прекрасна.

Дома ей нужно было сделать миллион дел: принять ванну, приготовить обед отцу — сама она была настолько возбуждена, что не могла и думать о еде. Сегодня будет самый замечательный вечер в ее жизни. Она знала это. Обстоятельства менялись для нее к лучшему, жизнь становилась радостней, чем раньше. Впервые после смерти бабушки она почувствовала, что кто-то по-на-

стоящему любит ее. По тому, как Рой смотрел на нее, разговаривал и как обращался с ней в кругу своих друзей, было ясно, что его чувства глубоки и искренни. «Сегодня вечером он скажет, что любит меня, я уверена в этом», — думала она, когда лимузин остановился у ее дома.

— До вечера, Ана. — Он потянулся к ней, когда она стала открывать дверцу. Кажется, его мускулистое тело заполнило весь салон. Он взял ее за подбородок. Рой был очень сильным, возможно, не менее сильным, чем ее отец, но его прикосновение было удивительно нежным. Его голубые глаза светились тем же счастьем, что и ее. — Благодарю Бога за то, что Уилкокс сделал нас партнерами по лаборатории, — прошептал он, улыбнувшись знакомой, чуть застенчивой улыбкой, и глаза его чувственно сверкнули. — Иначе я никогда не узнал бы самую замечательную девушку в школе.

Он поцеловал ее нежно и легко, затем крепче. Ана сжала его плечи, сердце готово было выскочить из груди. Румянец покрыл ее щеки и шею, когда язык Роя затеял игру с ее языком. «Он любит меня», — думала она.

Рой дышал тяжело и часто. Ана вообще не могла дышать. Его рука нащупала ее грудь под теннисной, соски затвердели и напряглись...

Внезапно раздался детский крик:

— Гони к мусорному контейнеру!

Отпрянув от Роя, Ана увидела восьмилетнего Вилли Фентона и его закадычного друга Тайлера Мосса, мчавшихся с бешеной скоростью на роликовых коньках.

— Сопляки несчастные, — произнесла она. — Перепутали меня до смерти.

— Меня тоже. — Рой засмеялся, но Ана видела, что он смущен. — Мне, пожалуй, надо съездить домой и надеть смокинг. Очень жаль расставаться, но обещаю тебе, Ана, что сегодня других расставаний не будет.

Ана постояла на деревянном крыльце, пока голубой автомобиль не скрылся за углом. Не будет расставаний. Весь вечер вместе. Она все еще чувствовала тепло его ладони на груди, ощущала характерный исходящий от него запах леса, который был таким же естественным, как и его улыбка. «Рой и Ана, — мечтательно подумала она, направляясь наконец к двери. — Рой и Ана Коуди... Это так приятно звучит. Миссис Рой Коуди»...

Следующие несколько часов были заполнены лихорадочной деятельностью. Она приготовила отцу его любимое блюдо — спагетти с мясным соусом, а пока соус кипел на медленном огне, сбегала в цветочную лавку и купила для Роя бутоньерку. Ана сунула букетик в холодильник, достала овощи для отцовского салата, представляя, как она приколет свежую белую гвоздику к лацкану смокинга Роя. Со счастливой улыбкой на лице она накрыла стол. За то время, пока готовились спагетти, она приняла ванну и вымыла волосы пахнущим медом шампунем.

В шесть пятнадцать Ана стояла перед зеркалом в ванной, примеряя ожерелье. Она причесала щеткой длинные, медного цвета волосы, придав им глянец и блеск, затем уложила их наверх, закрепив с помощью еле заметных заколок и лака, и оставила несколько вроде бы случайно выбившихся завитков, которые должны были придать ей игривый вид. Об этом она узнала из журнала «Семнадцать». Из маленького ящичка, который хранился в аптечке, Ана достала бабушкины сережки-слезки и вдела их в уши. И наконец она брызнула духами под колени, за уши и в ложбинку между грудями. Попробуй

теперь устоять передо мной, Рой Коуди!

Она придирчиво всмотрелась в привлекательную девушку, радостно улыбающуюся ей в зеркале — эффектное создание в воздушном белом платье и новеньких туфлях. Она отошла назад, покрутилась влево и вправо, любуясь тем, как пышная, отделанная кружевами юбка пикантно обрисовывает стройные ноги, а атласный лиф плотно охватывает талию и подчеркивает зрелую полноту ее груди. Она добавила теней и румян на лицо, бросила губную помаду в косметичку и провальсировала в гостиную, где стала дожидаться Роя.

Ана взглянула на часы в кухне, которые были видны из гостиной. Рой должен появиться меньше чем через десять минут. С замиранием сердца она представила себе выражение его лица, когда он увидит ее.

И тут она услышала урчание шин о гравий. Выглянув в окно, Ана увидела отцовский пикап, подруливающий по дорожке к дому. О Господи, никак уже налился, подумала она с отвращением. Слава Богу, обед уже готов. По крайней мере, он не будет пилить ее за это. На столе его дожидалось прикрытое блюдо спагетти, миска салата и дымящаяся зеленая фасоль с беконом. Ана бросилась на кухню и вынула холодное из холодильника пиво. Она ставила его на стол, когда отец вломился в дверь и остановился, пораженный ее видом. Под засаленной рубашкой угадывались мускулистые руки и широкие плечи.

— Это куда же ты, девочка, собралась?

О Господи, он был пьян, пьян в стельку, в соплю! Ана проглотила комок в горле. Она надеялась представить Роя отцу, но теперь ей надо было бежать отсюда до его прихода. Она отступала назад, прислушиваясь, не подъехал ли Рой, и ответила как можно любезнее:

— Сегодня выпускной бал, папа. Ты помнишь Роя Коуди? Тебе нравится мое платье? — Она слегка повернулась перед ним, придерживая юбку, но улыбка мгновенно сбежала с ее лица, когда она увидела, с каким презрением смотрит на нее отец.

— А куда задевался верх платья? Ты в нем смотришься как последняя шлюха! Ты не уйдешь отсюда, пока не наденешь что-нибудь поприличнее! Ты слышишь меня?!

Надеть что-нибудь поприличнее? Ане хотелось закричать. «Что-нибудь вроде синих джинсов и старой клетчатой юбки, в которой я хожу в церковь?» — Она стиснула ладони в кулаки и стала убеждать его.

— Папа, успокойся. Все носят такие платья... А обед твой уже готов. Очень вкусный и горячий.

Его рука разрубила воздух, когда, качаясь, он направился к ней.

— Ты хочешь, чтобы я ел один, да? — заревел он.

— Папа, только в этот раз. Сегодня особый вечер, — взмолилась Ана, вспоминая о тех бесчисленных ночах, когда она ела в одиночестве, а отец развлекался в баре. Недобрый блеск в его глазах испугал ее.

Он был в состоянии тяжелого опьянения. О, Господи, только не сегодня!

«Где же Рой?» — в отчаянии подумала она, украдкой бросая взгляд в кухонное окно. — Если я не выберусь отсюда в ближайшие секунды, отец распалится еще сильнее».

— Папа, посмотри: я приготовила твои любимые спагетти. — Ана подняла крышку блюда, надеясь, что аромат соуса, приправленного базиликой и чес-

ноком, соблазнит его и он сядет за стол.

В этот момент она услышала звук подъезжающего автомобиля и, взглянув в окно, увидела Роя — неотразимо красивого, в белом смокинге.

Сердце у нее сжалось, когда она заметила на заднем сиденье Синди Джо и Эла Уайткомби — Синди в блестящем красном платье и Эл с красной гвоздикой в петлице.

— Я недолго задержусь, папа, — торопливо пообещала она. Ей никак не хотелось, чтобы кто-нибудь видел отца в таком состоянии. Она схватила косметичку и бутоньерку для Роя, но в спешке зацепила локтем банку с пивом, которая опрокинулась на пол, и ее содержимое с пеной и пузырьками стало растекаться по линолеуму. Она ахнула и посмотрела в гостиную. На пороге стоял Рой, стуча в открытую дверь.

Он был невероятно красив. Элегантный смокинг подчеркивал ширину его плеч. Под мышкой он держал пластиковую коробку с орхидеями. Отец Аны был слишком пьян и слишком взбешен, чтобы заметить его, зато в ее глазах отразилось смутение, когда они встретились с глазами Роя, стоящего в дверях.

Последующие вопли Уоррена Кейтса окончательно лишили ее надежды на то, что удастся избежать скандала.

— Ты посмотри, что ты сделала, идиотка неуклюжая! — У него побагровели лицо и толстая шея, глаза налились кровью.

— Папа, не беспокойся, я все вытру. — Ана попыталась знаками объяснить Роя, что она выйдет через минуту, но в этот момент отец стукнул огромным кулаком по столу, отчего жалобно звякнули стоящие на нем тарелки.

— Ты ничего не можешь сделать как следует, дрянная соплячка! — Он наклонился, дыша на нее перегаром. Вены на шее у него вздулись, в уголках рта появилась пена. — Ишь, вырядилась, как на свадьбу! — издевался он. — Никуда ты не пойдешь!

Он схватил своей огромной рукой блюдо спагетти и, прежде чем кто-то успел сообразить, что происходит, швырнул его.словно в замедленной съемке Ана наблюдала, как блюдо плывет в ее сторону. Его содержимое обильно забрызгало отделанную кружевом юбку, дымящаяся масса залила тонкую белую ткань. Ана закричала от боли и ужаса, когда горячий соус обжег ей бедра. Она едва ли слышала, как тарелка разбилась у ее ног, и острые осколки разорвали ей колготки и впились в щиколотку. Она лишь увидела, что ее роскошное платье было облеплено спагетти, а красный горячий соус стекал ей в туфли.

— Что здесь происходит? Если ты ранил ее...

Ей показалось, что голос Роя донесся с какой-то другой планеты. Она подняла голову и увидела, что Рой надвигается на отца. Гнев и ярость отразились на его лице. Ана отвела взгляд, боясь, что увидит в глазах Роя жалость или презрение, а этого она не в силах была вынести. Ею овладело оцепенение.

— Ана... — Рой осекся, увидев ее безжизненные глаза. Казалось, она сейчас упадет в обморок. Он протянул к ней руки, пытаясь коснуться ее плеч, но она резко отпрянула назад. — Ана, пойдём отсюда, — хрипло произнес он.

Она снова увернулась от него и перевела взгляд с искаженного страданием лица Роя на пьяное удивленное лицо отца, затем на платье. Безнадежно испорчено! Все безнадежно испорчено!.. Ненависть поднялась в ней — горячая, безграничная, саднящая, словно открытая рана.

На фоне тиканья кухонных часов она услышала, как хлопнула дверца машины. Раздался смех Синди Джо и Эла, которые поднялись на крыльцо.

— Народ, сколько можно прищипливать корсаж? — громко спросил Эл, появляясь в открытых дверях.

Что-то оборвалось в Ане. Слились в одно все звуки: хриплое дыхание отца, тиканье часов, хихиканье Синди и Эла. Она увидела перепуганный взгляд отца и закрыла глаза, кипя от ненависти. До ее ноздрей донесся острый, сильный, тошнотворный запах спагетти.

Ана бросилась к кухонной двери.

— Ана, постой! Ана, — звал Рой, но она не обернулась. Она пересекла двор, прежде чем он бросился вслед за ней. Прошмыгнув под полусгнившим деревянным забором, она выбежала на аллею и скрылась в лесу. Кусты ежевики цеплялись за платье. Кровь стучала в висках и ушах.

Она затаилась в темноте и, отмахиваясь от комаров и москитов, переждала, пока Рой и остальные прекратили поиски. В четыре часа утра, когда отец — она это точно знала — спит особенно крепко, она выбралась из леса и вернулась домой. «Последний раз моя нога ступает в этот дом», — подумала Ана.

Все было так, как она оставила. Разбитые черепки и опрокинутая банка с пивом валялись на полу, соус загустел на линолеуме. Преодолевая подступающую тошноту, Ана пробралась в комнату. Дрожащими руками сняла с себя задубевшее, пахнущее кислятиной платье и бросила его в угол. Чтобы не разбудить отца, не включила душ, а протерла тело влажной тряпкой. Быстро переодевшись в тенниску и джинсы, она затолкала в спортивную сумку кое-какую одежду и выгребла содержимое своей копилки в матерчатый кошелек. Двадцать три доллара семнадцать центов. Все же это лучше, чем ничего, невесело подумала она.

Ана оглядела свою комнату, бросила взгляд на плюшевых зверушек и куклу на одеяле из лоскутов, на поношенные ковбойские ботинки, на ящик из-под обуви на шкафу, в котором она хранила губную помаду, румяна, флакончики с лаком для ногтей. Рыдание вырвалось из ее груди, когда она открыла верхний ящик шкафа и достала окантованное фото матери, успевшее поблекнуть. Она всмотрелась в молодое, с надеждой открытое в мир улыбающееся лицо матери до того, как она вышла замуж, затем внезапно сунула его обратно.

«Мать бросила меня и этот дом. А теперь мне самой пора сделать это».

Ее взгляд упал на другое фото в рамке. Этот снимок бабушки был сделан во время семейного пикника летом за год до ее смерти. Ана сунула его в сумку, заодно сняла и спрятала в кошелек, в отделение для монет серьги и ожерелье. Сдерживая слезы, она в последний раз оглядела комнату и взяла с качалки жакет.

У входной двери по-прежнему стояла пластиковая коробка с орхидеями. Ана протянула было к ней руку, но тут же отдернула.

«Нет, — сказала она себе. — Оставь это. Оставь в этом доме. Пусть это завянет и умрет здесь, как и все остальное».

И она ушла.

На попутных машинах она добралась до Лас-Вегаса — города яркой мишуры и неоновых огней. Города, который находился немыслимо далеко от ее

родного серого, мрачного Бак Холлоу, города, в котором она встретила Эрика Ганна.

Звонок у входной двери вернул Ану в ее нынешнюю просторную светлую кухню. Она глубоко вздохнула. Все это происходило давным-давно, а кажется, будто вчера.

Ана вытерла вспотевшие ладони о халат и направилась к двери, когда звонок повторился. Эрик Ганн сыграл не менее заметную роль в ее прошлой жизни, чем Бадди Крокер, Рой Коуди или ее отец. Но роль его была более зловещей. На время он исчез из ее жизни, и вот теперь снова решил появиться.

Но Гарри Дамон должен поставить все на место, сказала себе Ана, открывая дверь из мореного дуба.

На пороге стоял Гарри с неизменной жевательной резинкой во рту, в мешковатом спортивном костюме. Это был приземистый мужчина с мелкими чертами лица; волосы его были тронуты сединой. Он носил с собой пистолет калибра 0,45 в кобуре на плече и фотографии трех своих внуков в заднем кармане. Возможно, он не выглядит суперменом, подумала Ана, вводя его в гостиную с бирюзовыми стенами и коралловыми кожаными диванами, но в пронизательности ему не откажешь.

— Я еще не обедала, Гарри. Могу я вам что-нибудь предложить?

— Благодарю вас, но меня страшно мучит язва. — Он опустился в мягкое кожаное кресло и положил ноги на стоящую рядом оттоманку. Он смял пальцами серебристую обертку от жевательной резинки и бросил ее в керамическую вазу в центре стола. — Мне не ясны два момента, — проговорил он, когда обертка упала на пол.

Ана смотрела на него с обожанием. Гарри собирался помочь ей отделаться от Эрика. Он не очень походил на рыцаря в блестящих латах, но был тем, чем был. Когда Гарри и его неустрашимые помощники выполнят свою миссию, дракон не будет убит, но превратится в жалкую ящерицу, у которой уже не останется ни сил, ни возможностей причинить ей вред.

Глава одиннадцатая

Косые лучи солнца пробивались сквозь крону пальм. Ана протерла лосьоном длинные ноги и откинулась на водяные подушечки шезлонга. Она шевелила большими пальцами ног в такт шлягеру Фила Коллинза «Я не могу танцевать» и задавала себе вопрос, дошло ли до Эрика вечернее послание. Если дошло, сегодня ему уже точно будет не до танцев, усмехнувшись подумала она.

Ана подставила теплому солнцу протертое лосьоном лицо. Было лишь десять часов, утренний смог рассеялся и на небе не было видно ни облачка. В ближайший час она полностью отдастся отдыху. Грациэллу она отпустила на выходные, Луиза отправилась в горы с очередным любовником, а садовник давно закончил подстригать и обихаживать деревья и незаметно удалился.

Ей не нужно будет с кем-либо разговаривать или в сотый раз слышать: «Приготовиться к съемке!» Если немного повезет и в начале следующей недели работа над фильмом завершится, она будет свободна до дня свадьбы, не считая, конечно, съемок для «Идеальной невесты» на Мауи.

Ана расслабленно лежала под теплыми, ласкающими лучами солнца. Остальную часть дня она будет заниматься цветами и меню, но этот час полностью принадлежал ей, и она намерена сполна этим воспользоваться. Такие благословенные моменты случались нечасто.

Ана сделала глоток прохладительного напитка и поставила фужер на металлический столик со стеклянной столешницей. Некоторое время она любовалась бликами на голубой глади бассейна. В воде отражались розы, росшие в горшках у южного бордюра бассейна, — красные, желтые, оранжевые, бело-снежные... Воздух был напоен запахами роз, жасмина, гардений. Чистое лазурное небо... Покой... Гармония... Это то, чего ей хотелось всю жизнь... То, что она обретет, когда Эрик навсегда уберется с ее дороги.

Джон, должно быть, пришел бы в ярость, узнав, что она делила ложе с такими, как Эрик Ганн. Его мать скорее всего упала бы замертво в своем наряде от Диора, вполне пригодном для собственных похорон. А его отец... Ана видит, как Артур Фаррелл надменно поднимает седую бровь, слышит, как он поставленным в Гарварде баритоном чеканит:

— Мы говорили тебе, сын, что твое увлечение актрисой было весьма неразумным. Сколько достойных молодых женщин нашего круга встречалось на твоем пути. Теперь ты сам имеешь возможность убедиться, что все гримы и софиты не превратят бродячую кошку в чистокровную персидскую. — И поглаживает по шелковистой шерсти кошку, которая при этом тихонько мяукнет.

Рано или поздно Ана сможет преодолеть это предубеждение. Ради Джона и ради детей, которые будут носить его фамилию, ей нужно отвоевать место в этой несколько чопорной, но весьма спаянной семье. Как жена Джона она будет иметь право на их лояльность и уважение. На меньшее она не согласна.

Жена Джона. Новая роль... Но к ней она готовилась долго. И они поженятся, убеждала себя Ана, она непременно будет по-настоящему испытывать удовольствие во время занятий любовью, а не просто делать вид. Ибо сейчас, хотя разумом она понимала, что перед ними нет камеры, когда они вдвоем с Джонни, психологически ей трудно было перестроиться и поверить в это. «Твоя заслуга, Эрик. Тебе я обязана этим, да и не только этим»...

Обдуваемая теплым, напоенным ароматами ветерком, Ана изменила позу в шезлонге. Фил Коллинз вкрадчивым хриплым голосом грустно пел о том, что его сердце по-прежнему отдано любимой.

«Мы оба помним, как мы были здесь когда-то...»

«Когда-то... — подумала Ана, — был Эрик, а до того — Бадди».

Девственности ее лишил Бадди Крокер воскресным вечером в гараже, когда отец сидел в гостиной перед телевизором. Шла финальная игра на первенство мира по бейсболу, а они в темном гараже пили пиво и лежали под одеялом с Бадди. В его горячих объятиях Ана впервые узнала, какое наслаждение можно получить от любовных игр. Юные гормоны бродили в их крови, и они были безудержными и безрассудными в ласках. Подумать только: вдвоем в темноте — жаждущие, горячие, щедрые. Когда Ана вспоминала, насколько неосторожны они тогда были, она лишь качала головой. Ведь они, конечно, не предохранялись. Лишь каким-то чудом Ана не забеременела. Молодые и безрассудные, они наслаждались моментом и были уверены в том, что с ними ничего не может случиться.

И какие это были моменты! Ана выпрямилась и почувствовала, что слезы готовы брызнуть сквозь закрытые веки. Будет ли она когда-нибудь еще чувствовать себя столь раскованно и свободно?

Секс с Джонни должен быть даже приятнее, потому что они по-настоящему любили друг друга. Их отношения были основаны на глубоком чувстве, в то время как с Бадди на чисто физическом влечении друг к другу. Секс с Джонни должен быть радостью, с горечью размышляла Ана. Однако после того мрачного периода в ее жизни, связанного с Эриком, секс превратился для нее в тяжкое испытание.

Но не всегда же так будет, сказала себе Ана. Она представила Джонни — сильного и деликатного, когда он ложился с ней. Он был такой терпеливый и щедрый, ему так хотелось, чтобы она получила удовольствие. Она вспоминала, как его серо-голубые глаза ловили ее взгляд, пытаясь определить момент наступления у нее оргазма. Но даже в постели ее игра была безупречной. Она не разочаровывала его. Разочарованной оставалась она.

Внезапно Ана почувствовала, что на нее упала тень, и открыла глаза.

Перед ней стоял Эрик Ганн. Стоял и улыбался.

Ана выпрямилась, подавив в себе готовый вырваться крик.

— Будь ты проклят! Вон отсюда! — придя в себя, хрипло закричала Ана.

Эрик ткнул пальцем ей в подбородок.

— Кто это может меня заставить?

Ана вскочила на ноги и в ярости толкнула его.

— Убирайся отсюда к чертовой матери, пока я не вызвала полицию!

— Да, дорогая, ты всегда любила крепкие выражения! — фыркнул Эрик. Его густые черные волосы блестели на солнце, словно антрацит, с нарочитой небрежностью на один глаз спускалась прядь. Ана была уверена, что он потратил уйму времени, придумывая себе прическу. Сунув большие пальцы в карманы линялых джинсов, он изо всех сил старался казаться хладнокровным. Впрочем, он и был таким. Его вид напоминал работягу-чернорабочего с вкрадчивым взглядом и узкими бедрами.

«Что он тут корчит из себя? — подумала Ана. — И что стряслось с Гарри Дамоном?»

Лицо Эрика расплылось в насмешливой ухмылке.

— Знаешь, малышка, — произнес он шутовским тоном, который она хорошо помнила. — Иди и зови своих вонючих ментов... У меня для них есть очень завлекательные истории. Вообще-то говоря, у меня их две. Взять, например, последнюю. Мне пришлось отлеживаться на кушетке у приятеля всю ночь. Похоже, какому-то типу очень захотелось дать подзаработать одному из дорогостоящих хирургов. Мне повезло, что нашелся парень, который вовремя подкинул мне деньги. Иначе все могло кончиться печально. Я не вносил медицинскую страховку и всегда ненавидел докторов. — Он сделал шаг к Ане, похотливым взглядом окинул ее тело, прикрытое лишь бикини, и с явной угрозой посмотрел на нее. — Как ненавижу неблагодарных сук, которые удирают, да еще переезжают меня, вместо того чтобы сказать «спасибо тебе, с тобой было приятно трахаться» и прислать по почте открытку.

— Спасибо тебе? Тебе спасибо?! — Ана задохнулась от ярости. Ее ногти впились в ладони, когда она встретила взглядом с человеком, который провел ее через ад. Ему доставляет это удовольствие! Эта мысль обожгла ее, и в ту же минуту она подумала о своей уязвимости, поскольку была почти обнаженной. Она схватила свисающий с шезлонга белый халат, сунула руки в рукава и быстро завязала пояс, моля Бога, чтобы Эрик не заметил, как дрожат ее руки.

— Ну зачем ты все это прячешь? — тем же шутовским тоном произнес Эрик. Он протянул руку, желая показать, что намерен развязать пояс. — Тут нет ничего такого, чего я не видел. Разве не так?

Ана звонко ударила его по щеке.

— Если тронешь меня — убью! Какого дьявола ты хочешь от меня? Или ты мало поизмывался надо мной?

— Все такая же сладкая, как конфетка, — огрызнулся он, потирая покрасневшую щеку. — Уверен, что даже еще слаще. Давай, малышка, ублажи папочку, как ты это делала раньше.

Он шагнул к ней, схватил за запястья и дернул к себе.

— Ты должна мне, малышка. И должна много. Если бы не я, не было бы и Аны Кейтс. Кто помог тебе? Благодаря мне ты приобрела бесценный опыт и умение держаться перед камерой.

Ана боялась, что сейчас взорвется от ярости, клокотавшей в ней. Она с трудом удержала себя от того, чтобы не столкнуть его в бассейн. Это дало бы ей возможность добежать до купальной кабины и подать сигнал тревоги. Но хотела ли она впутывать в это дело полицию? Она подумала о том, какие вопросы ей могут задать, какие анкеты придется заполнить, а также о вероятности того, что может найтись полицейский, который соблазнится призом в пятьсот долларов и сообщит о происшествии в бюллетень. У нее заняло под ложечкой. Она не могла рисковать. Это погубит ее карьеру, ее самое, она навсегда потеряет Джона.

«Нет. Он и без того слишком многое отнял у меня. Я должна действовать сама. Никакой полиции. Никаких репортеров. Я должна сама перехитрить этого кобеля».

— Эрик, — сказала она как можно спокойнее, выдержав его взгляд. — Отпусти меня. Сейчас.

На какое-то время воцарилась тишина. Было слышно лишь пение колибри. Рука Эрика разжалась.

— О'кей, дорогая. Будь по-твоему... Ты здорово изменилась за это время. Раньше я мог довести тебя до слез одним только взглядом. Теперь ты крепкая сучонка, а? Я просто потрясен.

Еще бы! Он был прав: она изменилась. И ему еще предстоит узнать, до какой степени.

На металлическом столике зазвонил портативный телефон, заставив вздрогнуть обоих. Ана колебалась лишь мгновение, затем схватила трубку.

— Ангел, сожалею, мне не удалось застать тебя вчера.

Джон. Ана повернулась на каблуках, лихорадочно ища решения. Эрик смотрел на нее, его лицо расплылось в широкой улыбке.

— Это меня? — театральным шепотом произнес он, протягивая руку к трубке.

Ана увернулась и поставила между собой и Эриком стул.

— Дорогой, мне тоже очень жаль. Но я так рада слышать сейчас твой голос.

Джон не мог представить, насколько она рада.

Эрик подошел к ней и стал поглаживать ей руку. Ана отдернула ее, изо всех сил стараясь не повысить голос. Она призвала на помощь все свое профессиональное мастерство, чтобы говорить ровным тоном, ни на мгновение не спуская глаз с Эрика.

— Мне не терпится показать тебе великолепные подсвечники из севрского фарфора, которые принадлежали сенатору Кеннеди. И еще нужно поговорить насчет меню для приема в Вашингтоне...

— О, Джон, что, если я позвоню тебе через полчаса? У меня тут самый разгар одного дела.

Ухмылка Эрика стала еще шире. По-видимому, ему доставляло огромное удовольствие то, что она чувствовала себя неудобно. Он приблизился к столику, сделал глоток из фужера и скорчил рожу. Затем неторопливо подошел к краю бассейна. Ана не поверила своим глазам, когда он расстегнул ширинку, достал член и стал мочиться в прозрачно-голубоватую воду.

— Ана... Ана, что-то не так? — голос Джона куда-то уплывал, становился далеким, словно его отделяли континенты, если не галактики. Тоска по нем в этот момент превращалась в настоящую боль. Ана словно унеслась из мира, в котором жила с Джоном, и вернулась в тот, где жил Эрик, — мир отвратительный и грязный.

— Прости, дорогой, — выходя из оцепенения, произнесла Ана. — Я не поняла последнюю фразу. Что ты сказал?

— Ты какая-то странная, Ана. Что с тобой? — В голосе Джона прозвучало беспокойство. Он напряженно вслушивался. Ана почувствовала его тревогу и представила выражение его лица — такое же, как и тогда, когда он заподозрил, что оппонирующий ему демократ в сенате пытается его одурачить.

— Просто я устала... И скучаю по тебе. — Она молила Бога, чтобы он поверил ей.

Кажется, он поверил.

— Ангел, я бы многое отдал, чтобы вырваться отсюда и вылететь к тебе. Но это невозможно. По крайней мере, до Дня Благодарения...

Голос Джона ласкал Ану. Эрик бесстыже смотрел на нее. Ее охватило отвращение, когда он стряхивал последние капли мочи в бассейн.

Выродок! Проклятый вонючий сукин сын, выродок из выродков!

Ухмыляясь и застегивая ширинку, он направился к Ане. Ей хотелось выплеснуть остатки напитка ему в лицо, но ей нельзя было выходить из себя. Пока, во всяком случае. Она должна подавить эмоции и включить мозги. «Нельзя позволить ему нажимать на нужные ему кнопки», — сказала она себе. Он сильнее тебя, и рядом никого нет. Шевели мозгами, Ана. Шевели своими дурацкими мозгами.

— Джонни, я обязательно позвоню тебе. Ты позволь мне только разделаться здесь кое с чем, и тогда я в твоём полном распоряжении.

Гудок в трубке, свидетельствующий об окончании разговора, оставил ее наедине с Эриком, и единственной защитой от него могла быть ее находчивость.

— Небось до чертиков боялась, что я продам тебя твоему богатому другу? — глумливо произнес Эрик. — Ты подумай только, что он может сказать, когда узнает, как ты ублажала старого любовника. И что он скажет, когда узнает, что ты обыкновенная дешёвая шлюшка.

— То, что имеет отношение к тебе, меня не пугает, — соврала Ана. — Она заставила себя сесть, небрежно вытянув в шезлонге ноги, откинувшись назад, и принять равнодушный вид. — Наверно, ты нарвался на большие неприятности, пока пытался привлечь мое внимание к своей персоне. Считаю, что привлёк. Зачем ходить вокруг да около вместо того, чтобы просто сказать, чего ты хочешь?

Увидев, с каким высокомерным спокойствием она откинулась в кресле, Эрик почувствовал, как кровь прилила к его лицу. Проклятая Богом сука! Врет, как многократно трахнутая Клеопатра! Он с трудом удержался от того, чтобы не опрокинуть шезлонг и не разmozжить ей голову о террацо. Нет, не будь дураком, решил он, переминаясь с ноги на ногу под ее нахальным взглядом. Будь хладнокровным, действуй по-умному. Когда правда выйдет наружу, она засуетится. Она станет посмешищем века. Но сперва ему нужны деньги. А потом он возьмет реванш. Он высосет из этой суки все до последнего цента, а уж потом предаст широкой огласке грязную историю ее жизни. И тогда, Эрик, ты будешь отомщен и станешь богатым человеком.

— Чего я хочу? А всего, что есть у тебя. Как для начала? — Его глаза нагло смотрели на нее. Он широким жестом показал на бассейн, сад, дом. — Кто бы мог поверить, что старушка Кенди Монро будет жить в такой роскоши? Спать на шелковых простынях... Летать на собственных самолетах... Обедать в самых шикарных ресторанах... Да, мисс Кейтс... Нет, мисс Кейтс... Чем я могу вам помочь, мисс Кейтс? Вам не нужно подтереть задницу, мисс Кейтс? — Он чесал грудь и вышагивал вдоль бассейна, затем внезапно пнул ногой в цветочный горшок, на террацо вывалились розы вместе с землей.

— А я в это время живу в дыре, делюсь завтраком с тараканами. Где справедливость, Кенди? Ведь мы были партнерами. Я сделал из тебя человека! И не могу получить свои жалкие десять процентов! Это совершенно несправедливо! Я думаю, что с учетом процентов ты мне должна по крайней мере пятьсот кусков. — Он внимательно посмотрел на нее, желая увидеть реакцию. Лицо у Аны оставалось непроницаемым, красивым и холодным, как у статуи.

Все же, присмотревшись, он увидел на нем едва различимый признак гнева.

— Не беспокойся, малышка, тебе не придется отдавать мне все сразу. Я справедлив. Я буду брать частями. — Он приблизился, внезапно наклонился и

сильными руками схватился за поручни шезлонга, так что Ана оказалась как бы в ловушке. — На сей раз ты так просто от меня не отделаешься. Я буду долго мельтешить перед тобой...

— Я не помешала? У входной двери мне никто не ответил, но поскольку мы договорились о встрече, я позволила себе войти.

При звуке женского голоса, донесшегося со стороны купальной кабины, Эрик вскочил и резко повернулся. Ана также в мгновение ока слетела с шезлонга. Кого это принесла нелегкая? Ана еще не успела прийти в себя от наглых притязаний Эрика, когда увидела, что к ней плавной, скользкой походкой приближается эффектная брюнетка. Женщина пересекла террасу рядом с Эриком, поставила пару баулов на свободное кресло и, ослепительно улыбаясь, протянула Ане руку.

— Я Моника Д'Арси. У меня такое ощущение, что я появилась очень некстати. — Она стрельнула глазами в сторону опрокинутого цветочного горшка, снова перевела взгляд на внешне спокойное лицо Аны, однако Ана почувствовала, что Моника заметила больше, чем надо.

— Простите. — Ана рассеянно подала Монике руку и внезапно ощутила крепкое, теплое, пожалуй, даже ободряющее пожатие. — Значит, я вас ожидаю? — спросила Ана бесцветным голосом, чувствуя, что развитие событий полностью выходит из-под ее контроля.

— Луиза отправила вчера мне ответный факс и подтвердила, что мы встречаемся сегодня утром по поводу гардероба для «Идеальной невесты». Я принесла несколько образцов на ваше одобрение. Ради Бога, не говорите, что вы об этом не знаете!

Факс. Ана припомнила записку, приклеенную к стеклу буфета. Может быть, Грациэлла имела в виду это? Она даже не потрудилась посмотреть на письменный стол вчера вечером. После беседы с Гарри Дамоном она решила, что все остальное может подождать до утра.

— Твой отец не научил тебя хорошим манерам, Ана, — с улыбкой вступил в разговор Эрик. — Ты забыла представить меня леди.

Ана закусила губу. Ей показалось, что ее голову с каждой минутой все сильнее сдавливают какие-то тиски.

— Моника Д'Арси, это Эрик Ганн. Он уже собирается уходить.

— Рада познакомиться, — негромко и сухо произнесла Моника. Она молча скользнула взглядом по смазливому лицу и ладной фигуре Эрика. К счастью Аны, Эрик не стал бросать плотоядных взглядов на Моника. Сейчас он играл роль мистера Обаяние, которая была так хорошо ей знакома.

— Еще в большей степени рад познакомиться с вами, — галантно ответил Эрик.

«Если он поцелует ей руку, меня стошнит», — подумала Ана. Но он лишь осклабился, затем повернулся к Ане и клюнул ее в щеку.

— Заскочу позже, дорогая. Почему бы тебе не прийти и не захватить эти бумаги в четверг? У тебя будет время все обдумать и решить.

— Великолечно. Надеюсь, ты знаешь, где выход? — Ана демонстративно отвернулась от него и с подчеркнутым вниманием обратилась к Монике: — Простите, я совсем запамятовала. Это моя вина. Моту я вас чем-нибудь угостить?

— Я не возражаю составить вам компанию, — ответила Моника, показав на прохладительный напиток. Она сняла защитные очки и посмотрела вслед

удаляющемуся Эрику, который пересек розарий и скрылся за решетчатым портиком.

Ана направилась к кабине, чтобы принести напитки, а Моника опустилась в кресло с подушечкой персикового цвета и окинула взглядом овальный бассейн с голубой водой и мостик на красочном фоне — пейзаж, который, кажется, сошел с картины Моне. Из маленькой сумочки она достала сигарету, прикурив, глубоко затянулась и перевела взгляд на роскошные пальмы, фонтаны, море цветов. Поистине, рай.

Но в этом раю не все так безмятежно. Моника заметила, с какой яростью Эрик опустился перед шезлонгом Аны. И здесь была не страсть — здесь было насилие. Об этом говорил и опрокинутый горшок. Так что же происходит в этом доме?

За маской сдержанности Аны Моника почувствовала отчаяние попавшей в клетку тигрицы. И она могла биться об заклад, что охотником был Эрик Ганн. Что здесь — наркотики? Секс? Или смесь того и другого? И какую нишу занимает в этом Джон Фаррелл?

«Не твое дело, — сказала себе Моника. — Пока и поскольку закулисные дела Аны Кейтс не мешают журналу, меня это не должно беспокоить, даже если она спит одновременно с Мануэлем Норьегой и Длинноногим Донгом Сильвером». Моника смотрела на водную гладь сквозь дымок, идущий от сигареты. Теплый ласковый ветер, шелестящий в пальмах, не убаюкивал и не мог отвлечь от мыслей о Дрю Макартуре и совете директоров, который мог дать ей пинка под зад. Она и сама чувствовала себя попавшей в клетку тигрицей.

Но если июньский номер оправдает ее ожидания, она отведет занесенную над ней руку Макартура и почувствует себя свободной. Она избавится от тени Шенны, избавится от постоянной опеки и станет наконец делать журнал так, как считает нужным. И тогда она сможет плюнуть Макартуру в лицо. Моника загасила сигарету и полезла за новой.

Сегодня вечером она должна быть на Мауи, чтобы договориться о встрече в восемь утра с вице-президентом курорта Хамакала. Им предстоит обсудить вопросы снабжения, охраны и организации съемок в течение недели. В команду войдет более пятидесяти человек — гримеры, парикмахеры, костюмеры, осветители, техники, не говоря уже о самих звездах, и Моника хотела лично обговорить все детали.

— Прошу вас, — сказала Ана, предлагая Монике прохладительный напиток. Она приветливо улыбнулась. В солнечном свете ее глянцевые рыжеватые волосы, обрамлявшие лицо, сияли, словно гало. — Как мне вас называть — графиня или...

— Моника. — Ответ сопровождался такой же приветливой улыбкой, Моника отметила про себя, с каким старанием актриса изображает спокойствие, потягивая напиток и усаживаясь за столик напротив.

«Очень хорошо. Она тверда как скала. В какие бы сети ни норовил впутать ее этот хлыщ, она не намерена позволять ему вмешиваться в ее дела», — с облегчением подумала Моника.

Внезапно налетел порыв ветра, и входная калитка с шумом захлопнулась. Ана вскочила, широко открытыми глазами уставившись на калитку, не в силах сдержать дрожь во всем теле.

— Ничего страшного, — сказала спокойно Моника. — Это ветер.

Покраснев, Ана опустилась в кресло, затем нервно засмеялась.

— Простите... Нервы... Сегодня не самый лучший мой день.

Моника наклонилась и дотронулась до руки Аны.

— Я видела, как этот парень ринулся на вас, когда я вошла. Извините за любопытство, но я задаю себе вопрос: ваш приятель Эрик — большой прохвост или зануда?

Ана посмотрела в глаза Моника и прочла в них явное сочувствие.

— Большой прохвост — это мягко сказано, — вырвалось у Аны. Она запустила пальцы в волосы и невесело засмеялась. — Есть люди, которые рождаются для того, чтобы делать других несчастными. Вам сейчас довелось увидеть такого.

— Это не первый из людей подобной категории, которых я встречала, и, вероятно, не последний, — в тон ей ответила Моника. Она глотнула из фужера. — Это очень серьезно? Я могу чем-нибудь помочь?

— Вы уже помогли. Вы очень своевременно появились. Если бы не вы, я не знаю, что могло бы произойти. — Ана закрыла глаза и потерла пальцами виски. — Эрик Ганн нужен мне не больше, чем проказа.

Внезапно она открыла глаза, выпрямилась в кресле и сжала руку Моника.

— Моника, Джон ничего не знает об этом ползучем гаде. Я бы предпочла, чтобы он так и оставался в неведении. Эрик — это нечто из моего прошлого. Я не знаю, был ли у вас в прошлом свой демон... или кто-то вроде того, но... Я должна очиститься от него сама. Вы понимаете меня?

— Очень хорошо вас понимаю! Только учтите: демоны могут быть иногда слишком коварными, и с ними без посторонней помощи справиться нелегко. Я уверена, что одного телефонного звонка сенатора Фаррелла было бы достаточно, чтобы этот ползучий гад убрался туда, откуда пришел. — Моника увидела испуг в глазах Аны и поспешно добавила: — Впрочем, этот вариант может быть не самым лучшим. Но, Ана, вы, по крайней мере, должны позаботиться о безопасности вашего дома. Не только Эрик, но любой проходимец может проникнуть сюда и натворить Бог знает что!

В этом Моника была права. Сейчас, когда Эрик узнал, где она живет, он мог нагрянуть сюда в любой момент. Ей нужно позаботиться о модернизации системы сигнализации. Как только Моника уйдет, Ана свяжется с фирмой и попросит установить новейшие электронные приспособления. Это избавит ее от неожиданных визитов. И когда Эрик появится в четверг, она будет готова к приему. Если он только появится... Ана стала перебирать в уме варианты, каким образом поломать Эрику планы.

Внезапно ее осенило... Она решила, что ей нужно делать.

В течение всего следующего часа она знакомилась с комплектами купальных костюмов, халатов, пестрых дорожных нарядов, которые Моника принесла с собой. Ана отвергла лишь два ансамбля. Одновременно она мысленно прорабатывала свой план. Разговора об Эрике больше не было, и Ана почти жалела о своем приступе откровенности. Ей оставалось надеяться лишь на то, что инцидент забудется. Однако на прощанье Моника вновь проявила заботу.

— Ана, если вам придется очень трудно с вашим демоном, обещаю обратиться ко мне за помощью. У вас есть номер моего телефона? Звоните, если понадобится.

Растрогавшись, Ана пожала ей руку.

— Я не думаю, что в этом возникнет необходимость. Однако я благодарна вам за предложение... Искренне благодарна. — Она улыбнулась, в ее глазах снова сверкнули веселые искорки. — Я думаю, что возьму ситуацию под контроль. Честное слово, вам не надо беспокоиться обо мне.

— У меня работа такая — беспокоиться обо всем, — сказала Моника, и они обе пошли по дорожке. — С этой привычкой я ничего не могу поделать... Как с этими проклятыми сигаретами.

— Выбросьте их. Золотая идея... Я сделала это, когда мне было восемнадцать. — Она выгнула тонкую бровь и, как бы бросая Монике вызов, добавила: — Что-то подсказывает мне, что ваша судьба чем-то перекликается с моей. Или я ошибаюсь?

Моника улыбнулась и, открывая дверцу машины, послала воздушный поцелуй.

— Желаю вам управиться со своими демонами, Ана, а я позабочусь о своих.

Едва машина Моника скрылась за деревьями, Ана поспешила к телефону. Она должна позвонить в фирму, которая занимается установкой систем сигнализации, а также Джону. Но прежде ей следует позвонить Арни.

К черту Гарри Дамона и его тупых помощников, хоть они в чем-то и помогли ей! Пришло время менять тактику.

— Арни, мне нужно встретиться с тобой, дорогой, — бодрым голосом начала Ана, когда его секретарь соединил ее с ним. Она даже закатила глаза, когда произносила столь банальные слова. Но что делать — приходится говорить на языке Арни: — Давай организуем завтрак.

— Чудненько, Ана. Непременно! Вторник, среда — когда желаешь? — Ана слышала, как он листает календарь. — А если в понедельник?

— Что, если сегодня? Плюнь ты на свой гольф, Арни! Это очень важно. Сколько надо тебе времени, чтобы подъехать ко мне?

— Ана, душа моя... Дай мне время для разбега.

— Часа тебе, думаю, будет достаточно. Жду тебя...

«Теперь держись, Эрик, прохвост, сукин сын и выродок, — размышляла Ана, положив трубку и глядя невидящими глазами в оскверненный бассейн. — Готова поставить все, что имею, что ты, Эрик, клюнешь на приманку. Я тебя слишком хорошо знаю. Арни не составит труда заманить тебя в свою сеть».

Глава двенадцатая

— Хильда, ты действительно не будешь возражать, если я уйду немного пораньше? — Тери положила чаевые миссис Уарнлер в карман и сдвинула брови, надевая красные туфли.

— Ты спрашиваешь меня об этом, по-моему, в третий раз, Тери. Нельзя быть такой беспоконой. Нет проблем! Я уже сказала, что обслужу всех клиентов, — Хильда махнула пухлой ручкой. Это была невысокая полная женщина с оригинальной ассиметричной стрижкой. — Если ты собираешься лететь на Мауи вместе со всеми этими знаменитостями, тебе понадобятся какие-то сногшибательные новые платья. Будь осторожна, чтобы тебя толпа не смяла. Ты же знаешь, что после Дня Благодарения в магазинах начинается столпотворение.

Миссис Уарнлер сушила ногти, положив ладони на маникюрный столик. Она наблюдала за тем, как Тери схватила кошелек и хлопчатобумажный пакет.

— Идите в универмаг Гудзона, — посоветовала она. — Там наилучшая распродажа. Туда сегодня направилась моя невестка. Она собирается купить уйму всяких вещей: столько галочек сделала на двухстраничной рекламе, что сыну придется, наверно, устроиться еще на одну работу, чтобы оплатить ее покупки.

Все засмеялись, кроме Тери, которая хмуро наблюдала за тем, как за окном ярко освещенной витрины падал сероватый снег.

— Эй! — Жози ткнула тонким пальцем в Тери. Она сметала с пола волосы, ловко орудуя метлой. — Ты хоть улыбнуться-то можешь? Скоро, мы знаем, ты пройдешь в черных очках мимо с задраннным носом и даже «привет» не скажешь.

На этот раз Тери улыбнулась и, в свою очередь, толкнула локтем подругу.

— Веди себя хорошо, а то я буду брать с тебя деньги за автограф.

Однако всякий раз, когда Тери вынимала тщательно разграфленный лист со списком вещей, которые ей необходимы для поездки на Мауи, — новый лифчик без бретелек, обеденный костюм, приличная косметичка вместо истрепанного пластикового мешочка, — ей становилось не по себе, у нее появлялось ощущение, что на нее надвигается нечто неотвратимое и роковое. Это началось с момента Опра Уинфри Шоу. И хотя прошел уже почти месяц, — они с Брайеном уже слетали в Нью-Йорк за необходимыми вещами и познакомились с Евой Хэмел и Нико Чезароне, — замысел «Идеальной невесты» и ее участие в нем по-прежнему казался ей каким-то невероятным сном, который исчезнет при ее пробуждении.

Тем не менее меньше чем через месяц она должна отправиться на Гавайи для съемок и ее фотографии увидят миллионы людей.

Тери вышла из ателье, продолжая хмуриться. Она тщетно прятала голову от ветра — снег слепил ей глаза и хлестал по щекам. Когда Тери на своем «вольво» подъехала к Фаэрлейн Молл, она была уверена в том, что за свое прошлое ей неизбежно придется ответить, — это лишь вопрос времени.

Ей вспомнился домашний пасхальный обед. Братья и сестры слизывали шоколад с пальцев и швырялись друг в друга бобами, мать и бабушка Парелли на кухне мыли посуду, которую она подносила им из столовой, а отец и де-

душка Рандаззо затеяли игру в бочи — итальянские кегли во дворе.

— Ты следи за ней, — сказала бабушка матери и многозначительно кивнула. — Она очень похожа на мою сестру Гертруду. Я по глазам вижу.

— Мам, ну что это у тебя такие мысли? Джина хорошая девочка. Сестра Доротея говорит, что она даже выражает желание присматривать за маленькими детьми.

— Не спорь со мной, — возразила бабушка, грозя мокрым пальцем. — Она вылитая Гертруда и такая же упрямая. Она принесет тебе неприятности, если ты не найдешь на нее управу.

— Ей только двенадцать лет! У нее еще нет даже дружка среди мальчиков, мам!

— Откуда ты знаешь? Ты только взгляни на ее юбки. Два дюйма выше колен! Слыханное ли дело? — В этот момент бабушка повернулась и увидела ее в дверях.

— Ага, у маленького графина большие уши! — сердито воскликнула бабушка Парелли. — Вот видишь: вместо того, чтобы закончить свое дело, она шныряет здесь и подслушивает разговоры, которые для нее не предназначены. Это тебе ни о чем не говорит?

Мать вздохнула и велела ей выйти из кухни с таким раздражением, что Джина решила — ей не избежать наказания. К ее удивлению, укладывая ее спать, мать заговорила с ней спокойным, ласковым тоном:

— Твоя бабушка Парелли любит тебя, ты это знаешь. Ты старшая из ее внучек, и она многого ждет от тебя.

— Я знаю, мам, — шепотом ответила она, изучая дырки в вязаном покрывале. — Я стараюсь, но ей всегда кажется, я делаю все не так. Мне бы очень хотелось, чтобы дедушка Парелли был жив и она не жила с нами.

— Ты должна понять бабушку. Она очень любила Гертруду, свою старшую сестру. И когда та попала в беду...

— А в какую беду, мам? Никто не говорит.

Мать покачала головой.

— Это не важно. Она принесла позор семье, и ее отправили в монастырь. Я уверена, что тебе не хотелось бы оказаться на ее месте, правда ведь, Джина?

— Ну конечно же, мам! — воскликнула она. — Ты ведь знаешь, как я люблю тебя и папу!

— Вот и хорошо! — мать улыбнулась, поцеловала ее, и Джине показалось, что она испытала облегчение. — Просто бабушка хочет, чтобы все ее внуки были чистыми и честными, чтобы они не попали в беду и не принесли позора семье. Я хочу надеяться, что я воспитала детей добропорядочными католиками, что им дорога честь семьи, и они всегда будут поступать по совести. Поэтому я нисколько не боюсь за вас.

«Тогда почему столько разговоров обо мне?» — подумала Джина. Она чувствовала себя несчастной и смущенной, хотя и не совсем понимала причину этого. Когда мать ушла, она слезла с кровати и стала изучать себя в зеркале. Селия, которая была двумя годами младше, уже спала на верхнем ярусе кровати, которую делила с шестилетней Леной, посапывающей в обнимку с плюшевым мишкой. Джина включила ночной свет, чтобы получше рассмотреть себя. Разве я похожа на бабушку Гертруду, спрашивала она себя, касаясь длинных черных волос и сравнивая по памяти с фотографией, с которой смотрела

молодая девушка с темными вьющимися волосами и глазами лани на задумчивом, милостивом лице.

«Никто мне этого не скажет, но я могу поспорить, что она забеременела и родила ребенка, — решила Джина. При этой мысли она содрогнулась. — Я никогда не стану такой. Ну почему мама так беспокоится? Неужели она верит всему, что говорит бабушка?»

Джина снова легла в кровать, убежденная в том, что ее бабушка старомодна и полна предрассудков и очень любит всех критиковать.

«Как это ужасно — быть старшей, — подумала она. — Я всегда должна показывать всем пример. Почему Селия, эта мисс Идеал, не родилась первой?»

Тем не менее, уткнувшись в подушку, она помолилась: «Боже, не дай мне сбиться с пути, как бабушка Гертруда. Я так хочу, чтобы мама и папа гордились мной».

При этом воспоминании глаза Тери наполнились слезами. Внезапно идущая перед ней машина забуксовала, и Тери резко нажала на тормоз. Ее машину занесло в сторону. Пережив несколько неприятных моментов, она все же выровняла ход и медленно двинулась вперед, сжимая руль дрожащими руками.

До сих пор она не получила ни единой весточки ни от родителей, ни от Эндрю. Но ведь отсутствие вестей — это хорошие вести, разве не так?

Но ее томило предчувствие, что свалившаяся на нее известность станет причиной больших неприятностей.

Любой другой человек на ее месте был бы на вершине счастья, она же жила в предчувствии потрясений.

Ей казалось, что Брайен все больше разочаровывается в ней. Она не могла его осуждать за это. Если бы он узнал о том, что она скрывала, он окончательно перестал бы ей доверять.

«Я должна перестать мучить себя страхами, — приказала она себе, подъезжая к огромной забрызганной грязью стоянке и пытаясь найти место для парковки. Однако где-то в подсознании у нее зрела уверенность, что стоит ей только перестать беспокоиться, как случится нечто ужасное. — Я и без того много потеряла, — размышляла она, вклиниваясь между автофургоном и трейлером. — Я не могу потерять еще и Брайена».

Через два часа, сунув свертки в баул, она направилась домой, полная решимости приготовить для себя и Брайена вкусный обед.

— Знаешь, сколько ты ковырялась с этой капустой брокколи? Около двадцати минут. — Брайен отложил вилку и внимательно посмотрел на нее.

— А ты что, ведешь хронометраж? — с улыбкой спросила Тери, убирая прядь волос за ухо и пытаясь все свести к шутке.

Брайен с шумом отодвинул стул. Он поднес тарелку к раковине и выгреб недоеденные остатки в мусорное ведро.

— Я слышал и раньше о том, как волнуются перед свадьбой, но это становится смешно. Ты без конца грызешь ногти, даже поесть толком не можешь. Уверен, что ты потеряла не меньше пяти фунтов с того времени, как мы съездили в Чикаго.

— Не надо придираться ко мне, Брай, — тихо сказала Тери. — Это не поможет.

— Не поможет чему? — взорвался Брайен, поворачиваясь к ней. — Ведь это время должно быть самым счастливым для нас! Мы сочетаемся браком, ты победила в этом конкурсе, и мы собираемся провести медовый месяц на Гавайях. Да-да, на Гавайях, Тери! Мы мечтали об этом, но не верили, что наша мечта может осуществиться. И вот все сбылось. Ну что еще тебе надо?

Тери беспомощно посмотрела на него, не находя слов, которые могла бы сказать в свое оправдание. Если она откроет настоящую причину, она навсегда потеряет Брайена.

— Ради Бога, перестань плакать, Тери. — Брайен досадливо стукнул кулаком по столу. — Я не могу видеть твои слезы.

Однако плач Тери перешел в громкие рыдания.

Брайен бросился к ней и обнял за плечи. Прильнув к нему, она продолжала плакать, испытывая в то же время умиротворение от того, что его руки обнимают ее.

— Ты знаешь меня и мои планы, Брайен, — смогла наконец выговорить Тери. — Я люблю держать свою жизнь под контролем. Я люблю ясность. Я никогда не рассчитывала ни на какие «Идеальные невесты». — Она тыльной стороной ладони смахнула слезы. — И ты знаешь, что мне страшно не хочется, чтобы меня фотографировали.

Брайен засмеялся.

Тери положила голову на его плечо.

— Мне просто хотелось выйти замуж, получить диплом и зажить нормальной жизнью. Я не хочу быть знаменитостью...

— Мы и будем жить нормальной жизнью, родная. — Брайен погладил ее по волосам. Они у нее были всегда мягкими и ароматными, как лепестки цветка. Тери выглядела такой хрупкой в его руках. — Я только хочу, чтобы ты пережила эти пятнадцать минут славы. Со щелчком затвора все окажется позади, и мы будем показывать эти журнальные снимки нашим внукам.

— Нашим внукам! — хихикнула Тери. Она подняла лицо и лукаво посмотрела на него. — Даже я так далеко не шла в своих планах.

Губы Брайена потянулись к ее губам. Тери обняла его за талию и еще теснее прижалась к нему.

— Тебе нужно расслабиться, — тихо сказал Брайен. — Позволь доктору Михаэльсону подлечить тебя.

— Но посуда... и потом я еще не показала тебе, как я выгляжу в новом пикантном костюме, — пробормотала Тери, обняв его за шею.

— Ты покажись мне в костюме, в котором родилась, — хрипло произнес Брайен. Он поднял ее и понес в спальню. — Это твой самый пикантный костюм.

Спустя час Тери все еще лежала на Брайене, когда раздался звонок в дверь.

— Давай проигнорируем его, — предложила она и энергично заерзала.

— Это чертовски правильная мысль, — согласился Брайен. Он обвил ее тело ногами и посмотрел на упругие груди с крупными сосками, которые соблазнительно покачивались над его ртом. Он намерен был захватить один из сосков губами, когда позвонили опять. Через короткий промежуток времени звонок повторился.

— Затрахаили совсем!..

— Это то, что я изо всех сил пытаюсь делать. — Тери содрогнулась и засто-

нала, когда губы Брайена поймали наконец ее сосок. В передней снова раздался звонок.

— Кого это черт несет? Если это Жози, я убью ее! — пообещала Тери, сползая с Брайена.

Брайен спешно бросился за джинсами. Тери с огорчением увидела, что эрекция у него пропала. Ну, да они еще возьмут свое, подумала она. Прямо на голое тело она натянула розовое платье. Брайен успел надеть фланелевую рубашку и, застегивая ее на ходу, направился к входной двери.

Время для гостей было самое неподходящее. Мало того, что им испортили любовную игру, но еще и весь стол, да и не только он, был уставлен грязной посудой, а на диване и кофейном столике были разбросаны газеты и стояли баулы с покупками.

Только бы это были не родители Брайена, подумала Тери, бросаясь в гостиную. Его мать была до педантизма аккуратной хозяйкой и никогда не уходила из кухни, не убрав каждый уголок. Тери схватила газеты и сунула их под подушку дивана, пока Брайен отпирал дверь.

— Да? — сказал Брайен, открывая дверь. — Да! — сказал он уже совсем другим тоном, увидев в слабо освещенной передней двух совершенно не знакомых ему людей.

— Мы хотим видеть Джину... то есть Тери, — запинаясь, сказала женщина. Тери появилась позади Брайена словно лань, которую внезапно осветил прожектор. Женщина, стоявшая в дверях, заметила ее и вскрикнула: — Джина!.. Боже мой, это ты, Джина!

Тери показалось, что у нее остановилось сердце, когда она увидела два до боли знакомые лица, которые смотрели на нее со смешанным чувством радости и неуверенности.

Молодая женщина проскользнула мимо Брайена и бросилась к Тери.

— Джина... Джина, — повторяла она сквозь рыдания.

Тери обняла ее.

— Селия, — прошептала она, чувствуя, как руки сестры обнимают ее, вдыхая знакомый запах лавандового мыла, которому в детстве отдавала предпочтение Селия. Она оцупала грубую шерсть автомобильной куртки Селии, словно желая убедиться, что сестра ее — действительность, а не мираж.

— Я думала, что никогда тебя больше не увижу, — сказала Тери.

Когда Селия уткнулась в ее плечо и заплакала от радости, Тери взглянула на красивого белокурого мужчину в серовато-зеленой куртке, который, казалось, пожирал ее своими серыми глазами.

Эндрю... Боже, это был Эндрю!

Тери начало трясти.

— Вы позволите войти? — негромко обратился белокурый мужчина к Брайену, который с недоумением смотрел на Тери и Селию.

— Кто вы такие? — спросил Брайен. — И кто такая Джина?

Мужчина перевел взгляд с Тери на Брайена и затем снова на Тери.

— Вы знаете ее как Тери Метьюз, мы ее знаем как Джину Рандаззо. — Он протянул руку. — Я Эндрю Леонетти, старый друг семьи. — Он сочувственно посмотрел на озадаченное лицо Брайена. — Может, выпьем пива, приятель? Я думаю, ночь обещает быть долгой.

Следующий час для Тери прошел словно в тумане. Она почти не могла го-

ворить, да и дышала с трудом. Она сидела рядом с Селией, которую не видела почти десять лет, давая невразумительные ответы на вопросы сестры. Даже ей самой ее голос казался сухим и металлическим. Ошеломленный, Брайен пребывал в молчании. Уголком глаз она поглядывала на Эндрю, который, сидя у окна, наблюдал за ней, сохраняя сдержанность.

Тери не могла смотреть на него. Все эти годы она хранила его образ в своей памяти. Она испытывала неловкость под его взглядом, поскольку на ней не было ничего, кроме облегающего платья.

— Позволь мне прояснить некоторые детали, — сказал Брайен. Голос его звучал напряженно. Он встал и зашагал по комнате. — Ты сбила пожилую монахиню возле исповедальни, она упала и ты убежала из дома? И сменила имя? И за десять лет не сделала попытки сообщить семье, что ты, по крайней мере, жива?

Как могла она объяснить? Помимо этого было много других моментов, но она не могла ему все рассказать. По крайней мере, сейчас. А, может быть, и вообще никогда. Всю правду о том, почему Джина Рандаззо убежала, она могла обсудить только с Эндрю. Впрочем, могла ли?

Ей вспомнилось, как шумели дубы, каким мягким было вязаное красное с черным одеяло под ее ногами, отдаленный смех детей, резвившихся неподалеку от места пикника.

Брайен смотрел на нее так, словно видел ее впервые.

— Брайен! — Тери проглотила комок в горле. Ей нужно было сказать что-то такое, что помогло бы ему понять. Все время, пока они были знакомы, он верил в то, что она росла единственным ребенком и была воспитана бабушкой, после того как ее родители погибли в авиакатастрофе. Она сказала Брайену, что после смерти бабушки ее больше ничто не удерживало в маленьком городке ее детства. Не было у нее и родственников, если не считать живущих в Канаде кузенов. Поэтому она приехала в Детройт, навсегда покинув свой город.

«Он смотрит на меня как на незнакомку», — подумала она. Ее ладони взмокли от того, что она сжимала мягкие тонкие пальцы Селии.

— Это невозможно объяснить, — еле слышно сказала Тери. — Мне было всего шестнадцать. Мною овладела паника. Я не остановилась, чтобы обдумать. Я просто убежала.

— Но ведь десять лет, Тери... Разве ты потом об этом не думала? Разве тебе не приходила мысль сообщить родителям, чтобы они не беспокоились? Или рассказать об этом мне? — Все более и более распаляясь, Брайен остановился возле нее, и она увидела, как почернело его лицо.

— Брайен, послушай...

Она поднялась, но Брайен отвернулся. Он взял куртку из шкафа и, не глядя на нее, сказал:

— Я нуждаюсь в свежем воздухе. Прости, я сейчас не могу с этим разобраться. Не жди меня. Как сказал мужчина, ночь обещает быть долгой.

Он не хлопнул дверью. Он осторожно закрыл ее. Тем не менее, когда раздался щелчок замка, у Тери похолодело сердце. Она хотела было побежать за ним, но какой от этого прок?

Она посмотрела на припухшее от слез лицо Селии. Десять лет добавили несколько фунтов к некогда стройной фигуре сестры, но она оставалась такой

же хорошенькой, какой была и в четырнадцать. Вьющиеся каштановые волосы, тот же, что у Тери, овал лица. Ее карие глаза настолько выразительно смотрели на сестру, что у Тери не было сомнения в том, что ее сердце так же обливается кровью, как и ее собственное.

Все эти годы Тери часто думала о том, сколько страданий ее исчезновение принесло семье. Но Селия не просто думала, она прошла через это, и сейчас об этом свидетельствовали ее поникшие плечи и лиловые круги под глазами.

— Селия, — прошептала Тери, — расскажи мне о маме и папе, о Тони и Лене, обо всех. Господи, как мне хотелось все узнать о вас!

— Значит, не очень хотелось, если ты не отозвалась, Джина.

Глаза Тери наполнились слезами.

— Не презирай меня, Селия... Я тоже страдала...

— Ты знаешь, на что были похожи у нас рождественские праздники? Пасха? Мамин день рождения? Мамины похороны?!

Тери содрогнулась, словно ее ударили. Ее лицо стало белым, как полотно.

— Мамины похороны?! Боже, Селия, мама умерла?! Что с ней случилось?

— Ее сбил пьяный водитель. Три года назад, — с трудом произнесла Селия, видя как слезы льются по щекам сестры. — Ты поплачь. Она достаточно поплакала о тебе. Но ты не могла выбрать время для того, чтобы хотя бы позвонить и сообщить, что ты жива. Почему?

Тери ошеломленно покачала головой. Как это мама может умереть?

— Почему? — настаивала Селия.

— Я звонила! — воскликнула Тери. — Но трубку взяла бабушка Парелли... Я испугалась. Я знала, что она задаст мне тысячу вопросов... Я не могла этого вынести.

— Ты не могла? — Селия сверкнула на Тери глазами. Она уже не говорила, она кричала. — Да ты можешь себе представить, сколько больниц мы обошли, скольких людей опросили, сколько мест осмотрели? Отец Эндрю может рассказать тебе. Мы искали тебя много лет.

— Мама, — рыдала Тери. — Мама, прости меня!

Эндрю подошел и стал позади Селии, обняв ее за плечи, однако его глаза не отрывались от лица Тери.

— Селия, сейчас очень трудный момент для всех, кто причастен к этому. Еще будет много возможностей, чтобы выразить свои чувства и взглянуть на все пролетевшие годы.

Тери замерла при звуке низкого бархатного голоса. Отец Леонетти, деликатный молодой священник, которого она впервые увидела в церкви св. Анны, всегда казался ей воплощением покоя и мудрости. В этот момент ей не хватало того и другого. Она поразилась, как сумел он стать над всем случившимся, чтобы с таким спокойствием увещевать Селию. Преодолеет ли он свое собственное смятение? Или же он не чувствует сейчас того, что чувствует она, Тери?

— Только что ты сообщила Джине очень печальные новости, — продолжал Эндрю. — Я думаю, сейчас не время для того, чтобы нападать, сейчас надо успокоить друг друга.

Не переставая рыдать, Селия подняла на него глаза.

— Простите, отец, — с трудом проговорила она. — Но я не могу... Я люблю ее, но готова убить за то, что она обрекла нас на такие страдания. — Она бро-

силась в ванную и захлопнула за собой дверь.

Закрыв лицо ладонями, Тери продолжала плакать. Взглянув через некоторое время сквозь слезы на Эндрю, она прочитала сочувствие в его глазах. Он без слов протянул к ней руки, и она приникла к нему.

Она рыдала до тех пор, пока всхлипывания не затихли сами собой. Пальцы Эндрю тихонько гладили ее волосы.

— Эндрю... то есть, отец, — в смущении поправилась она.

— Сейчас просто Эндрю, Джина. Я сложил с себя сан.

Тери медленно покачала головой, пытаясь осознать смысл сказанного.

— Давно?

— Спустя два месяца после твоего побега. — Он кивнул головой в сторону двери в ванную и понизил голос до шепота. — Нам нужно поговорить один на один, Джина. Не сегодня. Давай встретимся завтра. — Тери уловила нотку отчаяния и решимости в его словах. Глядя в его серые пронизательные глаза, она почувствовала, что погружается в омут чувств.

— Хорошо, завтра, — сказала она, стараясь, чтобы ее голос не дрогнул.

«Брайен, прости меня...»

— Рядом с магазином косметики, где я работаю, есть кафе, — продолжала она. — Поток людей обычно иссякает к половине второго, когда завершается ленч. Мы можем встретиться там.

«Боже, прости меня...»

Тери глубоко вздохнула.

— Нам обязательно надо поговорить, Эндрю. Правда, я боюсь, что тебе не понравится то, что я расскажу.

Он смотрел на нее все с той же прямоотой, как и тогда, много лет назад. Ему где-то около тридцати пяти, подумала Тери, глядя на едва заметные морщинки, наметившиеся возле глаз. Юность безвозвратно ушла, перед ней был красивый мужчина — высокий, стройный, с умным и открытым лицом. И ее откровенно волновала его близость. Подумать только, что это была явь, а не сон и не мечта. Ей казалось, что ноги ее не выдержат, подогнутся, и она рухнет куда-то в пропасть.

Сможет ли она все рассказать ему? Где взять силы, чтобы поведать о том, что она сделала?

Дверь ванной скрипнула, и появилась Селия с красным, опухшим от слез лицом. Чувствовалось, что она не могла смотреть на Тери и упорно разглядывала картину, висевшую на стене в столовой.

— Я знаю, отец Эндрю прав, и я буду стараться, Джина. Я буду очень стараться, — повторила Селия, растягивая слова. — Она взяла со стула куртку. — Я думаю, что мы сказали друг другу все, что должны были сказать сегодня. Я сейчас еду в мотель, чтобы позвонить отцу и рассказать то, что удалось выяснить. — Поколебавшись, она спросила: — Я могу прийти к тебе завтра?

Тери вытерла глаза и прижала пальцы ко лбу.

— Конечно. Приходите на обед. Оба.

Она внезапно подбежала к Селии и сжала ей руку.

— Постарайся простить меня, — просительным тоном сказала она.

Селия на момент сжала пальцы Тери и, отстраняясь от нее, сказала:

— Я стараюсь, Джина. Мы все стараемся.

Эндрю коснулся плеча Тери.

— Завтра, — сказал он многозначительно.

Тери с пониманием встретила его взгляд.

После их ухода она какое-то время ходила по комнате, тщетно пытаясь успокоиться.

«Какое свинство! Какая грязь! Мне понадобится не один час, чтобы все это убрать!»

Впрочем, это было гораздо лучше, чем думать о том, что произошло.

Тери стала с остервенением греметь посудой. Она выгребла из кастрюли остатки еды в пластиковый контейнер, затем спрятала все это под раковину, выскребла, высушила кастрюлю, кое-что сунула в холодильник и неподвижно уставилась на него.

«Господи, кажется, я схожу с ума!»

Она посмотрела на часы в кухне. Ее охватило беспокойство. Было одиннадцать сорок пять. Куда ушел Брайен? Вернется ли он?

Тери побежала в спальню, открыла ящик тумбочки и стала лихорадочно рыться в поисках хрустальных четок. Она нашла их под старыми квитанциями, чеками, ленточками и бросилась с ними на колени рядом с кроватью, как когда-то делала это, будучи совсем маленькой девочкой. В смятении она прошептала:

— Прости, Господи, ибо я согрешила.

Глава тринадцатая

Тери поковырялась вилкой в салате, задавая себе вопрос, зачем она его взяла. Горячий кофе — это было единственное, что сейчас способен воспринять ее желудок. При мысли о том, что ей предстоит рассказать всю правду о своем прошлом, у нее пропал аппетит.

Она посмотрела на часы. Час сорок пять. Может быть, он не придет, и тогда ей не придется ничего рассказывать. Она почувствовала спазмы в желудке. Если он не придет к двум, она уйдет. Хильда назначила миссис Кемпбелл на два тридцать. Из всех клиентов Тери она была самой щедрой на чаевые, особенно в канун праздников.

Да, как бы не так. Тери глотнула кофе и обожгла язык. Она знала, что не уйдет отсюда, не повидав Эндрю.

В этом кафе всегда бывало много детей всех возрастов, которые сновали между столами, просили родителей дополнительно заказать жаркое, кетчуп или пирог на десерт. Маленький мальчик поскользнулся на луже разлитого сока и врезался в руку Тери. Кофе выплеснулся на салат.

— Простите! — он захихикал, выпрямился и поправил кепку на голове. Тери невольно тоже улыбнулась, видя, с какой мальчишеской непосредственностью он бросился в погоню за братом.

Ему лет девять, подумала она. Когда-нибудь у нас с Брайеном будет свой девятилетний сын. Внезапно сердце ее горестно сжалось. Если только Брайен вообще пожелает заговорить с ней. В этот момент ей казалось это маловероятным.

Он вернулся ночью и не произнес ни единого слова. Тери притворилась спящей. Он не прикоснулся к ней, лег, сразу отвернулся и, кажется, заснул. К ней же сон не приходил еще очень долго.

Она надеялась, что им удастся поговорить за завтраком, однако Брайен выскользнул из дома, когда она принимала душ.

«Брайен, — думала она, — если бы ты знал всю мою историю, ты бы еще больше презирал меня. И ты, и Жози, и Мари считали, что ваш сюрприз на мой день рождения принесет мне радость, но вы не могли предвидеть, что он перевернет всю мою жизнь».

Даже сейчас ее руки начинали дрожать при воспоминании о том моменте, когда позади Брайена она увидела Селию и Эндрю. Как можно вернуться в прошлое? Оставалась ли она еще Тери, или же снова была Джина Рандаззо, или, может быть, представляла собой причудливую комбинацию Тери и Джинны?

У Тери участился пульс, когда она заметила, как за стеклянной дверью появился Эндрю. Он осмотрелся вокруг, увидел ее за столиком у окна и направился к ней.

— Прости за опоздание — мне с трудом удалось ускользнуть от Селии. Я только закажу себе булочку и кофе и вернусь. Тебе что-нибудь заказать?

Тери отрицательно покачала головой.

«Как все просто, — размышляла она, наблюдая, как он подходил к прилавку. — Он собирается заказать булочку и кофе. Все так обычно, буднично»... — она с трудом удержалась от того, чтобы истерически не расхохотаться. После всего того, что случилось, после многолетней разлуки он ведет себя так, как

будто это была обычная встреча за ленчем двух старых друзей.

И тем не менее все, что имело отношение к Эндрю Леонетти, никогда не было прошлым заурядным, как не было заурядным и сейчас. За десять лет его взгляд приобрел еще большую магическую силу, пронизательность, спокойствие.

Когда он подошел с подносом к ее столику, она окончательно решила для себя: она должна рассказать ему все. Садясь, Эндрю случайно коснулся коленом ее колена. Тери отодвинула ноги, однако ее обдало жаром.

— Никогда не знаешь, с чего начать, не так ли? — тихо сказал он. — Я думал, что ты не придешь сегодня.

Она встретила его взгляд, в ее глазах были боль и решимость.

— Десять лет назад я убежала от своих проблем, потому что не знала, как их решить... Я и сейчас этого не знаю, Эндрю, но на этот раз я не собираюсь убегать.

Он вздохнул.

— Я очень сожалею, что перевернул тебе жизнь, Джина. Я сожалею об очень многом. Я знаю, что этот мир велик, в нем много мест, где можно спрятаться. Когда я покинул Чикаго, я выбрал Феникс. Но когда я увидел тебя по телевизору в Опра Уинфри Шоу после бесплодных длительных поисков, я понял, что Господь пожелал, чтобы я снова нашел тебя.

— Как ты можешь говорить такое? — внезапно наклонившись к нему, спросила Тери. — Я не думаю, что Господь хотел того, что случилось между нами.

Он потянулся через стол и взял ее руку в свои.

— Выслушай меня, Джина. Кто мы такие, чтобы предугадывать волю Божью? Я знаю лишь то, что мои чувства к тебе были истинными.

Она попробовала освободить руку, но его пальцы цепко держали ее, а его глаза сверлили ее.

— Они были столь истинными и сильными, — неторопливо продолжал он, — что после твоего побега мне пришлось пересмотреть всю свою жизнь и свои планы. Я понял, что есть другие способы служить Господу и людям, для этого не обязательно быть священником. И я уверен, что любовь к Богу не исключает любви к женщине.

— Эндрю... — Тери беспомощно смотрела на него. Она видела не задумчивого, спокойно излагающего свои мысли человека в темно-синем свитере, а ревностного молодого священника, только что окончившего семинарию, и прибывшего в приход помогать отцу О'Нилу; красивого, словно кинозвезда, при виде которого едва ли не у каждой девушки-прихожанки начинало колотиться сердце.

Она впервые увидела его, когда обратилась к нему по поводу Джейсона, начинающего ходить малыша, за которым она присматривала. Она стала замечать у ребенка синяки и, не зная, что делать, обратилась к отцу Эндрю со своими опасениями. К ее радости, он отнесся к этому очень серьезно. Он не перебивая выслушал ее, успокоил и предложил чашку горячего шоколада.

День был сырой и холодный. Джина примчалась в приход, позабыв надеть перчатки и шляпу — так расстроили ее синяки Джейсона.

Отец Эндрю улыбнулся ей, когда она, благодарная, стала пить дымящийся шоколад.

— Ты правильно сделала, что пришла ко мне, — сказал он. — Ты очень рассудительная, отзывчивая девушка, и твои родители могут гордиться тобой.

Она не вполне была уверена в этом. Бабушка Парелли ею явно не гордилась. Хорошо, что хоть отец Эндрю принял ее заботы всерьез. Это принесло ей огромное облегчение. После этого он стал заходить в семью, о которой она рассказала, чтобы поинтересоваться самочувствием ребенка и наладить доверительные отношения с его родителями. Эндрю продвигался медленно, но верно. Он сделал свои выводы о проблемах молодой семьи, и через некоторое время Джина отметила, что синяки у малыша исчезли, он превратился в ласкового и жизнерадостного ребенка.

Этот случай сблизил ее с увлеченным работой молодым человеком, который всегда не только с готовностью выслушивал ее, но и пытался помочь. Он неизменно отмечал ее сообразительность и отзывчивость и заверил, что семья получит необходимую помощь благодаря тому, что у нее хватило мудрости сообщить о беде. Он стал для нее человеком, с которым можно говорить откровенно, кто может по-настоящему понять ее. Она была убеждена, что он был самым замечательным человеком в мире.

Парни ее возраста казались ей слишком примитивными и незрелыми, да и интересовались они лишь одним. Джина немало размышляла о сексе, но была достаточно наслышана о том, к чему могут привести забавы на заднем сиденье автомашины.

Об этом не нужно было беспокоиться, когда она была с отцом Эндрю. Ее тайные мечты о нем никогда не могли осуществиться. Он был так верен Богу, что не мог даже заподозрить о тех чувствах, которые она испытывала при встрече с ним. В двадцать пять лет он был удивительно зрелым, добрым, внимательным и красивым.

И не только таким.

Шли месяцы, и ее чувства развивались в совершенно неожиданном для нее направлении. Она не заметила, когда именно ее первоначальное девчоночье обожание переросло в нечто более глубокое. Так или иначе, но чем больше времени проводила она с отцом Эндрю, тем больше видела в нем мужчину. Она стала пугаться своих новых чувств. Неужто она собирается влюбиться в кюре? Да, она восхищалась им, это верно. Она ценила его дружеское расположение к ней, это тоже верно. Но иногда Джине казалось, что ее новые чувства находят в нем отклик. И она начинала страшиться этого.

Однажды Джина прибежала из школы к отцу Эндрю, возбужденно помахивая наградной лентой. Она получила первое место за Слово оптимиста, которое Эндрю побудил ее написать.

— Я победила! — закричала она, бросая книги на стол. — Вы были правы, а я думала, что у меня нет шансов!

— Умница!

Эндрю улыбнулся, видя ее возбуждение и, обходя стол, двинулся к ней с распахнутыми руками, намереваясь поздравить ее. Однако отеческие объятия внезапно приобрели несколько иной оттенок. Его руки обвились вокруг нее, и она оказалась тесно прижатой к его телу. Она напряглась и вопросительно посмотрела в сияющее лицо Эндрю.

Лучезарная улыбка мгновенно исчезла с его лица, ее сменило желание, которое росло по мере того, как его губы все больше приближались к ее губам.

Сладостный поцелуй вернул их к действительности, и они отпрянули друг от друга. Прикоснувшись тыльной стороной ладони к своему рту, она все еще ощущала тепло его поцелуя.

— Это... дурно, — прошептала она. — Зачем вы это?

— Джина... — В глазах Эндрю читалось такое смятение, которого ей никогда не приходилось видеть. — Прости... Я не должен был... Тебе лучше уйти.

Конечно, она ушла. Она убежала так, словно за ней гнался рой ос. Однако в тесной комнате, в которой она жила вместе с Селией и Леной, она, прислонившись щекой к оконной раме, мысленно несколько раз прокрутила этот поцелуй.

После случившегося она избегала контактов с отцом Эндрю. Когда его пальцы коснулись ее рта при целовании тела Господня во время причастия, Джина задрожала. Она пыталась молиться, чтобы испросить прощения, но лишь сильнее ощущала свою греховность.

«Неправда, — в отчаянии думала она, когда, закрыв глаза, видела перед собой осуждающее лицо бабушки Парелли. — Я не такая, как бабушка Гертруда. Я не могу быть такой. Я — хуже».

Ей казалось, что раскаяние ее было недостаточно искренним, недостаточно глубоким, так как она по-прежнему мечтала о том, чтобы Эндрю обнял ее, чтобы снова поцеловал...

Хуже всего было то, что она не только потеряла возможность снова оказаться в его объятиях, но и лишилась верного друга, который так много значил для нее.

Они перестали избегать друг друга лишь поздней весной, во время пикника. Прихожане играли в мяч или жарили сосиски. Отец Эндрю пригласил ее пройтись с ним — он собирал хворост для детей, которые поджаривали орешки.

Джина подняла воротник своего спортивного свитера и посмотрела, не привлекла ли чьего-либо внимания. Никто не смотрел в ее сторону. Даже ее мать была поглощена приготовлением салатов.

Ее сердце гулко колотилось в груди, когда она молча шла за ним среди деревьев.

По-видимому, Эндрю был намерен рассеять тучи, вернуться к прежним нормальным отношениям. Но каким-то необъяснимым образом их разговор принял иное направление и превратился в мучительную исповедь каждого о своей любви.

— Я никогда, никогда не мог предположить, что такое случится, — задыхаясь шептал Эндрю. — Ты не можешь себе представить, как горячо я просил у Бога прощения, как просил направить меня на путь истинный. Но, Джина, что-то такое существует между нами, чему я не могу воспротивиться... Я пытался. Бог тому свидетель — я пытался...

— Я тоже, — внезапно призналась она, закрывая лицо руками. — Эндрю, мне страшно... Ведь это грешно?

— Я не знаю, Джина, я больше ничего не знаю. Я знаю лишь то, что я чувствую, моя сладкая, моя прекрасная Джина... Не плачь, пожалуйста.

Он смахнул с ее щек слезы. Затем каким-то образом одеяло, которое он захватил для того, чтобы набрать в него сучьев, оказалось на земле между дубов и цветов лесного заповедника, под покровом душистого зеленого шатра. Их

любовные ласки поначалу были робкими и невинными, но затем взявшая верх страсть не оставила места для страха, сомнения или колебания.

Эти короткие полчаса оказались самыми яркими в жизни Джинны. А когда все осталось позади, она была почти парализована сознанием вины.

Когда они вернулись к месту пикника, ей казалось, что все могут прочитать на ее лице, как она грешна. Но отец О'Нил весьма буднично передал Эндрю сумку с орешками, а мать попросила ее взять из машины жакет Лены.

Может быть, они и не знают, но Богу все известно, в смятении думала она. Она неизбежно попадет в ад, в этом она уверена. И затянет за собой Эндрю.

В ту ночь, да и в последующие, Джина не могла сомкнуть глаз. Снова и снова перебирала она четки, моля Бога о прощении. От рыданий у нее болела грудь, ей трудно было даже дышать. Бабушка Парелли была во всем права, мрачно призналась она себе. Сколько заповедей я нарушила? Как я могу ступить ногой в церковь св. Анны?

Но она должна была идти туда. Она должна была идти для исповеди и для того, чтобы просить Бога очистить ее от грехов.

Однако она не могла исповедоваться перед отцом О'Нилом в грехе, который совершила с его помощником. Она должна исповедоваться перед самим Эндрю.

В исповедальне ей удалось сдержать слезы. Наконец она услышала его голос, отпускающий ей грехи.

— Иди с миром, дитя мое, и более не греши.

Она подавленно задавала себе вопрос, действительно ли он так считает. Действительно ли он хочет, чтобы больше не повторилось то, что произошло между ними в лесу, или же желания его сердца выражают те страстные слова, которые он говорил ей в тот день?

Джина покинула исповедальню в уверенности, что самое худшее в ее жизни позади.

Но она ошибалась.

Когда миновал срок месячных, ее охватил страх. Может быть, задержка произошла на нервной почве. Она читала в журнале, что стресс может скакаться на женском цикле. Она стала возносить отчаянные молитвы, давая Богу клятвы в том, что не будет даже думать об Эндрю, если только начнутся месячные.

Едва ли не каждый час она бегала в ванную, чтобы проверить свое белье.

Она почувствовала приступ тошноты. От нервов, сказала себе Джина, прополаскивая тарелки и передавая их Селии для вытирания. От запахов бекона и блинчиков на кухне ей хотелось блевать. Младшие братишки и сестры бесечно носились вокруг, когда она схватила школьный ранец и завтрак и выскочила через заднюю дверь. Она не может быть беременной, убеждала себя Джина. Задержка была всего на пять дней. Слишком маленький срок, чтобы по утрам испытывать тошноту.

Прошло еще несколько мучительных дней. Когда истекла третья неделя, Джина больше не могла скрывать свой страх. Она отправилась на автобусе в аптеку, которая находилась в пяти милях от дома. Здесь ее не могли узнать, и она купила средство для домашнего определения беременности.

Было так мучительно ждать следующего утра, чтобы провести тест. И в течение всего времени, пока она возилась с палочкой и погружала в баночку с

мочой, Тони барабанил в дверь ванной и истошно кричал, что хочет писать. Она очень торопилась, руки ее дрожали, она уронила баночку, и моча выплеснулась на пол. Джина с трудом сдержала слезы. Она вытирала пол и в отчаянии думала, что теперь нужно дожидаться следующего утра, чтобы повторить тест.

Ей хотелось умереть.

На следующее утро результат подтвердил то, в чем в глубине души она уже не сомневалась. Джина была беременна.

Ей не будет прощения за этот грех. Скандал принесет позор семье.

Мысль о том, какое потрясение испытают ее родители, приводила Джину в ужас. Они будут рыдать от стыда, когда узнают обо всем. Ее мать была глубоко верующей, она регулярно посещала церковь и готовила для приходского священника... Как сможет она смотреть в лицо прихожанам после этого? И отец... Она боялась даже подумать о своем деликатном, трудолюбивом отце, который всегда гордился воспитанием детей. Каково ему будет узнать, что его старшая дочь опозорила семью и церковь?

А бабушка Парелли никогда больше не будет с ней разговаривать.

Скандал. Сплетни. Позор...

Ее слабость и неспособность устоять перед искушением обрушатся на всю семью. И нет никакого выхода из этого.

Потрясенная, Джина притворилась больной, когда братья и сестры отправлялись в школу. Собираясь с бабушкой Парелли делать на рынке еженедельные закупки, мать осмотрела ее.

— Ты выглядишь страшно бледной, Джина. Я заварю тебе лавровый лист, это пойдет на пользу твоему желудку.

— Спасибо, мам, — сумела произнести Джина из-под груды одеял. В дверях бабушка Парелли просверлила ее глазами.

— Я вернусь через час. Потерпишь?

— Да, все будет хорошо.

Но ничего хорошего уже никогда не будет. Едва захлопнулась входная дверь и Джина поняла, что осталась одна, она дала волю давно сдерживаемым рыданиям. Наскоро одевшись, она направилась в приход.

Эндрю придумает, что делать, повторяла она, пока бежала. Она ухватилась за эту последнюю свою надежду. Надо поговорить с ним.

«Ну почему он стал священником?»

Этот вопрос обжег ее сердце, когда она пересекала пустынную стоянку перед церковью. Если бы он был обычным человеком, был бы выход. Они могли бы пожениться. Конечно, здесь были щекотливые моменты, кое-кто после рождения ребенка догадался бы посчитать месяцы, чтобы определить истину, но прямой удар был бы отведен. И она и Эндрю навсегда соединились бы.

Он был единственным, кого она будет любить. Она до отчаяния хотела быть с ним. Для нее пыткой были все эти дни, когда она избегала его. Она продолжала думать о нем, мечтать, грезить и тогда, когда смотрела на него во время литургии.

Она ревновала его даже к Богу, который первый предъявил свои притязания к Эндрю. Это было несправедливо. Из-за этого она не могла быть с человеком, которого любила.

К тому моменту, когда Джина добежала до прихода, щеки ее пылали и она

чувствовала себя больной. Спотыкаясь, она поднялась по лестнице, но не могла решиться нажать на кнопку звонка. Что, если откроет отец О'Нил? Что, если Эндрю отсутствует?

Никто не ответил на звонок. Отчаяние овладело ею, когда она подбежала к боковому входу в церковь и направилась к свечам, горевшим перед статуей Богородицы Марии.

Вместо Эндрю она лицом к лицу столкнулась с сестрой Мэри Франсез, которая расставляла большие свечи в красные стеклянные чашки.

— Ты почему не в школе? — строго спросила худая, морщинистая монахиня, помахивая черной деревянной тростью.

Сестре Мэри Франсез недавно сделали операцию на бедре, и она с трудом передвигалась даже с помощью трости. Дети дразнили ее метлой и доверительно рассказывали малышам, что она ведьма, что ночью она может вылететь в окно и унести ребенка, если он не выполнит домашнее задание. Как ни странно, но и старшие дети почти верили в это. Она не носила современной одежды, одевалась исключительно в черное; если к этому добавить седые длинные волосы у нее на подбородке и угрюмый нрав, то можно понять, почему сестра Мэри Франсез более походила на служку дьявола, чем Бога.

— Я... Я хочу видеть отца Эндрю, сестра, — запинаясь, выговорила Джина.

Монашенка прищурилась и без того маленькие, похожие на бусинки глаза.

— Меньше всего тебе нужно видеть его! Ты и эти бесстыжие девчонки, что день и ночь бегают за ним, должны проводить больше времени в молитвах и просить Бога, чтобы он послал им чистые мысли!

— Но, сестра, у меня есть трудности, и я... не могу обсуждать их с кем-то другим.

— Отец О'Нил в исповедальне, — отрезала сестра Мэри Франсез и погрозила своим подагрическим пальцем. — Все, что ты должна рассказать отцу Леонетти, ты определенно можешь рассказать ему.

Джина беспомощно вцепилась в ограждение вокруг алтаря.

— Но я предпочитаю...

— Вот бесстыжая маленькая шлюха! — пробубнила себе под нос монашенка и вслух сказала: — Я так и думала. У тебя только одно на уме — побегать за отцом Леонетти, как и у всех остальных.

У Джинины не было более сил видеть ее сморщенное лицо, и она повернулась, чтобы уйти. С непостижимой ловкостью и быстротой сестра Мэри Франсез повернула поручни алтаря и загородила ей путь.

— Иди сюда и исповедуйся в грехах перед отцом О'Нилом, юная леди. Если у тебя такое срочное дело, что ты даже пропустила школу, и скорее всего наврала своей матери, заходи сюда и поговори с пастором.

— Нет, вы не можете заставлять меня! — в панике воскликнула Джина. Она чувствовала, что стоит ей сказать отцу О'Нилу хотя бы слово, как он мгновенно все поймет. Он станет презирать ее. Конечно же прогонит Эндрю, и приход будет жужжать об этом много месяцев.

Ей нужно немедленно выбраться отсюда. От застоявшегося запаха ладана она задыхалась, от мерцающих свечей кружилась голова, а перед ней стояла сестра Мэри Франсез, и презрительно улыбалась.

Она двинулась вперед, пытаясь обойти монашенку, но та тростью заблокировала ей выход.

— Нет-нет, юная леди, — начала было монашенка, но в этот момент потеряла равновесие и, закричав от боли, упала на пол.

— О, Боже! — воскликнула Джина, пытаясь помочь ей встать. Из исповедальни выскочил отец О'Нил с выражением крайней тревоги на круглом, добродушном лице. Он не успел приблизиться к сестре Мэри Франсез, когда та в ярости замахнулась палкой на девушку.

— Прочь! Не тронь меня! — закричала она. — Ты исчадие ада!

Джина оцепенела. А монашенка продолжала кричать, и ее голос разносился по пустой церкви.

— Посмотрите, отец, что сделала эта гадкая, испорченная девчонка!

Джина прочитала нечто вроде шока на лице священника. И бросилась вон из церкви. Она бежала по обсаженной деревьями тенистой улице, а голос сестры Мэри Франсез и злоешие слова обвинений долго преследовали ее. Они вполне справедливы, думала Джина, перебегая дорогу перед поспешно затормозившим грузовиком. Сестра Мэри Франсез просто подтвердила то, что постоянно подозревала бабушка: Джина — воплощение зла. Она погрязла в порочных мыслях и делах, и у нее не было никаких надежд на спасение.

Джина представила себе, какому позору и презрению подвергнется ее семья из-за ее греховности. Выход один: она должна бежать. Чем скорее, тем лучше. Тогда никто не узнает о ее беременности. А значит, и скандала не будет. И бабушке Парелли не на кого будет изливать свой яд. Переживания и боль родных из-за ее исчезновения не может сравниться с тем, что произойдет, если она останется.

«К тому же, я умру, если останусь здесь и буду знать, что Эндрю никогда не станет моим».

И она убежала, сев на автобус до Питтсбурга — именно на это расстояние ей хватило денег, которые она заработала, присматривая за детьми.

Джина оставила родителям записку, в которой написала, что они, конечно, не смогут понять причины ее ухода, но что она их всех любит и просит помнить ее в молитвах.

Сейчас, всматриваясь в зрелого, изменившегося Эндрю, сидящего перед ней в светской одежде, она почувствовала, что сделала большую ошибку. Ей следовало бы остаться, рассказать ему все и они бы вместе решили все проблемы.

Так или иначе, эти проблемы придется решать теперь. Все, что касается Эндрю, Брайена, ее лично... Больше она не может строить свою жизнь на лжи.

— Эндрю, — сказала она, когда он доел булочку, — может быть, нам пройти? Ты имеешь право узнать, почему я ушла и не давала о себе знать все эти годы. Дело не только в том, что мы согрешили с тобой, — краснея, добавила она.

— Мы любили друг друга, — поправил ее Эндрю.

Она окинула взглядом многолюдный ресторан.

— Есть и более веские причины... Я... мы можем уйти отсюда?

Он допил свой кофе.

— Пошли.

Они молча прошли несколько кварталов, миновав роскошные видеосалоны, магазины, аптеки. Температура воздуха поднялась, и выпавший накануне снег таял, превращаясь в грязное месиво. Эндрю терпеливо ждал начала ее рассказа.

— Ты ведь знаешь, что произошло в церкви с сестрой Мэри? — спросила наконец Тери.

— Слышал об этом. Об этом слышали все... Даже в твоей семье считали, что ты убежала из-за того, что сестра Мэри сурово обошлась с тобой. Отец О'Нил был потрясен.

— А что думал об этом ты, Эндрю?

Ее голос прозвучал сурово, решительно.

— Я знал больше. Я понимал, что твое бегство связано с тем, что произошло между нами. Меня терзало чувство вины перед тобой и твое потрясение. Я ненавидел себя все эти годы за то, что причинил тебе. Я был взрослый человек, священник. И был обязан найти в себе силы не допустить этого.

— Все же есть нечто такое, чего ты не знаешь, Эндрю. В тот день я пришла в церковь, чтобы увидеть тебя. Мне нужно было сказать тебе нечто очень важное. — Тери остановилась на тротуаре и посмотрела ему в лицо. — Я собиралась сказать тебе, что беременна.

Глава четырнадцатая

Загорелое лицо Эндрю побледнело.

— Джина...

— Теперь уже Тери... Я начала новую жизнь с нового имени и новой внешности. Я перекрасила волосы в светлый цвет, сделала короткую стрижку и стала считать дни до появления ребенка.

— У тебя... у нас... был ребенок?! — воскликнул Эндрю, проводя ладонью по волосам. Невидящими глазами он смотрел на грязные лужи, пытаясь переварить сногшибательную новость. — Слава Богу, что ты не стала делать аборт, — прошептал он.

— Я прошла и через это. Пожалуй, это было самое мучительное, — негромко сказала она, не поворачивая головы. Она впиалась ногтями в ладонь, чтобы не позволить своим эмоциям выплеснуться наружу. Ей никак не хотелось сломаться в этот момент. — В тот день, когда я подписала бумаги об аборте, я пришла к мысли, что больше никогда не узнаю счастья. — Она проглотила комок в горле и медленно закончила: — Это была самая трудная вещь, которую я когда-либо сделала: я родила тебе сына.

Эндрю отпрянул от нее. Плечи его напряглись. Он не мог произнести ни слова. Тери негромко продолжала:

— Я видела его лишь один раз, Эндрю. Но я запомнила, какой он крошечный и красивый... И очень похож на тебя.

— О, Господи!.. Я не могу представить себе, как ты одна прошла через все это! Если бы я знал, все могло бы быть по-другому. — Он повернулся к ней и сжал ее плечи. Даже сквозь ткань плаща она ощущала силу его пальцев. — Ведь мы могли пожениться, — простонал он и притянул ее к себе. — Она почувствовала тепло, идущее от его тела, услышала, как билось его сердце. — Мы могли бы воспитывать вместе нашего сына, не потеряв этих лет... И сейчас мы не стояли бы здесь, словно два чужих человека!

Это было верно, она думала об этом тысячу раз, и сейчас что-то вдруг надломилось в ней. Внезапно она приникла к нему, как это уже случилось накануне вечером, но на сей раз они оба испытывали какое-то успокоение. Слов не было, их тела соприкасались, ее голова касалась его плеча, их сердца бились в унисон.

— Где это произошло? — спросил Эндрю, когда внезапный порыв ветра взъерошил черные волосы Тери. — Куда ты отправилась? Я хочу знать обо всем, что произошло. — Он взял ее под руку и повел по улице к автобусной остановке на углу. Они сели на холодную металлическую скамью, защищенные от порывов холодного ветра, и она поведала ему историю, которую все эти годы хранила в своем сердце.

Когда она замолчала, Эндрю взял ее ладонь и сжал своими сильными пальцами.

— Значит, он был усыновлен через дом незамужних матерей в Питтсбурге? — задумчиво спросил он.

Тери кивнула.

— Мы должны найти его.

— Нет! — Она пронзительно посмотрела на него. — Нет, Эндрю! Мы не можем. Брайен не знает об этом.

Эндрю прищурил глаза.

— К черту Брайена! Неужели ты не хочешь увидеть сына? Узнать, где он, счастлив ли?

— И да, и нет, — тихо произнесла Тери. Она выдернула руки, встала и зашагала внутри огражденного пространства остановки, пытаюсь разобраться в своих колебаниях. — Эндрю, неужели ты думаешь, что я хотя бы раз в день не вспоминала и не думала о нем все эти девять лет? Как и о тебе... Наверное, ты не знаешь, как больно беречь все это... И потом, есть Брайен.

— Если Брайен по-настоящему любит тебя, он найдет в себе силы остаться рядом с тобой, — резко сказал Эндрю, и в его глазах появился незнакомый для нее блеск. — А если он не сможет или не захочет, тогда, черт возьми, рядом буду я.

Он порывисто выбросил вперед руки, обнял ее и стал целовать. На мгновение она почувствовала себя так, словно не было этих десяти лет и никакой другой мужчина никогда не целовал ее. Губы Тери таяли под его губами, она вцепилась в лацканы его куртки, чтобы быть еще ближе к нему. Первозданная, необузданная страсть, которая, по ее представлениям, давно ее покинула, вновь возродилась в ней. Ее пальцы ласкали и гладили лицо Эндрю, пока ее язык ощущал тепло его рта. Ей уже не было холодно, и она больше не чувствовала себя одинокой...

Но столь же внезапно пришло и отрезвление. Она отпрянула назад.

— Эндрю, не надо... У меня все перепуталось... Я помолвлена с Брайеном... Мы не можем...

— Прости...

Однако по виду его нельзя было сказать, что он сожалел о случившемся, подумала Тери. Он способен был отвезти ее в ближайший отель, заказать шампанского, запереть дверь и провести весь уик-энд в постели.

Он легонько дотронулся до ее щеки.

— Я десять лет ждал, когда смогу вновь обнять тебя. Или ты думаешь, что я сдамся без борьбы? Это будет нелегко, но я могу еще некоторое время подождать, пока ты разберешься в своих чувствах. — Его глаза сверкнули. — Что касается меня, то мне разбираться в своих чувствах нет необходимости.

Тери почувствовала, что из-под ее ног уплывает почва. Она пыталась представить лицо Брайена, но не могла. Она видела только Эндрю и крохотного младенца, которого когда-то отдала незнакомым людям.

— Ты начала здесь, в Мичигане, новую жизнь, жизнь с Брайеном. У меня была своя жизнь, но я не встретил женщины, которую смог бы полюбить так, как тебя. Все эти годы я мечтал лишь о том, чтобы найти тебя. Ты осталась для меня красивой, тонко чувствующей, не по годам зрелой шестнадцатилетней девушкой. Ты изменилась, Тери. Ты стала еще красивее, если это только возможно, и еще желаннее... Тери, что-то такое существует между нами и существовало всегда. Я не могу это определить, как не могу и отрицать... Обрати на это свой взгляд, — призвал он ее, — ты ведь знаешь, что это так, я вижу по твоим глазам... Я чувствовал это, когда целовал тебя.

Глубокий вздох Тери был ему ответом. Было невыносимо трудно сохранять спокойствие, стоя рядом с Эндрю, в глазах которого читались страсть и желание. Ее поражало, как сильно он мог воздействовать на нее, несмотря на ее намерение остаться верной Брайену.

Если Эндрю снова коснется ее, она не ручается за то, что может произойти. Она отступила от него на два шага и почувствовала спиной холод металлического каркаса.

— Мне нужно возвращаться на работу... Господи, который час?

Было три пятнадцать. Назначенную на два тридцать клиентку она уже упустила.

— Я должна идти, — сказала она и двинулась по улице. Эндрю догнал ее, и они в ногу быстрым шагом направились в сторону стоянки автомашин близ кафе.

— Послушай, я знаю, как трудно тебе сейчас. Ты десять лет пряталась от прошлого, и вдруг оно бьет тебя наотмашь. Давай не будем пороть горячку. Насколько я понимаю, ты сейчас в шоке. Требуется время, чтобы осела вся пыль. Тебе нужно обсудить все с семьей, и я не намерен препятствовать этому. Но я должен через несколько дней вернуться в Феникс. Я обучаю больных аутизмом детей, и им будет трудно без меня.

Эндрю помолчал, стоя возле «вольво», пока Тери рылась в поисках ключей.

— Тери, я хочу получить у тебя разрешение немедленно начать поиски нашего сына. — Он вытянул руку, увидев, что она хочет возразить. — Здесь я не могу ждать тебя — я уже прождал десять лет. Я не могу смириться с тем, что наш сын, девятилетний мальчик, живет у каких-то чужих людей. Я не знал о его существовании раньше, но сейчас, когда я знаю, я не успокоюсь до тех пор, пока не удостоверюсь, что он живет в нормальных условиях.

Тери прекрасно понимала его. Сколько бессонных ночей провела она, пытаясь представить, в какой семье он живет. Есть ли у него теплая одежда? Любят ли его в семье? Есть ли у него братья и сестры и как к нему относятся? Чем он интересуется: спортом, музыкой? Или же он увлекается математикой? Сказали ли ему родители, что он приемный сын, а если сказали — спрашивал ли он, кто его мать и почему отказалась от него?

Открывая машину, Тери изо всех сил сдерживалась, чтобы не расплакаться. Пока Эндрю придерживал дверцу, она рылась в сумочке, подыскивая слова для ответа.

Он молча ждал.

— Хорошо. — Ее всю трясло, и дело было не в холоде. — Но только помни, что он еще очень мал. Наше вторжение в его жизнь может нанести ему тяжелую травму. Сейчас нам нужно думать о нем, Эндрю, и о его родителях, а не о себе.

— Я знаю.

— Давай просто узнаем, что он здоров и счастлив, и оставим его в покое.

— Спасибо, Тери. — Он нежно поцеловал ее в щеку. — У меня остались связи среди духовенства. Я дам тебе знать, как только что-либо выясню.

Вечером Тери сидела в кухне, рассеянно выковыривала грибы из пиццы и медленно жевала, не ощущая вкуса. Отвернувшись от нее, Брайен с хмурым видом читал газету. Бой часов и шелест переворачиваемых газетных страниц были единственными звуками, нарушавшими тишину.

Тери была близка к тому, чтобы разрыдаться. Она бросила на стол салфетку и, поднимаясь из-за стола, с деланным спокойствием сказала:

— Брайен, так мы никуда не придем. Завтра нам надо ехать выбирать фарфор и серебро в Гудзоне, а мы до сих пор не разговариваем. Ты вообще даже не

смотришь на меня.

Брайен опустил газету и уставился на нее.

— Я смотрю на тебя.

— Надо, чтобы ты еще и разговаривал...

— О чем?

— Брайен, нам нужно о многом поговорить, но это очень трудно сделать, если ты смотришь на меня так, как сейчас, и видишь во мне чуть ли не преступницу.

— А ты прикажешь мне делать вид, будто все безоблачно и замечательно? — Он отбросил газету и откинулся в кресле. — И как я должен относиться к тебе? Как к девушке моей мечты? Или как к женщине, которую любил? Или как к женщине, которую, как я полагал, знаю? Может быть, мне закрыть глаза на то, что ты два года водила меня за нос? Интересно, что еще я могу узнать о тебе такое, от чего приду в еще худшее расположение духа?

— Брайен, прошу тебя. Я не хотела причинять тебе боль. Будь справедлив.

— Какой была ты ко мне?

— Брайен, поверь, это так нелегко. Я должна рассказать тебе что-то, и если после этого ты захочешь ехать со мной в Гудзон регистрироваться в качестве жениха — чудесно, а если нет...

— Ну, не знаю... — Он смотрел на нее, демонстративно скрестив на груди руки. — Так о чем ты хочешь мне рассказать?

— О ребенке, Брайен. О младенце. Вот о чем я собиралась с тобой поговорить.

Брайен опустил руки, подался вперед.

— Ты имеешь в виду, что ты...

Тери опустилась в кресло.

— Нет. Я не беременна. Речь не о нашем ребенке, Брайен, а о мрем. Я отказалась от него девять лет назад. О нем никто не знал, даже его отец, — шепотом добавила она, хватаясь за стол.

Казалось, Брайен сейчас упадет со стула. Он настолько резко вскочил, что газета упала со стола на пол.

— Ребенок?! Тери, какой ребенок? Я тебе не верю! — Он подскочил к окну, в стекло которого стучал дождь вперемешку со снегом. Некоторое время он смотрел в серую мглу за окном, а когда повернулся, его лицо и шея были красными, как свитер. — И где этот чертов отец?

Со страдальческим выражением лица Тери некоторое время смотрела на Брайена, затем отвернулась и устала в коробку из-под пиццы.

— Так не томи меня! Кто все-таки был его отцом?

— Эндрю, — тихо сказала она. — Его отец — Эндрю Леонетти.

С минуту Брайен ошеломленно молчал.

— Леонетти? — Он сделал два шага вперед. — Это тот парень, который был здесь вчера с твоей сестрой?

Тери кивнула, затем подняла подбородок и, глядя в глаза ошарашенному Брайену, добавила:

— И еще одна вещь: мы решили попробовать найти ребенка.

Глава пятнадцатая

Монотонный гул большого универмага ворвался в уши Тери, когда она и Брайен поднялись на эскалаторе на верхний этаж. За все время их пути сюда молчание между ними не было ни разу нарушено. — Ни тогда, когда они с трудом припарковали машину на переполненной стоянке, ни тогда, когда пробирались по грязи к входу в сверкающий витринами магазин. С момента завтрака Брайен произнес не более пяти слов, но, по крайней мере, отправился сюда, размышляла Тери, сдергивая с себя пестрый шарф, когда они сошли с эскалатора.

«Возможно, как бы ему ни было больно и как бы он ни был зол, он все-таки любит меня и хочет, чтобы все образовалось. Иначе зачем ему смотреть на эти образцы фарфора и простыни? Он мог бы играть сейчас в баскетбол со своими университетскими коллегами. Или налаживать новую линию в своей мастерской».

— Чем могу помочь? — спросила средних лет продавщица в белом костюме, сидевшая за компьютером и регистрировавшая будущие брачные пары.

— Мы хотим выбрать и зарегистрировать свадебные подарки, — ответила Тери, пытаясь изобразить улыбку, призывая на помощь весь свой оптимизм, с которым она распланировала свою жизнь до того, как произошел нынешний неожиданный поворот в ее судьбе.

— Вам нужно заполнить эти бланки, — любезно сказала женщина. Она отвела пепельного цвета волосы с бровей. — Когда ваш счастливый день?

— Тринадцатого апреля.

— Вот ручка, молодой человек, — она улыбнулась Брайену. — Не надо быть таким мрачным. Все обстоит не так уж плохо, как вам рисуется. Многие из женихов любят выбирать вещи для своего будущего нового дома.

Брайен угрюмо смотрел по сторонам. Тери выдавила из себя подобие улыбки.

— У него сейчас мысли не о покупках. Я даже не была уверена, что он составит мне компанию сегодня. Верно, душа моя?

Это привлекло его внимание — он терпеть не мог, когда Тери называла его «душа моя».

Брайен бросил взгляд, от которого мог бы обратиться в пар целый снежный ком.

— По-моему, я никогда еще не подводил тебя, душа моя, — ровным тоном произнес он.

Тери вспыхнула и быстро забежала пером по бумаге. Женщина по очереди посмотрела на них, прочистила горло и, заполняя возникшую паузу, затараторила:

— Гм... когда вы напишете все реквизиты под голубой чертой, мы введем это в компьютер, и вы с этим бланком пройдете по универмагу и отметите все, что вам может понравиться.

— Аспирип, — пробормотал Брайен.

— Простите, сэр? — недоуменно переспросила женщина.

— Утюг, — быстро сказала Тери. — Нам нужен утюг.

Не глядя на Брайена, она подхватила бланки и отошла от продавщицы к маленькому цвету слоновой кости столику.

Брайен один зашагал мимо сверкающих изделий из фарфора, серебра и хрусталя, искусно подсвеченных невидимыми лампами.

В этот день они не могли прийти к согласию ни по одному пункту. Тери предпочитала японский, Брайен — немецкий фарфор. Ей по душе были ска-терти с вышивками, а ему — полусинтетические однотонные.

— Кого ты, собственно говоря, собираешься принимать? — горячился он. — Я думал, ты более практична. Но сейчас я вижу, что ошибался во многих отношениях.

Тери резко повернулась к нему, едва не сбив хрустальные часы.

— Хватит, Брайен! В конце концов, какого черта мы здесь делаем? Если ты действительно думаешь так, как заявляешь, давай плюнем на все.

— Может, ты и права. Но вся штука в том, что тогда не будет наших снимков в журнале. И тебе придется вернуть все полученные наряды.

— Пропади пропадом этот магазин! К чертовой матери эти наряды! И провались ты вместе с ними! — Она бросила на серебряную подставку кольца, которые рассматривала, и выхватила из его рук регистрационный бланк.

Скрежеща зубами, она разорвала бланк на мелкие кусочки и швырнула их ему в лицо.

— Я тоже думала, что знаю тебя, Брайен! Я думала, что ты будешь рядом со мной, несмотря ни на что. Видно, мы оба ошиблись.

Тери бросилась к эскалатору, слишком взбешенная, чтобы плакать, с трудом извернувшись от оказавшихся на ее пути детей с объемистыми баулами. Едва носок красного сапожка коснулся ступеньки эскалатора, Тери почувствовала, как кто-то дернул ее за локоть с такой силой, что она чуть не врезалась в витрину с серебряными рамами и вазами.

— И куда, по-твоему, ты направляется? — услышала она сердитый голос Брайена.

— Куда глаза глядят, лишь бы тебя не видеть! — огрызнулась Тери, выдерживая руку.

— Остановись на минутку и выслушай меня, Тери. — Брайен вытащил ее из толпы глазееющих на них покупателей в более свободный узкий проход. — Тери, прости меня. Я знаю, что веду себя, как последний выродок, но от всего того, что выплеснулось на меня, мне хочется в петлю залезть.

— Брайен, но ты ведь знаешь, что я не хотела делать тебе больно...

— Но ты сделала мне больно. — Лицо Брайена выражало муку. — Ты лгала мне. Ты не доверяла мне и не говорила правды. А, может, ты и не любила меня настолько, чтобы сказать правду.

— Я очень люблю тебя, Брайен. — Тери вцепилась в висящую на плече сумку с такой силой, что у нее побелели суставы пальцев. — И ты это знаешь.

— Разве? Что же ты дурачила меня?

Тери почувствовала, что ее гнев проходит. Брайен казался таким несчастным, что ей внезапно захотелось обнять его и успокоить. Она сделала шаг к нему, но Брайен отступил.

— Не знаю, Тери... Я не знаю... Послушай, мы не можем перенести это мероприятие на какой-нибудь другой день? Я думаю, что мы оба сегодня не в настроении.

В этом он был прав. У Тери не было ни малейшего желания возвращаться к разговорчивой продавщице и просить новый бланк.

— Хорошо, давай уйдем отсюда, — проговорила она и вынула из кармана шарф. — Я хочу домой.

В этот вечер Селия обедала у них и убеждала Тери отправиться с ней в Чикаго для примирения с семьей.

— Ты только послушай, я вчера вечером звонила домой, и все очень хотят видеть тебя. Отец все время плакал. Хотел на первом же самолете вылететь сюда, но я уговорила его подождать... Лена сейчас на восьмом месяце беременности, ждет второго ребенка... А первый, крошка Дино, такой обормот! Он в одно мгновение покорит твое сердце. И ты, Брайен, поедешь с нами. Все мечтают увидеть тебя... Мы не только вернем сестру, но и обретем нового брата.

Брайен плеснул еще немного кьянти в бокал Селии.

— Все это здорово, но не рассчитывайте на то, что я смогу выбраться раньше февраля. Сейчас трудно найти время даже для «Идеальной невесты» — я занят наладкой новой линии на работе.

— Я не могу поверить, что моя сестра будет красоваться в одном журнале с Анной Кейтс и Евой Хэмел. — Силия отщипнула кусок от цыпленка и отправила его в рот, не переставая говорить: — Ну ладно бы только с ними! Ведь будет еще и этот сенатор — эта умница Фаррелл, и — подумать только! — сам Нико Чезароне. — Она закатила свои очаровательные глаза, затем кокетливо обратилась к Брайену: — А ты, Брай, не ревнуешь ее к ним?

Брайен положил вилку. Он посмотрел на сидящую напротив Тери и сказал: — Не к ним.

Тери с шумом отодвинула стул.

— Кому-нибудь еще брокколи? — с наигранной веселостью спросила она. Хотя Брайен и предпринимал героические усилия быть приятным в общении, демонстрируя ее сестре, как все отлично складывается, Тери понимала, что в их отношениях с ним возникла серьезная трещина и исправить положение будет нелегко.

Эндрю вылетал в Феникс лишь на следующий день, однако он не принял приглашения пообедать у них, Тери была только рада. Как бы Брайен ни старался, она знала, что он охотнее разделит бы трапезу с Саддамом Хуссейном, чем с Эндрю Леонетти.

А для Тери сидеть между Брайеном и Эндрю, поддерживать беседу и прикладываться к цыпленку было бы не более приятно, чем носиться голой среди зарослей кактусов.

Вглядываясь в оживленное лицо сестры, Тери подумала, как быстро Селия идет к тому, чтобы простить ее. Но как бы она повела себя, если бы узнала всю правду? Рано или поздно это произойдет. Когда она приедет в Чикаго, от нее потребуют объяснений, ведь они имеют право на это.

Не исключено, что Эндрю так и не найдет сына. Вполне возможно, что списки усыновления уже уничтожены. Сколько людей жалуются по телевизору на то, что не могут отыскать своих кровных родственников. Возможно, у нее нет причин беспокоиться. Может быть, не стоило даже говорить об этом Брайену. Но все же она была рада, что сказала. Между ними больше нет секретов.

«Возможно, что я не «Идеальная невеста», — думала Тери. — Но я все еще хочу выйти замуж за Брайена и сделать его счастливым». Однако, когда она наливала воду в кофейник, ей припомнилось, как накануне Эндрю целовал

ее. Она ощутила вкус его губ, вспомнила, как крепко он обнимал ее на автобусной остановке.

— Эй, посмотри, что ты делаешь! — воскликнула Селия! — Разве ты не знаешь, что здесь плохо с водой?

Очнувшись от мыслей, Тери увидела, что в раковину набежало столько воды, что хватило бы на три кофейника, а рядом расплывалась лужа.

Брайен бросил Тери кухонное вафельное полотенце и возобновил уборку со стола, продолжая незаметно наблюдать за ней. Уж не прочитал ли он ее мысли, — подумала она.

Нужно взять себя в руки. Нужно забыть об Эндрю и заново начинать строить жизнь с Брайеном. И если Эндрю все-таки найдет ребенка, она должна принять это, но ничто не должно помешать ей стать миссис Брайен Михаэльсон.

Джина Рандаззо ушла в небытие, сказала она себе, втыкая штепсель в розетку. Как и все прошлое. Ей нужно думать о будущем. А будущее связано с Брайеном. Но прежде ей предстояло кое-что сделать. Ей нужно вместе с Селией съездить домой и помириться с родными.

— Селия, в котором часу завтра твой рейс? — внезапно спросила она.

Сестра радостно подпрыгнула, ее лицо осветилось надеждой.

— Ты летишь со мной?

— У тебя большой чемодан?

— Для тебя будет достаточным, — засмеялась Селия и, подбежав к Тери, обняла ее, — Брайен, быстро звони в аэропорт, пока она не передумала.

Тери было очень непросто пережить ураган чувств, которым ее встретили в семье. Она провела час наедине с отцом, пока все ее братья и сестры с супругами и отпрысками не собрались в северной части Чикаго в кирпичном доме в стиле ранчо, забитом старыми вещами и всевозможным хламом.

Это был самый трудный час в ее жизни. Отец не прерывал ее даже тогда, когда она рассказала ему об Эндрю и о ребенке. «Dio mio!»[7] — это было единственное, что он негромко произнес. Тери могла поклясться, что он постарел у нее на глазах, тело его съежилось от переживаемых страданий, словно воздушный шар, из которого вышел воздух.

— А что с ребенком? — хрипло спросил он.

— Его усыновили, папа. Эндрю ищет его.

В маленькой гостиной воцарилось молчание. Тери смотрела на знакомые старенькие шторы, столы, покрытые салфеточками, и спортивные сувениры на отцовском столе.

— Basta[8], Джина. — Он взял ее руки в свои большие ладони. — Я поговорю с твоими сестрами и братьями обо всем позже. А сегодня мы будем праздновать. Слава Богу, наша Джина дома.

И это действительно был праздник. Тери все казалось, что сейчас из кухни выплывет мать с огромным блюдом с домашней колбасы, но его внесла Анжела, ветчину, нарезанную ломтиками, подала Селия, Розмари приготовила канноли — пирожное с начинкой из взбитого творога, а Конни, жена ее брата Тони, вложила душу в салат из зеленого горошка и картофеля.

Многочисленные родственники родных пришли в этот скромный дом, чтобы повидать ее. Маленький братишка Винс, постоянно открывал в столовой

окна, и выпускал дым, давая доступ свежему воздуху.

Тери то и дело вытирала слезы, наблюдая за племянниками и племянницами, которые расхаживали по дому, по которому некогда ходила и она с братьями и сестрами. Так много упустила она за эти десять лет, и в то же время ей казалось, что она никогда не покидала этот дом.

Она со слезами возложила букет розовых гвоздик на могилу матери, в полной мере осознав тяжесть утраты, смела снег с могильной плиты и провела пальцем по каждой букве имени матери.

«Прости меня, мам, — прошептала она. — Я подвела тебя... И теперь слишком поздно что-либо поправить... Я хотела прийти и знала, что твоя любовь зовет меня. Но я не могла... Я не могла посмотреть в лицо бабушке Парелли, или Эндрю, ответить на вопросы. Было легче похоронить Джину Рандаззо, чем признать, что бабушка Парелли была права. И чем дольше я оставалась вдали, тем труднее было снять трубку и позвонить... Я не знаю, за что себя больше казнить: за то, что я причинила боль, или за то, что боялась ее причинить...»

Отец закрыл лицо грубыми, узловатыми руками, однако слезы отыскивали путь между его пальцев и капали на лацкан его плаща.

— Она смотрит на тебя, Джина. Она улыбается, потому что ты вернулась, ты с нами и ты счастлива. Это то, о чем она всегда мечтала.

«Но я не счастлива», — думала Тери, когда они подошли к могилам бабушки и дедушки Парелли и она увидела кресты на двух одинаковых могильных плитах. Ее немые вопросы были окрашены горечью.

«Ну что, бабушка Парелли, ты предвидела такой исход? Ты счастлива тем, что теперь можешь всем сказать, как ты была права? Я надеюсь только на то, что там, на небесах, ты сумела помириться с бабушкой Гертрудой. Интересно, помирилась ли ты?»

Тери все еще пребывала в смятении, когда вернулась в Детройт. С Брайеном было все настолько неопределенно, что ей казалось, что она участвует в грандиозном обмане, когда они через три недели отправились на Мауи на съемки для «Идеальной невесты». Они должны были изображать безгранично счастливую пару — жениха и невесту, любящих друг друга до такой степени, что не могут дождаться дня свадьбы. Но после ее возвращения Брайен не заходил к ней три дня, а когда она попробовала вечером позвонить ему, выяснилось, что его нет дома.

— Я играл в бейсбол, — объяснил он ей на следующий вечер. — Если не веришь, спроси у Фреда.

— Я тебе верю Брайен. Я доверяю тебе, и надеюсь, что в один прекрасный день и ты сможешь доверять мне.

— Я работаю над этим, — сказал он и, улучив момент, наклонился, чтобы поцеловать ее. Он провел пальцем по ее губам. — Добро пожаловать домой, малышка.

У Тери заколотилось сердце.

— Значит, ты скучал по мне? — спросила она, обвив руками его шею.

Это было восхитительно — снова обнимать его, трогать его шелковистые волосы, вдыхать идущий от него чистый, земной запах.

— Еще как! — Брайен взял ее за подбородок и посмотрел в глаза. — Знаешь, мне совсем не по душе то, что происходит между нами. Я хочу, чтобы это ушло. — Он снова поцеловал ее, и пыл, с которым он это делал, был красноре-

чивее слов.

Они легли на цветастое хлопчатобумажное покрывало. Тери сбросила полуботинки и, опираясь на локти, радостно заерзала под Брайеном, расстегивая ему рубашку. Рот Брайена был теплый и жадный, каким она его знала и любила. Они прервали поцелуй, чтобы раздеть друг друга: он сорвал с нее свитер и юбку, а она стянула джинсы с его бедер и бросила на пол.

Облегчение, которое испытала Тери после слов Брайена, было настолько велико, что она была словно не в себе от переполнявшего ее желания. Каждая клеточка ее тела жаждала Брайена. Он положил ее на спину и погрузил палец между гостеприимно разведенных ног. Тери выгнулась навстречу его руке и, ритмично покачиваясь, стала кусать его за плечи. Рот Брайена не просто целовал, а пожирал ее. И тогда Тери оттолкнула его руку, ее рука оказалась между его ног, она притянула его к себе.

— Пожалуйста, Брайен, скорее, — молила она до тех пор, пока он не вошел в нее.

— О Боже, Тери, я так люблю тебя, — хрипло простонал Брайен, содрогаясь и ощущая, как волны наслаждения пробегают по ее телу. Тери не хотела, чтобы это когда-либо кончалось. Брайен заполнял собой все ее тело и душу.

Теперь она была уверена. Теперь у нее не осталось сомнений. Это был ее мир — здесь, в объятиях Брайена, в постели Брайена, в сердце Брайена.

Позже, когда они оба вспомнили, что не ужинали, Брайен пошарил в кухне и принес Тери пакет картофельных чипсов, кока-колу и плитку сникерса.

— Извини, но с едой у меня плоховато. Если хочешь, мы можем заказать пиццу.

— Вполне достаточно, — сказала она, вскрывая пакет чипсов. — Возможно, мне следует чаще уезжать из города.

Брайен плюхнулся рядом с ней и взял горсть чипсов.

— Это если я не помогу тебе.

Сделав глоток пива, Брайен задал вопрос, который не давал ему покоя с того момента, как она сказала ему об этом проклятом священнике. Но он приказал себе это сделать.

— Тери, ты все еще любишь его? — Он почувствовал, как она напряглась, и затаил дыхание.

— Ну о чем ты, Брайен? — ответила она тихо, — это было десять лет назад.

— Ну и что? Если бы я не видел тебя десять лет, я бы не изменил своего отношения к тебе... Когда ты на днях встречалась с ним и рассказала о ребенке, ты должна была испытать какие-то чувства. — Брайен отставил банку с пивом и повернулся к ней, чтобы всмотреться в ее лицо, которое было наполовину в тени. — Ты можешь быть откровенна со мной, Тери. Я не стану сердиться, но я должен знать. Я должен знать, как обстоят дела.

Тери не без усилий приподнялась и села в кровати. Брайен выглядел очень обеспокоенным, и ей хотелось рассеять его страхи, но это было бы нечестно. Она должна быть искренней прежде всего перед собой и затем перед Брайеном.

— Мне не безразличен Эндрю, — медленно произнесла она, словно проверяя себя. — Было мучительно рассказывать ему о ребенке. На нас обоих обрушилась лавина чувств... Но все это — история, — быстро добавила она. — Моя жизнь сейчас — это ты, моя учеба, наш будущий новый дом, наша свадьба. Я

люблю тебя, Брайен. И я намерена выйти за тебя замуж... И точка... Есть еще вопросы? — Она сжала его лицо ладонями и улыбнулась, глядя ему в глаза.

Брайен выбросил пустой пакет из-под чипсов в мусорную корзину.

— Ты готова для второго раунда?

— И для третьего, и для четвертого, — едва успела сказать Тери, после чего губы Брайена надолго запечатали ей рот.

И все же глубокой ночью, когда она лежала, прижавшись к могучему торсу Брайена, Тери обнаружила, что Эндрю все еще где-то витает в уголках ее сознания. Она не могла забыть страстного желания в его глазах или жар его поцелуя. Думала она и о том, удалось ли ему что-либо узнать об их ребенке. Зная Эндрю, помня, как настойчиво молодой священник боролся за избиваемого родителями малыша и заботился о других прихожанах, она не сомневалась, что он перевернет все вверх дном, чтобы найти ребенка.

Глядя Брайена по мускулистой руке и трогая пальцами его крепкий подбородок, освещенный лунным светом, Тери задавала себе вопрос: вернется ли когда-нибудь ее жизнь в нормальное русло, будет ли она снова такой, какой была до того, как оказалась в фокусе юпитеров во время Опра Уинфри Шоу?

Проходили дни. Она до отказа загружала себя работой и подготовкой к свадьбе. Каждый клиент ателье имел собственное мнение относительно того, какой фасон платья выбрать, какого фотографа следует пригласить и автограф какой знаменитости они хотели бы получить с Мауи. В промежутках между работой и праздной болтовней она думала о том, сможет ли увидеть сына, как он выглядит и что она ему скажет. Иногда же ее мысли шли в прямо противоположном направлении — ей хотелось, чтобы поиски Эндрю не увенчались успехом.

Всякий раз когда звонил телефон, у Тери мгновенно пересыхало в горле, и она с трудом сдерживала себя, чтобы не броситься сломя голову к аппарату. Если она не знала заблаговременно, кто звонит, она даже боялась взглянуть на Брайена, но чувствовала, что он ждет так же напряженно. Несмотря на всю страстность их отношений в последнее время, все же зыбкость ситуации ощущалась. Порой Тери казалось, что она идет по облаку, порой, что по яичной скорлупе.

Она разговаривала по телефону с матерью Брайена, когда прорвался междугородний сигнал. Кто-то дозванивался до нее из другого города. Сняв трубку при новом вызове, она услышала негромкий голос Эндрю, который пронзил ее, словно кинжалом:

— Тери, я нашел его. Но я думаю, что тебе нужно подготовиться к тому, что услышишь.

Тери забыла о своей будущей свекрови на другом конце провода. Она выглянула в кухонное окно и отсутствующим взором посмотрела на стоящего на газоне снеговика в смешной кепке.

— Адам живет в одной семье недалеко от Питтсбурга в Аликвиппе, — быстро сказал Эндрю. — За эти годы он жил в нескольких семьях.

Сердце у Тери оборвалось. У нее закружилась голова и к горлу подступила тошнота. Она обеими руками вцепилась в телефонную трубку.

— Что ты говоришь? В нескольких семьях?!

— Дело в том, Тери, что через год после усыновления приемные родители вернули его.

Ужас охватил Тери. Он обволок ее, словно какой-то удушающий туман. Этого не может быть! Все эти годы она рисовала себе, что ее сын живет в любящей семье, спит в кровати с любимым плюшевым мишкой, бегают по двору, заросшему цветами, и возится с забавным лопоухим щенком.

— Вернули его обратно? — ошеломленно повторила она. — Почему?

— Они не нашли в себе сил иметь такого ребенка. — Голос Эндрю дрогнул. — Дело в том, что наш сын Адам родился глухим.

Глава шестнадцатая

Ребенок...

Ева не верила своим глазам. Она удивленно смотрела на розовую полоску — результат анализа, затем недоверчиво провела рукой по слегка загоревшему, плоскому животу и покачала головой.

— Неужели ты и вправду здесь? — прошептала она. Ее охватила радость. Ева села на закрытую крышку сиденья в туалете. Складки ее белого шелкового пеньюара опустились, коснувшись мраморного пола.

Нико сойдет с ума от счастья, когда узнает об этом. Выходец из семьи еще более многодетной, чем ее — десять детей! — он постоянно говорил, что намерен как можно скорее положить начало своему собственному выводку.

«Правда, я не уверена, что он надеется взять старт так рано, — подумала Ева, оглядывая себя в зеркало. — Вероятно, Нико достаточно старомоден и вынужден считаться с тем, что могут сказать родственники, когда она пойдет с ним в августе в церковь. И как отреагирует «Эсте Лаудер», — продолжала размышлять Ева, понимая, что ее контракт с фирмой превращается в дым. — Что им делать с беременной моделью? — Но она постаралась прогнать свои страхи. — Им требуется твое лицо, Эви, а не тело. В конце концов, они делают лишь портретные снимки, и если твои титки чуть нальются — тем лучше!»

Вальсируя, она выплыла в гостиную, схватила сидевшую на подоконнике Беспризорницу и закружилась с ней, словно ожившая хрустальная балерина.

— Ты слышишь, малышка, скоро ты перестанешь быть единственным ребенком! У тебя будет братишка или сестренка!

«Сейчас вряд ли можно застать Нико в отеле», — подумала Ева. Она посадила Беспризорницу на диван и направилась в спальню, чтобы одеться. Неужто придется мучиться так долго из-за того, что она не может поделиться с Нико новостью до вечера? И почему он вдруг сейчас оказался в Италии?

Ей захотелось позвонить маме и Нане.

Интересно, что скажет ее отец, размышляла Ева, вынимая из шкафа вышитое бисером лимонного цвета платье. В конце концов, она подарит ему то, что не смогла подарить Марго, — первого внука. Когда она пошлет ему фотографии малыша, посчитает ли он их достаточно ценными, чтобы поставить на камине в гостиной рядом с сувенирами от Марго?

Однако эти звонки она могла сделать только после того, как дозвонится до Нико.

Евой владело приятное возбуждение. Как сможет она в будущем сохранить серьезное выражение лица?

Через час, сидя у Делии Терребело, Ева едва заставила себя прикоснуться к рагу из овощей и съесть ломтик дыни, которые подала ей подруга на бледно-голубых тарелках с изысканными узорами. Здесь были кофейные чашечки самых разных размеров, форм и расцветок, приобретенные на ярмарках всего мира. Делия была популярной французской моделью. Ева познакомилась с ней в начале своей карьеры. Делия закончила Сорбонну, бегло говорила на нескольких языках и была убеждена, что в своей прежней жизни была Жозефиной Бонапарте. Ева и Делия работали вместе уже несколько лет и еще больше подружились, когда Делия переехала в Нью-Йорк и подписала контракт с агентством Д'Арси.

Ева оглядела оживленно беседующих за столом гостиней молодых женщин, приглашенных в ее честь, и у нее возникло сильнейшее искушение открыть свой секрет. В конце концов, это была редкая возможность увидеть всех подруг вместе здесь в Нью-Йорке. Все они будут заняты на работе за рубежом до августа — именно поэтому у Делии возникла идея устроить обмывание невесты задолго до свадьбы.

«Мы собрались вместе, — думала Ева. — Самое время сказать им». Господи, как ей хотелось это сделать!

Но тогда Нико убьет ее.

Все же Ева попробовала представить себе их реакцию. Элке Берлин, жизнерадостная брюнетка, редактор журнала мод «Имидж», захочет сделать снимок будущей матери для обложки рождественского номера; огромные серебряные и аметистовые сережки Куки Релтер, директора отдела на телевидении, отчаянно зазвонят, когда она вскочит из-за стола с предложением сделать фильм о рождении ребенка; Синтия Ляфонд, цыганка с серебряными волосами, модельер, с которой Ева познакомилась во время своих первых съемок в «Спортс Иллюстрейтид», назовет дюжину самых невероятных имен. Затем Дженна Элиот, длинноногая журналистка, известная своими злободневными статьями в журнале «Эбони», начнет вычислять астрологическое будущее ребенка и давать Еве советы, какие камешки она должна носить во время беременности.

Ева продолжала свою немую игру, пытаясь определить реакцию каждой из подруг, пока не дошла до Моники.

«Моника, скорее всего, с перепугу наложит в штаны, опасаясь того, что мне не позволят лететь на Мауи и что мне не подойдет одежда для съемок. Но при этом она улыбнется безмятежной улыбкой, пошлет мне воздушный поцелуй, предложит себя на роль крестной матери и будет говорить, что необходимо купить приданое новорожденному».

Глядя на Монику, как всегда эффектную и активную, Ева мысленно улыбнулась. Бриллиантовое в форме сердечка ожерелье на фоне бирюзового замшевого жакета переливалось всеми цветами радуги. «Она сегодня в превосходной форме», — подумала про себя Ева, и на какое-то время даже забыла о собственной новости, когда Моника стала в деталях рассказывать о своей стычке с дерзким рабочим, который занимался остеклением веранды ее загородного дома.

— И тогда этот наглец говорит мне, чтобы я вела свой раздел о духах в «Идеальной невесте» и не лезла в его дело, потому что я ни черта не смыслю в архитектуре, декоративном садоводстве и плотничьем деле и не смогу отличить отвеса от вертлюга. Вы можете себе представить? Интересно, кто, по его мнению, спроектировал все эти сады вокруг дома?

Она возбужденно помешала взбитые сливки в чашечке и наклонилась к Делии.

— Кстати, твой отец был строителем, ты должна знать: что это за штука такая — вертлюг?

Куки едва не подавилась дыней, а Ева срочно заговорила с соседкой.

— Я серьезно спрашиваю. Что такое «вертлюг»? — не отступала Моника.

У Элке забегали глаза.

— Я бы сразу же выгнала этого сукиного сына, — заявила Делия, размахивая ложкой. — По-моему, он слишком много о себе воображает.

— Но тогда кто доведет дело до конца? Работа уже на три четверти завершена, — возразила Моника. — Она зажгла сигарету, пустила струйку дыма и помолчала. — Да и внешне он неплохо смотрится, — добавила она неожиданно спокойным тоном.

Немножко слишком спокойно сказано, подумала Ева.

Делия подняла бровь. Куки и Синтия обменялись взглядами, затем с интересом уставились на Монику. Другие перестали жевать, двигаться и болтать и также заинтересованно посмотрели на редактора «Идеальной невесты». В задумчивости Моника сделала глубокую затяжку и лишь затем заметила, что пятнадцать пар тщательно подведенных глаз устремлены на нее.

— Что вы уставились на меня?

— Подробнее, подруга, подробнее, — промурлыкала Элке.

— Гм... а Ричард знает об этом... умельце? — подмигнув Еве, спросила Синтия.

— А что нужно Ричарду знать о нем? — огрызнулась Моника. — Упрямый болван! — Она пожала плечами. — Может быть, привлекательный, но все-таки болван. Так что выбросьте все ваши грешные мысли, дамы. Пошли, Ева, — она отодвинула стул, давая понять, что разговор на эту тему исчерпан. — Сейчас самое время осмотреть твои трофеи.

— Эта серебряная шкатулка от Рори, — показала Делия, когда Моника и Ева прошли в гостиную, где на лакированном столике китайской работы были сложены подарки. — Она просила передать тебе, что была страшно огорчена, что генеральная репетиция совпала со временем обмывания невесты. Но она мечтает увидеть всех нас завтра на премьере. Надеюсь, Рори будет иметь успех.

— Куки, — решительно сказала Моника, когда Ева потянулась к завернутому в розовую фольгу пакету. — Бери свою видеокамеру. Я хочу, чтобы осталась память о том, какое будет у Евы лицо, когда она увидит мой подарок.

Ева ахала, открывая тончайшей работы шкатулки, рассматривая фужеры для шампанского, хрустальные вазы, посуду из северского фарфора. Когда она развернула подарок Моника, то испытала настоящее потрясение. На золоченой тисненой бумаге Ева увидела фотографию мавританского замка четырнадцатого века, окруженного фонтанами, выложенный плиткой уютный дворик и массивный деревянный разводной мост. Под фотографией находились два билета первого класса в Севилью.

«Это мой свадебный подарок вам двоим. Я хочу таким образом расплатиться за то, что когда-то в Милане нарушила ваше с Нико уединение».

— Моника, это просто невероятно! — ахнула Ева.

— Счастливого медового месяца тебе, дорогая. У вас будет замок и штат из пяти человек в течение недели. Только направьте им уведомление заранее, — сказала Моника. Она обняла и поцеловала Еву. — Поезжайте, отдохните и сделайте побольше итальянских детишек.

Невероятным усилием воли Ева удержалась от того, чтобы не похвалиться, что bambino numero uno[9] уже на подходе. И только мысль о том, что Нико придет в ярость, если обнаружит, что Моника Д'Арси узнала о ребенке раньше него, помогла Еве сдержаться. Она лишь поцеловала Монику и прошептала:

— Ты ангел! После этого нам остается только просить тебя, чтобы ты была крестной матерью.

Делия сунула зеленый конверт Еве в руки.

— Не забудь про это — последнее по порядку, но не по значению.

Ева еще продолжала улыбаться, когда взглянула на конверт в своих руках. Улыбка мгновенно слетела с ее лица, ее сменило выражение ужаса.

— Держи ее, Моника, она сейчас упадет в обморок! — воскликнула Куки, поворачивая видеокамеру вниз. Вслед за падающим на ковер конвертом.

Моника усадила Еву в кресло из красного дерева эпохи королевы Анны.

— Со мной все в порядке, — запротестовала Ева, но голос у нее заметно дрожал. Звон в ушах, который возник у нее при виде конверта, стал пропадать. Внезапно пришла мысль, что нужно прежде всего побеспокоиться о той жизни, которая зародилась в ней.

«О Боже, мой ребенок! Не навредить бы моему ребенку...»

— Нет, мне не надо воды. Элке, я чувствую себя прекрасно, — сказала она уже спокойнее. — Но... Не трогайте этот конверт! — приказала она и вскочила, чтобы удержать протянутую к конверту руку Синтии.

Все с недоумением уставились на нее.

— Что с тобой творится, дорогая? — медленно произнесла Моника.

Ева осмотрелась по сторонам, едва преодолевая желание прикрыть, защитить свой живот.

— Кто-нибудь может сказать, как этот конверт попал сюда?

— Он был на столе вместе с другими подарками — это все, что я знаю, — удивленно сказала Делия, пожав на французский манер плечами. Она подала Еве стакан воды со льдом и снова усадила ее в кресло.

— Ты дрожишь, словно осиновый лист. Объясни, что все это значит.

Ева молча по очереди всматривалась в озабоченные лица, словно измеряя степень обеспокоенности каждого. Проницательные серые глаза Моника увидят сразу, если она вздумает сочинить какую-нибудь сказочку. Да к тому же ей внезапно расхотелось что-либо выдумывать. Она расскажет правду своим подругам и тем облегчит свою душу, а затем как можно быстрее вызовет Тома Свенсона.

— Внизу находится телохранитель, мой телохранитель, — сказала она устало, — кто-нибудь вызовите портье, пусть он пригласит блондина в верблюжьей куртке. Его зовут Свенсон. Я бы не хотела вас пугать, но какой-то маньяк преследует меня. Этот конверт от него. — Моника налила в фужер немного шотландского виски и залпом проглотила его, словно это был яблочный сок.

— Ты не хочешь выпить? Судя по твоему виду, тебе это не помешает.

Ева лежала с кошкой на диване. Она вспомнила о крохотной жизни внутри нее и покачала головой.

— Я чувствую себя хорошо. Не хватало еще, чтобы из-за какого-то Билли Шиэрза я приобщилась к пьянству.

— Когда эта скотина привязалась к тебе и почему ты мне об этом не сказала? — спросила Моника. Она опустилась в одно из роскошных кресел, сбросила с ног туфли-лодочки и откинулась на спинку с бокалом в руке.

— Об этом не знает никто, кроме службы охраны. Даже Нико.

Моника поставила бокал на столик.

— А он-то почему не знает?

— Я не хочу, чтобы он думал об этом во время гонок. И потом, кто мог ожидать, что это так затянется?

— А сколько это тянется?

— Несколько месяцев, я точно не помню. — Ева села, положив мяукающую кошку на колени. — Дело в том, что, несмотря на все расследования, телохранителей и мои усилия защититься, он подбирается ко мне все ближе. Письма с лоскутками одежды продолжают появляться, и послания становятся все более откровенными.

Зазвонил телефон. Моника затаила дыхание. Ева схватила трубку.

— Максин, отпечатки есть? — оживившись, спросила она.

Моника наблюдала за тем, как у Евы менялось выражение лица.

— Нет, после того как увидела его... Вот скотина! Ну ладно, давайте, я взяла карандаш.

Глаза Евы потемнели и приобрели фиолетовый оттенок, пока Максин передавала ей содержание послания Билли Шиэрза. Она что-то энергично нацарапала в блокноте.

— Замечательно, — вздохнула она.

Ева положила трубку, погладила Беспризорницу и встретилась с вопрошающим взглядом Моника.

— Максин Гудмен считает, что это хорошая идея — не ехать к моим родителям, а отправить Нико в Болонью на праздники. Интерпол будет начеку и проследит, кто последует за мной через таможни... Вот такие рождественские подарки!

— А как отпечатки?

— Частично смазаны... Что касается письма, то это просто шедевр. — Ева погладила Беспризорницу и заглянула в зеленые глаза кошки. — К нескольким лоскуткам красной кожаной отделки моего жакета, в котором я была вчера, он приложил любовное послание. — Она взяла блокнот и нарочито монотонным голосом зачитала текст, изо всех сил пытаясь обуздать свой страх.

«Рождество уже совсем рядом. Я тоже. Оденься во все красное. Скоро я раздену тебя, сниму вещь за вещь. И тогда Новый год колокольчиком возвестит нам с тобой, одетым в красное, о своем приходе. Я люблю красный цвет, Ева. Он теплый и бархатистый, как кровь».

— И, как водится, дальше идет его подпись: Билли Шиэрз.

Моника задержала дыхание и внимательно посмотрела на Еву.

— Похоже, это какой-то псих... Знаешь, Ева, я думаю, что ты одна с этим не справишься. Ты уверена, что надежно защищена?

Ева закусила губу.

— Служба охраны славится надежностью... Но когда имеешь дело с таким, как Билли Шиэрз...

— У полиции есть какие-то данные об этом типе?

— Малоутешительные. Он из числа тех, кто бродит, подсматривает, терроризирует жертвы. Некоторые из таких типов специализируются на знаменитостях, некоторые — на бывших женах или подружках. А могут привязаться к любой несчастной, которая окажется на их пути. — Ева провела рукой по волосам. — По всей видимости, мой преследователь невзрачной внешности, очень изобретательный и одержим идеей вступить в интимные отношения со мной. — Она сверкнула глазами, встретившись со взглядом Моника, но чувствовалось, что эти месяцы страха не прошли для нее бесследно.

Случались иногда короткие передышки, когда она забывалась, но где-то в

глубине души у нее продолжал гнеститься страх, который готов был выбросить в кровь адреналин в тот момент, когда она меньше всего этого ожидала.

За последнее время Ева потеряла в весе, и некоторые платья на ней стали выглядеть мешковатыми. Ее мучила бессонница, во время которой она тревожно вглядывалась в освещенный ночником вестибюль. По утрам она замечала круги под глазами и паутинки морщин возле губ, и ей приходилось тщательно запудривать и закрашивать их.

Ева смотрела мимо Моника, и перед ее глазами проплывали зеленые конверты и телохранители, а в ушах звучал голос Максин Гудмен и ее тщательно подобранные слова о результатах проведенных расследований...

— Моника, ты помнишь Бобби Сью Гриффин? — внезапно спросила она.

— Эстрадную певицу? Ту, которую пару лет назад нашли зарезанной где-то в лесу? — Моника вдруг посуровела. — Нет, Ева, не говори мне об этом!

— Билли Шиэрз. — Ева бросила карандаш на кофейный столик и откинулась на подушки. — Бобби Гриффин получала такие же письма... И Лианна Карузерс — теннисная звезда восьмидесятых годов.

— Но в газетах писали, что она умерла от удара по голове во время стычки с грабителями, — возразила Моника.

— Полиция всегда утаивает часть информации, не раскрывает публике детали, которые может знать только убийца... Моника, поклянись, что ты будешь молчать об этом. Обещай мне. Известно, что эти две женщины были убиты мужчиной, который называл себя Билли Шиэрз. Загадочным является тот факт, что между смертью Лианны Карузерс и убийством Бобби Сью Гриффин прошло несколько лет. Максин Гудмен предполагает, что Билли Шиэрз в это время был в заключении за какое-нибудь правонарушение другого рода, а сейчас вышел на свободу на мою голову. Думаю, теперь моя очередь.

— Господи, Ева, ты должна все рассказать Нико! Нечего ему носиться по Европе и оставлять тебя одну, пусть даже у тебя есть телохранители! Не могу представить себе, как ты остаешься здесь ночью в одиночестве с одной кошкой. У тебя есть оружие?

— Нет, но у Свенсона и Тамбурелли есть, а один из них всегда рядом.

— Рядом? Где рядом? Этот лунатик отрезает лоскуты от твоей одежды, а они не могут даже застать его на месте преступления!

— Моника, «Защитник» — лучшее агентство охраны на обоих побережьях. Все пользуются его услугами, ты же знаешь. — Ева посадила Беспризорницу на подушку и поднялась. Она стала нервно ходить по комнате, покручивая обручальное кольцо на пальце.

— Что еще можно сделать? Я не хочу, чтобы эти вонючие газеты совали нос в мою жизнь. Я не намерена стать заложницей этого психопата. Он не заставит меня покончить с жизнью или скрываться наподобие Сэлтона Рушди.

— Расскажи Нико.

— Я собираюсь это сделать, — Ева снова подумала о младенце. Ради младенца, ради них она должна посвятить в это Нико. Это будет большим облегчением для нее — не нести же ей всю тяжесть одной, Ева знала, что Нико будет рядом. Как только узнает, что возле нее творится, он придет на помощь. «Здорово! — вздохнула Ева. — Мы будем всегда вместе, всегда неразлучны, — как два Аякса, как инь и ян[10], как Миннеаполис и Сент-Пол.

— Cara mia[11], — мурлыкал Нико, целуя шею и пышные груди.

Он вдыхал аромат розовой воды, которой пахли ее волосы, ощущая легкое теплое дыхание над ухом, когда ее язык касался его чувствительной мочки. Засмеявшись, он осыпал роскошное тело еще более горячими поцелуями. Она была богато одарена природой — красивая, умная и искусная в любви.

Оба не заметили, как соскользнуло на пол парчовое одеяло, пока они, извиваясь, предавались любовной игре. Телефонный звонок стоявшего на керамическом столике аппарата прозвучал словно визг пилы в первозданном лесу.

— Проклятье! — сказал Нико.

— Может, продолжим?

— Вдруг это Бьяччино, — извиняющимся тоном сказал Нико и взял трубку.

— Нико, дорогой!

До чего же не кстати! Нико скатился с разгоряченного игрой женского тела и сел в кровати.

— Bambina! — воскликнул он. — Я только что думал о тебе!

Голос Евы дрожал, его заглушали помехи на линии. Откуда-то появилось ощущение, что произошло нечто неприятное.

— Нико. — Ева сделала небольшую паузу. — Я тоже думала о тебе. Я должна тебе что-то сказать. Я хотела рассказать все при встрече, но это не терпит отлагательства. Ты можешь сейчас говорить?

— С тобой — всегда, bambina. Что случилось?

В это время Марго с проказливой улыбкой протянула к нему красивую тонкую руку. Ее пальцы стали поглаживать густые черные завитки на его груди, затем спустились ниже, к животу, где волосы переходили в настоящие джунгли. Чтобы окончательно отвлечь его, она соблазнительно развела бедра. Однако у Нико настроение явно изменилось.

Он схватил Марго за запястье, его глаза сверкали. «Не сейчас» — ясно сказали они. Она снова откинулась на подушки, наблюдая за тем, как во время разговора у него менялось выражение лица.

Из батареи центрального отопления вырывался пар, отчего окна величественного отеля «Виа Терранова» запотели. Однако Нико не замечал ни свиста вырывающегося пара, ни солнечных зайчиков, отражавшихся от опорожненной наполовину бутылки вина, стоявшей на полу, ни выражения лица Марго, возлежавшей голой на кровати в стиле Людовика XV и с любопытством наблюдавшей за ним.

Он воспринимал лишь отдаленный, но волнующий и близкий голос Евы, которая говорила так быстро, что он с трудом улавливал смысл.

— Нико, мне нужно так много тебе рассказать, что я даже не знаю, с чего начать. Только обещай, что не будешь сердиться из-за того, что не посвятила тебя в это раньше.

— Сердиться? Когда я последний раз сердился на тебя, Ева?

— Наверное, когда мы собирались на встречу с Марго, а я все меняла туалеты, — предположила она, засмеявшись.

— Ах, с Марго, — пробормотал Нико и сверкнул на Марго глазами, отразившими смесь удивления и желания.

Марго бросила на него взгляд, которым она удостаивала дилетантов, задающих дурацкие вопросы, и голая встала с кровати. Покачивая бедрами, она прошла по освещенному солнцем толстому ковру, налила в бокал вина и небрежно

но закинула назад копну густых платиновых волос. Она призывала на помощь все свое самообладание, чтобы не выхватить из рук Нико трубку и не прекратить этот разговор.

«Ева решит, что это из-за неполадок на трансатлантической линии связи», — злорадно подумала она. Но Нико может прийти в ярость, и Марго не была уверена, что ей удастся укротить его. И все же искушение не покидало ее.

Она макнула кусочек сыра в розетку с икрой, не отводя опаловых глаз от лица Нико. Марго с удовлетворением отметила, что он тоже наблюдал за ней. Дразня его, она с аппетитом откусила сыр и стала кончиком языка катать зернышки икры, наслаждаясь ее солоноватым вкусом.

Вопрос прозвучал так громко, что Марго едва не уронила бокал с вином. Нико сильно побледнел, глаза его сверкнули, но было ясно, что сейчас он видит и слышит только Еву.

— Я не могу понять, о каких к черту письмах ты говоришь? Билли Шиарз? Ева, *bambina*, помедленнее! Я должен расслышать каждое слово. Теперь давай сначала.

Пока Ева говорила, он шагал по комнате в чем мать родила — высокий, красивый, 185 фунтов мужской силы, готовой взорваться. Когда Ева сказала ему о ребенке, Нико опустился на край пышной резной кровати. Он закрыл глаза, но не смог удержать слез, голос его стал хриплым.

— *Bambino*? А может, *bambina*? Тогда у меня будет две *bambinas*. О, Ева, о *Dio mio*. Внезапно он громко засмеялся, его красивое лицо излучало радость.

— Ты уверена? Ты была у врача? — он снова вскочил. — Слушай, Ева. Оставайся на месте. Я сразу же приеду в Нью-Йорк. Не высовывай носа из квартиры, пока я не появлюсь. Обещай мне. Я не хочу, чтобы ты вообще выходила, слышишь? Я заеду к своим родным и скажу, чтобы они ждали нас в Болонье на Рождество, а следующим самолетом вылечу в Штаты.

Он замолчал, слушая, что говорит Ева, затем хрипло сказал:

— Я защищу тебя, даже если мне придется задушить этого Билли Шиэрза голыми руками! Но прошу тебя, Ева, обещай, что ты дождешься моего приезда.

Слушая его, Марго почувствовала, что холодеет. Значит, Ева собирается родить Нико ребенка. На мгновение она задохнулась от охватившей ее ревности.

«Ты станешь тетей, — сказала она себе презрительно. — Спасибо и на том».

И кто такой этот Билли Шиэрз? Она и не подозревала, чтобы что-либо, кроме секса и гоночных машин, могло так взволновать Нико.

Марго взяла с кресла серебристого цвета платье из тонкого атласа и набросила на себя, пытаясь хотя бы таким образом растопить растущий в ее сердце холодок. Она незаметно разглядывала взволнованное лицо Нико. Сейчас для него существовала только Ева. Она завладела его вниманием, его сердцем, его душой и его телом, хотя и была за несколько тысяч миль отсюда.

«Пропади ты пропадом! И ребенок твой тоже!»

Марго подумала, что уже давно позади то время, когда мужчины предпочитали следить восхищенными взглядами не за Евой, а за ней. В год окончания школы некогда нескладная девчонка-сорванец внезапно расцвела и затмила славу Марго как первой красавицы в семье. До этого сама Марго и все осталь-

ные воспринимали как аксиому, что она самая умная и самая красивая, а Ева — трудолюбивая, неуклюжая, невзрачная лошадка, которая берет упорством и старательностью. Но затем неожиданно, как и предсказывала мама, Ева стала превращаться в блестящую, гибкую, зажигательную, лощеную пикантную девушку, стремительно обгонявшую Марго, которой оставалось лишь с завистью смотреть ей вслед.

Хуже всего было то, что даже отец стал считать Еву более красивой... Отец, который всегда называл Марго принцессой, хвастался, что Марго — умнейшая и красивейшая девушка в мире, — даже отец переметнулся на сторону Евы!

Глядя сейчас на разгоряченное лицо Нико, Марго почувствовала, что к ее глазам подступают слезы, когда она вспомнила о предательстве отца. Однажды она приехала домой из колледжа на пасхальные каникулы и, спустившись вечером вниз, чтобы выпить стакан сока, услышала, как отец говорил своим партнерам по покеру:

— Я всегда думал, что Марго — моя самая красивая дочь, но Ева доказала, что я ошибался. Хорошо, что Марго умная, а то бы ей трудно было пережить такой поворот. Будьте уверены, она сделает карьеру по медицинской части, в этом не может быть сомнений. Она способная девчонка. Но ей не стать знаменитой, если она не получит Нобелевскую премию или что-нибудь в этом роде.

Марго оцепенела от шока, его слова она воспринимала больнее, чем если бы получила пощечину. Ухватившись за перила лестницы и вознеся хвалу темноте, она слушала, с какой гордостью говорил о Еве отец и как дружно соглашались с этим другие.

— Вон, посмотрите на эти журнальные обложки, — продолжал отец почти с благоговением. — Ну кто мог подумать, что моя Ева превратится в такую блистательную девушку?

Блистательная девушка... Теперь она превратится в толстое, обрюзгшее существо с расширенными синими венами. Живот ее вздуется, груди обвиснут. Ева стояла на ее пути, с тех пор как сделалась фотомodelью и появился Нико.

«Я пока что не собираюсь сдаваться», — подумала Марго, допивая последние капли вина. Она посмотрела на великолепно сложенного красавца с горящими глазами и черными, как смоль, волосами, в чьих объятиях она испытала экстаз всего лишь час назад.

«Нет, — решила Марго, ставя бокал на столик. — Я еще не кончила с Нико Чезароне... Отнюдь».

Глава семнадцатая

— Самые долгие два часа в моей жизни, — пробормотал Ричард.

Моника уперлась локтем ему в ребра.

— Ш-ш-ш, сюда идет Рори... Скажи ей, что она была великолепна.

— Само собой разумеется, — вполголоса сказала Делия. — Но даже блестящей игрой не сделать из дерьма конфетку.

Ева сочувственно наблюдала за Рори Фитцджеральд, которая пробиралась сквозь толпу. Она выглядела эффектно, белая кожаная лента оттеняла красоту ее прихотливо уложенных черных волос.

— Вид у нее расстроенный... Она все понимает.

Голос Нико перекрыл гомон разодетой толпы, собравшейся в банкетном зале.

— Брависсимо, Рори! Ты была великолепна! Это были самые короткие два часа в моей жизни!

Рори подняла бокал с шампанским над головой, прокладывая путь мимо поклонников и друзей, пришедших отпраздновать премьеру. Зал был полон. Официанты сновали с подносами, уставленными деликатесами. Возле нарядных мужчин и женщин прохаживался одетый в смокинг скрипач.

— Перестаньте хоть сейчас вешать мне лапшу на уши, ребята, — сказала Рори, сохраняя дежурную улыбку на лице. Это провал. Меня тошнило. Вам всем было гадко... Официант, еще бокал шампанского, пожалуйста! Подайте целую бутылку.

Моника поцеловала ее в пылающую щеку.

— Ты играла потрясающе. Если бы сценарий хоть чуть соответствовал твоей игре... Ты покорила зрителей.

— Рори, ты делала с нами, что хотела, — добавил Ричард, ловко подхватывая второй бокал с шампанским с подноса проходящего официанта. — Плевать, что пьеса ни к черту! Ты была очаровательна.

— А, — махнула она рукой. — Не приходится ждать хороших рецензий... Дженна, прихвати семги с подноса позади тебя, я умираю от голода.

Нико повернулся, взял четыре закуски с подноса, одну передал Рори, а три остальные подвинул к Еве.

— Mangia, bambina, mangia[12], — приказал он.

Есть? Ева без всякого аппетита посмотрела на закуски.

«Я слышала, что едят за двоих, но если он хочет заставить меня есть за троих, то у него ничего не получится».

Моника отреагировала мгновенно.

— Нет-нет, — с упреком сказала она и переадресовала закуски Рори. — Еве необходимо сохранять девичью фигуру. Или вы забыли, что через неделю нам предстоят большие съемки? И вообще, Нико, я порекомендовала бы и тебе быть в еде поумеренней.

Нико сделал гримасу и поднял пустой фужер.

— Извините меня. Время наполнить бокалы. — Сдерживая гнев, он взял Еву за локоть, приглашая ее к бару. — Я лично убью эту женщину. Вот увидишь.

— Очень некорректно поступать так с крестной матерью твоего будущего ребенка, — засмеялась Ева.

— Крестной матерью? — взорвался он, останавливаясь и энергично помавав рукой на манер Тосканини. — Никогда! Эта женщина никогда не будет крестной матерью моего ребенка!.. Сколько бы их у меня ни было!

— Мне нравится, когда ты сердишься, тогда на твоих щеках появляется маленькая ямочка, — сказала негромко Ева и, приподнявшись на цыпочки, потянулась губами к его рту. — И мне нравится, что ты рядом. Мне давно не было так хорошо.

Это была правда. С приездом Нико она расслабилась и успокоилась, чего не наблюдала за собой с того времени, как началась вся эта история с Билли Шиэрзом. По пути в спальню они сбрасывали предметы своей одежды, спеша отметить грандиозной любовной игрой не только встречу, но и новость о будущем ребенке. Ева от души смеялась, когда Нико пел колыбельную над ее животом. И она чувствовала себя настолько умиротворенной, что сразу без колебаний определилась с нарядом, в котором должна была идти на прием. Теперь дела пойдут лучше. Билли Шиэрз не посмеет тронуть ее, когда рядом Нико... Хотя Ева все-таки по-прежнему обшаривала толпу глазами, автоматически отмечая присутствие Тамбурелли, сидевшего в баре и потягивавшего, как обычно, минеральную воду.

«Привычка, — сказала она себе, когда Нико вел ее к зашторенной нише, где Дженна и ее муж Луи, он же художественный руководитель театра, были заняты беседой. — Ты оглядываешься через плечо просто по привычке».

Люди перемещались, двигались вокруг Рори и других участников труппы, судача и освобождаясь от кислого привкуса, оставленного слабой комедией, — продукцией, в большом количестве выпускаемой Домом Рериньона. Через некоторое время Моника поняла, что Ричард настойчиво подталкивает ее к выходу.

— Куда-то торопишься? — сухо спросила она, и бриллиантовые серьги ярко блеснули, когда она повернулась к нему.

Он выглядел сегодня чрезвычайно эффектно в своем вечернем костюме, галстук-бабочка цвета электрик удачно оживлял его выдержанный в черно-белых тонах туалет. Похоже, однако, Ричарду было не до праздников. Моника уловила беспокойство в его глазах, а во время спектакля он несколько раз поглядывал на часы.

— У меня целый стол отчетов, с которыми я должен ознакомиться... К тому же, скажем прямо: этот прием — такой же занудный, как и спектакль, — добавил он после паузы. — Что, если мы удерем? Не возражаешь?

— Возражаю. Мне еще не удалось поговорить с Евой, а она утром улетает в Рим. — Моника крепко сжала руку Ричарда, и они направились к Еве и Нико, уютно устроившимся вместе с Дженной и Луи. «Слава Богу, что Нико вернулся», — подумала она. Весь вечер он не оставлял Еву ни на минуту, даже сопровождал ее до дверей дамской комнаты. Хотя Моника и не испытывала большой любви к жениху Евы, она отдавала ему должное в этом отношении. Никто не охранял Еву так бдительно и настойчиво, что это можно было сравнить разве что с холодным расчетом добермана. «По крайней мере сегодня этому маньяку не светит оказаться рядом с Евой, — подумала Моника. — А если Ева завтра отправится в Рим, и Билли Шиэрз сделает попытку последовать за ней, его схватит Интерпол».

В течение всего вечера Моника пыталась распознать, кто из облаченных в смокинг мужчин был телохранителем Евы, а кто тем маньяком, который слал ей письма. Ее приятно поразили спокойствие Евы, элегантность ее сегодняшнего туалета — вельветовый янтарного цвета жакет и широкие брюки палаццо.

Но Моника понимала, что за личиной безмятежности Евы скрывалась тревога, доходящая до отчаяния. Она видела, как Ева во время спектакля то и дело нервно открывала и закрывала сумочку.

«Надо поймать этого выродка как можно скорее. Не дай Бог, если этот псих отправится и на Мауи». Она подумала, что необходимо связаться с Максин Гудмен и подсказать ей, чтобы агентство «Защитник» наладило связь с местной полицией и курортным персоналом. Нужно перекрыть все возможные подходы и пути.

Они не успели дойти до Евы и Нико, когда их остановил чей-то зычный голос.

— Риччи, да ведь это ты!

Джеймс Эванс переложил недокуренную сигару из пухлой, украшенной перстнями правой руки в левую и хлопнул Ричарда по плечу. Черт бы его побрал! Этот может заговорить их до следующего вторника.

— Джеймс, я всегда рада тебе, — проговорила Моника, пока коренастый коротышка выворачивал Ричарду руку. Четверо людей, которых она никогда раньше не видела, появились рядом с Эвансом, с любопытством глядя на нее сквозь дым сигар.

— Близится большая свадьба, Риччи, а? — Джеймс Эванс засмеялся. — С маленькой принцессой, как я слышал?

— С графиней, Джеймс, с графиней, — ответил Ричард.

Джеймс Эванс был крупнейший рекламодатель во всех трех сугубо деловых изданиях Ричарда. Ему принадлежали многие отели, обслуживающие разъезжающих по делам бизнесменов, однако здравый смысл его всегда был ниже его финансовых достижений. Если судить по его манере одеваться, говорить и шутить, по тому, каким женщинам он отдавал предпочтение, он оставался все тем же неопытным помощником официанта — именно с этой работы он начал свою карьеру.

— Мои люди и я рады видеть тебя и графиню, Ричард... Кое-кто считает, что у меня неплохие отношения с тобой и графиней, чего не скажешь о кухне принца Рейнера и ее будущем муже... Это Симон Паулсон и его подруга Джинджер — как твоя фамилия, душка? — спросил он высокую рыжеволосую девушку с длинными наклеенными ресницами.

— Велюр... Как материал... Я девушка из оригинального материала, — захихикала она.

«Спаси меня, Господи! — Моника посмотрела по сторонам. — И откуда он взял это дело «Принца Рейнера»? И почему все продолжают приукрашивать мою историю?» Она тихо потянула Ричарда за рукав смокинга.

Однако Ричард проявил явное внимание к Джеймсу Эвансу и представленным им людям. Моника мгновенно поняла причину этого. Франтоватый мужчина с серебристыми волосами и сверкающими глазами оказался Генри Теогастусом, владельцем радиостанции мощностью в пятьдесят тысяч ватт в Лос-Анджелесе, на которую Ричард давно положил глаз. Он тут же пустил в ход

все свое обаяние, а в довершение обыграл благородное происхождение Моника.

— Вы не имели счастья познакомиться с моей невестой, графиней, когда мы были в Сан-Франциско, Генри? — Ричард подтолкнул вперед Моника и сжал ее руку, давая понять, что теперь ей необходимо было пускаться в ход свои чары.

— Графиня! — воскликнул Генри, целуя ей пальцы и галантно склоняясь в поклоне. — Сочту за честь. — В черных глазах его сверкнули веселые искорки, однако за его шутливостью скрывалось и явное благоговение.

Моника наградила Генри одной из своих самых ослепительных улыбок. Генри Теогастус, как и многие другие в этой демократической стране, с трепетом относился к людям, хоть сколько-нибудь причастным к титулованному сословию. И Ричард умело этим пользовался.

«А почему бы и нет, — подумала она, хотя от подобной суеты ей было всегда не по себе. — Ведь ты сама приложила руку к этому, когда тебе понадобилось. Ты придумала историю, и Ричард верит ей, и хорошо использует для своего блага». Она продолжала все так же ослепительно улыбаться, пока разговаривала с Генри и его компаньонами, однако не переставала тянуть Ричарда за рукав до тех пор, пока тот не начал вежливое отступление.

— Пожалуйста, не исчезайте так внезапно, — уговаривал Генри, — моя дама отлучилась на момент, но думаю, что она была бы счастлива встретиться с вами.

Черт бы побрал их! Уголком глаза Моника увидела, как Ева и Нико направляются к своим друзьям.

— Мне не хотелось бы быть невежливой, но мы действительно должны...

— Ладно. — Внезапно Джеймс Эванс пришел ей на помощь. — Вам нужно поговорить с некоторыми людьми, нам нужно кое с кем встретиться. Ричард, ленч! На следующей неделе!

Моника с любопытством посмотрела на возбужденное лицо Джеймса Эванса. У него даже вены напряглись от внезапно возникшего желания отделаться от них. Странно... Он начал торопить свою небольшую свиту, но в это время Генри взглянул поверх плеча Моника и радостно воскликнул:

— А вот и она! Ричард Ивз, графиня Д'Арсси, прошу любить и жаловать мою очаровательную подругу Шенну Мальгрю.

Моника похолодела. Улыбка сошла с ее губ, она в шоке повернула голову и увидела холеную блондинку в ярко-розовом платье, которая внезапно остановилась возле них.

— Мальгрю? — спросил Ричард с натянутой улыбкой.

— Все в полном порядке, дорогой, — сказала Шенна.

«Шенна Мальгрю Ивз... Сколько раз я представляла себе эту встречу, — подумала Моника, окидывая ледяным взглядом женщину, которую ненавидела долгие годы. — Столько лет прошло, но я бы узнала ее при любых обстоятельствах... Немного чем-то смахивает на старую ведьму, но одевается с прежним шиком... несмотря на убийственно едкий аромат духов»...

Моника изобразила на лице казенную холодную улыбку и обвила руку Ричарда, как бы демонстрируя свои права на него.

Шенна бросила на Моника проницательный взгляд и презрительно прищурилась. Тем не менее она сочла необходимым изучить туалет Моника, в том

числе отделанную стеклярусом оборку на юбке. Подняв подбородок, Моника смотрела на нее сверху вниз. Рядом прокашливался Ричард.

— Тебя все еще душит кашель, когда видишь меня, дорогой? — проворковала Шенна.

«Ах, мерзкая сучонка», — со злобой подумала Моника. Внешне она продолжала оставаться невозмутимой и любезной.

— Так вы... знакомы? — запинаясь, спросил Генри, поочередно глядя то на напряженное лицо Шенны, то на мрачного Ричарда.

— Да, они встречались, — пробормотал Джеймс, бегая глазами.

— А вот мы не встречались, — хладнокровно соврала Моника и царственно протянула руку, одарив при этом Шенну ослепительной улыбкой. — Здравствуйте!

Шенна проигнорировала ее руку и повернулась к Генри.

— Дорогой мой, тебе не кажется, что здесь страшно скучно? — она дотронулась тонким пальцем с красным маникюром до его галстука-бабочки, — мне бы хотелось подышать свежим воздухом. Разумеется, я не имею в виду кого-либо персонально, — добавила она, полуобернувшись к Монике и изобразив подобие улыбки.

«Она и представить себе не может, с кем ей довелось сейчас встретиться, — подумала Моника, и лицо ее посуровело. Одновременно она испытала чувство удовлетворения. — Эта сука, наверно, и думать забыла о Мирей Д'Арси и ее дочери спустя несколько секунд после того, как я в слезах покинула тогда место работы матери, — продолжала размышлять она. — У Шенны и мысли возникнуть не может, что та «дрянная тупица», которую она выгнала из своего роскошного универмага много лет назад, превратилась в женщину, достаточно умную для того, чтобы украсть и увести у нее мужа и занять ее место в журнале».

— Не смеем задерживать вас, — сухо сказал Ричард.

— Да, конечно, мы не будем портить ваш вечер, — со сладкой улыбкой подтвердила Моника. — Люди не молодеют. Так что спешите повеселиться.

— Мерзкая сука, — еле слышно пробормотала Шенна. В этот момент откуда-то вынырнула Ева и схватила Моника за руку.

— Вот ты где! Рори танцует тарантеллу с Нико и Дженной. Это надо видеть!

Она потянула за собой Моника и Ричарда, предоставив Шенне предаваться гневу в одиночестве.

«Ешь мою пыль! — злорадно подумала Моника, торжествуя победу. — К тому же от тебя слишком несет духами».

И тут же их поглотила аплодирующая толпа, которая окружила танцоров.

Позже, сидя в лимузине Ричарда, который пробирался по запруженному транспортом Манхэттену, под прикрытием темноты Моника наблюдала за лицом жениха. Он курил трубку, погружившись в изучение вороха бумаг.

— Ты никогда не испытываешь сожалений? — неожиданно спросила она. — Не хотелось бы тебе все вернуть назад до того, как мы встретились с тобой?

— М-м-м? — пробормотал он, посасывая трубку, все еще не отключаясь от своих размышлений.

— Шенна... — продолжала допытываться Моника. — Хотел бы ты, чтобы она и сейчас оставалась с тобой?

— Моника, — вздохнул Ричард, возвращаясь к действительности. — Мне некогда обращать внимание на всякие женские штучки. Если бы я хотел быть с Шенной, я был бы с ней. И точка. В то же время, я молюсь о том, чтобы она не провалила мою сделку с Генри Теогастусом. Представляю, что за разговор у них сегодня будет в спальне. — Он сделал гримасу. — А ты помолись за успех твоего июньского номера. Помни, Макартур спит и видит, что Шенна вернется, когда ты провалишь журнал. И должен сказать откровенно, Мо, что я буду не в состоянии отстоять тебя, если тебе не удастся сделать несколько удачных номеров.

Острое беспокойство охватило Моника. Она почувствовала дрожь в теле, хотя на ней была соболья шуба. Лишь на какое-то короткое время, смакуя свой успех в поединке с Шенной, она забыла, как быстро может потерять завоеванное. «Идеальная невеста» все еще оставалась уязвимой, и лишь удачно сделанные номера, трамплином для которых станет июньский выпуск, смогут пресечь интриги против нее. До окончания и выигрыша битвы еще так далеко!

Она тяжело откинулась на спинку сиденья, внезапно почувствовав себя опустошенной и сломленной.

— Да, я знаю, — сказала она упавшим голосом. — Поверь мне, Ричард, что я работаю над этим.

Ей захотелось, чтобы Ричард отбросил эти проклятые бумаги и ласково обнял ее. Она вспомнила, как заботливо Нико опекал сегодня Еву. Он все время старался быть рядом с ней, держал ее за руку, заглядывал ей в глаза так, словно в зале не было других женщин. И хотя Монике были не по душе его явно диктаторские замашки, ей хотелось, чтобы Ричард однажды перестал безоглядно верить в ее независимость и проявил бы к ней нежность и внимание, как это было на заре их отношений.

«Я сильная, — думала она, — и Ричард знает это не хуже меня, но черт побери! — надо бы ему понять, что даже вундерженщина нуждается в ласке после суровых дневных баталий».

Она открыла заднее окно, чтобы проветрить салон, и стала смотреть на огни Нью-Йорка. Она ощущала внутри холод, опустошенность и одиночество. Это все от нервов, сказала она себе... Предсвадебные хлопоты, стрессы на работе, эта история с Евой... не говоря уже о встрече лицом к лицу с Шенной. Надо принять несколько сеансов массажа, решила она, закрывая глаза.

«Все образуется после Мауи. Напряжение спадет. Ричард убедится, что я потяну этот воз. И мы вплотную займемся собственными свадебными делами».

Когда они добрались до места, из темной бездны неба стали падать пушистые снежинки.

— Я затоплю камин, — сказал Ричард, когда они вышли из лифта и оказались в отдаленном мраморном фойе. Поставь кофейник, хорошо? Мне предстоит долгая ночь.

Сбросив на диван соболью шубу, Моника направилась на кухню и заметила огонек на автоответчике. Она нажала на кнопку и потянулась за кофемолкой.

«Мисс Д'Арси, — услышала она голос Дороти, — пожалуйста, не беспокойтесь, но мы сейчас уезжаем в пункт оказания первой помощи. Сейчас — сколько там? — десять пятнадцать, и ваша маман чувствует себя неважно.

Мистер Ламберт уже сажает ее в машину, но я хочу, чтобы вы были в курсе дела, если захотите повидать нас там. Если мы не встретимся в больнице, я позвоню вам как только мы вернемся. Вы не волнуйтесь, я уверена, что все будет хорошо».

Автоответчик щелчком отключился, и в дверях появился Ричард.

Страх овладел Моникой. Она бросилась мимо него за шубой.

— Ричард, ты поедешь со мной? — спросила она, сдерживая дрожь в голосе и пытаясь попасть в рукава шубы.

Он изменился в лице.

— Мо, ты же знаешь, как я ненавижу больницы... И потом, мне нужно прочитать все это.

— Мне необходимо, чтобы ты был рядом, — взмолилась она. — Ричард, я боюсь!

— Кто боится? Ты? — сказал он шутливым тоном и, приблизившись, поцеловал ее в щеку. — Этого не может быть! Ничто не может напугать мою неукротимую Мо. И потом Дороти сказала, что нет причин для беспокойства. Похоже, что все под контролем... А кто такой Ламберт?

— Плотник, который реставрирует террасу, — рассеянно ответила Моника, накидывая шубу на плечи и быстрым шагом направляясь к двери.

— Ты точно не приедешь? — еще раз спросила она.

— Давай сделаем так. — Ричард поднял трубку. — Я хочу поймать водителя, пока он не отправил машину в гараж... Я выслушаю твой отчет, после того как ознакомлюсь со своими, и свяжусь с тобой утром, а затем могу присоединиться к тебе. Если я услышу что-то от Дороти, я позвоню тебе в машину.

«И это все, что ты можешь сделать?» — подумала Моника, глядя на него в глухой ярости.

Ричард сделал вид, что не видит ее гнева. Он быстро заговорил в трубку, отдавая приказания шоферу.

— Сейчас настоящий кризис, — сказал он, положив трубку. — Я позвоню тебе туда. Обещаю.

Моника поджала губы и хлопнула дверью.

«Чурбан! — в сердцах подумала она, пересекая вестибюль. — Боже, хоть бы не было ничего серьезного! И почему Дороти не намекнула, в чем все-таки там дело?»

Она молча прошла мимо удивленного портье к стоянке. Когда из-за сплошной круговерти появился лимузин и подрулил к ней, Моника села на свое привычное место и достала сигарету. Прикуривая, она заметила, как дрожат ее руки.

В это время суток понадобится около пятидесяти минут, чтобы добраться до больницы.

Пятьдесят минут неизвестности. Пятьдесят минут пребывания в аду.

Глава восемнадцатая

Телефонный звонок запоздал. Когда Ричард связался с автомобилем, Моника уже ходила по больнице, пытаясь узнать, где находится Мирей Д'Арси.

Она вернулась к лимузину, получив лишь информацию о том, что ее мать направили домой. Шофер передал ей послание от Ричарда.

— Мистер Ивз позвонил буквально через пять секунд после того, как вы ушли. Ваша мать дома, а Дороти выполняет все предписания. Он просит срочно позвонить ему, сказал, что это очень важно.

«Как бы не так!» — подумала Моника, — она взяла телефон и набрала номер загородного дома.

Меньше всего ей сейчас хотелось разговаривать с Ричардом. Она еще кипела из-за того, что он отказался сопровождать ее в больницу. Ей надоели его отговорки. Возможно, он действительно ненавидел больницы и болезни, но если он любит ее, то мог бы поддержать, когда она в этом нуждается.

А она сейчас явно нуждалась в такой поддержке. Если что-нибудь с тамап случится, она не знает, что ей делать.

Прозвучал сигнал о том, что линия занята. Как это может быть? Она повторила вызов. Тот же результат.

Моника застонала от отчаяния. Ей так и не удалось дозвониться за то время, пока они добирались до загородного дома. Когда она вбежала в фойе и бросилась вверх по лестнице, она была почти в невменяемом состоянии. Она ворвалась в комнату матери и увидела, что в качалке сидит Дороти, а на кровати с пологом спит ее мать.

Сердце Моника сжалось. Мамап казалась такой маленькой, хрупкой, мертвенно бледной и — старенькой.

«Она выглядит лет на десять старше», — с горечью подумала Моника.

— Что произошло? — громким шепотом спросила она у Дороти, которая отложила вязание и вскочила.

— Воспаление легких, — отрапортовала няня. — После обеда она почувствовала, что ей трудно дышать. А до этого мы думали, что это обычная простуда.

— Разве ее не могли оставить в больнице? — Моника подошла к изголовью, поправила одеяло и внимательно взгляделась в бледное лицо матери.

— Из больницы вышвыривают через пятнадцать минут после операции, — дала волю раздражению Дороти. Она погладила Моника по плечу. — Да не беспокойтесь, мисс Д'Арси. Они уже дали ей антибиотики, и я продолжаю их давать. С вашего разрешения через час на смену мне придет сиделка, чтобы при нашей маме кто-нибудь находился круглосуточно.

— Да, да, Дороти, очень хорошо... А сейчас ты можешь отправляться спать. Уже третий час... Я останусь с тамап до прихода сиделки.

Моника придвинула качалку поближе, чтобы можно было достать до руки Мирей. Она чувствовала усталость и страх. Инсульт сильно подкосил здоровье матери. Как она сейчас справится с воспалением легких?

— У меня хватит сил на нас двоих, — тихо прошептала она. — Я помогу тебе.

Рука у тамап казалась маленькой и хрупкой. Дыхание было частым, неглубоким, свистящим. Моника подумала о том, что ее письменный стол завален работой, что на этой неделе нужно съездить на Мауи, о предстоящем

Дне Благодарения и грядущих съемках.

Как ей со всем этим справиться? Ведь она не может оставить мать в таком состоянии?

Моника вздохнула, сбросила с ног туфли и сняла большие серьги, внезапно ставшие слишком тяжелыми. Она посмотрела на бриллианты, которые переливались у нее на ладони. Ричард подарил эти серьги в день помолвки.

«Что проку мне от них сейчас?»

Ей нужен был он, а не серьги, не меха, не все эти дурацкие приманки. Нужно чтобы кто-то был рядом, когда ей страшно. А ей сейчас было страшно.

Около трех часов появилась сиделка. Моника дала ей указания и, поцеловав маман в лоб, удалилась в свою комнату, встретившую ее леденящей тишиной.

Моника разделась и залезла в ванну, надеясь, что теплая, пахнущая сиренью вода вернет ей силы и душевное равновесие, иначе ей сегодня не удастся заснуть.

И только когда она спустилась вниз, на кухню, что-нибудь перекусить, она вспомнила о просьбе Ричарда. Она налила в стакан молока, выпила его залпом и подошла к телефону на столе.

Трубка была сдвинута. Черт побери, вот почему она не могла дозвониться из лимузина.

После четвертого гудка Ричард снял трубку.

— Давно пора, — огрызнулся он. Она поняла, что он не спал и был раздражен.

— У маман дела обстоят неплохо.

— Я знаю. Дороти нарисовала полную картину. Я же сказал тебе, что все обрывается. А сейчас мне нужно, чтобы ты приехала немедленно, я должен проинструктировать тебя. Судя по отчетам, у тебя, дорогая, большие проблемы.

— В половине четвертого утра? Ричард, ты что, с ума сошел?

— Нет, но ты можешь сойти, если узнаешь всю подноготную.

— Какую подноготную? — Моника опустила в бамбуковое кресло и нервно провела ладонью по еще влажным волосам. Сегодня у нее не было больше сил, чтобы что-то делать, но она должна знать, откуда ей грозит опасность. Она положила ноги на бамбуковое кресло восемнадцатого века с плюшевыми подушками, и приготовилась слушать.

— Ты не просмотрела хотя бы бегло отчеты Линды, которые она подготовила для тебя? Или ты весь день занималась приготовлениями к премьере Рори?

— Нельзя ли сразу к сути, Ричард? — перебила его Моника. — Так в чем дело?

— А дело в том, что твой июньский номер может провалиться. О да, снимки будут шикарными. А вот с текстами полный провал.

— О чем ты, черт побери, толкуешь? На моем столе четыре статьи, которые ждут одобрения, и три другие появятся на следующей неделе. О каком провале можно говорить?

— Пункт первый: статья «Как пережить первые месяцы после свадьбы». Полный провал. Автор имеет контракт на издание книги, получила солидный аванс и дает задний ход. Говорит, что ты можешь предъявить ей иск через суд, если у тебя есть такое желание... Пункт второй: рассуждения о фасонах для новобрачных, которые способны скрыть изъяны фигуры... Снимается.

Линда обнаружила, что в журнале «Невеста и жених» идет такая же статья в майском номере того же самого модельера. Похоже, юный художник решил, что он может продавать одну и ту же идею всем подряд. И, если тебе этого мало, Денна, главный художественный редактор, которого ты двигала, исчез бесследно... Есть и еще кое-что. Мне продолжить?

Проклятье... Монике хотелось положить голову на стол и зарыдать. Но вместо этого она сама стала кричать в трубку.

— Ричард, у моей матери воспаление легких! Она только что вернулась из больницы! Тебе не кажется, что ты мог бы как-то помочь или хотя бы посочувствовать мне в этой ситуации? Я даже соображаю сейчас плохо... Я еще точно не знаю в котором часу я приеду завтра и приеду ли вообще.

Его голос обрушился на нее, подобно ледяному кубу.

— Моника, я самым искренним образом сожалею по поводу того, что случилось с твоей матерью. Но ты отлично знаешь, что она в хороших руках. Ты ведешь себя как неврастеничка.

— Неврастеничка? С каких пор заботу и сочувствие относят к неврастениии?

— Пожалуй, Моника, твоей матери не станет легче оттого, что ты крутишься возле нее, пока «Идеальная невеста» идет ко дну. Скажу тебе одну вещь о Шенне — ее ничто не могло отвлечь от дела. Черт побери, она однажды сломала ногу, когда каталась на лыжах, и что же ты думаешь: она устроила настоящий офис в больнице, брала там интервью, руководила съемками. Может быть, она была сукой на колесах, но делать дела она умела.

— Какой же ты чурбан! Как ты можешь попрекать меня Шенной в такой момент? — Моникау трясло, она все больше теряла контроль над собой. Она уже не говорила, а выкрикивала в трубку. — Я утром позвоню Линде и во всем разберусь!.. И тебе не надо будет ломать свою драгоценную голову из-за твоего сверхдрагоценного журнала! А сейчас я намерена хоть немного поспать. И не вздумай говорить мне, что твоя дражайшая Шенна могла обходиться тремя часами сна в сутки!

— Четырмя...

— Жопа! — взвизгнула Моника и с треском положила трубку.

Из темноты за пределами кухни донесся шорох шагов, и она услышала низкий мужской голос.

— Это, должно быть, адресовано ему.

Моника вскрикнула, метнулась к столу и схватила испачканный маслом нож.

— Я сдаюсь, — сказал Пит Ламберт, выходя из темноты и жмурясь от света. Моника сообразила, что дверь, которая выходила в только что завершенную пристройку, была открыта настежь, но разве можно было ожидать, что там кто-то находится? Тем более этот рослый, крепкий и несносный плотник.

— А вы — вторая жопа! — выпалила она, не замечая того, что размахивает ножом. — Какого черта вы здесь околачиваетесь ночью? Как вы сюда попали? И сколько времени вы подслушиваете меня?

— Достаточно долго, чтобы понять, что вы связались с большим прохвостом. Я полагал, что вы умнее, — сказал он, взяв со стола печенье и макнув его в арахисовое масло.

— Прошу вас, отведайте, — саркастически пригласила его Моника.

Глаза Пита задержались на черных, как смоль, завитках волос, спадающих

на лоб, затем скользнули к декольте ее халата. Ее кожа еще блестела розовой белизной после ванны. Очаровательно! Его взгляд отметил аппетитную полноту груди, крутизну бедер и длину ног, которые заканчивались миниатюрными ступнями с розовым педикюром. Медленным взглядом он еще раз скользнул по ее складной фигуре.

— С удовольствием отведаю.

Моника перевела дыхание. Ее сердце едва успело войти в нормальный ритм после испуга от неожиданного появления плотника, а сейчас оно снова подпрыгнуло. На фоне темной террасы Пит Ламберт казался еще выше и мощнее. И, похоже, чувствовал себя совершенно свободно. Казалось, он мог сейчас расположиться перед камином с вечерней газетой, стаканом бренди и ньюфаундлендом чуть поодаль. Конечно, не у ее камина. Моника с невольным восхищением посмотрела на игру бицепсов под простой хлопчатобумажной рубашкой, на волевой, крепкий подбородок. Взгляд его голубых глаз излучал какой-то особый свет.

Пробежавшая между ними искра позволила Монике осознать его мужскую силу и собственную уязвимость, поскольку она стояла перед ним босоногой, в махровом халате, наброшенном на голое тело.

Пит неслышно, со вкусом слизывал с пальцев капельки масла. У Моника появилось неодолимое желание поплотнее завернуться в халат.

— Недурно, — прокомментировал он, глядя на ее губы. — Честное слово, совсем недурно.

— Старый семейный рецепт, — сказала она, затягивая потуже пояс. — А теперь не будете ли вы столь добры объяснить мне, почему вы бродите по моей террасе в четыре часа ночи?

— С Мирей все в порядке? Няня при ней?

— Вы всегда отвечаете вопросом на вопрос?

— Вас это раздражает?

— Барышников танцует? — она сверкнула глазами. — Ах, простите, вы, вероятно, не имеете представления, кто это такой.

— Нет. — Пит неожиданно подался вперед. — Это вы извините меня. — Он легко коснулся пальцем уголка ее рта. — Арахисовое масло, — пояснил он, увидев, как она вспыхнула. — Графиня, я никогда не причислял вас к снобам, — он покачал головой. — Очаровательная, властная, решительная, своеправная женщина. Но не сноб. Даже я, работяга, знаю, кто такой этот Барышников, — это знаменитый итальянский тренер, верно?

Это было сыграно отлично, последние слова он произнес с серьезным, непроницаемым лицом.

Неожиданно для себя Моника рассмеялась.

— Вы невозможный!

Она уперлась ладонями в бедра и с трудом погасила улыбку.

— Мистер Ламберт, я никак не могу понять, что вы собой представляете... Правда, это меня не так уж и занимает, — поспешно добавила она.

Ее все еще была мелкая дрожь — очевидно, после разговора с Ричардом, убеждала она себя, а вовсе не оттого, что она оказалась тет-а-тет с Питом Ламбертом. Тем не менее она сочла за благо взять кувшин с маслом и зайти за гранитный кухонный уступ якобы для того, чтобы поставить его в шкаф. Теперь их разделяла солидная преграда.

— Вы до сих пор не объяснили, что вы здесь делаете, — напомнила Моника. К ее большой досаде, Пит Ламберт последовал за ней к посудному шкафу.

— Идите сюда, я покажу вам. — Он поманил ее в затемненную террасу. — Сядьте здесь. — Он показал на плотно набитую подушку в центре выстланного керамической плиткой пола, подошел к стене и щелкнул выключателем.

Мягкий, серебристый свет отразился в покрытых лаком стенах и кристально-чистых панелях и осветил заснеженные, ажурные деревья сада и леса поодаль. Запах лакированного дерева и свежей краски смешался с запахом поленых из вишневого дерева в камине, который в прошлый приезд Моника еще не был готов. Сейчас работа была завершена, терраса перестала быть складом и нагромождением материалов и инструментов и превратилась в уютную, застекленную гостиную, из которой можно любоваться живописными красотами усадьбы. Это был рай, дополненный постоянно меняющимися картинами природы. Сверкали белоснежные деревья, купол неба был виден на расстоянии вытянутой руки, за стеклом кружились и плясали снежинки. Храм покоя, тепла и света.

И еще музыки. Потому что одновременно с включением света включилась звуковая система, и помещение наполнилось чарующим голосом Хосе Каррераса.

— Я закончил проводку как раз перед тем, как ехать в больницу. Когда мы вернулись, я пришел сюда, чтобы посмотреть результат. И здесь я заснул. — Пит отметил для себя, что под влиянием увиденного чуда с лица Моника сошло выражение тревоги и напряженности. — Это концерт трех теноров — Парротти, Каррераса и Доминиго. Это мои любимцы. Через минуту вы услышите Барышникова, — добавил он, и глаза его сверкнули.

— Вы и впрямь невозможны. — Однако на сей раз это было сказано совсем иным тоном. — Я вынуждена признать, что вы неплохо справились с задачей.

Моника понимала, что поскупилась на похвалу, но ничего не могла с собой поделать. На самом деле то, что он сделал, было достойно восхищения. Сейчас это была не терраса, а нечто сказочное. А когда она внесет сюда диван с цветастой обивкой и большими подушками, плетеные стулья и стол, украсит террасу корзинами с растениями и цветами, она превратится в зимний сад, в убежище от работы, от стрессов, от...

— Неплохо, мистер Ламберт, — сказала она бойко, стараясь скрыть смущение.

Пит подошел к ней и помог подняться.

— Посмотрите вверх.

Моника взглянула на снежинки над горбатым стеклянным потолком и вдруг поняла, что мерцающие алмазы над головой — это звезды. Они казались настолько близкими, что их хотелось потрогать, и такими яркими, что слепили глаза.

— Мне кажется, я готова остаться здесь навсегда, — вздохнула она.

— А что, жизнь настолько плоха?

— Ну, конечно же, нет. — Моника попыталась снова напустить на себя суровость. — Просто меня беспокоит состояние здоровья матери, а мне нужно через несколько дней уезжать, неважно обстоят дела с журналом, а мой жених ведет себя как ско... простите, не обращайтесь внимания. — Моника закусила губу. Какого черта она все это рассказывает Питу Ламберту?

— Я знаю, что вам нужно.

Моника нахмурилась. Ну ясно, что он посоветует. Найти хахалю. Мужчины всегда считают, что хороший хахаль залечит все раны.

Прежде чем она успела что-либо сообразить, Пит положил одну руку ей на талию, а другой взял ее правую руку. Грянули звуки зажигательной русской мелодии «Очи черные», и Пит повел Моника в вальсе.

— Вам нужно танцевать, Моника Д'Арси! Не думайте ни о чем, просто двигайтесь. Танцевать — значит выпустить душу на волю! Легче становится сердцу, проходит боль.

— Я не нуждаюсь в утешениях, мистер Ламберт! Я крепкая и могу самостоятельно справиться со своими проблемами.

— Да, крепкая, — пробормотал он, покачав головой. Моника ощутила силу его мозолистых рук, когда они вихрем закружились на гладком полу. — Крепкая, как застывшие взбитые сливки.

Моника вздрогнула. Еще ни один мужчина не замечал ее уязвимости. Все полагали, что она сделана из железа. Взбитые сливки? О да, сегодня мистер Ламберт попал точно в цель. В глубине души она чувствовала себя слабой и сделанной отнюдь не из железа.

Она в волнении предприняла попытку освободиться от его объятий, но он удержал ее.

— Что вам не по душе, графиня? Что не нравится?

— Поздно... Нужно проверить кое-что наверху.

— После окончания песни.

Когда музыка замерла, Пит отпустил ее. Монике показалось, что она потеряла опору, когда перестала ощущать прикосновение его рук и тепло его тела. Ей не удалось разгадать выражение его глаз.

— Вы были... очень любезны, — она произнесла это чопорно, словно школьная директриса. Почему она с таким трудом находит слова? — Спасибо, что вы свозили мать в больницу.

— Не за что. Я просто обожаю Мирей. Она совершенно необыкновенная леди.

В его глазах отразилась озабоченность. — А вам обязательно надо поспать... Я завтра заскочу... Если вы не уедете в город.

— Ни в коем случае.

Он кивнул, окинул взглядом почти совсем отделанную террасу.

— Еще один слой краски — и я больше не буду мозолить вам глаза.

Он надел кожаную куртку, валявшуюся в углу, вышел через дверь террасы и не оглядываясь зашагал под ветром и снегом.

Моника наблюдала за ним, пока он не скрылся среди деревьев. Несмотря на сегодняшние события она чувствовала себя удивительно расслабленной. Она твердо решила сегодня не думать ни о Ричарде, ни о журнальных проблемах. Как советует Скарлетт О'Хара, она подумает об этом завтра.

Моника приоткрыла дверь в комнату матери и увидела, что та спит. Матан была похожа на маленькую куклу. Сиделка, юное пухлое создание с жесткими рыжими волосами, заверила ее, что мать чувствует себя неплохо. После этого Моника направилась через холл в свою комнату. У нее не было больше сил даже для того, чтобы почистить зубы. Она легла на пуховую кровать, поставила в проигрыватель компакт-диск Пита Ламберта и заснула под

пение трех теноров с ощущением, что вальсирует под падающими снежинками.

Она не поехала в город ни на другой, ни на третий день. Звонил Ричард, звонила Линда, звонили из офиса. Моника сидела на телефоне восемнадцать часов в сутки.

Однако были дела, которые невозможно было решать на расстоянии. За сутки до Дня Благодарения она, ломая себя, отправилась с Ричардом в агентство и заказала самолет на Гавайи с трехчасовой остановкой в Лос-Анджелесе.

Моника делала все, чтобы перенести эти встречи на более поздний срок, но не могла скоординировать календари Антонио, Милли Кон и всех, кто был причастен к делу и мечтал об отдыхе после праздника. Вечер накануне Дня Благодарения она встретила в номере отеля, отдав долг чуть теплой нарезанной ломтями индейке и запив клюквенным соком, в окружении десятка ближайших своих помощников.

Она договорилась о личной встрече в пятницу с шефом полиции и обеспечения безопасности курорта Халеакала на Мауи. Об этом знал лишь Ричард. Нет нужды беспокоить других проблемой, которая может и не возникнуть, решила она.

— Что там на десерт? — Ричард приподнял несколько крышек стоящих на тележке блюд. — Похоже, можно выбрать запеченную тыкву или пирог с орехами и взбитыми сливками.

Взбитые сливки... Моника смотрела на белоснежные холмики крема на пироге, но ее мысли были далеко от тропического побережья. Ей вспомнились сугробы вокруг уютной застекленной террасы и пляшущие языки пламени в камине из плитняка. Она представила себе, как на новом диване лежит укрытая одеялом шатал, а рядом с ней Дороти вяжет и прихлебывает ароматный дымящийся чай.

И еще она увидела Пита Ламберта, помешивающего угли в камине и потягивающего легкое вино, который смотрелся так же естественно, как ковер, которым Моника утеплила выложенный плиткой пол.

Моника очнулась от своих радужных видений, смутившись оттого, что Ричард, как выяснилось, уже трижды задавал ей один и тот же вопрос.

— Не надо благодарностей, не надо мне пирога. Мне не хочется взбитых сливок на ночь.

Ричард положил руку ей на плечо и, нагнувшись, шепнул на ухо:

— Как только отделаемся от этой толпы, давай прогуляемся при луне по пляжу.

Моника прореагировала на это сдержанно, не выказав ни радости, ни недовольства. Пусть помучается, подумала она. Пусть поуготоваривает меня.

Вдали от Нью-Йорка, похоже, рабочий пыл Ричарда поуменьшился. Хотя они планировали заниматься делами и во время уик-энда, красоты острова и гипнотизирующий шум океанских волн подействовали на него расслабляюще.

Ричард старался изо всех сил ублажить Моника. Он даже отважился на прошлой неделе навестить Мирей и остаться на обед. Моника решила, что должна простить его. И она, конечно, простит его в ближайшее время, но пусть он сперва немного полебезит перед ней.

Был двенадцатый час ночи, когда Моника и Ричард отправились босиком

по влажному прохладному песку. Ричард закатал вверх штанины белых твидовых брюк и завязал свитер вокруг талии. Он протянул руку Монике, и они двинулись за пределы курорта по пустынному пляжу, освещаемому редкими торшерами и лунным светом.

— Завтра испытаем яхту, — сказал Ричард, когда они обогнули отмель, на которой шелестели на ветру молоденькие пальмы. — Если ты перезакажешь билет и останешься еще на несколько дней, мы можем поплавать вокруг острова и славно отдохнуть.

— Но, Ричард, ты же знаешь, что мне нужно возвращаться.

— Не обязательно. Работа контролируется. Рентген показал, что состояние твоей матери улучшилось по крайней мере на пятьдесят процентов. Дороти отлично ухаживает за ней, так что нет причин для беспокойства.

— Она еще очень слаба. Мне так не хотелось оставлять ее в День Благодарения. Ты же знаешь, что я для нее — все.

— Ну хорошо... Сменим тему... Как обстоят дела с цветами для собора святого Патрика? Пусть будет как можно больше экзотики — орхидеи, райские птицы. Ничего ординарного, Мо, помни это.

Она кивнула. Больше всего Ричард ненавидел банальное.

— Все уже заказано, в том числе и для банкета, — успокоила его Моника. — Даже ты не будешь разочарован, Ричард.

«Много ли найдется мужчин, которые проявляют такое внимание ко всем деталям свадьбы?» — подумала Моника. А вот Ричарду это было свойственно. У него была потребность контролировать все и вся. Он огорчался, если даже мельчайшая деталь или вещь были ординарными, полагая, что люди подумают, будто он вступил в полосу трудностей. Для него имидж был превыше всего.

Моника знала, как играть в такую игру. Она даже могла научить его одной-двум хитростям, подумала она, нагибаясь за ракушкой, сверкающей под водой.

— Я не собираюсь распространяться об оркестре, но позволь мне назвать: Гарри-Конник-Джуниор.

— Ты заказала?

— Это только начало. Между прочим, люди в Плаце интересные. И нам действительно нужно продумать меню. Линда показала мне списки деликатесов на нескольких страницах. Как тебе нравятся такие закуски, как струдель из ветчины с фигами, мясо крабов в кокосовом молоке, подаваемое в скорлупе ореха, греческий сыр под острым маринадом и пирог с дикими грибами?

— Великолепно!

— Я знаю, что ты любишь суп с эскариолем, поджаренным чесноком и красным перцем. Я уже остановилась на салате из шпината и грецкого ореха, а вот в качестве главного блюда ты что предпочтешь: омаров в шафрановом масле с розеткой артишоков или баранью ногу с печеными баклажанами?

— И то, и другое. Что дальше?

— Мое любимое, — засмеялась она. — Это десерт. Я не могу решить, что выбрать: персиковый мусс в бисквитной корзиночке, шербет с жемчужной глазурью или фруктовый компот с виски и мятой. Что бы ты хотел?

Ричард остановился, обнял ее за талию и притянул к себе.

— Сейчас я хочу только тебя. — Темные глаза его сверкнули и плотоядно за-

скользили по ее телу. — За эти недели, Моника, я изголодался... Зверски! Давай не будем ни на минуту откладывать.

Это было похоже на правду. В его глазах читалось горячее желание и одновременно нежность, чего Моника давно в нем не замечала. Она дерзко вскинула голову и посмотрела ему в глаза.

— А кто тебе чинит препятствия, моряк? — сказала она.

Мысль о возможности отдаться ему на пляже, при луне, под убаюкивающий аккомпанемент волн, аромат моря, деревьев и цветов острова, показалась настолько привлекательной, что она улыбнулась. Она отбросила ракушку и демонстративно стала медленно расстегивать платье, не сводя глаз с Ричарда.

Платье соскользнуло с ее тела, словно капля росы со стебля цветка. Ричард расстегнул ажурный лифчик и сдвинул отделанные кружевами трусики к щиколоткам, покрывая поцелуями ноги. Смеясь, Моника переступила через трусики и с озорным смехом бросилась бежать в сторону океана.

Она на ходу запела, затем раздался шумный всплеск, когда соленые волны приняли ее в свое лоно.

— Ах ты, обманщица! — завопил Ричард, сбрасывая на песок свитер и срывая одежды с такой поспешностью, что у него заело молнию на брюках, и он вынужден был прыгать на одной ноге, пытаясь освободиться от них и белья одновременно. Он бросился за Моникой, легко догнал ее, покрыл поцелуями, и они оба погрузились в теплую, мерцающую огоньками индиговую воду.

Лишь луна была свидетелем того, как они исследовали и ласкали тела друг друга под плеск волн, которые покачивались в такт их энергичным движениям. Он поднял ее и вынес на песок. Она задрожала, когда ее обвеял прохладный ветерок, но через мгновение Ричард накрыл ее своим телом и вдавил в песок. Он снова и снова входил в нее, а звезды плыли над ними в дымке бархатного неба.

Руки Ричарда ласкали и дразнили ее. Моника ловила и вдыхала запах океана, смешавшийся с характерным запахом его одеколona. Она касалась языком впадинки на его плече, ощущая вкус океанской соли. Она прижалась к нему, заставив его ускорить движения. Звезды вспыхнули в ее глазах, когда он обхватил ее за талию и бросил на себя, и она внезапно почувствовала себя танцующей и потеряла представление о времени и пространстве.

Ей вспомнились белокурые волосы и обветренное лицо Пита Ламберта, когда Ричард назвал ее имя.

Боже мой, о чем она думает? Моника прищурилась и сфокусировала взгляд на лице Ричарда. Однако ей это не удалось, и пьянящие ощущения экстаза покинули ее, как она ни пыталась их удержать, умчались словно пригоршня намытого волной песка.

Позже, когда они шли под руку к отелю, Моника попыталась найти способ обуздать растущее в ней беспокойство.

— Ричард, — оживленно сказала она, — давай пойдем куда-нибудь потанцуем.

— Ты, должно быть, шутишь, Мо, я настолько сейчас устал, что у меня нет сил даже заказ на ручку двери повесить, а тем более танцевать всю ночь. Давай завтра, хорошо? Обещаю тебе.

Когда она оказалась с Ричардом в постели, ей снова вспомнился дом. Инте-

ресно, высох ли последний слой краски на террасе и ушел ли теперь навсегда из ее жизни Пит Ламберт?

Проверить во французском паспортном агентстве список иммигрантов. Позвонить в Солт-Лейк Сити — в библиотеку по истории семей.

Шенна Ивз задумалась, держа карандаш в руке. Янтарный свет струился от лампы на тумбочке, освещая кажущиеся перламутровыми листки. По телевизору шла программа Си-Эн-Эн. Рыбы в сорокалитровом аквариуме, стоящем на встроенных в стену консолях, метались среди зарослей и цветных камешков. Она посмотрела на линованный блокнот на коленях и куснула ластик на конце карандаша.

«Один звонок в библиотеку мормонов — и сотрудники мгновенно найдут материал на эту маленькую графиню. Я абсолютно уверена, что ее титул — такая же фальшивка, как и ее дешевая улыбка. Там наверняка найдется какая-нибудь грязь, которую я с Макартуром смогу использовать против нее».

Шенна взяла с тумбочки флакон со снотворными пилюлями. Четыре часа утра, а она не спала даже полминуты. Она положила в рот таблетку, запила минеральной водой и выключила телевизор.

— Чтобы ты подохла, Моника Д'Арси, — произнесла она вслух. Она помолчала, затем напряженно прищурилась, пытаясь что-то вспомнить. — Д'Арси... Д'Арси, — повторяла она, недоумевая, почему эта фамилия обжигает ее, словно кислота.

Почему фамилия этой шлюхи казалась ей такой знакомой? Шенну не покидало ощущение, что она слышала ее раньше. И знала она эту фамилию не только по агентству Д'Арси. Можно сойти с ума!

«Но это придет ко мне».

Она легла на кровать и потянула на себя атласное одеяло.

«Рано или поздно, — она приподнялась и взбила подушку, — так или иначе, я обязательно вспомню».

Глава девятнадцатая

Через четыре дня Моника возвратилась в офис. Она просмотрела обложки для майского номера, посоветовалась с Линдой и управляющим Фебом Мартинецом относительно нового формата, одобрила статью о свадебном банкете, стимулируя себя сигаретами и кофе. Она побеседовала с четырьмя кандидатами на должность главного художественного редактора и утомленно сказала Линде, чтобы та продолжила поиски. Во время перерыва на ленч она съездила на примерку заказанного ею свадебного платья, фасон которого придумала сама, и купила у Тиффини пару приглянувшихся сережек для матери.

День был заполнен заседаниями, выработкой и принятием решений, в том числе относительно интервью с «Энтертейнмент тунайт». Лиза Гиббонз получила задание написать очерк об Ане и Тери, по которому будет сделан фильм перед самым Рождеством. Ана и Тери должны появиться в «Идеальной невесте» в свадебных нарядах и стать своего рода рекламой июньского номера.

«Закури свою трубку и дыми до посинения, Дрю Макартур», — удовлетворенно подумала Моника, закончив переговоры с продюсером.

До загородного дома в этот вечер Моника добралась измотанной, с воспаленными глазами. Ей страшно хотелось поесть чего-нибудь горячего, посидеть перед камином и выпить чаю с коньяком.

— Они великолепны! — воскликнула Мирей, когда Моника вынула из голубого бархатного футляра тарзанитовые серьги-слезки с бриллиантами. Моника вдела их в уши матери и поднесла ей зеркальце в оправе из слоновой кости, чтобы Мирей могла полюбоваться игрой тарзанита на свету.

— Я обратила внимание на то, что терраса еще не окрашена. Где же был все это время мистер Ламберт? — будничным тоном спросила она. — Он что, покинул вас?

— Нет, конечно. Он был у нас в День Благодарения, но решил, что мне не следует дышать запахами краски. Он сейчас реставрирует усадьбу Паркера.

— Он такой душка, — заметила вошедшая Дороти. Вместе с таблетками, которые Мирей должна была принимать в восемь часов, она принесла с собой запах гардений. — Он никогда не приходит без какого-нибудь подарка для вашей маман. Вчера, например, он принес вот это, — добавила няня, показав на изящный томик французской поэзии.

«Слава Богу», — подумала Моника, вспомнив при этом, как он осматривал ее сверху донизу в кухне. Хорошо, что он не появится в ближайшие дни. На время этого уик-энда Ричард уехал на Западное побережье, чтобы дожать Теогастуса и заключить с ним сделку, и Моника намерена побыть здесь с маман и заняться делами, которые накопились за период ее пребывания на Мауи, так что она не могла тратить время на этого несносного эгоиста.

Однако на следующий день, устав от работы, она не заметила, как оказалась на мостике, от которого тропинка вела к усадьбе Паркера. Надежно защищенная от холода норковой шубкой, она наслаждалась морозным воздухом и любовалась сосульками, сверкавшими на ветвях словно бриллианты.

Моника подошла к развилке дорог, откуда открывался вид на усадьбу Паркера. Ее колебания длились лишь несколько мгновений, после чего она решительно двинулась вперед. Со старой усадьбой произошло настоящее чудо. Куда-то подевались выщербленные кирпичные стены, разболтанные ставни, за-

росшие дикой травой газоны, отчего она напоминала декорации из фильмов Стефана Кинга, изображающие живописные развалины.

Сейчас усадьба являла собой шедевр простоты и великолепия. Это было произведение искусства из красного дерева и гранита с огромными застекленными окнами, выходившими на двухэтажную крышу, нависшую над бассейном и садом с аллеями, кормушками для птиц и соляными лизунцами для угощения забредающих из лесу оленей. Позади занесенного снегом забора Моника увидела флигель, заново отделанный тем же красным деревом, из трубы вился дымок.

Потрясенная увиденным, Моника подошла поближе.

— Ламберт! Эй, Ламберт!

В общем-то она не ожидала, что он ответит. Да она и не знала, хочет ли он этого. Внезапно Моника почувствовала, что о ее спину ударился снежок. Она обернулась.

Второй снежок попал ей в плечо.

— Ах, черт! Промазал! — Пит нагнулся, чтобы зачерпнуть снега для нового снежка.

Он не успел его бросить, потому что плотноспрессованный снежный комок поразил его в лоб.

— А я нет! — закричала Моника и, повернувшись к нему спиной, бросилась наутек.

Бой разразился не на шутку. Словно десятилетние сорванцы они кричали, прятались за деревья, перебежали от одного дерева к другому, пока наконец Пит не поймал ее и не умыл ей лицо снегом, который зачерпнул другой рукой в кожаной перчатке.

— Наелась?

— Ну, Ламберт, погоди! — пообещала Моника.

Он засмеялся и поднял ее на ноги.

— Мир? — Они подошли к флигелю. — Я знаю, как вас согреть, — сказал Пит.

Он налил горячего кофе в кружки и плеснул туда немного амаретто.

— Замечательно, — вздохнула Моника, оглядевшись вокруг.

Флигель поистине впечатлял. Убежище с высоким потолком и грубо отесанными балками. Вверху видна была открытая антресоль со встроенной кроватью, которая нависала над просторной жилой комнатой внизу, где находился отделанный глазурованным красным кирпичом камин. Пол был выложен таким же красным кирпичом и застлан толстыми коврами.

Моника коснулась пальцами обитых шагреновой кожей подушек дивана.

— Славное жильё... Неудивительно, что вы не спешите со своей работой.

Хозяину это не к спеху, что меня вполне устраивает. Хотите взглянуть, что я успел сделать?

Интерьер впечатлял даже больше, чем вид снаружи. По-видимому, Пит Ламберт гордился своей работой. Закругленной формы окна, дубовые полы, двенадцатифутовые потолки и карнизы были отделаны безупречно. Моника провела ладонью по стенам, обшитым панелями, которые, казалось, светились под солнечными лучами, проникающими через окна.

— Какой это цвет? Мне он страшно нравится! — воскликнула она.

— Это смесь. Краска цвета белой яичной скорлупы слегка разбавляется ро-

зовой для придания теплоты... Пойдемте, я покажу вам, над чем я работаю непосредственно сейчас в спальне хозяина.

Комната была загромождена ведрами, валиками, щетками, банками с красками, паркетный пол был прикрыт импровизированными половиками, стояли две или три стремянки, но и сейчас здесь ощущался простор. Потолки были сводчатые, между огромными окнами располагался камин из бледного мрамора. Рядом находилась просторная гардеробная. Ванная комната представляла собой отдельное помещение с автономным освещением, сауной и бассейном, с душем на две персоны и двумя ваннами вдоль стен.

— Кажется, мои соседи мне начинают нравиться. Кто они?

Пит наклонился, чтобы рассмотреть отделку блестящего позолотой крана.

— Один чудаковатый малый. Вероятно, не в вашем вкусе, — небрежно бросил он.

— А что вы знаете о моем вкусе?

— Если Ричард Ивз может служить показателем, вам нравятся могущественные магнаты, которые заняты большим бизнесом и никогда не запачкают свои наманикюренные ногти, — голубые глаза Пита взглянули на Монику с вызовом. — А как вы, графиня? Мне кажется, что вы не способны запачкать свои руки.

— Что вы имеете в виду? — с подозрением спросила Моника.

— Мне понадобится помощник сегодня... если у вас не найдется более интересной работы.

— Ну... меня ждет уйма материалов, которые пойдут в следующий номер журнала, — медленно произнесла она.

Вместо ответа он бросил ей губку для мытья машины.

— Я намерен показать вам, что такое настоящая работа, — став на колени, он налил краску в металлический желобок вдоль плинтуса, затем макнул туда губку. Моника озадаченно смотрела на безупречной белизны стену.

— Хотите изменить оттенок? — догадалась она.

— Угу... Задача для детишек... Смотрите.

Он убрал лишнюю краску с губки и взобрался по стремянке вверх. Он пошлепал губкой по стене, оставляя на ней отпечатки, напоминающие швейцарский сыр в разрезе. Затем снова прижал губку несколько раз к стене, и на ней вырисовался симпатичный узор.

— Кажется, я поняла.

— Вот и хорошо... Я беру на себя верхнюю часть комнаты, вы — нижнюю.

— Ужас! Еще один человек, который претендует быть наверху.

Раскатистый смех Пита огласил огромную комнату.

— Ричард Ивз даже почище того, что я думал о нем.

Моника посмотрела на него снизу.

— Если капнете на меня, вам не сносить головы, — сказала она.

Через два часа, когда с одной стеной было покончено и дневной свет померк, они прервали работу.

Пит приготовил пиццу и достал холодное пиво, пока Моника звонила Дороти предупредить, чтобы ее не ждали к обеду.

— Я и не подозревала, что настолько голодна, — сказала Моника, с аппетитом доедая третий кусок пиццы. — Удивительно вкусно!

— Старинный семейный рецепт.

— Лгунишка! Я видела пустую коробку производства Бертино в мусорном ведре.

Пит взял новый кусок пиццы с тарелки.

— Вот вы считаете себя очень умной, не так ли, графиня? Тогда скажите мне, зачем вы выходите замуж за этого типа?

Моника посерьезнела. Она проглотила последний кусок пиццы и промокнула губы бумажной салфеткой.

— Вы ведь ничего не знаете ни о Ричарде Ивзе, ни обо мне, — сказала она негромко.

— Вы ошибаетесь. Я видел вас с вашей матерью, видел вас любящей и деликатной. Я сомневаюсь, чтобы Ричард Ивз знал, как сделать вас счастливой.

— Вы подслушали всего лишь один телефонный разговор и полагаете, что теперь вы эксперт по моим отношениям с Ричардом Ивзом? Могу сообщить вам сенсационную новость: все пары ссорятся. Я не знаю, через какие розовые очки вы смотрели, но жизнь состоит не только из шампанского и нарциссов. Об этом знаю я, знает Ричард, а если вы об этом не знали, то, может быть, я научила вас чему-нибудь сегодня.

Она отодвинула стул:

— Спасибо за урок живописи и за пиццу. А сейчас мне пора идти.

Пит остановил ее, когда она подняла брошенную на диван норковую шубу. Он положил ей на плечи слегка забрызганные краской теплые ладони. Его губы на мгновение коснулись ее губ.

— Хотел бы я знать, стал бы Ричард Ивз защищать вас с таким пылом, как это делали вы, — тихонько сказал Пит. — Счастливый он человек.

— Это уж точно. Гарантировано...

Дверь за Моникой захлопнулась.

Пит смотрел из окна, как в густеющих сумерках она шла по тропинке. Когда Моника исчезла, он отнес посуду в раковину. Он был знаком со многими женщинами, но никогда не встречал такой энергичной, такой непростой в общении и такой притягательной женщины, как Моника Д'Арси. За ее бравадой и резкостью скрывались глубокие и истинные чувства. Она напоминала ему ребенка с мечтательными глазами и носом, прижатым к витрине игрушек, ребенка, жаждущего чуда. Споласкивая последнюю тарелку в теплой воде, Пит подумал, что ему чертовски хотелось бы оказаться тем человеком, который может подарить ей то, чего она ждет.

Глава двадцатая

Огненные завитки волос Аны просвечивали сквозь серебристый тюль и ажурные кружева, пока Ангелина медленно натягивала свадебное платье.

— Великолепно, моя дорогая! Просто великолепно! — Ангелина отступила на шаг, чтобы полюбоваться своим произведением. Это была худая, как палка, женщина, пользующаяся в мире кино высокой репутацией еще с сороковых годов. На камине стояли два Оскара, которыми было отмечено ее мастерство. Ангелина Варгас одела больше голливудских звезд, чем кто-либо другой, исключая лишь Эдит Хед.

— Немного подобрать здесь — и все в порядке. Не шевелись, дитя мое! Стой спокойно, иначе я уколую тебя булавкой. Или ты хочешь видеть следы высохшей крови на свадебном платье? Знаешь, ты такая же непоседливая, как Кэтрин Хэпберн, в те времена, когда мы делали «Филадельфийскую историю».

Глядя в зеркало, Ана скорчила Луизе рожу.

— Я пытаюсь рассмотреть спину, Ангелина.

— Ты рассмотришь спину, когда я тебе скажу. Вот, теперь смотри. Иди и смотри.

Ана с удовлетворением изучала эффектное платье из серебристого тюля. Ангелина превзошла самое себя. Пышные рукава, сколотые на плече атласными розетками и жемчужными звездочками, подчеркивали плотно обтянутую тонкую талию Аны.

Поскольку свадьба была назначена на четвертое июля, Ана и Джон решили, что должны преобладать красные, белые и голубые тона. Подружки невесты должны быть в голубом и нести букеты красных роз, фиалок и белых лилий.

Туалет Аны должен быть серебристых тонов, а ее букет состоять из чайных и белоснежных роз и украшен атласными красными и голубыми лентами.

«Вот и начинает все осуществляться, — взволнованно подумала она. — Это должно выглядеть очень эффектно. А платье будет гвоздем представления».

— Я кажусь в нем такой тонкой, — произнесла наконец Ана, не в силах оторваться от зеркала. — Ангелина, ты просто гений!

— Ты похожа на тростинку, — вмешалась Луиза. — Тростинку с грудями, — с завистью добавила она, глядя на декольте, которое было настолько глубоким, насколько, по мнению Ангелины, это приличествовало потенциальной Первой леди. — Я думаю, что у Джона Фаррелла захватит дух, когда он увидит тебя в этом наряде.

Возбужденная и счастливая, Ана поворачивалась и кружилась перед зеркалами. Восхитительно! Идеально! Более того: это было платье ее мечты!

— Ангелина, огромное спасибо тебе. Я в восторге!

— Вполне понятно. Ну а теперь, что мы будем делать с головой?

Пока Ангелина экспериментировала с фатой, кружевами и лентами, а Луиза примеряла свой шелковый наряд подружки невесты, Ана предавалась радостным мечтам о предстоящих месяцах. Ничто более не могло омрачить ее счастье. До свадьбы она должна была лишь принять участие в съемках на Мауи, да в заседании соучредителей фонда помощи жертвам СПИДа. У Арни был сценарий фильма, в котором он горел желанием видеть Ану; он клялся, что его готов ставить Сидни Поллок, но съемки начнутся лишь в конце лета,

так что она была совершенно свободна.

Совершенно свободна.

Именно так ощущала себя Ана сейчас, когда Эрик ушел с ее дороги, уехал из страны, и, как она надеялась, надолго. Она счастливо улыбалась, думая о том, как умненько она использовала Арни для того, чтобы отделаться от Эрика. Так что, прощай, Эрик, коли клюнул на приманку! От него не было ни слуху, ни духу с тех пор, как Арни сделал ему предложение от имени продюсера из Осло.

Слава Богу, Арни относился к людям, которые коллекционируют услуги, как некоторые мужчины журналы «Плейбой». Продюсер был его должником и вынужден был с чертыханиями согласиться дать маленькую роль в политической драме безвестному честолюбцу по имени Эрик Ганн.

Должно быть, Эрик решил, что о нем вспомнил сказочный волшебник, размышляла Ана, примеряя инкрустированную жемчугом диадему. Как она и предполагала, его маленькое жадное «я» было для него важнее, чем месть. Она молила Бога лишь о том, чтобы съемки длились не четыре месяца, как планировалось, а гораздо дольше, и чтобы его игра оказалась сносной. Может, тогда он оставит ее в покое. А, может, он осядет в Европе и увязнет в своих наркотиках настолько, что забудет о ней.

«Хоть бы он упал с Матерхорна, — думала Ана, ненавидящими глазами глядя в зеркало. — Или утонул в Ла-Манше... Или хватил избыточную дозу на Плас Пигаль».

— Ты опоздаешь на встречу с Арни, — прервала ее размышления Луиза. Она постучала по часам. — Может, мне позвонить в Поло Лаундж и отменить встречу?

— Черт побери! Ангелина, у меня голова идет кругом, я не знаю, что выбрать. Ты сама сообщи Арни, что я еду. Пусть он закажет для меня как обычно.

Через некоторое время Ана была в вестибюле отеля «Бeverли Хиллз». Волосы развевались у нее за спиной, когда она пробиралась через лабиринт столов и зеленых стульев к кабине, где Арни разговаривал по телефону.

Едва она села, Карлос положил ей розовую салфетку на колени и поставил перед ней салат.

— Минеральной воды, мисс Кейтс? — спросил он.

— Бокал вина, Карлос... Благодарю. — Ана взяла сценарий, который Арни пододвинул к ней, продолжая говорить по телефону. Она стала перелистывать его.

— Выглядит заманчиво. Ты уверен, что Сидни возьмется?

— Чернила еще не высохли, но договор уж есть, девочка, и ты можешь грести к этому берегу. — Арни вгрызлся в грудку жареного цыпленка. Проглотив кусок, он вытер рот салфеткой изящно и старательно, словно дебютант. — Это твоя роль, Ана. Если ты хочешь снова получить Оскара, за эту роль ты его получишь.

Ана пообещала, что прочитает сценарий в самолете.

— Мне надо завтра в полдень быть в Нью-Йорке, а затем я лечу в Род-Айленд, где проведу выходные с семьей Джона. Когда нужно дать ответ? И кто будет в главной мужской роли?

Арни наклонился вперед, его загорелое бритое лицо едва не коснулось букета живых цветов в центре стола.

— В главной мужской роли? Ты хочешь знать, кто будет в главной мужской роли? Хорошо, душа моя, вот тебе на десерт. Кев-вин-н Кос-стнер-р, — медленно произнес он.

Ана улыбнулась.

— Хорошо, хорошо, я же сказала, что прочитаю сценарий. И, может быть, проштудирую его сегодня вечером, еще до самолета.

Удовлетворенный Арни дождался, пока Ана доела салат, затем перешел к новой теме.

— А ты хочешь услышать неприятные вести?

— Я никогда не хочу слышать неприятные вести. — Ана вдруг увидела, как палец Арни нервно ткнулся в переносицу, и почувствовала спазм в желудке. — В чем дело, Арни?

— Твой приятель, которого я спровадил сниматься в картине Беттендорфа, провалился.

— Что ты имеешь в виду?

— Тут такая история. Беттендорф жаждет теперь выпороть меня по заднице. Твой приятель оказался в день съемок то ли пьяный, то ли очумевший от наркотиков. Беттендорф прогнал его несколько недель назад... Я слышал, что он не стоился даже для роли собаки в рекламном ролике о собачьей пище.

— Ты в курсе, где Эрик сейчас? — Ана нервно взяла бокал с вином, пытаясь скрыть охватившее ее отчаяние. Идиот несчастный! Не мог даже здесь справиться с собой, когда появился хоть какой-то просвет в его жалкой жизни. Оставалось уповать лишь на то, что он болтается в Европе и не может вернуться домой.

Однако последующие затем слова Арни вряд ли могли принести утешение Ане.

— Кто его знает? И кому он нужен? Душа моя, вычеркни этого парня из своего списка. Это пропавшая душа. — Он бросил смятую салфетку на тарелку. — Ну вот, легок на помине, я видел, как только что вошел Кевин. Надо поймать его и спросить, не найдется ли у него минутки для того, чтобы пожать тебе руку.

Весь этот вечер Ана ждала, что раздастся либо телефонный звонок, либо звонок в дверь и объявится Эрик.

«Не будь психом, — сказала она себе. — От него ни слуху, ни духу несколько недель. Может быть, его уже нет в живых».

Хотя не исключено, что у Эрика девять жизней. Она считала, что одну отняла у него несколько лет назад, но, как выяснилось, она ошиблась. Пена, как и сливки, поднимается вверх.

Ана отбросила сценарий и, сидя на диване, потянулась. Пройдя через кухню, она вышла на веранду и опустилась в плетеное кресло. Она взглянула на освещенные луной пальмы, которые отражались в водной глади бассейна, и ее глаза затуманились от давних, неприятных воспоминаний.

«Какая же я была идиотка, если оказалась на крючке у такого подонка, как Эрик, и его пособников. Шестнадцать лет... Наивная до предела... и одинокая, как пескарь среди щук. Эрику ничего не стоило убедить меня, что он позаботится обо мне. И он позаботился», — она закрыла лицо руками и тяжело вздохнула.

Когда она сошла с автобуса в Лас-Вегасе, она не знала, где ей представится

возможность в ближайшее время хотя бы поесть. Эрик подошел к ней в фойе отеля, куда она обратилась, чтобы попытаться устроиться официанткой. Он заказал ей обед с бифштексом и шампанским и приобщил к ночной жизни, которую она уже много лет пыталась забыть.

«С твоим лицом, твоей фигурой, Ана, — и подавать на столы? Ты звезда, малышка, в полном смысле этого слова». Она хотела верить ему, она нуждалась в этом. Ана оказалась в волшебной стране неоновых огней, где смех и музыка звучали под аккомпанемент звона игральных машин, где никто не спал и все только мечтали. И она безоглядно поверила Эрику.

Он устроил ее танцовщицей второго ряда в казино, где на девушках было больше макияжа, чем одежды, и где посетители были слишком пьяны, чтобы ее заметить. Она не сетовала. У нее теперь было больше денег, чем она могла о том мечтать, и она была женщиной Эрика. Она танцевала ночью, спала днем, а в промежутках встречалась с Эриком. Она могла брать наркотики в любом количестве в кондитерской Эрика, но прибегнула к ним лишь несколько раз. Что касается секса, то мальчишки из Тенесси были всего лишь невинными шалунами по сравнению с Эриком. Он научил ее заниматься любовью по-настоящему.

Единственное, что пугало Ану, был револьвер калибра 0,45, принадлежавший ранее отцу Эрика, который он держал под подушкой. Когда она видела револьвер, ее бросало в дрожь. Однако большей частью она была в приподнятом настроении, ей казалось, что у ее ног весь мир. Понадобились месяцы, чтобы она поняла, что барахтается в грязной канаве.

— У меня есть работа для тебя, малышка. Настоящая актерская работа. Ты ведь хочешь быть кинозвездой? — радостно сообщил ей Эрик.

Что-то сжалось у нее внутри, когда ей предложили раздеться и заниматься любовью с Эриком перед камерой, но все же она согласилась, чтобы порадовать Эрика. Пилюли помогали ей забыть о том, что она делала, помогали думать, что она и Эрик занимаются любовью в одиночестве. Он был ее партнером в первых трех порнофильмах. Но однажды он привел своего друга Курта для того, чтобы сыграть садомазохистскую сцену *menage a trois*[13]. И вот тогда она восстала. Раньше она полагала, что их фильмы никому не причиняли зла: одинокие парни в отелях брали их на прокат для своей тесной компании, вот и все. И Эрик говорил, что именно так начинали все кинозвезды.

Когда Ана отказалась участвовать в сцене с Куртом и его подружкой Гейлин, Эрик связал ее и стал бить. Раньше чем она успела это осознать, она перестала распоряжаться своей жизнью и телом. Эрик держал ее в заточении, угрожал отцовским револьвером — единственной вещью, которая дошла из Вьетнама. Револьвер был его навязчивой идеей. Даже его театральный псевдоним происходил от этого слова. Настоящую его фамилию Ана никогда не знала.

— Даже и не помышляй уйти от меня, малышка. Скорее я тебя увижу мертвой... Ты обязана мне. Я тебя подобрал, накормил и пристроил к делу... Ты никуда не уйдешь!

Однажды Ана решила, что с нее довольно. Жизнь не ограничивается сексом, пьянкой и марихуаной, приправленными кулаками Ганна. Ей удалось прихватить свои вещи, ключи от его машины и выскользнуть на волю, однако Эрик поймал ее и зверски избил.

Когда она пришла в себя, он спал, растянувшись на диване, рядом с ним ва-

лялся револьвер. Должно быть, он бил ее ногами — у нее страшно болели ребра и челюсть, а глаз вообще заплыл. Она собрала последние силы и все свое мужество, открыла дверь комнаты и кое-как добралась до машины. Когда она с трудом села в машину и повернула ключи зажигания, в ней вспыхнула надежда и она заплакала. Бросив взгляд в зеркало, она внезапно увидела Эрика, который подбегал к стоянке для автомашин. Он целился в нее из револьвера.

«Сука! Ты никуда не уйдешь!»

Ана включила зажигание, и в этот момент прогремел выстрел. Заднее стекло оказалось разбитым. С криком она нажала на акселератор. Мотор заглох. Слезы катились по ее лицу. Снова и снова пыталась она завести мотор, но все было напрасно. Ана взглянула в зеркало. Никого не видно. Где же он? И вдруг мотор заработал. Ана изо всех сил нажала на акселератор, машина рванулась вперед. Внезапно перед самым носом машины возник Эрик с искаженным от ярости лицом. Ана вскрикнула и отчаянно повернула руль, пытаясь объехать его... и тут услышала звук падающего тела.

Ана увидела Эрика лежащим в двадцати футах позади. Она приблизилась к нему. Его левая нога была подвернута, открытые глаза безжизненно смотрели в небо.

«Он мертв!.. Я убила его!.. Что мне делать?»

Ана осмотрелась. Улица была пустынной.

— Беги! — приказал ей внутренний голос. — Беги скорее!

И она вняла этому голосу.

«Это была непростительная глупость с моей стороны — бежать», — подумала она, спускаясь по ступенькам, ведущим к бассейну. Легкие порывы вечернего ветерка доносили запах роз и бутенвиллий.

Ана сбросила мокасины и опустила ноги в теплую воду. Все эти годы она думала, что он мертв. Ей следовало знать, что Эрик не оставит ее в покое так легко.

Да и вообще ей следовало знать множество вещей.

В аду должно быть специальное место для таких омерзительных типов, как Эрик, подумала она, смахивая капли воды с ног.

Чем скорее он объявится, тем лучше.

Не исключено, что он уже рядом.

Глава двадцать первая

Тери с удивлением смотрела в подсвеченное зеркало салона Пятой авеню.

«Жози ни за что не узнала бы меня, даже если бы споткнулась о мои ноги, — подумала она, наблюдая за тем, как Хейди, высокая модельерша с красными ногтями, втирает жидкость с запахом какао в ее волосы. — Когда я приду домой, Жози запомнит во всех деталях эту девяностодолларовую прическу. Надеюсь, она выяснит, как достигается такой эффект».

Черные как смоль волосы Тери были подстрижены до подбородка и разделены пробором. После этого несколько взмахов гребнем — и чудо-прическа была готова.

Но не только прическа так неузнаваемо изменила ее облик. Эффектный грим придал ей такую элегантность, что она могла соперничать с самой Моникой Д'Арси. Легкими мазками угольного карандаша гримерша очертила глаза Тери, нанесла коричневые тени в складках век и слегка подвела тонкие брови. Тери, как правило, имела дело с пудрой, румянами, и губной помадой, сейчас же Жаннин манипулировала целой дюжиной баночек, тюбиков и флаконов, чтобы нарисовать сногшибательный образ.

Наблюдать за этой процедурой было трудно, еще труднее научиться: смешать основу, добавить румян, теней, очертить линию губ — и все это с помощью умопомрачительного ассортимента щеточек. Последним мазком Жаннин нарисовала тщательно очерченные губы помадой рубинового цвета. После этого с помощью распыленного лака был закреплен этот новый для нее экзотический облик.

Озорно улыбнувшись, Тери подумала, что сказала бы бабушка Парелли, увидев то создание, которое смотрело на нее в зеркале.

«Она побежала бы за четками, — подумала Тери. — И стала бы молиться о спасении моей души». Она тут же забыла о бабушке Парелли, когда Хейди подняла ее челку и аэрозоль попала ей в глаза.

— Ах, прости, душа моя! Ты не очень пострадала? Если тени сошли, Жаннин подправит.

Стоит ли обращать внимание на такие мелочи? Ее окружали модельеры экстра-класса и сверхмодные фасоны, в этом элитном салоне бывали высокопоставленные лица и знаменитости. Уж не снится ли ей все это?

Ливония, Брайен, ее учеба, и все остальное словно куда-то унеслось.

Она слышала, как где-то позади Моника вела переговоры с оператором и продюсером из журнала «Энтертейнмент тунайт».

— Почти готова, — пробормотала Хейди, взбивая ей волосы с боков.

Тери изо всех сил пыталась сдержать нервную дрожь. Она была просто заморожена фантастическим мастерством Хейди и не обращала внимания на камеру, которая наезжала на нее, пока Хейди колдовала с ее прической.

А затем ее повели в студию для интервью с Лизой Гиббонз и Аной Кейтс. Тери хотелось надеяться, что когда поднесут ей ко рту микрофон, она по крайней мере не забудет своего имени.

— Садись здесь, Тери... Поверни голову налево и улыбайся... Нет, нет, в камеру не смотри. Смотри в зеркало. Вот правильно, умница.

Постановщик заказал еще несколько кадров крупным планом, но как только до Тери дошел смысл услышанного, Моника сказала:

— Пора заканчивать. Продюсер ушел пять минут назад. — Она загасила в пепельнице сигарету и согнала Тери со стула.

Все вокруг начали собираться и паковаться.

— Я знала, что вы будете естественны, — сказала Моника, беря пальто. — Оставайтесь такой же с Лизой Гиббонз, и все будет в лучшем виде.

Моника потащила ее за собой, и Тери не успела даже поблагодарить Жаннин и Хейди. Она втолкнула Тери в стоящий лимузин.

— Простите, мы опаздываем. Рождественские покупки вам придется сделать позже.

Тери постаралась скрыть свое разочарование. Позже времени у нее не будет.

— Мне нужно лететь в пять тридцать, — напомнила она Монике.

— Да, я знаю. Вы и Ана поедете в одном автомобиле. Она отправляется на выходные дни в Род-Айленд.

Тери положила руки на колени и погрузилась в молчание. Моника говорила ей о том, что нужно по прибытии в студию надеть оранжевое платье, еще что-то о световых и звуковых пробах, но Тери не могла сосредоточиться. Она чувствовала себя прекрасно, когда была занята делом, а сейчас, сидя в лимузине, она снова и снова возвращалась в мыслях к своим непростым проблемам.

Завтра она впервые встретится со своим сыном. Когда она бросила взгляд на витрину детских игрушек, ей страшно захотелось купить что-нибудь необыкновенное для Адама.

Но что подарить ребенку, которого ты бросила? Чтобы возместить нанесенный ущерб, не хватит и целого магазина. Эндрю с пятницы находился в Питтсбурге, где от ее имени встречался с адвокатом. Завтра она сама встретится с адвокатом, с работником патронажа, с педиатром, с администратором и — с Адамом.

Тери понимала, что должна добиться права опеки — любой ценой, даже ценой потери Брайена. Когда вчера она уезжала, Брайен сказал ей, что вряд ли способен воспитывать ребенка — сына другого мужчины.

— Я пока что даже не представляю, Тери, как быть мужем. Что уж тут говорить об отце? Отце девятилетнего ребенка... Я боюсь даже, что если взгляну на него, то буду думать о тебе и Эндрю Леонетти... Не очень вдохновляющий способ начинать совместную жизнь.

— Я понимаю тебя, Брайен. Но ты полюбишь его.

— Научиться языку знаков, этому, уверен, я смогу. Но научиться воспринимать сына другого человека...

— Итак, ты говоришь «нет»?

— Я говорю «может быть» и «не знаю». Сейчас я не могу сказать ничего другого.

Ей не оставалось ничего другого, кроме как довольствоваться этим. Она подумала, как прореагирует Моника, если узнает, что одна из идеальных пар оказалась в такой кошмарной ситуации.

«Боже мой, наверное, я должна рассказать ей обо всем».

Раньше ей не приходила в голову эта мысль. Но сейчас она подумала, что это может быть важно.

Может ли «Идеальная жена» возбудить иск против нее и Брайена за нарушение контракта?

Тери тяжело вздохнула и искоса взглянула на Монику, которая была погружена в чтение каких-то документов.

— Возможно, вам захочется убить меня, — начала Тери, — но я обязана вам это рассказать. Правда... я не знаю, с чего начать.

Моника ничего не сказала, но на ее лице выступили бисеринки пота.

— Вы просто начните, — коротко сказала она, закуривая сигарету.

Она сохранила невозмутимое выражение лица, когда Тери, запинаясь, поведала ей о причине своей поездки в Питтсбург.

— Я посчитала, что вы уже не успеете подобрать кого-то другого, — убитым голосом произнесла Тери.

«И в этом ты абсолютно права, — подумала Моника. Ее руки слегка дрожали, когда она засовывала бумаги в портфель. — Почему все так неудачно складывается? Еву преследует какой-то маньяк. Ана скрывает какие-то факты, связанные с тем типом, которого я встретила возле ее бассейна. А теперь и моя Золушка близка к тому, чтобы потерять своего принца».

Похоже, этот июньский номер был кем-то проклят. Он может развалиться в любой момент по самым идиотским причинам, не поддающимся контролю.

«Меня, должно быть, хватит апоплексического удара. И добьет меня сообщение Ричарда о том, что отстранение Шенны не утвердили».

— Тери, мне хочется верить в то, что между вами и Брайеном все образуется, — сказала она с подчеркнутым спокойствием. — Давайте продолжать действовать в соответствии с планом. Конечно, я не эксперт по бракам, но я вижу, как он смотрит на вас, он без ума от вас. Я намерена делать ставку на это.

«Я *вынуждена* делать на это ставку. У меня просто нет выбора».

Тери смотрела на улицу, запруженную транспортом. Ей хотелось бы верить так, как верила Моника. Но Моника не знала всей истории, она не знала, что в жизнь Тери снова вернулся Эндрю, и его чувства оказывают воздействие на нее.

Хорошо бы увидеть в магическом хрустальном шарике свое будущее, тропу, которую она должна выбрать, и узнать, кто будет ждать ее, когда в апреле она пойдет под венец.

Но такого шарика не было. У нее были лишь инстинкт да решимость стать наконец матерью Адама. Все остальное будет зависеть от обстоятельств.

Тери смотрела по монитору в Зеленой комнате, как Лиза Гиббонз интервьюировала Ану Кейтс, спрашивая о ее подготовке к бракосочетанию четвертого июля с сеньором Фарреллом.

Ана Кейтс оказалась ниже ростом, чем выглядела на экране, но была такой же красивой.

«Нужно не забыть взять у нее автограф для всех девочек на работе», — напомнила Тери себе, разглаживая юбку оранжевого костюма. Кажется, попросить Ану об этом будет не так трудно, как она ожидала. Ана Кейтс очень тепло заговорила с ней, когда Моника познакомила их, дала несколько советов, как расслабиться перед камерой, и настояла на том, чтобы Тери оставалась с ней в комнате для особо важных персон до начала полета.

«Кто бы мог подумать, что такая знаменитая кинозвезда окажется такой земной? — размышляла Тери, бросив взгляд на кожаную оливкового цвета сумку Аны, которую она оставила на диване. Из кармана сумки выглядывала

книга в твердом переплете. Тери не могла удержаться от соблазна.

Что читает кинозвезда в свободное время? Она вытянула книгу настолько, чтобы можно было прочесть название.

«Как достичь полового удовлетворения: как расслабляться и достигать экстаза, которого заслуживаете вы и ваш партнер», автор Эллис Б.Сервантес, доктор философии.

Ошеломленная, Тери лихорадочно пыталась запихнуть книгу обратно на место, однако в этот момент дверь открылась, и вошла Моника.

— Теперь ваша очередь, душа моя. Ни пуха ни пера!

«Наверное, она готовится к новой роли, — решила Тери, пока звукооператор прикреплял микрофон к лацкану ее жакета. — Не может быть, чтобы у такой женщины, как Ана Кейтс, были какие-то проблемы в постели. «Надо рассказать об этом Жози».

Затем Лиза Гиббонз улыбнулась ей, зажегся красный огонек, и она должна была думать лишь о том, чтобы не показаться круглой дурочкой миллионам зрителей.

Ана захлопнула книгу и положила ее заголовком вниз на колени, когда в Зеленую комнату вошла Моника.

— Кажется, все прошло удачно? — живо спросила Ана.

Моника кивнула и бросила свой портфель на стул. Она хотела посмотреть интервью Тери по монитору, но, расстроенная ее признаниями в лимузине, попыталась обрести уверенность в разговоре с Анной.

— Как ваш приятель Эрик, больше не появлялся в поле вашего зрения? — как бы мимоходом спросила она, наливая кофе из серебряного термоса.

На щеках Аны вспыхнул румянец.

— Вы знаете, Моника, нет. — Она слегка приглушила голос. — Я надеюсь, вы сохраните это в тайне, как обещали.

— Естественно, вы можете положиться на меня. Я умею хранить секреты. Гарантировано! Я интересуюсь делами своих идеальных невест лишь для того, чтобы быть уверенной, что все в порядке. Я вроде наседки, а вы мои маленькие цыплятки... Во всяком случае, до того времени, пока не закончатся съемки.

Ана рассмеялась и почувствовала себя вполне непринужденно. Она взяла предложенную Моникой чашечку кофе, стараясь не расплескать его на книгу и свое коричневое платье.

— Я не очень приучена к тому, чтобы меня опекала мать, — сказала Ана, — но если маме-наседке от этого легче, то вы можете быть спокойны. Должно быть, вы здорово напугали Эрика, я ничего не слыхала о нем с того дня.

— Хорошо. — «Слава тебе, Господи!» — подумала Моника. — А как Джон?

— Как ребенок, который ждет-не дождется Рождества. — Лицо Аны впервые оживилось после того, как она закончила интервью перед камерой. — Он обожает это время года. У него в семье множество традиций, и он пунктуально их соблюдает. Его родители планируют грандиозный праздник на Новый год. — Она вздохнула и сделала глоток кофе. — У них в гостях будет чуть ли не половина высшего света Род-Айленда. Я лично собираюсь побывать в уединенном приюте лыжников, где теплый сидр, холодные ночи и нет телефонов.

Моника засмеялась.

— Я вас понимаю. Но вам надо привыкать к целованию детей и обществу

матрон, если вы собираетесь переезжать на Пенсильванское авеню. — Моника перевернула лежащую у Аны на коленях книгу. — Что это? «Как пережить уик-энд среди богатых и снобов», — прочла она заголовок.

— Дело в том, что... — начала Ана, но в это время дверь открылась, и в комнату ворвалась Тери.

— Это было забавно! — возбужденно проговорила она. — Я, пожалуй, могла бы привыкнуть к этому.

Моника начала снимать с вешалки шубы и пальто.

— В это время суток на улицах сплошные транспортные пробки. Мне очень неловко выпроваживать дам, но если вы не хотите опоздать на самолет...

Тери потянулась за своей сумкой, и ее взгляд упал на книгу, которую держала Ана...

— Это... моя? — спросила она.

— Застали на месте преступления. — Прищурившись, Ана протянула тонкую книжку в зеленой обложке «Как изучить язык знаков». — Простите, я вечно сую нос в чужие дела. Я поинтересовалась, что вы читаете.

— Это ничего, мисс Кейтс. — Тери посмотрела ей прямо в глаза и еле заметно улыбнулась. — Мы квиты. Я тоже поинтересовалась вашей книжкой.

— «Нэйшнл Инквайерер». Кому мне адресовать ваш звонок?

— Дайте мне лучшего репортера.

— Минутку.

Эрик прижал телефонную трубку плечом, освободив руки для того, чтобы прикурить сигарету с марихуаной, которую он свернул.

— «Инквайерер», — ответил весьма бойкий женский голос.

— Я бы хотел узнать, сколько вы заплатите за скандальную информацию.

— Это зависит... Она подкреплена доказательствами?

— А что ж я, из головы ее взял? Конечно, подкреплена!

— Это касается какой-нибудь знаменитости?

— Еще какой! Сколько?!

— Фото? — Голос звучал так буднично, как если бы эта дама точила пилкой ногти.

— И видеопленки... Если цена подходящая.

— А это кто звонит и о чем речь?

— Мне надо знать, сколько вы заплатите, хотя бы приблизительно.

— А мне надо знать немного побольше того, что вы говорите. У меня есть более важные дела, мне некогда заниматься пустопорожними разговорами.

«Сука! Чтоб ты подохла!»

— Я еще позвоню вам. — Эрик повесил трубку.

«Ты никуда не уйдешь, мадам. Мы это сделаем попозже... На моих условиях. А сперва вернемся к плану А. Ана должна мне чертовски много, и пришла пора начинать расплачиваться со мной.

Он достал револьвер, взвел курок и дважды выстрелил в стену рядом с телефоном. После этого ему сразу стало легче.

Снизу послышался стук — это старый подагрический Кодиак стучал метлой в потолок.

— Пошел ты в задницу! — заорал Эрик и в ответ стукнул ботинком.

А чтобы окончательно утихомирить буяна, выстрелил в стену еще раз.

Спустя полчаса, выкурив две сигареты с марихуаной, Эрик откинулся на спинку стула и перечитал свой маленький шедевр:

*Твой скандальнейший секрет
Будет знать весь белый свет.
Хочешь имидж свой спасти —
Раскошешься и плати.
Напустила ты тумана
И запряталась хитро.
Только ты совсем не Ана,
И не Кейтс ты, а Монро.
Ну а что все это значит —
Ты должна понять сама:
По тебе, подружка, плачет
Уж давным-давно тюрьма.*

Прочитав эти строки, Эрик удовлетворенно захихикал, затем сложил листок и сунул его в забрызганный пивом красный конверт. На захламленном пустыми банками и окурками столе он надписал имя и адрес, представив себе, в каком шоке она окажется, когда узнает, что он снова намерен заняться ею.

«Она небось думает, что отделалась от меня и что я забыл взять у нее денег... Малышка, если ты думаешь, что я откажусь хотя бы от одного цента из тех пятисот тысяч баксов, то у тебя что-то не в порядке с твоей красивой маленькой головкой».

Он лизнул марку, а чтобы избавиться от неприятного вкуса на языке, запил тепловатым пивом.

Направляясь к двери, он споткнулся о кучу грязного белья, которую уже две недели не мог отнести в прачечную по причине отсутствия денег. Куча появилась тогда, когда он оставил эту вонючую работу в Швеции.

Ах, черт побери, надо выбраться из этой дыры! Он был создан для более приличной жизни, чем эта. Он мог бы быть богатым, мог бы принадлежать к сильным мира сего. Жаль, что столько вонючих гадов встретилось ему тогда на съемках в Осло. Работа поначалу показалась ему интересной. Это был его шанс показать, на что он способен. Да у него больше таланта в одном левом яйце, чем во всем теле Аны Кейтс! Но этот ассистент режиссера пасла его с самого первого дня. Ведь все баловались наркотиками, а донесла она только на него, сука мерзопакостная! И все полетело коту под хвост! Кому теперь что докажешь, усмехнулся Эрик, глядя на бутылку пива. Режиссер оказался бездарным идиотом. Сейчас он больше всего сожалел об упущенных деньгах. Ну да ладно, он получит их от Аны.

Надо сделать это побыстрее. У него едва хватило наличных на прокорм, особенно после того, как этот ублюдок Аинич отказал ему в кредите.

Он с силой пнул ногой кучу грязного белья. Вонючая прачечная. Вонючее место. Вонючая сука!.. Он помог ей дебютировать в кино, когда она была непроходимой провинциалкой и деревенщиной. И она так отплатила ему! Сбила его же машиной! Когда он вспоминал об этом, ему хотелось убить ее.

Что ж, пришел ее черед расплачиваться. А позже, когда правда станет известна, она сполна получит свое.

Интересно, что этот напыщенный Фаррелл скажет о своей голливудской

шлюхе, когда в бюллетене увидит препохабнейшие снимки? Или когда получит пленки и посмотрит, как она работает в постели.

Да, он позвонит опять репортеру, но только когда будет готов.

Спустя десять минут, Эрик опустил письмо в почтовый ящик и шумно хлопнул крышку.

«Читай его и рыдай, сука! Твой личный самолет скоро потерпит аварию».

— Эй, Руди, ты можешь разобрать этот адрес? Какой-то умник написал красными чернилами на красном конверте... И, конечно, не удосужился указать обратный адрес. — Отис Роргин бросил конверт своему напарнику.

— Я вижу, этот конверт уже побывал на праздничном столе, — заметил Руди. — Видишь, следы от пива? Надпись наполовину сошла.

— Выходит, кто-то от кого-то не получит рождественского поздравления... Печально.

— Ха, нам меньше работы. — Руди ухмыльнулся, кивком головы показал в сторону зала, где толпились многочисленные клиенты со связками пакетов и конвертов. Он бросил красный конверт в кучу таких же безадресных посланий, поставил табличку «закрито» и, насвистывая, направился в сторону туалета.

Глава двадцать вторая

Ни в школе, ни на курсах Тери ничего не слыхала об общении с помощью языка знаков и чувствовала себя психологически неподготовленной для встречи с сыном.

Вместе с Эндрю она неуверенным шагом приближалась к маленькому кирпичному домику в Аликвиппе, где жила чета, взявшая ее сына на воспитание. На заднем дворе поскрипывали от ветра крашенные качели.

Как он выглядит, ее родной сын?

Эндрю рассказал ей, что мальчику нравятся странички юмора. Он улыбочив, веснушчат, с удивительно развитым чувством юмора, физически крепок. Тери снова и снова возвращалась в мыслях к этим скудным, но столь дорогим для нее подробностям во время своих встреч с адвокатами и работниками патронажа. Педиатр заверил ее, что глухота Адама не сказалась на его развитии. Более того, Адам был очень сообразительным и легким в общении.

Тери хотелось знать, что явилось причиной глухоты и была ли надежда, что когда-нибудь Адам станет слышать. Может быть, во время беременности она что-то не так делала? Педиатр покачал головой.

— Глухота вашего сына необратима, — сказал он мягко. И в этом нет ни чьей вины. Я изучил все его медицинские данные, а также материалы, которые представили вы и мистер Леонетти. Мисс Метьюз, на каждую тысячу новорожденных приходится один младенец с пораженным слухом. Иногда это наследственное, когда оба родителя несут рецессивные гены. А иногда, как в вашем случае, это спорадическое явление, причина которого неизвестна.

Затем он стал убеждать ее, что шансы глухоты у других ее детей весьма незначительны.

Но в тот момент Тери не интересовали другие дети.

Сейчас, когда она наконец пришла сюда с письмом, написанным ею для Адама, она жила лишь надеждой на то, что нашла точные слова для выражения переживаемых ею чувств.

— Я не так нервничала даже когда встречалась с Аной Кейтс, — шепнула Тери, когда они стали подниматься по свежерасчищенным от снега ступенькам.

— Успокойся. Он отличный ребенок и очень похож на свою мать, — улыбнулся Эндрю. Он сжал ей руку. — Давай, звони.

— Входите, пожалуйста, — сказала, открыв дверь, миловидная женщина лет тридцати. — Я Натали Моровски, а вы, должно быть, Тери Метьюз.

На ее элегантных джинсах и просторном вязаном свитере виднелись следы золотой мишуры.

— Адам вас ждет, вы можете помочь ему повесить последние украшения на елку. Утром мы пекли имбирное печенье... Он уже, наверно, раз двадцать причесывался за последний час, — добавила она, вешая пальто и приглашая в обитую деревянными панелями комнату. — Он не был бы так возбужден, даже если бы ожидал самого Санта Клауса.

Тери едва слышала, что говорила женщина. Словно в трансе, она на ватных ногах подошла к мальчику, который неподвижно стоял возле празднично украшенной елки.

Серые с длинными ресницами глаза оценивающе смотрели на нее. Он был

абсолютно серьезен. Не было даже признака улыбки на его личике с острым подбородком и розовыми щечками, покрытыми россыпью веснушек. Прямые черные волосы падали в беспорядке на лоб — видимо, многократные причесывания не помогли. Его худощавую фигурку обтягивал черно-белый свитер. Джинсы на нем были новые, тапочки имели поношенный вид.

Сердце гулко колотилось в груди Тери, когда она подошла и стала перед ним на колени.

— Здравствуй, Адам... Я так рада видеть тебя, — знаками показала Тери. Она полночи репетировала эту фразу перед зеркалом в мотеле. Адам изобразил знаками что-то в ответ, чего Тери не в состоянии была понять. Пот выступил у нее на лбу, она посмотрела на Натали, ища у нее помощи, затем снова обратила взгляд на Адама.

«Что он говорит? И все без улыбки...»

— Он сказал: я тоже, — пояснила Натали чуть изменившимся голосом.

Эндрю вышел вперед и пожал Адаму руку.

— Тери и я хотим поехать с тобой в город на ленч. Ты согласен? — знаками показал он.

Было видно, что за то короткое время, что Эндрю стал навещать Адама, между ними установились вполне дружеские отношения. С широко открытыми глазами Адам с готовностью кивнул и быстро что-то показал знаками. Тери снова не успела понять. Она в отчаянии вопросительно посмотрела на Эндрю.

— Он хочет знать, вернемся ли мы назад, поможем ли ему закончить наряжать елку и будем ли потом есть имбирное печенье, — сказал Эндрю и ободряюще улыбнулся.

Ей очень не хотелось выглядеть такой растерянной. Она завидовала той легкости, с которой Эндрю общался с Адамом. Работа с детьми, страдающими аутизмом, требовала владения языком знаков. Опыт Эндрю был очевидным на фоне ее неумелых попыток.

— Мне бы хотелось, — показала она знаками, скрестив руки и прижав их к груди.

Она ждала, затаив дыхание. Правильно ли она это сделала? Понял ли он?

И тогда Адам наконец-то улыбнулся. А улыбнувшись, кивнул и направился к ней.

Он взял ее за руку и повел к двери. Ее пальцы дрогнули, когда он коснулся ее. Прошло более девяти лет с того времени, как она взяла его руку в свою, удивляясь ее малости и совершенству. Девять лет прошло с того времени, как она, взяв его руку, сказала ему одновременно здравствуй и прощай и отправила его в жизнь, которая, по ее мнению, должна была быть лучше той, какую она могла ему предложить.

А сейчас он снова был с ней, тянул ее за руку, к двери, в будущее, которое станет у них общим, и Тери чувствовала, как болит и обливается кровью ее сердце.

«Он как будто бы ждал меня, — подумала Тери несколько позже, наблюдая, с каким аппетитом он ест гамбургер с кетчупом в столовой. — Ждал, когда я созрею и буду готова проявить о нем заботу».

Но как много она упустила. Его первую улыбку, первые зубы... Первый школьный день. Рождественские вечера и дни рождения, каждодневные по-

целуи и объятия.

«Мы наворачстаем это, Адам, оба наворачстаем», — решила она, бросив быстрый, теплый взгляд на Эндрю, жевавшего гамбургер с грибами и сыром.

Эндрю вел себя с сыном удивительно спокойно и непринужденно. Они были очень похожи друг на друга и сейчас этого нельзя было не заметить: те же серые глаза, тот же умный взгляд, та же беглая улыбка, та же любовь к жизни, к людям.

«Интересно, находит ли Эндрю что-нибудь мое у Адама, — размышляла она, потягивая коку-колу. — У него такие же, как у меня, черные волосы, а что еще? Мои брови... А подбородок, я думаю, у него отцовский.

Слава Богу, что он не унаследовал нос бабушки Парелли».

Потом были игры в крикет, игровые автоматы, мороженое. Эндрю уже говорил ей, что Адам был не по годам развит, смышлен и спортивен. Тери убедилась в его правоте по всем пунктам. Она не вручила ему приготовленный подарок, пока они не вернулись домой и не закончили наряжать елку. Дети Моровски помогали им, но Натали отправила их на кухню, когда увидела, что Эндрю достает свертки из багажника машины.

Эндрю первый вручил свой подарок — пару великолепных спортивных туфель. Продавец заверил его, что туфли такой модели раскупаются в момент, и по выражению лица Адама он понял, что продавец не соврал.

Тери молча вручила ему коробку, перевязанную лентой с изображением Санта Клауса.

— Надеюсь, тебе это понравится, — знаками, с помощью Эндрю, сказала она.

Серые глаза Адама, такие же красивые и живые, как и у Эндрю, загорелись радостью, когда он увидел систему видеоигр, о которых ребенок Мари сказал, что это самый лучший рождественский подарок в мире.

Это стоило Тери немалых денег, которые она взяла из сбережений, предназначенных на покупку нового дома, но когда Адам бросился к ней и обнял, счастье переполнило ее.

Не нужен был переводчик, чтобы убедиться, насколько счастлив был и Адам.

«Это только начало, — уверенно пообещала она себе, прижимая Адама и чувствуя, как на глаза навертываются слезы. — Может, я не смогу все время покупать тебе разные диковинные игрушки и тапочки. Я не смогу вернуть тебе слух, но я подарю тебе любовь, это я обещаю тебе, Адам. Теперь ты сможешь рассчитывать на меня. Отныне я всегда буду заботиться о тебе».

Когда они возвращались в мотель, Эндрю сжал ее руку.

— Он производит потрясающее впечатление, не правда ли? — сказал он.

— Да! Ты заметил, что он дал нам самые большие имбирные печенья? Я думала, что разыдаюсь на месте.

— Я испытал колоссальное удовольствие, когда он вскрывал свертки. — Эндрю хмыкнул. — Он так увлекся видеоигрой, что чуть не забыл попрощаться.

— Он завоюет сердце Брайена, я уверена в этом, — почти шепотом произнесла Тери.

Эндрю ничего не ответил. Она взглянула на него. Он смотрел на дорогу перед собой.

— Я намерена пропустить следующий семестр занятий, — бодро сказала

она, пытаюсь сгладить неловкость. — И я буду работать по другому графику, чтобы как можно больше времени проводить с Адамом, когда он будет приходить ко мне.

— Работник патронажа считает, что окончательно вопрос об опеке будет рассматриваться в середине января, — проговорил Эндрю, подъезжая к стоянке. — Мы можем за обедом посмотреть документы.

Когда они шли к небольшому дворику, где находились их комнаты, Тери внезапно остановилась и посмотрела на Эндрю.

— Эндрю, я сказала, что хочу делить опеку с тобой.

Ты можешь в любое время навещать Адама и проводить с ним выходные дни...

Она замолчала, увидев выражение его глаз, когда он повернулся и схватил ее за плечи. Его пальцы крепко сжали ее, дыхание стало прерывистым.

— Это не то, о чем я мечтаю. Я приму это в качестве последнего прибежища. Но я хочу совершенно иного: я хочу *полной* опеки, *совместной* опеки вместе с тобой... Хочу, чтобы у нашего сына был один настоящий дом, а не два дома, чтобы его не кидали туда и обратно между Аризоной и Мичиганом.

Он встряхнул ее.

— Решайся, Тери. — Его глаза жгли и пронизывали ее насквозь. — Мы можем стать семьей — ты, я, наш сын. — На его лице появилась улыбка, которая призывала. — Ведь ты хочешь этого так же, как и я.

— Я не знаю, чего я хочу, — тихо сказала Тери, борясь с искушением обнять Эндрю и тем самым признать, что она согласна с ним и с логикой его рассуждений.

— Не убегай от меня сейчас, Тери. Я хочу стать частью твоей жизни. Да ведь так оно и есть. Не отводи мне роль наблюдателя.

Тери хотела вырваться из его рук, чтобы преодолеть искушение броситься в объятия. Ее разум был в разладе с душой, сердце разрывалось.

— Это несправедливо, Эндрю, — хрипло сказала она, стараясь не дать эмоциям захлестнуть разум. — Ведь Брайен...

— К черту Брайена! — Обычно доброжелательное лицо Эндрю стало вдруг жестким, каменным. — Разве ты не видишь, Тери? Он не может принять решения! Что же это за любовь? Вот у меня нет сомнений. Неужто это тебе ни о чем не говорит?

Эндрю внезапно резко наклонился и поцеловал ее. Его губы были теплыми и требовательными.

— Тери, я так долго тосковал по тебе. —

Его руки скользнули по ее шее, поцелуй становился мягче, нежнее, но и жарче.

— Тери, — сказал он тихо, — ведь это Рождество может быть самым счастливым в нашей жизни.

«И самым несчастливым для Брайена», — горестно подумала она. Неожиданно для себя она протянула ладонь и погладила покрасневший от холода подбородок Эндрю.

— Дай мне время, Эндрю, — сказала она тихо. Сегодня я встретила с сыном после девяти лет разлуки с ним. Я сейчас не могу принять решение, от которого зависит вся жизнь. Сейчас я не могу смотреть далее, чем в сегодня и завтра.

— Я не прошу тебя об этом. Я просто хочу, чтобы ты знала, что чувствую я. У меня не было другого шанса сказать тебе об этом.

В его голосе не было и намек на упрек: он звучал тепло и проникновенно. Эндрю не одобрял ее решения, принятого ею когда-то, хотя оно лишило его сына и обрекло Адама на пребывание в приютах. И тем не менее он смотрел на нее сейчас с пониманием и нежностью. Сможет ли это сбыться? Смогут ли они стать настоящей семьей после такого долгого старта?

Тери медленно отступила назад, пытаясь освободиться от его рук и нахлынувших на нее чувств.

— Давай завтра свозим Адама покататься на санках, — предложила она, направляясь к входу в мотель. — Здесь есть поблизости горки?

— Я найду, — пообещал Эндрю. Он шел следом за ней. — Я найду все, что ты хочешь.

В том-то и проблема, думала она, вставляя ключ в замок. Она *не знала*, чего хотела. Но одно она знала наверняка: кому-то, кто был ей небезразличен, она причинит боль, стоит ей лишь окончательно определиться.

Бар взорвался резкими возмущенными криками, когда «Детройтские львы» потеряли в суете мяч и он пересек линию их ворот. Времени для отыгрыша не оставалось.

— Задницы! Вонючие задницы! Как можно просрать такую игру? — крикнул Линк Армстронг в ухо Брайену.

— Ни в дугу не годятся, — сказал с отвращением Брайен и знаком попросил официантку принести еще пива.

Зеленые и золотые гирлянды украшали широкие экраны телевизоров, продуманно расставленные в обширном многолюдном баре. В честь праздника повсюду сверкали красные огоньки.

Настроение у Брайена было, однако, далеко не праздничным. Тери отсутствовала уже четыре дня, и он страшно скучал по ней. Он только и думал о том, что в этот вечер она с Эндрю Леонетти. Вчера, окрыленная встречей с Адамом, она звонила ему. Однако, когда Брайен спросил, вернется ли она к сочельнику, Тери уклончиво ответила, что это зависит от обстоятельств, и переменяла тему разговора. Ему очень хотелось спросить, часто ли она видится с Леонетти, но не стал этого делать, полагая, что ответ будет столь же уклончивым.

Брайен прищурил глаза.

— Я бы с удовольствием дал по мозгам этому хмырю!

— Кому? Фонтесу? — спросил Линк.

— Не ему, — пробормотал Брайен. — Кое-кому еще. Он не мог понять, почему ему сейчас так не по себе. Он был здесь завсегдатаем, регулярно приходил сюда поболеть вместе с этими парнями, любил эту шумную атмосферу, где мелькали бесчисленные пивные кружки и носились хорошенькие расторопные официантки в красных шортах и черных футболках. Было время, когда он приходил сюда не только для того, чтобы поболеть с друзьями, но и пофлиртовать с какой-нибудь женщиной в элегантных джинсах, сидящей на стуле перед стойкой бара.

Пока он не встретил Тери.

«Нет ничего плохого в том, что я нахожусь здесь» — сказал он себе. Тери даже советовала ему чем-то заняться, пока ее не будет. Но почему-то он сейчас

не испытывал обычной радости. Он даже не мог сосредоточиться на игре.

Сквозь сигаретный дым он увидел Жози и свою сестру, Тину, которые двинулись от двери в его направлении, отряхивая снег с ботинок. Он помахал им.

— Что-нибудь слышно от Тери? — поинтересовалась Жози, пододвигая стул.

— Да, конечно.

— Ну... и что же она говорит? — спросила Тина, глотнув пива из кружки Линка.

— Не очень много.

— Она сказала, когда приезжает домой? — продолжала допытываться Жози.

— Нет.

Жози и Тина обменялись взглядами.

Ты сегодня не очень разговорчив, — раздраженно заметила Тина.

— Тина, дай ему прийти в себя, — вмешался Стив, брат Линка. — Не добавит ли нам еще?

Опережая Тину, которая собиралась что-то сказать, Брайен встал и бросил десятидолларовую бумажку на стол.

— Довольно. Я иду домой.

Он не отреагировал на шум и просьбы посидеть еще немного. Оставив машину на стоянке, он отправился домой пешком, надеясь погасить раздражение, накопившееся в нем. Он шел по безлюдным слабоосвещенным улицам, и снег морозно хрустел у него под ногами.

Что он сказал Тери? Что он не может воспитать ребенка другого человека? Чужь собачья! Не ребенок его беспокоил, а другой человек. Этот сукин сын Леонетти. В этом было все дело.

Внезапно Брайен нагнулся, зачерпнул пригоршню снега, и изо всех сил смял его, сделав крепкий снежок. Он швырнул его в стену кирпичного дома.

— Леонетти, тебя вышибли из игры!

Если бы это было так легко.

Когда Брайену было восемь лет, ему страшно хотелось стать питчером в команде «Лига маленьких». Он хотел этого больше всего на свете. Однако тренер держал его на третьей позиции и заставлял отрабатывать джиты.

Он отрабатывал броски до боли в руках и перед каждой игрой просил тренера поставить его на подачу.

— Лучше, — говорил ему тренер, — продолжай работать, тогда посмотрим. — Но когда основной питчер заболел, тренер поставил Генри Сагански.

Возмущенный, рассерженный и обескураженный, Брайен в тот же день ушел из команды. Отец не пытался его отговорить. Гленн Михаэльсон лишь сказал, что дезертиры никогда не выигрывают, однако Брайен не хотел ничего слушать. Гордость не позволила ему оставаться, после того как его так явно обошли.

Через два дня Генри Сагански сломал ногу.

— Я бы мог поставить тебя, — с сожалением сказал тренер, когда столкнулся с ним в кафе «Мороженое». — Но мне пришлось поставить Поли Карригана, хотя у него броски чуть ли не вдвое слабее твоих, сынок.

Отец ничего не сказал, но Брайен знал, о чем он думает: дезертиры не выигрывают.

Он сбежал, не дав ни себе, ни тренеру ни единого шанса. Он думал об этом упущенном шансе весь сезон — шанс, который он упустил из-за собственной гордости.

«Может быть, я и сейчас делаю то же самое, — размышлял Брайен. — Позволю своей гордости стать на пути к тому, чего я хочу. Хочу ли и в самом деле порвать с Тери?»

Дезертиры никогда не выигрывают. И Леонетти знает это. Он не отступает. А какого черта делаю я?

Брайен стал с ожесточением лепить снежки и с методичностью автомата швырять их в стену. Затем он внезапно издал вопль и бегом направился к дому. Он принял решение.

Завтра перед работой он заскочит в библиотеку и поищет книги о том, как научиться общаться с помощью знаков. А после обеда он полезет на чердак, там должна где-то быть модель старинной железной дороги. И если мать еще не выбросила, можно разыскать его коллекцию юмористических книг. Адаму это должно понравиться.

«Игра в мяч входит в новое русло, Леонетти, — подумал он, испытывая прилив решительности. — И на сей раз я не покину поле, пока не будет заброшен последний гол».

Глава двадцать третья

— Тебе это должно понравиться, — сказал Нико Еве. Они сидели за столиком маленького кафе в Болонье. Нико наблюдал за выражением лица Евы, которая вгрызлась в булочку с изюмом — гибрид между пирожным и изделием из сладкого дрожжевого теста.

— Божественно! — похвалила Ева.

Нико с удовлетворением глотнул из бокала вина.

— Вот видишь? Мы, итальянцы, понимаем толк в еде.

У Евы было ощущение, что она парит, она чувствовала себя такой же легкой и воздушной, как и эта пахнущая апельсином булочка с шоколадно-кремовой начинкой. Эти дни в Италии были для нее отдохновением от мыслей и забот, которые одолевали ее в Нью-Йорке.

Она чувствовала себя в безопасности. Билли Шиэрз не посмеет ее здесь тронуть. Как и в просторном желто-коричневом доме на окраине города, два этажа которого занимала доброжелательная и шумная семья Нико. Или в очаровательном кафе на Виа Риццоли, где Нико сидел рядом с ней, а Тони Свенсон бдительно поглядывал на входную дверь, сидя через несколько столиков от них.

Интерпол не обнаружил никого подозрительного, кто следовал бы за ней в Италию. А Максин Гудмен оставила перед самым ее отъездом послание, в котором заверила, что на съемки в Мауи будет выделен дополнительный телохранитель.

Мауи...

Внезапно Ева испытала озноб. Сквозняк? Или что-то другое? А, может быть, предчувствие?

«Это смешно, — сказала она себе и глотнула кофе. — Просто я устала. Мама Чезароне предупреждала меня, что я буду плохо себя чувствовать в течение первых трех месяцев. Это вполне естественно».

Она заставила себя подумать о более отдаленном будущем, после съемок для «Идеальной невесты», после контракта с Эсте Лаудер в феврале, о свадьбе в мае и о рождении ребенка в конце лета.

«Думай об этих приятных вещах, а не о Билли Шиэрзе», — одернула она себя.

Ева потрогала пальцем миниатюрный золотистый амулет на золотой цепочке, висевший на шее.

— Это предохранит тебя от злого глаза и защитит, *bambina*. Носи его каждый день, — сказал ей Нико, когда они летели самолетом из Рима в Болонью.

Пока все идет хорошо.

Но откуда у нее это предчувствие, что должно случиться нечто ужасное?

— *Bambina*, — прервал размышления Евы Нико, положив свою руку на ее. — Мне кажется, мы слишком много ходили сегодня. По-моему, тебе необходимо отдохнуть.

Он расплатился по счету и накинул на плечи Евы мохеровую накидку, прежде чем они вышли на улицу в прохладную звездную ночь. Ева была такой красивой в эти дни, хотя одежда ее была сдержанной и неброской. Она ходила с конским хвостом, и лицо ее казалось еще более миловидным без избыточного грима. В естественном виде она была так очаровательна и красива,

как та терракотовая Мадонна, которой они восхищались, прогуливаясь по Пьяцца Неттуно.

«Я был последним идиотом, связавшись с ее сестрой», — подумал он, когда Ева прильнула к нему в такси.

Водитель вез их по средневековым улочкам, и сидевший на переднем сиденье Том Свенсон с интересом смотрел в окно.

Нико был зол на Марго за то, что она продолжала звонить ему. Казалось бы, у нее должно хватить ума, чтобы понять: это был флирт, баловство. Но ему следовало иметь в виду, что американские женщины отличаются от европейских и этого попросту не способны понять.

Ее телефонные звонки все больше раздражали его. Ему нечего было добавить к тому, что он сказал ей сразу. Сейчас, когда все это было позади, она, похоже, забыла, что он не давал ей никаких обещаний.

Это было приятное времяпровождение и флирт. И, конечно же, он сделал большую ошибку, выбрав для этого сестру Евы.

Когда-то отец сказал семнадцатилетнему Нико:

— Если любовница и жена знают имена друг друга тебе рано или поздно придется защищаться в суде.

Глупо. Эта идиотская связь с Марго Хямеляйнен может все разрушить. Как он мог свалить такого дурака?

Ну ладно, это все позади. Finito[14]. Нико убрал прядь волос с лица Евы и поцеловал ее в щеку.

— Нет причин для беспокойства, — шепотом успокоил он себя. — Я позабочусь о тебе, моя драгоценная *bambina*. Отдыхай спокойно.

Это очень просто, с торжеством думал Билли Шиэрз, когда его пальцы нажимали системы безопасности в квартире Евы в Нью-Йорке. Это *безумно* просто.

Черная кошка не мигая смотрела на него, когда он включил свет и окинул взглядом комнату. Экономка Клара ушла несколько часов назад и придет лишь завтра. Он наизусть знал ее график.

Он много чего знал.

Ценой огромных усилий пытаясь справиться с состоянием эйфории, он стал бродить по квартире. Его внимание привлекла статуэтка балерины.

— Хорошенькая девочка, — промурлыкал он, поглаживая хрустальные бедра. Внезапно он отдернул пальцы. — Но холодная и твердая... А Ева мягкая и теплая. — Обсидиановые глаза его сузились, когда он смахнул статуэтку с подставки, и тысяча хрустальных брызг покрыли мраморный пол.

— Не такая... как... моя... Ева...

Он двинулся через фойе. Его собственное дыхание отдавалось в его ушах, когда через вестибюль он подкрадывался к ее спальне.

Он дотронулся до ее одежды, он обнюхал ее, зарыл лицо в подушку.

И потерял представление о времени, когда стал извиваться возле розовато-белого пледа на огромной пуховой кровати с атласным покрывалом. Мягкий... Очень мягкий... Как она...

От любви к ней руки у него стали липкими. Пальцами он очертил в зеркале силуэт ее фигуры, как он представлял его себе.

«Скоро, Ева. Очень, очень скоро...»

Он стал осматривать ее тумбочку, ощупывая каждый флакон и баночку. За-

тем он увидел фотографию в серебряной рамке: это был тот человек, который отдал ему ключи от машины.

Она называла его Нико. «Ева, как ты могла? Привести другого человека в нашу с тобой кровать? За это ты будешь наказана».

Он изорвал простыни на узкие полоски, швырнул фотографию Нико, и она, ударившись о зеркало, упала на пол. Кошка мяукнула в знак протеста. Он погнался за ней, но она скрылась в одной из темных комнат, и ему надоело ее искать.

Он включил автоответчик.

Пустая болтовня. Деловые переговоры. Рождественские звонки.

Звонки недельной давности, скучные и бессмысленные.

Он готов был уже уйти, когда бодрый женский голос задержал его.

Вот это новость!

— Ева! Максин Гудмен. Ничего нового о Билли Шиэрзе. Если ничего не прояснится к Рождеству, я дополнительно направлю телохранителя на Мауи. Из предосторожности. Дин Эверетт работает в нашем агентстве в Лос-Анджелесе. Высочайшая квалификация! Раньше был агентом секретной службы. Вы будете в надежных руках. Я буду держать связь...

Автоответчик щелкнул и отключился.

Дин Эверетт... Дин Эверетт.

Билли Шиэрз вышел из дома так же легко, как и вошел. Они думают, что очень умные. Но он умнее их всех.

Он все ближе подбирался к Еве. Он без труда их перехитрил. Он знал о каждом ее предстоящем деловом свидании, помеченном в журнале, каждый номер телефона, каждый адрес, знал, в чем она была одета во время ленча, что ела на обед, что у нее находилось в отделении для перчаток.

Это так легко. Это все так легко.

Взять ключи... Припарковать машину... Потрогать все предметы, которые она оставила.

И — чик-чик! — отрезать.

Через час он сидел дома, глядя в собственную банковскую книжку и изучая лицевой счет. Три тысячи двести сорок пять долларов, с ликованием прочитал он. Привет!

Глава двадцать четвертая

— Я не шучу, Джонни... Не в этом доме... Внизу спят твои родители...
Поленья в камине спальни для гостей горели ярким пламенем, как и Джон, а вот Ана чувствовала себя застывшей, словно сосулька, которая свешивалась с крыши за окном.

Сенатор Джон Фаррелл, на смуглое, ладное тело которого был наброшен лишь пестрый парчовый халат, озадаченно посмотрел на нее.

— Ты, должно быть, шутишь...

— Я не шучу, — лежа в кровати с пологом, она вобрала голову в плечи и со вздохом натянула на себя розовое покрывало. Джон смотрел на нее, словно его облили ушатом холодной воды. Но она ничего не могла поделать с собой. Его родители источали такие флюиды, что сама Мадонна может стать фригидной.

Но Джон, видимо, об этом забыл.

— Ана, не будь смешной. Нас разделяют пять комнат.

«Это, действительно, смешно, — думала Ана. Она попробовала вспомнить разумный совет, вычитанный в книге. — Отдай приказ расслабиться... Сосредоточься на наслаждении... Сосредоточься на ощущении... отдайся ощущению».

Но это не срабатывало.

«Доктор Северанс, вы шарлатан!»

Она была напряжена, словно барабан, и напрочь лишена желаний.

Может быть, на нее таким образом действовал этот дом.

Старинная роскошная мебель из красного дерева, богатая кожаная обивка. Дорогие восточные ковры, бесценные картины в позолоченных рамах, элегантные гобелены и живые цветы в горшках из позолоченного серебра — это то, что принадлежало их семье на протяжении нескольких поколений.

Все казалось темным, тяжелым, пришедшим из прошлого. Ана чувствовала себя чем-то вроде посетителя музея Смитсона, а не частью теплого и уютного дома. Мать Джона сказала:

— Мы рады принять вас, дорогая. Устраивайтесь поудобнее.

Однако в ее глазах читалось: «Ты не вписываешься здесь. Ты никогда сюда не вступишь».

Джон соскочил с кровати, полы его халата разошлись. Ана заметила, что эрекция у него еще не пропала. Ее грызло чувство вины. Слабый внутренний голос убеждал ее, что секс приносит радость.

Это было просто и естественно. Об этом пишут все книги, это показывается в кинофильмах. Об этом говорит доктор Северанс. Любящий Джон может принести эту радость.

Но Ана чувствовала себя опустошенной, холодной и несчастной. И его недоумевающий взгляд не помогал. На глаза ее набежали слезы.

— Мне кажется, что они узнают, — шепотом сказала она.

— Ана, я в своей комнате... И они, должно быть, уже несколько часов храпят у себя, — он сел рядом с ней, взял ее руку и стал гладить. — Ты такая напряженная все эти дни... Что тебя беспокоит? Я хочу знать правду.

— Твои родители не любят меня, — последовал незамедлительный ответ.

— Они не любят никого, кто родился западнее Гудзона, — засмеялся

Джон. — Дело не в личностях, Ана, поверь мне.

Ее ладонь тихонько вздрагивала, когда пальцы Джона скользили по ней.

— Я ненавижу эти рауты, — призналась Ана. Она закусил губу и открыто встретила его взгляд. — Все аристократы смотрят на меня так, словно ждут, когда я налью кетчуп в свой коктейль или опрокину суп.

Джон покачал головой и придвинулся к ней поближе.

— Ты кинозвезда, любовь моя. Они будут у твоих ног. Ты можешь намазать икрой мороженое, а они подумают, что это новомодное блюдо в Калифорнии. — Он поцеловал ее в ухо и шепнул: — Откуда у тебя эта тревога? Я никогда не думал, что тебя так беспокоит, что о тебе подумают другие.

— Но это те люди, от которых зависит поддержка твоей кандидатуры. И мне не хотелось бы как-то осложнять твое положение.

— Ты бы не смогла, если бы даже хотела, — он прижался к ней. — Брось думать о моих родителях, раутах, выборах... Даже о свадьбе... Думай только о тебе и обо мне... За окном кружится снег, в камине пылает огонь, и с тобой рядом возбужденный тобой парень, который считал тебя самой пикантной, самой желанной, самой славной миссис Фаррелл, когда-либо существовавшей в этом роду.

Он поцеловал ее теплыми, жаждущими губами. Его пальцы сдвинули бретельки с плеч, ром последовал за пальцами...

Ана откинулась на атласные подушки, пытаясь расслабиться душой и телом. Джон ласкал, целовал и покусывал ее. Поначалу его движения были медленными, затем все быстрее. Он хотел подвести ее к тому уровню возбуждения, которое испытывал сам. Однако уровни не сближались.

«Ты актриса... Так играй же», — в отчаянии скомандовала себе Ана.

И она сыграла. Сыграла все. Страсть. Возбуждение.

И оргазм.

Джон пришел в себя и издал продолжительный прерывистый вздох, затем удовлетворенно застонал. Он стал игриво покрывать поцелуями ее губы, живот, бедра.

— Кажется, я слышу шаги? — театральным шепотом произнес он, приподнимаясь для того, чтобы заглянуть в ее чуть вспотевшее лицо. — Может, это мама идет?

Ана неожиданно рассмеялась и бросила в него подушкой.

— Вредина! Она поставит тебя в угол!

— Это не беда, если в одном углу со мной окажешься ты.

— Я всегда буду в одном углу с тобой, Джонни, — тихо сказала Ана, и ее взгляд стал серьезным, а руки обвились вокруг его шеи. Она притянула его к себе и поцеловала. — Я так люблю тебя.' Не бросай меня никогда.

— Никогда!

Ана уснула, свернувшись под периной из гусиного пуха в объятиях Джона. Его руки были крепкими, сильными, надежными, как и все в этом родовом доме. Засыпая, убаюкиваемая его ровным дыханием, она сказала себе, что на Мауи дела должны поправиться.

Океанские бризы, шелест пальм, тропические закаты — все это хорошо влияет на секс, в этом сходятся все эксперты.

Значит, так и должно быть, решила про себя Ана, глядя на догорающие поленья в камине и прислушиваясь к ночным шорохам.

Ей надо лишь научиться расслабляться. Дальше будет легче, успокоила она себя. Это как при прыжках: когда ты стоишь уже на краю, надо прыгать вниз.

Заметка в газете на кухонном столе, казалось, издевалась над ним, и одновременно вызывала ядовитую усмешку.

«Ага, значит так, — он нервно шагал по комнате, то и дело возвращаясь к заметке. — Значит, эта сука проводит праздники в Род-Айленде у своей будущей родни со своим пацаном-сенатором. Дерьмо собачье и сволочи!»

Эрик разорвал газету и выбросил в окно в ночную тьму. Не переставая ругаться, он еще некоторое время походил по комнате.

«Глупый ход, Кенди. У тебя был шанс, но ты отмахнулась от него, Санта Клаус приготовит, пусть и с запозданием, большой сюрприз для тебя».

Он схватил револьвер и с вожделием уставился на него. Его душил гнев. Сочельник пришел и ушел, а с ним истек срок, который он назначил Ане.

«Она думает, что у меня не хватит пороху, чтобы это сделать».

Он перекинул револьвер из руки в руку.

«Так вот, ты совершила самую большую ошибку в своей жизни, дорогуша. Я вроде как кладу уголь в рождественский чулок. А ведь нельзя играть с углем и не запачкаться».

Настало время запачкаться. По-настоящему запачкаться.

Он повернулся, сделал выпад вперед и прицелился револьвером в собственное отражение в тусклом зеркале.

«С Рождеством тебя, стерва!»

Сочельник. Ей остается пробыть здесь всего одну ночь. Уже завтра она выберется из этого мрачного мавзолея, напонила себе Ана, сделав глоток шампанского. Она вылетит, словно выпущенная из клетки птица, и вместе с Джоном отправится на Мауи.

Прием был пышный, претенциозный, как воскресный чай в школе. Ана переходила из комнаты в комнату, чувствуя себя гостьей. Горели канделябры и камин, и ей было жарко в темно-вишневом бархатном платье с длинными рукавами.

Платье, по мнению Аны, было ужасным, декольте было слишком большим. Ана выглядела в нем претенциозно. Но Джон убедил ее, что все прекрасно. И в то же время, двигаясь среди ста двадцати гостей, она чувствовала себя так, словно надела на себя что-то лишнее. И серьги оказались совершенно неуместными. Джон уверял, что инкрустированные бриллиантами подвески, которые она купила после присуждения ей Оскара, будут отлично гармонировать с платьем, и уговорил надеть их.

Сама Хоуп Фаррелл и все ее подруги были одеты довольно скромно, в ушах были незатейливые серьги, макияж их отличался такой же сдержанностью, как и улыбки.

«Они, наверное, думают, что я разоделась, словно проститутка», — с тоской подумала Ана.

Время до полуночи тянулось мучительно. Джон и отец с губернатором, несколькими конгрессменами и двумя крупнейшими спонсорами избирательной кампании удалились в библиотеку выпить коньяка.

Ана чувствовала себя как капитан болельщиков на похоронах. Но ведь это

был сочельник. Должно быть весело, празднично, шумно, должна греметь музыка, в воздух лететь шляпы. Но здесь шум создавался лишь звоном серебряных кофейных ложечек о расписные чашки.

Она разрыдается, если не глотнет свежего воздуха. Еще пять минут с этими чопорными дамами, потягивающими кофе из фарфоровых чашечек, и разговаривающими о предстоящих весенних балах, — и она сойдет с ума.

Ана набросила черный вельветовый плащ с капюшоном и выскользнула в темноту ночи. Она жадно вдохнула свежий воздух и пошла по освещенной светильниками аллее, ведущей к океану.

Накануне они вдвоем прогуливались по этой аллее, и Джон показывал ей оригинальные «коттеджи», построенные семействами Асторов, Вандербильтов, Бельмонтов и других богатых промышленников в конце девятнадцатого века. Ана удивленно качала головой. Даже зная об излишествах Голливуда, она была поражена. «Коттеджи» с видом на океан правильнее было бы назвать дворцами, сделанными по образцу европейских замков. Ана попыталась представить себе, как Джон рос и воспитывался здесь, среди невероятной роскоши и богатства. Она выросла в Бак Холлоу, где показателем богатства было крыльцо с колоннами в центральной части главной улицы, а единственным напоминанием ее родных мест, был пьянящий запах сосен.

Бак Холлоу. Она не была там много лет. После присуждения ей Оскара она получила письмо от одного из своих поклонников — Бадди Крокера. Он женат на Ширлин, у них четверо детей. Все мальчики.

Написал и отец, прося вспомоществования. Ана поручила адвокатам перевести деньги в банк Бак Холлоу. Были погашены его долги зеленщику и докторам. И ничего больше. Ана дала понять отцу, что не даст и одного цента на его пьянство.

Выбросив мысли об отце и Бак Холлоу, она продолжала идти, наслаждаясь ароматом сосен, вдыхая слабый запах дыма от каминов и морского воздуха. За горизонтом под звездным полночным небом расстилался Атлантический океан.

«Когда-нибудь мои дети отправятся из этой бухты в морское путешествие, — подумала Ана. — Они будут играть в загородном клубе в теннис, плавать на яхте и общаться с внуками этих напыщенных янки.

Бедные дети...

Но будь я проклята, если позволю им стать такими же. Их отец может вплести в свой герб изображение Золотого тельца, но они должны будут знать, что их мать из семьи, которая видела нужду... Они будут дети двух побережий, — утешила себя Ана, — одновременно калифорнийскими мечтателями и вашингтонскими прагматиками.

Мы с Джоном постараемся привить им чувство юмора, здравый смысл, чтобы они прочно стояли на земле. Они не должны быть изнеженными и самодовольными».

Откуда-то, из-за освещенных луной скал послышались удары церковного колокола. Одиннадцать часов. Джон будет искать ее.

Она вернулась в дом и уже вешала плащ, когда появился Уенделл — похожий на пугало дворецкий с лысиной во всю голову и прошитыми синими венами руками.

— О, мисс Кейтс, простите, пожалуйста. Я очень сожалею...

— Что случилось, Уенделл? — с улыбкой спросила Ана. Бедняга выглядел страшно огорченным и расстроенным.

— Пришел пакет для вас и сенатора Джона перед началом вечера. За этими последними приготовлениями я совершенно забыл. Он в библиотеке. Принести его вам?

— Не беспокойтесь. Я найду его, Уенделл.

Сидящая на камине персидская кошка мяукнула, когда Ана вошла в библиотеку, однако погладить себя не позволила и грациозно удалилась.

— Как хочешь, — пробормотала Ана.

Мужчины, по-видимому, уже присоединились к находящимся в южной гостиной женщинам, однако аромат дыма от сигар остался. Ана, к своему вящему удовольствию, оказалась одна в просторной, обшитой панелями из красного дерева комнате с удобными кожаными диванами, под стать им стульями и застекленными опять-таки из красного дерева — шкапами, заполненными книгами в кожаных переплетах.

Она сразу увидела пакет, который лежал рядом с бронзовой лампой на столе в духе Людовика XV. Может быть, Луиза прислала рождественский подарок? Странно, что на пакете не было обратного адреса.

Ана разрезала обертку старинным золотым ножом для конвертов, надорвала коричневый пергамент и достала видеокассету. При этом на пол упали черно-белые фотографии.

О, Боже!

На роскошном ковре рассыпались фото, при виде которых у нее оборвалось сердце. Это были изображения ее... нет, шестнадцатилетней Кенди Монро, резвящейся голой с мужчинами, которых она давно вычеркнула из своей памяти.

Она подавила в себе крик, опустила на колени и стала сгребать рассыпавшиеся фотографии. Сердце готово было выскочить из ее груди. Ее охватил ужас.

Видеокассета. Она знала, что там могло быть — один из самых грязных маленьких шедевров Эрика. Выродок! Скотина!

Дрожа от ярости, она смотрела на желтый листок, приклеенный к одному из фото, и на саму фотографию. Она лежала голая в позе, которую трудно назвать целомудренной, между Эриком и мужчиной, имя и образ которого у нее выветрились из памяти, и в намерениях этих мужчин трудно было усомниться.

Сволочь, выродок!

Она прочитала записку, подавляя подступавшую тошноту.

«Как понравилось это новогоднее блюдо? Надеюсь, ты узнал кинозвезду. Ты вполне можешь верить своим глазам. А вот двери Белого дома для тебя закроются, когда избиратели узнают, с какой шлюхой ты связался. С недельку полюбуйся на нее один, а потом бюллетень даст возможность полюбоваться всем.

Увы, эта девица совсем не та, за которую себя выдает. Она обвела вокруг пальца полмира, меня, а теперь и тебя».

Внизу печатными буквами была сделана приписка:

«Ана, крошка, ты не захотела использовать свой последний шанс. Я ждал тебя два часа на указанном месте, но ты не пришла. Настал час правды и рас-

платы. В бюллетене мне щедро заплатят за этот товар. Наслаждайся приятной жизнью и целуй своего очаровательного принца».

Все еще стоя на коленях, Ана невидящими глазами смотрела на трудночитаемые каракули. Назначенное место? Какое место? О чем он говорит? Она лихорадочно собрала фотографии, видеокассету, записку и засунула все это снова в коробку.

Должно быть, Эрик пытался связаться с ней после того, как его выгнали со съемок. Это могло быть единственным объяснением.

Но она не получала от него никаких писем. Не было ни телефонных звонков, ни посланий в бутылке, ни неожиданных визитов. Что-то не сработало, а сейчас, похоже, было слишком поздно.

Она захлопнула коробку. А если бы Уенделл вручил все это Джону? У нее похолодели ноги, она бессильно оперлась о стол. Джон на следующей неделе все узнает — вместе со всеми. Все рушилось, и она чувствовала, что бессильна что-либо изменить.

Или все же можно?

Она вздрогнула от голоса Джона, который появился в дверях.

— Дорогая, где ты прячешься?

Ана едва не уронила коробку.

В черном смокинге он чувствовал себя так же легко и непринужденно, как и накануне в джинсах, когда они бродили возле скал.

— Угадай, кто хочет с тобой сфотографироваться?

— К-кто? — выдавила из себя Ана, — прокашлявшись. — Кто? — повторила она.

— Губернатор с женой! Они ожидают у рождественской елки, там же фотограф. А Уильям Тоубс третий просит твой автограф для своей матери... Ана, что с тобой? Такое впечатление, что ты собираешься упасть в обморок...

— Да, дела всякие... Это пришло от Арни... Вообрази, не дают ни минуты покоя, даже в сочельник. — Ана что-то лепетала, чувствуя себя круглой идиоткой.

«Глубже дыши, Ана... Медленнее. Сосредоточься и сыграй нужную роль».

Ана сделала гримасу, как если бы ее мучила головная боль, и прижала пальцы к вискам.

— Должно быть, я выпила перед обедом слишком много шампанского, — сказала она с усмешкой. — Я вышла прогуляться, чтобы освежить голову, но... если я не приму аспирина, я могу умереть... Дорогой, я сейчас вернусь.

Джон положил руку ей на плечо, в его серо-голубых глазах отразилась тревога.

— Я принесу тебе лекарство.

— Не беспокойся... Тебе надо общаться со всеми. — Она обворожительно улыбнулась ему и направилась к двери.

— погоди, ты, кажется, уронила это. — Джон наклонился, чтобы поднять глянцевую бумажку, на которую она наступила.

Ана похолодела. Должно быть, она не заметила одну из фотографий.

Джон выпрямился и взглянул на то, что поднял.

— Рождественская открытка, — сказал он и небрежно бросил ее на стол. — Наверное, упала с камина.

— Джон, — еле слышно произнесла Ана. — Если я не приму сейчас аспири-

на, тебе придется поднимать меня с пола.

— Так поспеши, родная... Ведь скоро полночь.

— Через несколько секунд... Обещаю.

Вверху, в туалетной комнате для гостей, ее вырвало. Она прополоскала рот и бессильно легла на холодный пол.

В горле стоял ком, на щеках выступил пот. А внутри она чувствовала леденящий холод.

Ее мозг словно отключился.

«Думай! Думай!» — приказала она себе.

Джон сейчас отправится искать ее.

«Думай! Быстро!»

Она заставила себя встать с пола и посмотрела на коробку.

— Я не позволю тебе воспользоваться этим, Эрик Ганн... Ни за что в жизни!

Фотографии и записку Ана бросила в камин и смотрела, как они сгорают, превращаясь в пепел. Видеокассету она затолкала в сумочку.

Ана не могла сказать, в какой именно момент приняла решение.

Она услышала доносящуюся снизу мелодию «Шотландской застольной»:

*Забывать ли старую любовь
И не грустить о ней?
Забывать ли старую любовь
И дружбу прежних дней?*

— Да! — решительно сказала Ана. В ее глазах стояли слезы. — Забыть!

И никто, кроме персидской дымчатой кошки, не заметил, как она ушла.

Глава двадцать пятая

«Графиня» сияла огнями, благоухала ароматами тропических цветов и наполняла просторы океана музыкой. Она скользила по заливу, оставляя за собой пенящийся след. Даже днем нельзя было обнаружить на ней следы ее прежнего названия — «Шенна».

Для Моники этот праздничный круиз под луной, который, по ее замыслу, должен был дать возможность набраться сил для предстоящих напряженных многодневных съемок, превратился в плавание на «Титанике».

Куда к черту подевались Ана Кейтс и Джон Фаррелл?

Шофер, который должен был привезти их из аэропорта, доложил, что на самолет они не садились и в списках пассажиров не значились. Моника сказала чтобы он дожидался следующего рейса. Он остался ждать следующего, затем еще одного.

Ана Кейтс и Джон Фаррелл в этот день так и не появились.

Моника тщетно звонила на материк. В Лос-Анджелесе ей ответил автоответчик Аны. В доме фамильной резиденции сенатора Фаррелла в Род-Айленде без всяких пояснений сказали, что сенатор не отвечает на звонки.

— Тогда мисс Кейтс?

— Мисс Кейтс отсутствует, — последовал невразумительный ответ.

— Я предъявлю иск этим типам, — раздраженно сказала Моника, бросая трубку. А тем временем «Графиня» продолжала скользить по освещенной лунной поверхности залива.

«Что, если они вообще не приедут? Что делать тогда?»

Она попыталась успокоить себя.

«Все образуется. Они непременно будут здесь утром и объяснят, почему вынуждены были задержаться. Ну, а если нет...»

Никаких «если нет»! Они должны быть здесь! Гарантировано!»

— Кто готов еще выпить шампанского? — с напускной веселостью предложила она, выходя на слабо освещенную палубу, где находились Ева, Нико, Тери, Брайен, Мими и другие участники съемочной группы.

— Ты связалась с ними? — спросила Ева.

— Пока нет, — безмятежным тоном ответила Моника и юркнула вниз по спиральной лестнице, чтобы повидать Ричарда и других гостей.

Ричард находился в салоне, где были также Антонио и его давний друг Фил. Вместе с тремя телохранителями Евы они восхищались уловом Ричарда.

— Если вы серьезные рыбаки, вам нужно отправиться в рыболовный круиз после того, как закончатся съемки, — предложил Ричард.

— Может быть, в другой раз. — Тамбурелли бросил взгляд на палубу, где Ева кормила Нико ананасом. — Сейчас у нас поездка сугубо деловая.

Ричард вопросительно посмотрел на Монику.

— Какие успехи?

— Успехи себе я создаю сама, — весело сказала она.

Ричард взял Монику за руку и отвел ее в сторону.

— Ты прекрасно понимаешь, что я имею в виду, Мо. Ты дозвонилась до них?

— Мы поговорим об этом позже, — быстро ответила она и изобразила приветливую улыбку, поскольку в каюту вошла Тери.

— Кто-нибудь догадался захватить драмамин? — с надеждой спросила она. Лицо девушки было зеленым, как долларовая купюра. При свете ламп, которые зажгли после того, как солнце погрузилось в мерцающую топазовую воду, было видно, что ее может вырвать.

Полная сочувствия Моника направилась к ней. Она понимала, каково сейчас Тери Метьюз.

Драмамин не помогал.

Несколькими часами позже, лежа на широкой кровати в объятиях Брайена, Тери чувствовала себя щепкой в штормовом море.

— Брайен, не шевелись, иначе меня вырвет, — простонала она.

Брайен вздохнул, окончательно простившись с надеждами на то, что они романтично проведут эту ночь. Дела шли не вполне так, как планировалось.

«Ты думал, что ночь с шампанским, гирляндами цветов, с обедом при луне на роскошной яхте, какой тебе и не снилось, принесет обжигающую страсть.

Увы!»

Вместо этого Тери на весь вечер заперлась в гальюне. Этот идиот, новый теплохранитель Эверетт, разлил красное вино на белый обеденный костюм Брайена, в котором он собирался завтра сниматься. А Ричард Ивз и Моника Д'Арси тихо ссорились в течение всего обеда из пяти блюд, который происходил в роскошной столовой яхты.

Вот такая идиллия.

Он хотел пива.

Он хотел устойчивости.

Он хотел спать с Тери.

С того сочельника, когда Тери вернулась из Питтсбурга, она была какой-то отчужденной. Теперь, когда он знал, чего хочет, похоже, *она* все еще не определилась.

Что произошло в Питтсбурге? Чем объяснить ее сдержанность и холодность? Брайен готов был биться об заклад, что причиной был Эндрю Леонетти.

«Если я не в состоянии заставить ее забыть о нем даже здесь, то, значит, я самый настоящий идиот».

Вилла, на которой они жили вдвоем, была настоящей сказкой. Роскошь не поддавалась описанию. Рядом находился купальный бассейн, в который низвергался водопад, благоухали цветники. От посторонних глаз двор был защищен высокой стеной. Под ветерком покачивались и шевелились пальмы. Неподалеку находилась специальная яма для персонального праздничного костра. Они могли заниматься любовью под звездами, и обитатели соседней виллы не будут знать об этом.

Внутри было пять огромных совершенно удивительных комнат, обставленных мебелью, обитой японскими тканями пастельных тонов, устланных толстыми коврами, украшенными произведениями искусства аборигенов, корзинами с живыми цветами и живописными фруктами. Огромные во всю стену окна открывали вид на океан и казались ожившими почтовыми открытками.

Брайен не мог даже вообразить, что есть люди, которые живут в таких условиях.

Свет включался автоматически, когда он или Тери входили в комнату. Телефоны были оборудованы автоответчиком. В гостиной и спальне стояли широкоэкранные телевизоры.

Но Брайен не был намерен тратить время на телевизор.

— Тери, я могу что-нибудь сделать для тебя? — прошептал он в темноте, коснувшись ее плеча.

— Новый желудок, новую голову и десять часов сна в придачу, — простонала она. — О, Боже, завтра утром я не перенесу езду в джипе по горам к месту съемок.

Даже мысль об этом заставляла Тери содрогаться. Она никогда не чувствовала себя до такой степени разбитой и несчастной. Утренняя слабость не шла ни в какое сравнение с ее теперешним состоянием.

Она думала об Эндрю и Адаме. В этот момент они в Диснейленде. Эта поездка была рождественским подарком Эндрю мальчику.

«Я могла бы сейчас пожимать руки Микки Маусу на твердой земле вместо того, чтобы всю ночь блевать на яхте», — подумала она, зажмурившись.

Ей было жалко Брайена. Он действительно старался изо всех сил. Однако стоило ей подумать о том, кто будет воспитывать вместе с ней ребенка, и перед ней возникало лицо Эндрю. Она вспомнила, как он обнимал Адама, съезжая на санках с горы в последний день их пребывания в Аликвиппе. Ей не забыть их смех и восторг на лицах, чувства все возрастающей близости между всеми троими.

Тери спрятала лицо в подушку. Она должна принять решение. Она была несправедлива к Брайену. Она была несправедлива к Эндрю.

И это убивало ее.

— Застрели меня, Брайен. Избавь меня от этого мерзкого состояния.

Он поцеловал ее в бровь.

— Ш-ш-ш, завтра утром тебе станет лучше.

Так он думал.

А ей хотелось умереть.

— Не надо отчаиваться, — успокаивал Нико. — Пойди ляг на кровать.

Ева шагала, словно лев в клетке, по толстому ковру. На минуту остановившись, она посмотрела через стеклянную дверь на обсаженную пальмами дорожку, ведущую к бассейну.

— Он был в моей спальне, Нико! Он разбил мою статуэтку и смял твоё фото... Ты слышал Максин — она назвала это эскалацией... Он сумасшедший! Если бы я была там, он убил бы меня!

— Но тебя там не было. Вамбина, ты здесь со мной в этом раю, и тебя день и ночь охраняют добрые ангелы — три телохранителя. А этот лунатик сейчас за тысячи миль в Нью-Йорке. Он не может тронуть тебя здесь... Но ведь есть и хорошие вести. — Нико взбил позади себя подушку и откинулся назад. — На этот раз они обнаружили четкие отпечатки его пальцев. Он уже допустил несколько ошибок. И кто-то, я не знаю кто именно, может, сосед, — но кто-то обязательно заметит что-то необычное. И они задержат этого бандита еще до нашего возвращения. Половина нью-йоркской полиции сейчас этим занята.

— Я надеюсь, что Максин убедила прессу не шуметь по этому поводу, — с досадой сказала Ева. Она подошла к холодильнику и налила себе в стакан

мангового сока. — Меньше всего нам нужна сейчас шумиха в газетах. — Она со стуком поставила стакан на холодильник. Аквамариновые глаза ее застигали слезы.

— Нико, я боюсь, боюсь до умопомрачения!

Он отбросил покрывало и подошел к ней.

— Bambina, я никому не дам тебя в обиду.

Ева зарылась лицом в его пахнувший одеколоном шелковый халат.

— Обещай мне, — прошептала Ева, и, хотя он произнес ей слова обещания, она понимала, что это ей не поможет.

Только поимка Билли Шиэрза избавит ее от страха.

— Надеюсь, он не знает о младенце, — пробормотала она, уткнувшись лицом в плечо Нико. Она содрогнулась. — Это меня больше всего пугает.

— Меня пугает то, что эти твои страхи отразятся на ребенке. И на тебе. Постарайся, Ева, во время пребывания на Мауи забыть про эти кошмары... Мы можем оставаться здесь столько, сколько тебе захочется. Мы можем не возвращаться в Нью-Йорк, пока его не поймают.

— А наши свадебные планы... — начала она.

— До свадьбы еще целых пять месяцев, — решительно сказал Нико. Он взял ее за руку и подвел к широкой кровати. — Давай лучше прорепетируем, как мы будем проводить свадебную ночь. Это ведь очень ответственная часть, что ни говори. А у нас для практики осталось всего каких-нибудь пять месяцев.

Неожиданно для себя Ева улыбнулась. Ну могла ли она отказать Нико, если он так смотрел на нее, улыбался такой ослепительной, такой призывной улыбкой?

В конце концов, он был прав. Разве здесь не рай? Красивый, пьянящий, сладостный рай. И здесь с ней не произойдет ничего плохого.

Ева приняла решение. Она не намерена позволять Билли Шиэрзу вторгаться в этот Эдем. Она посмотрела Нико в глаза и позволила ему спустить ночную рубашку. Она облаком легла на пол у ее ног. Ева стояла нагая и соблазнительная, словно нимфа, и итальянский золотой амулет, подаренный ей Нико, поблескивал у нее на шее. Нико оглядел ее с ног до головы, остановил свой взгляд на пышноволосом треугольнике между бедер и широко улыбнулся.

— Знаешь, что говорят? — Ева увлекла его на кровать. — Совершенство достигается практикой.

Ева сунула палец в узел его пояса, ослабила его и стала шаловливо заглядывать под полы халата, откуда вскоре показался возбужденный член.

Теперь пришла ее очередь для улыбки. Лукаво взглянув на Нико, она скользнула рукой между его ног.

Только ее шепот и нарушал тишину на вилле.

— Чудесно!..

— Отчеты на конец месяца по «Идеальной невесте» есть? И как выглядят? Ага, тираж так солидно вырос? Понятно... Это интересно.

И вот что: не забудьте заменить цифры в копии отчета для мисс Д'Арси. Закодируйте подлинный файл таким способом, как я вам говорил... Как всегда, ценю вашу лояльность.

Помните: никто, тем более мисс Д'Арси, не должен знать...

— Хорошо если бы утром они появились здесь.

Сидя на плетеном стуле, Ричард взглянул на освещенную торшером веранду, и на Монику, которая несла два бокала коньяка.

«Ричард, ты ведь знаешь, как поднять настроение», — подумала она, видя, что дымок от его трубки идет вверх, в то время как уголки его рта опущены вниз.

— Они будут здесь, — повторила Моника уже в двадцатый раз, отбрасывая прочь свои страхи.

Если они не появятся к восьми часам, когда должна начинаться съемка, весь график сразу же полетит к чертовой матери. Ей надо решить, начинать ли съемки без Джона и Аны, исключив их из выпуска, или же ввести их в съемки позже, что потребует дополнительного времени и затрат.

Моника никогда не считала Ану Кейтс капризной голливудской примадонной. У Аны была репутация профессиональной актрисы. Что могло с ней произойти? Почему ей никто не смог дозвониться?

Если они не появятся в течение тридцати шести часов, то пропустят съемки восхода солнца в кратере Халеакала, а этого уже никак нельзя допустить.

— Я очень надеюсь, что у тебя в запасе есть план Б. И похоже, что надо уже ориентироваться на него. Иначе ты себя совсем загонишь в угол.

Ричард встал, хмуро посмотрел во тьму и сердито взял предложенный бокал с коньяком. Ничего не говоря, он прошел в гостиную.

— Спасибо за поддержку, — бросила Моника, и ее слова потонули в шуме прибора.

Она смотрела на небо, а в ее ушах звучали его последние слова.

«Загонишь себя в угол...»

Ей вспомнился угол, с которого начиналась окраска стены, и ей показалось, что от шелестящих освещенной луной пальм потянуло запахом краски. Она вспомнила окрашенный в белый с розовым оттенком цвет стену в комнате, стремянку, лучи солнца, пробивавшиеся сквозь огромные окна, из которых виднелись занесенные снегом холмы. Вспомнила улыбку Пита, угощавшего ее пиццей во флигеле. Вспомнила, как он поцеловал ее и как она отпрянула от него.

«Ты лучше вспомни про то, что над твоей задницей навис кнут, — разозлилась она на себя. — Брось все эти безумные мечты и работай над планом Б.

А также В, Г, и Д».

Она вошла в дом за сигаретами. Предстояла долгая ночь.

Глава двадцать шестая

Моника жила на черном кофе и соках.

Погода благоприятствовала съемкам восхода солнца в кратере Халеакала, но она спешила успеть запершить другие съемки до начала предсказываемых штормов.

Джон и Ана словно исчезли с лица земли, и пресса обрушилась на курорт, как стая голодных вампиров.

— Мисс Д'Арси, правда ли, что Ана Кейтс и сенатор Фаррелл сбежали?

— Ходит слух, что мисс Кейтс прошла курс исследований в клинике Бетти Форд. Что вы знаете об этом?

— Связывались ли с вами Ана Кейтс или сенатор Фаррелл, чтобы объяснить свое отсутствие?

— Правда ли, что Ана Кейтс презирает Эви Б. и отказывается с ней работать?

— У нас есть сведения, что у Джона Фаррелла инфаркт и он перенес операцию. Вы можете подтвердить это?

«Они были похищены трехглазыми инопланетянами», — хотелось закричать Монике, но вместо этого она лишь сухо сказала:

— Комментариев не будет.

У нее страшно стучало в висках.

— Алфи, — окликнула она ассистента Мими, — сбегай в лавку подарков, купи мне еще бутылку вина и узнай сводку погоды.

— Не переживайте так, дождя не будет, — бодро сказал он. — Здесь рай, вы знаете это?

«Скорее ад, — подумала она с отвращением. — Слава Богу, что Ричард уехал. По крайней мере, одним раздражителем меньше».

Круиз на «Графине» закончился накануне. Ричард оторвался от телефона лишь однажды, когда ему нужно было позировать с Моникой и он должен был сменить голубой блейзер и твидовые брюки на яркие купальные плавки. Даже золотистые бикини, в которых Моника снималась на залитой солнцем палубе, не привлекли его внимания. Утром он со скептической гримасой отдал дань съемкам и затем внезапно после телефонного звонка от Теогастуса улетел в Калифорнию.

И очень даже своевременно. Он все время брюзжал. Что касается Брайена Михаэльсона, то он был не намного лучше. Он, правда, не брюзжал, но выглядел мрачным, и Антонио стоило немалого труда выжать из него улыбку. По всей видимости, у Брайена и Тери также имеются проблемы, со вздохом заключила Моника.

Оставалось сделать несколько снимков в купальных костюмах возле бассейна, а женщинам — еще и в будущем. Мужчины должны были сниматься в полном параде.

Женщины расхаживали перед камерами в бикини и шелковых пижамах, мужчины — в смокингах и с бутоньерками. Антонио проделал огромную работу. Если бы здесь были Ана и Джон, можно было бы сказать, что все получилось отлично.

Однако их не было, и судьба номера оставалась неясной. Даже если бы они сейчас приехали, было бы уже поздно. Групповые снимки уже сделаны. Са-

мые лучшие фоторетушеры не смогли бы найти этой паре место.

Но у Моники были еще и другие поводы для волнений.

«Мне бы успеть сделать эти чертовы снимки в бассейне до пяти часов, а потом мне плевать на обещанный тайфун».

Хотя солнце по-прежнему палило, пальмы тревожно зашелестели от свежего ветра, пока Хедер освежал грим Тери и Евы.

«Ричард, должно быть, сейчас на полпути к Лос-Анджелесу», — подумала Моника.

В целом она не могла жаловаться на то, как идут съемки. Тери и Брайен были просто бесподобны — красивы, естественны и на редкость фотогеничны. Они полностью соответствовали ее сценарию. А снимки, где они резвятся на белом песке пляжа на фоне деревьев, ей нравились больше всех других. Камера удачно уловила по-мальчишески шаловливое выражение лица Брайена, подкравшегося к плоту, на котором в соломенной шляпе возлежала Тери, чтобы стащить ее в воду.

Отличные кадры!

Ева и Нико тоже были замечательной парой. Глядя на их фото, невозможно было представить, что кто-то любит друг друга больше, чем они. И такой контраст: она белокурая и гибкая, он смуглый, черноволосый, с глазами цвета волны, которые, казалось, пронизывали насквозь и раздевали Еву всякий раз, когда он бросал на нее взгляд.

Да, размышляла Моника, при всем своем высокомерии и скептицизме, он проявил настоящий профессионализм во время съемок. Но едва лишь Нико снял с себя смокинг и галстук-бабочку, как тут же сел за руль курортного джипа и с бешеной скоростью помчался к старому Кипахулу по извилистой узкой дороге.

Его не интересовали буйная тропическая растительность, застывшие черные потоки лавы и живописные скалы. Его не интересовали, как пояснила Ева, плантации ананасов и водопады. У него зуд к гонке, к скорости.

Брайен их тоже покинул.

Он быстро завязал дружбу с Тамбурелли, телохранителем Евы. И поскольку Тамбурелли был в этот день выходным, они вдвоем отправились на Большой остров, пока Тери была занята в будуарных съемках.

На несколько часов единственным мужчиной, с кем Моника могла общаться, стал Антонио.

— Начался дождь! — вдруг закричал этот малорослый тиран.

— Но солнце светит, надо продолжать съемку!

— Как?! Чтобы погубить мои камеры?! Вы с ума сошли! Сворачивай все немедленно!

Моника прошла по помосту, чувствуя, как ледяные капли дождя врезаются в ее золотистое трико.

— Все внутрь, — скомандовала она.

Люди направились к дверям, техники бросились укрывать камеры и осветительное оборудование. Мими и Хеджер заталкивали в пластиковые мешки купальные костюмы, шлемы, солнцезащитные очки и прочий реквизит.

Еве и Тери не нужно было повторять команду дважды. Дрожа от озноба, они накинули на себя халаты и бросились спасаться от безжалостного ветра.

— Может, вы обойдетесь кадрами на воде, которые были сделаны ранее,

Моника? Неужели из сотни нельзя выбрать что-нибудь? — проворчал Антонио. — А сейчас я сделаю будуарные снимки... Думаю, через часок мы наконец с этим разделаемся.

Моника посмотрела на свинцовые облака, плывущие с запада. Вот-вот должен был начаться проливной дождь.

— Ну, что ж, на меня писал всякий, — пробормотала она, засовывая блокнот с программой съемок в сумку. — Почему бы и матери-природе не сделать того же?

«Что лучше — нырнуть сейчас в ванну или вздремнуть? — колебалась Ева. — Чего мне хочется больше?»

Тропическое солнце и беременность лишили ее сил. Перерыв в съемках был очень кстати. Однако, взглянув на зловещие свинцовые облака вдали, она встревожилась: облака клубились как раз над тем местом, где в этот момент находился Нико.

— Спасибо, Том, — сказала она телохранителю, когда тот опустил зонтик и пошел впереди нее.

— На вилле все в порядке, мисс Хэмел. Я припаркуюсь у ворот. Если вы не пожелаете, чтобы я остался здесь до прихода мистера Чезароне.

— Идите. Я вызову вас сиреной, если понадобится.

Ева заперла переднюю дверь. В этот момент ее больше беспокоил Нико, чем Билли Шиэрз.

«Может, у него хватит здравого смысла уйти от дождя, — у нее сжалось сердце, когда она представила себе, как он едет сейчас по этим скользким, незнакомым дорогам в такую кошмарную погоду. — Подумай о нашем ребенке, — обратилась она к нему в мыслях. — Нельзя же всегда быть таким беспашбашным».

Ева бросила соломенную сумку на кофейный столик и сняла с себя мокрый купальный костюм. Сладко зевнув, она двинулась к разобранной кровати. Когда она взяла халат Нико, который горничная аккуратно положила на цветастую простыню, что-то выпало из кармана.

Она посмотрела на лежащую на полу вещь. Сережка из лучистого колчедана с ониксом и рубинами.

Тревожное предчувствие охватило Еву. Она нагнулась и подняла серьгу.

Сережку, принадлежащую Марго, она узнала бы из всех. Ева сама подарила эти серьги сестре, когда та окончила медицинский колледж. Они были на ней в тот вечер, когда Ева и Нико встречались с Марго в ресторане в Нью-Йорке.

Ева вертела сережку в руках.

Как она попала в карман халата Нико?

Она опустилась на кровать, сжав серьгу в дрожащей руке.

Нет.

Она снова посмотрела на сережку.

Нет!

Сережка жгла ей ладонь. Она бросила ее на пол, как если бы это был раскаленный уголь, и продолжала молча смотреть на нее.

Ева закрыла лицо руками. Он не должен был... Он не мог...

Но тогда как?!

«Ведь должно же быть этому объяснение», — подумала она, пытаясь успо-

коиться.

И оно было. И только единственное.

«Vambina, я больше никогда не сделаю чего-нибудь такого, что причинит тебе боль».

Слезы брызнули из ее глаз. Следы горечи, отчаяния и гнева.

«Ты прав, Нико. Прав...»

— Vambino что с тобой? Ты выглядишь так, словно... Что-то случилось?

С черных волос Нико и его щек стекали капли дождя. Ева молча открыла ему дверь и отступила на шаг.

За дверью пророкотал гром. Бело-голубым зигзагом молния перерезала небо.

— Что с тобой, Ева! Ты пугаешь меня! — Его лицо побледнело. — Это связано с Билли Шиэрзом?

Она дернулась, когда Нико взял ее за плечи, и оттолкнула его руки.

— Не прикасайся ко мне!

Нико опустил руки.

— Ева, объясни мне, в чем дело?

— Дело во лжи, Нико. И в предательстве.

— Я не понимаю, что ты имеешь в виду...

— Ты прекрасно все понимаешь. Я хочу сказать всего две вещи, а затем не желаю больше видеть тебя. Никогда.

Нико оцепенел.

— Vambina...

— Не смей меня так называть! Ты и ее так называл?!

— Кого? — хрипло спросил он.

Одарив его убийственно ледяным взглядом, достойным богини мести Немезиды, Ева бросила ему вещь, которую до этого держала в руке.

— Держи! И больше не теряй трофеи из коллекции своих побед. — Еве очень хотелось плюнуть ему в лицо.

Нико недоуменно смотрел на сережку, лежавшую на его широкой ладони.

— Ева, это зашло слишком далеко... Ты пугаешь меня. Это Билли Шиэрз сделал тебя такой нервной? Все это ерунда... Я хочу, чтобы ты успокоилась... Подумай о ребенке.

— Не говори о моем ребенке! — Она шагнула к Нико и, размахнувшись изо всей силы залепила ему пощечину.

Когда она попыталась ударить его второй раз, Нико схватил ее за запястье.

— Отпусти меня! — закричала Ева. — Не ты ли говорил мне, что совершенство достигается практикой? Так дай мне попрактиковаться.

— Ты с ума сошла!

— Ты практиковался с ней, Нико? Ты готовился к нашей свадебной ночи с ней — с Марго?

У Нико прервалось дыхание. Он отпустил руку Евы и отступил на шаг. Его лицо вначале вспыхнуло, затем побледнело. Он снова уставился на сережку, которую все еще держал на ладони.

— Ева, выслушай меня, — медленно начал он.

— Две вещи, Нико, Ciao[15]. Навсегда!

Кровь отхлынула от ее лица, когда Ева сняла с пальца обручальное кольцо

и швырнула его к ногам Нико. За этим последовал амулет.

Она резко повернулась на пятках и направилась в спальню.

— Твой чемодан в вестибюле у коридорного. Ты можешь сам дать ему на чай.

До нее донесся дрожащий голос Нико.

— Ева, я не могу позволить тебе так поступить! По крайней мере, дай мне возможность объяснить! Она ничего для меня не значит, ты же для меня — все! Я искуплю свою вину, клянусь! Я порвал с ней ради тебя и ребенка... Я знаю, это была ошибка, я ей сказал...

— Убирайся отсюда! — Она зарыдала от ярости и бессилия перед предательством. — Разве ты не понимаешь, Нико? Я теперь не смогу верить тебе! — Слезы градом катились по ее щекам — слезы горечи и отчаяния. — Ева, я знаю, что ты очень расстроена. Ты имеешь право ненавидеть меня! Но, пожалуйста... Боже мой, пожалуйста, Ева, не делай этого! Я не хочу расставаться с тобой! Я люблю тебя!

Ева бросила на него взгляд, полный ненависти. Она не удостоила его больше ни одним словом. Он их не заслуживал.

Она окончательно закрыла свое сердце для него. Она вошла в спальню, хлопнула дверью и заперлась изнутри.

Нико бегал возле двери спальни, гневался, ругался и упрашивал Еву еще по крайней мере в течение часа, однако она не отвечала. Затем в дверь виллы постучал Том Свенсон.

— Мисс Хэмел просила меня проводить вас в вестибюль. Сюда, пожалуйста, мистер Чезароне.

Даже если телохранитель испытывал какую-то симпатию к Нико, он ее не выказал. Вместо обычной доброжелательной улыбки Нико увидел плотно сжатые губы и упрямо поднятый подбородок. Он сейчас ничем не напоминал покладистого партнера по игре в теннис. Сейчас он был при исполнении служебных обязанностей.

Нико метнул на него свирепый взгляд. В отчаянии и слепой ярости он повернулся и выкрикнул в дверь спальни:

— Прекрасно! Я уезжаю в Нью-Йорк! Когда ты образумишься, позвони мне.

Ева впала в какое-то оцепенение. У нее все болело, словно ее избили. Боль была такой, что не хватало сил даже плакать. Она бродила по комнатам опустевшей виллы, внешне такой роскошной, но не способной дать душевный комфорт.

Впрочем, покоя она не обретет нигде. В голове у нее шумело, словно тысячи волн бились о берег.

Ева не стала принимать снотворного. Не следовало рисковать: это может повредить ребенку, что бы там ни говорили.

Ребенок.

«Теперь нас будет только двое, — прошептала она, ощупывая рукой слегка округлившийся живот. — Но это ничего. Я позабочусь о нас обоих».

Внезапно Ева вспомнила, что еще не приняла положенную ежедневную дозу поливитаминов.

Автоматически передвигаясь, она взяла соломенную сумку, лежащую на кофейном столике, и стала шарить в ней в поисках темного пластикового флакона с пилюлями.

Ее пальцы напряглись, когда она нащупала лоскуток материи. Она медленно вытащила его. Время для нее перестало существовать. Ева не могла сказать, прошло ли несколько секунд или же целые часы, пока она смотрела на пропитанный кровью клочок атласа, отрезанного от свадебного платья, в котором она позировала на съемках сегодня утром.

Она в ужасе закричала. Когда эхо от ее голоса смолкло, она увидела зеленый конверт, торчащий из кармана сумки. Кровью на нем было нацарапано лишь одно слово:

СКОРО.

Глава двадцать седьмая

Стоя перед зеркалом в номере мотеля в Западном Голливуде, она с пристрастием всматривалась в свое отражение.

Неплохо.

Глядя на броские полосатые чулки, довольно вульгарную блузку и яркий оранжевый джемпер, Ана одобрительно кивнула. Цепочка спускалась по ложбинке между грудей. Браслеты на запястьях зазвенели, когда она стала натягивать парик со взбитыми белокурыми волосами. Затем без колебаний она продела огромные броские серьги в мочки ушей и нацепила очки с голубоватыми стеклами. И, наконец, облачилась в пыльные черные ботинки для мотоцикла.

«Спасибо магазину Армии Спасения», — подумала Ана, где она купила весь этот реквизит.

Ана невесело улыбнулась при виде своего отражения в зеркале, в котором с трудом узнавала себя, намазала яркой оранжевой помадой губы и прилепила фальшивую родинку над левой бровью.

Ну чем не проститутка Хэнна!

Эта роль могла принести ей второго Оскара.

Сердце Аны гулко колотилось в груди, когда она заталкивала под блузку двести долларов, обдумывая план дальнейших действий.

Перед выходом она надела черные кожаные перчатки с пуговицами из горного хрусталя и для храбрости сделала глоток виски из бутылки, купленной вчера.

Из соседней комнаты мотеля слышался пронзительный женский смех, грубые мужские проклятия, после чего раздался скрип пружин кровати, сопровождаемый стонами, вздохами и страстными завываниями.

Ана взглянула на часы. Пора.

Прихватив с собой парусиновую сумку, она тщательно на два замка заперла дверь.

Квартира была пуста. Все верно. Она знала его распорядок. В течение трех дней она наблюдала, когда он приходит и уходит, когда находится в квартире.

Сейчас он в баре, где охмуряет грудастую барменшу, надеясь разжиться несколькими долларами, чтобы приобрести наркотик.

Он не вернется до трех. По возвращении он врубит радио и будет заниматься Бог знает чем до темноты, после чего вновь отправится слоняться по улицам с такими же подонками, как сам.

По скрипучей лестнице Ана прокралась наверх и фомкой открыла замок, как этому научил ее Бадди Крокер, когда ее отец бывал мертвецки пьян и она не могла попасть в дом.

Боже мой, какое свинство! Ана зажала нос рукой в перчатке, ощутив зловоние, которое распространяли остатки гниющей пиццы в открытом ведре, грязная одежда и запах табачного застарелого дыма. Грязное белье валялось на полу и свешивалось с ободранного продавленного дивана.

Ана на цыпочках обошла захламленный стол и приоткрыла окно, чтобы впустить хоть немного свежего воздуха. Ей было даже страшно идти в спальню без дезинфектора.

Уф! в полутьме она ощутила запах грязных простыней, запустения и порока. Не снимая перчаток, она подняла подушку, точно зная, что именно там найдет.

Он был заряжен.

Ана проверила револьвер и положила его в карман джемпера. После этого она занялась поисками.

Видеоленты найти было нетрудно. Она отлично помнила излюбленные Эриком места для тайников. Она выдернула из стены незастеленную двойную кровать и в изголовье кровати отыскала кожаную сумку.

Ура!

Внутри пять лент. «Кенди сердитая». Славно! «Кенди целует»... Ее передернуло.

«Кенди тошнит», — подумала она.

Сколько копий он уже сделал? При этой мысли ей стало дурно. И сколько он успел продать?

Ана помнила, что Эрик иногда припрятывал ценности в туалетном бачке и направилась в крохотную ванную. Она сдвинула керамическую крышку, но нашла там только сумку с маленьким пустым флаконом, с кристалликами кокаина, две сигареты с марихуаной, несколько таблеток, которые не могла определить — возможно, барбитурат, и грязный шприц.

Где же фотографии?

Ана закрыла крышку бачка и снова направилась в спальню. Однако как ни искала она в ящиках стола, под кроватью, за дверьми, внутри тапочек, ей больше ничего не удавалось найти.

Она снова осмотрела гостиную. Ничего...

Внезапно ее взгляд упал на копию «Пришел незнакомец», выглядывающую из видеомагнитофона.

«Это то, что питает твой гнев, Эрик? — подумала она, направляясь в кухню. — Мой успех?»

Почти окончательно отчаявшись, она открыла холодильник и заглянула вниз в контейнер для фруктов и овощей.

И здесь обнаружила то, что искала.

Конверт из манильской бумаги, адресованный журналу «Нейшнл Инквайер», был прикреплен к пластиковому пакету, набитому негативами.

На пакете была указана и требуемая цена.

«Ну, это мы еще посмотрим, скотина!»

Ана затолкала конверт и видеоленты на дно парусиновой сумки и застегнула ее на молнию. После этого она развернула шаткий деревянный стул к входной двери.

На краю стола мерно тикал будильник. Два сорок пять.

Скоро все это останется позади. Навсегда. Только на этот раз она в этом удостоверится.

Ана уселась на стуле, прочно уперлась ногами в пол, отшвырнув подальше хлам, взвела курок револьвера и прицелилась в дверной проем, мысленно повторив, что ей надо делать.

Глава двадцать восьмая

— Вы слышите меня, Эверетт? — Треск раздался в рации Тома Свенсона. — Эверетт здесь, — послышался короткий ответ.

— В охране пробита брешь, — прокричал Свенсон в микрофон. — Маньяк на территории курорта.

Молния прорезала небо, и огни на вилле Евы замигали. Она ахнула и обняла себя руками, пытаясь унять дрожь.

— Он добрался до сумки мисс Хэмел. Тревога по всей территории... Срочно возвращайтесь сюда...

— Хорошо.

От удара грома Ева вздрогнула.

— Том, надо предупредить Монику и остальных, — попросила она, когда он снова повернулся к ней. — Я позвоню им, только не оставляйте меня одну.

Свенсон кивнул, его глаза были ясными и спокойными.

— Я останусь с вами, мисс Хэмел. Вы будете в полной безопасности. С этого момента я не отойду от вас ни на шаг.

Пальцы Евы настолько дрожали, что она с трудом набрала номер телефона Моники.

— Моника, — начала она неестественно спокойным тоном, — тут такое происходит. Нико ушел. А Билли Шиэрз здесь, он на курорте. — Еву одолел истерический смех. — Он хочет убить меня, Моника. Как будто того, что сделал Нико, недостаточно. — Ею еще больше овладевала паника. — Он хочет разделиться со мной, я чувствую это...

Том Свенсон деликатно отобрал трубку из рук Евы и заговорил с Моникой быстро и деловито, не переставая обшаривать глазами веранду Евы.

— Я провожу вас на виллу Д'Арси, — сказал он Еве, когда закончил разговор с Моникой. — Для него это будет неожиданностью, и когда он придет сюда, мы будем готовы к этому.

Она кивнула, однако с какой-то необъяснимой уверенностью подумала, что Билли Шиэрз найдет ее, где бы она ни скрывалась.

Через пять минут Ева бросилась в объятия Моники, шепча:

— Я не понимаю, каким образом он мог здесь оказаться?

— Это неважно. Они поймают его, Эви Б. Или это сделаю я. Ничто не должно помешать съемкам. — Моника попыталась пошутить, но шутка вышла плоской. Она увидела, как Свенсон водил глазами, направляясь в спальню, чтобы начать осмотр ее помещений.

«Конечно, я не Джей Лено, но если я не сохраню чувство юмора, я никогда этого не переживу».

Моника подвела Еву к дивану и усадила ее между подушек.

— Я дам тебе чего-нибудь выпить.

Однако Ева покачала головой, когда Моника начала класть лед в фужер с виски.

— Мне нельзя ничего спиртного...

— Это поможет тебе успокоиться.

— Я беременна.

Моника ошеломленно уставилась на нее.

— О, Ева, но ведь это чудесно! — ее голос потух, когда она увидела убитый

горем взгляд Евы. — Разве не так? — без особой уверенности закончила она, отставляя в сторону фужер с виски.

Ева смотрела прямо перед собой, руки ее были бессильно опущены.

— Я не позволю Билли Шиэрзу причинить боль моему ребенку, — сказала она так тихо, что Моника с трудом расслышала.

Моника обменялась мрачным взглядом с Томом Свенсоном, который вернулся в гостиную.

— Ну конечно, — сказала она ласково. — И никто не причинит боль ни тебе, ни твоему ребенку. Ради Бога, Ева, где Нико?

— Кого это волнует?

— Дорогая, — мягко произнесла Моника. — В том, что ты говоришь, нет никакого смысла.

— Я не знаю, какой смысл можно извлечь из того, что мой жених спит с моей сестрой. А ты можешь извлечь смысл?

Глаза Моника широко раскрылись.

— Нет! — выдохнула она, вспомнив Нико, целующего Еву под водопадом, пока Антонио отвлекался от съемок. Вспомнила, как переносил ее через украшенный цветами мост. Не было никакого сомнения, что они любят друг друга. Он не смог бы так сыграть. — Ева, а ты уверена в том, что говоришь?

— Я нашла ее сережку. Она была в кармане его халата. Он сознался во всем какой-нибудь час тому назад. — Лицо Евы вытянулось и побледнело. Она выдавила слабую улыбку и пожала плечами. — Подозреваю, что сегодня не мой день, Моника.

И она разразилась рыданиями.

Пока Свенсон осматривал из окна залитые дождем подходы к вилле, Моника обняла Еву и стала гладить ее по голове. Она лихорадочно размышляла.

«Тери одна — Брайен отправился с Тамбурелли. Боже мой, ее нужно привести сюда и сообщить гавайским властям, чтобы они отнеслись к этому самым серьезным образом. Куда все задевались? Я хочу, чтобы это место было заблокировано, и мои люди сидели на своих виллах, под охраной до тех пор, пока не поймают этого маньяка».

Она приказала Альфи сообщить персоналу об опасности. Свенсон сделал еще несколько звонков — Тери, в охрану, в местную полицию, и Максин Гудмен в Нью-Йорк. Однако Максин на месте не оказалось, и он оставил ей срочное донесение.

— Ева, ты останешься здесь на ночь, — объявила Моника после того, как Свенсон закончил свои телефонные переговоры. Возражений со стороны Евы не последовало. Пока Свенсон разговаривал по рации с Эвереттом, она укрыла Еву легким хлопчатобумажным покрывалом и поставила чайник. Затем она набросила на себя плащ.

— Когда я вернусь с Тери, мы устроим вечеринку в пижамах.

— Только не надо брать на прокат фильм ужасов, — пробормотала Ева. — Он уже развивается на наших глазах.

«Поэтому нам обеим надо сохранять чувство юмора, — подумала Моника. — Хотя, кажется, напрочь рассыпается мой июньский номер».

— Какого черта мне остается делать без Евы Хэмел и Нико Чезароне?

— Послушай, Эви Б, — бодро сказала Моника, подавая чай с корицей. — Свенсон и я все продумали. Я с агентом охраны забираю Тери, мы заскочим на

твою виллу за твоими вещами и будем здесь раньше, чем ты успеешь глазом моргнуть.

Еве было не по душе оставаться одной, но вслух она лишь сказала:

— Не оставляй меня надолго, Моника... Пожалуйста.

Когда Моника ушла, Ева в раздумье уставилась на дымящийся чай.

«Перестань вести себя как младенец. У тебя много защитников».

Однако она не смогла сдержать дрожь, когда Том Свенсон проверил револьвер и по очереди поговорил по рации с Дином Эвереттом и начальником охраны территории курорта.

Ева подумала, что она выдала Тому Свенсону все неприятные детали ее разрыва с Нико. Он был рядом с дверью во время их баталии, поэтому скорее всего все слышал.

Вот так получается. Она практически ничего не знала об этом человеке, за исключением того, что в Нью-Джерси его ждут жена и трое маленьких детей. Он же знал о ней все, даже самые деликатные детали ее жизни. В то же время он даже вида не подал, что слышал их с Нико разговоры на повышенных тонах. Он выполнял свой долг по ее защите с профессиональной беспристрастностью.

— Эверетт не обнаружил доказательств того, что злоумышленник на охраняемой территории, — сообщил Том, показывая на рацию. — Не обнаружила его и охрана курорта. Местные власти внимательно следят за ситуацией, мисс Хэмел. Все находится под контролем.

Ева глотнула чай.

«Все, кроме моей жизни».

Агент охраны с помощью отмычки открыл виллу Евы и, опередив Тери и Моника, вошел внутрь. Пока они в беспокойстве ожидали в фойе, агент быстро осмотрел комнаты.

Тери нервно шагала по небольшому фойе. Она беседовала по телефону с Эндрю, находящемуся в Лос-Анджелесе, когда срочный вызов прервал их разговор. В течение минуты она слушала рассказ Эндрю о том, в каком восторге был Адам от посещения Диснейленда, после чего Том Свенсон предложил ей собрать необходимые вещи и приготовиться провести ночь на вилле Моника Д'Арси. Моника в двух словах объяснила ей ситуацию, но Тери так до конца и не поняла, что происходит. Мысль о маньяке, который бродит на свободе, казалась ей совершенно фантастической, а разразившийся шторм лишь добавил хичкоковских эффектов в эту невероятную историю. Ей хотелось, чтобы поскорее вернулся Брайен с Большого острова, а сама она снова оказалась в Ливонии и занялась своим привычным делом — полировкой ногтей миссис Уармлер.

И еще: почему Моника не предупредила их раньше?

— Почему вы не сказали нам, что здесь происходит? — спросила Тери, поворачиваясь к Монике. — Я думаю, мы имели право знать.

— Никто не думал, что действие развернется по наихудшему сценарию или что кто-либо из нас в опасности. Необходимые меры предосторожности были приняты... Возможные последствия были неясными, и казалось, нет причин беспокоить всех и вторгаться в личную жизнь Евы...

Лишь с третьей попытки Моника сумела зажечь сигарету. Она затянулась

и посмотрела в зал, куда скрылся агент охраны. — И кроме того, мы не были бы в большей безопасности, если бы обратились в ФБР. Здесь достаточно своих собственных полицейских.

Тери не успела что-либо сказать, так как вернулся агент охраны.

— Похоже, здесь никого нет, — доложил он. — Вы возьмите с собой то, что вам потребуется, и я провожу вас на другую виллу.

— Начнем с ванной, — обратилась Моника к Тери. — Положите вещи в эту сумку, а я разыщу ночную рубашку и тренировочный костюм... И чем скорее мы отсюда уйдем, тем лучше. Ну, дорогая, — добавила она, увидев побледневшее лицо Тери, — нет особого повода для страхов. Мы все останемся живы и будем счастливы... Гарантировано!

— Я знаю. — Тери проглотила комок в горле. Она расправила плечи и двинулась в ванную. — Но у меня от всего этого мурашки бегают по коже.

— Ну еще бы, — пробормотала Моника и открыла дверь в чулан спальни.

Внутри, сгорбившись, в напряженной позе, сидел Дин Эверетт. Мышцы его лица были напряжены и искажены гримасой, его револьвер целился в голову. Сразу же узнав его, Моника громко закричала.

Агент охраны вбежал в спальню, держа в руке револьвер. Тери в ужасе увидела все это из двери ванной.

Моника нервно засмеялась. И причиной был здесь и страх, и раздражение. Сердце ее гулко колотилось.

— Вы до смерти напугали меня, мистер Эверетт. И не цельтесь в меня этой штукой. Я не злоумышленник.

Эверетт выпрямился и опустил револьвер.

— Простите, мисс Д'Арси, — он подождал, пока подошла Тери, гремя туалетными принадлежностями. — Я не хотел напугать вас... И вас также, мисс Метьюз. Я услышал шум и подумал, что могу захватить врасплох подозреваемого.

— Ну, и вы обнаружили что-нибудь? — спросила Тери.

Моника нахмурилась. «Неужто ты не слышал наших голосов, идиот несчастный?» Вопрос вертелся у нее на языке, но в этот момент зазвонил телефон.

— Не трогайте, — приказал Эверетт, когда Тери сделала попытку взять трубку. — Если это Билли Шиэрз, пусть считает, что здесь никого нет.

Внезапно включился автоответчик, и звонкий голос Максина Гудмен нарушил тишину спальни. Дин Эверетт повернулся в сторону голоса.

— Ева, Свенсон! Это Максин. Чрезвычайно важно! Ваши жизни в опасности! Дин Эверетт найден мертвым в Лос-Анджелесе. Его удостоверение личности отсутствует. Вы поняли? Ваш Дин Эверетт — самозванец! Мы подозреваем, что он и есть Билли Шиэрз. Сейчас я звоню в службу охраны отеля и в полицию Мауи. Будьте предельно осторожны! Следующим рейсом я вылетаю на Мауи.

Все последующее произошло одновременно.

Тери, ахнув, уронила туалетные принадлежности и в ужасе уставилась в лицо телохранителя Евы.

Моника в оцепенении смотрела на самозванца.

«Дин Эверетт», который был гостем на яхте Ричарда... танцевал с Мими... помогал готовить помост для съемок в бассейне, и есть тот, кто так жестоко и

расчетливо мучил Еву в течение многих месяцев».

Агент охраны выхватил револьвер, но сделал это недостаточно быстро.

Эверетт дважды выстрелил.

Первая же пуля попала агенту между глаз.

Моника услышала стон, агент медленно опускался на пол, и красное пятно расплывалось на месте раны.

Вторая пуля попала в бюро из букового дерева и с визгом отрикошетила в сторону.

Моника ощутила запах смерти и пороха. Она в ужасе смотрела на кровь между пальцами Тери. О Боже! Тери сжимала рукой плечо, прислонившись к забрызганной кровью стене. Ее глаза остановились на стрелявшем, словно не веря в то, что произошло.

«Этого не может быть», — подумала Тери. Боль ослепила ее. Ей стало холодно. Очень холодно... Адам... Адам на коленях Эндрю съезжает на санках... Он смеется.

— Бедный мальчик, — сказала она.

Дин Эверетт взглянул на нее.

— Заткнись!

«Мой бедный мальчик... Ты уже однажды потерял мать... А сейчас ты теряешь ее навсегда... Но твой отец любит тебя... Ты оставайся с ним... Оставайся с Эндрю... Эндрю...»

Ее окутала холодная тьма.

Как в туннеле между Детройтом и Виндзором. Она шла по нему с Брайеном. Они собирались на пикник в Виндзоре.

«Брайен».

Брайен протянул к ней руки.

«Здесь холодно и темно... Брайен, мы заблудились...»

Моника ахнула, когда увидела сползающую на пол Тери.

«Сохраний самообладание... Не паникуй!» — приказала себе Моника. Она несколько раз быстро втянула воздух и, медленно переведя взгляд на человека, которого знала как Дина Эверетта, сделала шаг в угол, где скорчилась Тери.

— Ложитесь на пол рядом с ней, — металлическим голосом приказал Эверетт.

— Разве вы не видите, что ей нужен доктор? — начала было Моника.

— Сейчас же, мисс Д'Арси, на пол. Не вынуждайте меня причинять боль и вам.

— Тери, я помогу тебе. — Моника дрожащими пальцами коснулась белой, как алебастр, щеки девушки. — Держись! не оставляй меня! — уговаривала она, глядя на безжизненную Тери, из раны которой вытекала алая струйка крови.

Моника метнула отчаянный взгляд на Эверетта.

— Позвольте мне по крайней мере взять полотенце и остановить кровотечение, — взмолилась она. — Это займет всего минуту. А затем я сделаю все, что вы скажете.

— Я не могу ждать ни минуты, — он посмотрел на нее и мечтательно улыбнулся. — Я ждал слишком долго. Я должен идти к Еве.

Моника вздрогнула, увидев совершенно безумные глаза. Она не могла поверить, что это тот молодой человек, который постоянно находился с ними во

время съемок. Ведь он вел себя там вполне нормально. Очевидно, он был незаметным и в толпе: среднего роста, с обыкновенными каштановыми волосами, карими глазами и ординарными чертами лица.

Такой человек не привлечет вашего внимания, даже если вы столкнетесь с ним нос к носу. Он регулярно берет себе гамбургер на завтрак, тщательно чистит туфли каждое воскресенье перед тем, как отправиться в церковь или играет на площадке в футбол с детьми квартала. Обыкновенный, приличного вида человек, никому бы и в голову не пришло, что он маньяк и убийца.

Сердце Моники отчаянно колотилось. Она старалась не смотреть на мертвого охранника, распростершегося на ковре и целиком сосредоточила внимание на Тери, которая была без сознания. «Только без сознания, не мертвая, — убеждала себя Моника. — Не мертвая!

Какого черта бездействует полиция Мауи? Неужели Максин не дозвонилась до нее?»

Она бросилась щупать пульс Тери и увидела, что Эверетт снимает с себя пояс.

«Что теперь? Изнасилует меня? — Моника скрипнула зубами. — Черта с два, только через мой труп!»

Но ей не следовало опасаться: вождение он испытывал к одной лишь Еве.

Ремнем и поясом от купального костюма Евы он тщательно завязал обеим руки и ноги. Моника была рада, что Тери не осознавала того, что с ними продельывает этот негодяй. Когда они были надежно связаны, он оттащил ее по дальше.

— Что вы еще придумали? Вместо ответа он наклонился над лежащим охранником и взмахнул рукой, в которой она заметила металлический предмет.

Затем он выпрямился и уставился на Монику, чуть склонив набок голову.

— Вы ее страшно замучили. Просто страшно! «Ева, сделай то, Ева, сделай так». Вы не должны были так мучить ее! Вам придется заплатить за то, что вы были так жестоки, мисс Д'Арси. Я вернусь за вами... Но вначале я должен позаботиться о моей Еве... Она так давно ждет... Я ведь обещал, вы знаете, я обещал.

Не оглядываясь, он вышел, и дверь захлопнулась от ветра. В комнату вошел запах дождя, мокрых эвкалиптов, земли и океана.

Моника видела, как кровь Тери пропитывает ковер. Она приказала себе ни в коем случае не терять сознания.

«Крепкая, как застывшие взбитые сливки, — пришли ей на память иронические слова Пита, — вы ошибаетесь, мистер Ламберт. Я крепче и сильнее, чем вы думаете. И я собираюсь жить долго, чтобы доказать вам это».

Ева вздрогнула от треска рации на поясе Свенсона. Куда запропастились Моника и Тери? В ее сердце закралась тревога. Они не должны были отсутствовать так долго. Однако Том Свенсон оставался спокойным и тогда, когда сказал, что радировал Эверетт и попросил оказать ему помощь.

— Эверетт говорит, что мисс Метьюз подвернула ногу, когда бежала сюда, и просит меня помочь донести ее. — Он направился к двери. — Они здесь рядом. Я вернусь через секунду.

Глава двадцать девятая

Щелкнул замок в двери. Ее тело вздрогнуло и напряглось, как у пичуги, увидевшей на аллее кота. Он возвращался.

Почти вовремя.

Дверь противно заскрипела и открылась.

Он не заметил ее, пока пинком ноги не захлопнул дверь и шатающейся походкой не дошел до середины комнаты, принесся с собой запах табачного дыма и немытого тела.

— Привет, Эрик...

Он ошалело заморгал глазами, едва не выронив от неожиданности банку с пивом.

«Это что за сука такая сидит здесь с пушкой?» — он протер глаза и уставился на нее, пытаясь узнать это ярко размалеванное лицо. Недурна бабенка, но кто она? Или он привел ее к себе вчера вечером? Видно, стал сдавать. Обычно он не забывал таких аппетитных кошечек.

— Малышка, — он откинул падавшие ему на глаза волосы, — а тебе никто не говорил, — произнес он заплетающимся языком, — что целиться — это фи! Невежливо? — он фыркнул, весьма довольный своим остроумием.

Ана обратила внимание, что ширинка на его джинсах была наполовину растегнута, на подмышках вылинявшей тенниски белесые пятна от дезодоранта и пота. Свинья... Она продолжала держать револьвер перед собой, глядя на него суровыми холодными глазами.

— Слушай, — сказал Эрик, потягивая пиво из банки. — Если не удалось сделать тебе ребенка, можно попытаться снова... Только знаешь... уברי к чертям эту пушку... девки с пушками действуют мне на нервы.

Он подался вперед, чтобы получше разглядеть шлюху с лохматыми волосами.

— Не двигайся! Оставайся на своем месте, гнусная тварь! — приказала Ана, резко и спокойно, несмотря на то, что сердце ее стучало как колокол.

Прищурившись, Эрик снова присмотрелся к ней. Что-то знакомое... Этот голос...

— Ах, ядрена мать! Так это ты? — он в изумлении уставился на нее. — Кенди, какого черта ты вырядилась, словно в канун дня всех святых? Или ты думаешь, что можешь откупиться от меня? О нет, малышка, — насмешливо произнес он, — ты малость опоздала... У тебя был шанс, но ты наплевала на него. Сейчас я могу получить от бюллетеня денег больше, чем ты можешь зарабатывать. Так что отложи свою дерьмовую пушку и перестань заниматься играми.

— Это не игра, Эрик. Это вопрос моей жизни. И ты ее больше не сможешь испортить. Ты уже пытался сделать это, но я убежала. Я думала, что отделаюсь от тебя. На сей раз я намерена удостовериться, что действительно отделаюсь. Ты получил от меня гораздо больше того, что заслуживаешь. Ты не получишь больше от меня не то что ни унции, но ни одного пенни.

— Красиво говоришь! — он, куражась, засмеялся, его замутненные алкоголем глаза на мгновение сверкнули. Однако он остался на своем месте. — Кенди, дорогуша, что скажет эта большая шишка — твой жених, когда из бюллетеня узнает о твоём настоящем дебюте? — Он со смаком рыгнул, наслаждаясь

так, как если бы громко пукнул в церкви. — Как ему понравился рождественский подарок?

— Он его не видел и никогда не увидит, — она старалась сохранить спокойствие, несмотря на поднимающийся гнев, который мог взорваться в ней, словно ручная граната. Глядя на Эрика — пьяного, взвинченного, кривляющегося, словно баскетбольная звезда, только что положившая в корзину три мяча, она испытывала все возрастающее отвращение. Когда-то давно ей уже приходилось сносить придирки и оскорбления пьяного отца. Тогда она не смогла отстоять перед Уорреном Кейтсом свою любовь к Рою Коуди, проявив полную беспомощность. Однако теперь она была совершенно другим человеком, ничего не осталось от той беспомощной и незащитной беглянки, которая лишилась куклы и невинности, когда покинула Бак Холлоу. Сейчас она была сильной, уверенной в себе и искушенной. И уж никак не беспомощной.

Пусть же гнев, переполняющий ее, послужит оружием, с помощью которого она совершит то, что должна совершить. Когда-то отец лишил ее шанса обрести свое счастье, разлучил с любящим и деликатным парнем. И сейчас она не позволит Эрику лишить ее шанса обрести счастье с тонким, самым порядочным человеком из тех, кого она когда-либо встречала. Человеком, который любит ее, верит ей и может пострадать, если будет предано гласности то, что она скрыла от него.

Нет! Она не может допустить, чтобы такое произошло.

— Эрик, ты не боишься, что зашел слишком далеко?

Он снова отхлебнул пива, рыгнул ей в лицо и засмеялся.

— Не надо блефовать! У тебя кишка тонка.

— Не скажи! — Ана встала, направив револьвер ему в грудь. Она тяжело дышала, ее душила ярость. — Мне было шестнадцать, когда ты опутал меня по рукам и ногам и сделал шлюхой. Я тогда была глупой девчонкой, а ты уже был аморальным чудовищем. Ты использовал меня и в хвост и в гриву, как и других. Ты причинил мне боль, насильно втянул в грязные дела... Неужто ты думаешь, что и сейчас имеешь власть надо мной? Ты глубоко ошибаешься, мистер! Черта с два, мерзкая скотина!

— Не сходи с ума, девочка! Тебе ведь самой это нравилось! Ты с удовольствием занималась любовью перед камерой... Если бы ты продолжала слушаться своего папочку, дела бы сложились совсем по-иному. Кенди, ты не должна была убегать от меня! Не должна была покидать меня! Если бы мы держались друг друга, мы бы сейчас достигли...

Теперь пришел черед Аны рассмеяться. Это был громкий, истерический смех, от которого револьвер задрожал в ее руке.

— Если бы я осталась с тобой, я бы никогда не выбралась из этого дерьма! Ты только посмотри на себя! Ты омерзителен! Ты воплощение ничтожества и порока! — Она уже не говорила, а выкрикивала слова. Гнев застилал ей глаза. — Ты всегда кормился за счет других! Ты никогда не стоял на собственных ногах! Хочешь, я признаюсь тебе насчет той работы в Осло? Это я нашла ее для тебя! Я надеялась, что ты уйдешь с моей дороги, и дала тебе этот шанс. Но у тебя не хватило ума воспользоваться им, как и многими другими возможностями. Ты ни на йоту не изменился! Этот мир станет гораздо лучше без тебя!

Румянец отхлынул от его щек. Он побледнел и поник, привалившись к закрытой двери.

— Ана, девочка, ты подумай... Это ведь получается... хладнокровное убийство... Тут не киносъёмка, второй раз не переснимешь... Вспомни, что если ты пришьёшь меня, остаток жизни проведёшь не в Белом, а совсем в другом доме...

Одна рука его сжимала банку с пивом, другая шарила сзади в поисках дверной ручки.

— Мы можем договориться... Я ведь пока еще не отправил эти фото... Подумай...

— Заткнись, падаль! — однако его жалостливые мольбы раздирали Ане душу. Написанный на лице Эрика страх и дрожь в его голосе приводили ее в смятение.

«Наберись мужества и убей эту скотину... Чего ты медлишь? Ты умеешь стрелять из револьвера. Ты видела десятки раз, как он стрелял из него в стену.

Нажать на спусковой крючок.

Ведь другого случая не будет, если не хочешь снова попасть в зависимость от Эрика Ганна». Ана подумала о том, как прореагирует Джон, когда узнает правду. «Нельзя допустить, чтобы эта история ударила по Джону. Он никак не заслуживает этого».

Ана щелкнула предохранителем, ее палец в перчатке лег на спусковой крючок.

— Как ни прискорбно... Прощай, Эрик!

— О Боже, Кенди! Умоляю, опомнись!

Он вдруг заскулил, и на его незастегнутых джинсах впереди стало расплываться мокрое пятно.

«Трус и скотина! Мочится мне в бассейн! Мочится себе в штаны! Кончай с ним!»

— Пожалуйста, не надо! — взмолился он.

Лежащий на спусковом крючке палец Аны дрожал.

«Стреляй! — приказывала она себе. — Кончай с этим подонком и сматывайся отсюда!»

Ана в упор смотрела на Эрика, презрение и отвращение все сильнее овладевали ею. Казалось, они способны сломить ее. Но презирала она не Эрика, а себя.

Он снова тянет ее за собой. Ана уже видела себя вываленной и грязи с ног до головы.

Как низко заставит он ее пасть?

— Ты не стоишь этого, мразь, — процедила она сквозь зубы и со стоном опустила револьвер. Внезапно ей стало жарко в лохматом парике. Она почувствовала, что корсаж впился ей в ребра. — О тебя не стоит пачкать руки, Эрик. Ты уже фактически мертвец во всех смыслах... Тогда, когда я считала, что убила тебя, я несколько лет оглядывалась на каждого полицейского. Она покачала головой, внезапно почувствовав усталость и опустошенность. — Ты вынудил меня сделать множество вещей, о которых я сожалею... Довольно с меня... Никто, даже ты, не заставит меня так низко пасть. Ты не заставишь меня убить тебя. Иди в бюллетень, делай свое грязное дело. Мне наплевать... А теперь прочь с пути!

Но стоило Ане сделать лишь один шаг к двери, как Эрик загородил ей дорогу. Его страх мгновенно сменился бравадой.

— Никуда ты не уйдешь, шлюха! Тем более с пушкой моего отца.

— Тогда зови полицейских. — Ана нетерпеливо махнула револьвером. — Отойди!

Однако Эрик, хоть и был основательно пьян, но, взбешенный тем, что проявил перед Аной трусость, бросился на нее и быстрым движением выхватил револьвер.

— Кому теперь ползать на брюхе? — хихикнул он, приставив дуло ей между глаз. — Ты будешь далеко не такой красивой с пулей во лбу, а, Кенди? Ах, простите, теперь вы Ана!

Ана почувствовала, как ее охватила внезапная слабость. Однако мозг ее продолжал работать четко и ясно.

Этого не должно случиться!

— Эрик, не сходи с ума. Ты не выйдешь отсюда. Джон точно знает, где я сейчас, — соврала она, стараясь, чтобы ее голос звучал спокойно и уверенно. — Тебя четвертуют, если ты решишься убить меня.

— Ну что ж, стану знаменитым. Это стоит того... Пожалуй, я так и сделаю.

Она увидела, как безумно сверкнули у его глаза, а палец потянулся к спусковому крючку. О Боже, а ведь он *собирается* это сделать.

В ней одновременно сработали страх, инстинкт, ярость — и она не раздумывая бросилась вперед.

— Сука! — закричал Эрик.

Она схватила его за запястье, быстро отвела его руки в сторону и со всей силой ударила коленом в пропитанный мочой пах. Эрик завопил от боли. На какое-то мгновение он почти выпустил револьвер, и Ана обеими руками схватилась за оружие. Они оба упали и оказались на полу возле шаткого стола.

Это была борьба за жизнь. Перед Аной всплыло лицо Джона, когда Эрик наотмашь ударил ее по лицу. Она ощутила боль и медный вкус крови во рту, но продолжала отчаянно цепляться за руку, в которой находился револьвер. Если не вырвать оружия, Эрик убьет ее.

Эрик оказался сверху, придавив ее своим телом к полу и упершись локтями ей в ребра. Он приставил дуло к лицу Аны и засмеялся.

— Пока, Кенди!

Каким-то непостижимым резким движением руки Ана отвела дуло в сторону. И тут же грянул выстрел.

Пуля прострелила ему лоб. Кровь и мозги, горячие и скользкие, брызнули у него на затылке и потекли на нее.

«Прямо как спагетти», — подумала она, теряя сознание.

Она поползла до ванной и, держась за ручку, сумела подняться. Преодолевая подступавшую тошноту, она лихорадочно стала смывать липкие капли с лица и парика.

«Скорей из этого проклятого места, — Ана подавила рыдания, которые душили ее, сдирая с себя кожаные перчатки. Все духи Аравии не освежат эту руку».

Она всегда мечтала сыграть леди Макбет.

Боже!

Раздвинув вешалки в стенном шкафу в спальне, Ана увидела поношенный плащ цвета хаки. Дрожа всем телом, она сунула руки в рукава и затянула пояс поверх своей пахнувшей смертью одежды. Осторожно, стараясь не смотреть на

Эрика, она пробралась к своей сумке.

Ана никого не встретила, когда выходила из квартиры. Опустив голову, она спустилась с лестницы, вышла на улицу и растворилась в толпе.

Глава тридцатая

Гром и молния перенесли Еву в ее маленькую спальню в Дулите, где во время грозы Марго начинала рассказывать страшные истории об ужасах и привидениях. Она до сих пор слышит голос, доносящийся с верхнего яруса койки, — зловещий, рассекающий темноту голос, усиленный завыванием ветра, шумом дождя и раскатами грома. Марго не умолкала ни на минуту, добавляя к леденящей душу подробности новую, еще более страшную, пока Ева не убегала к матери, ища успокоения в ее объятиях.

Где же однако Свенсон? Он сказал, что вернется тотчас же. Ева поднялась с дивана и осторожно заглянула через стекло входной двери.

Не было видно ни души.

Ветер нещадно хлестал по деревьям возле виллы, пригибая бутенвилиии и молодые стройные пальмы к земле.

Ева обхватила ладонями чашку с чаем и сделала глоток ароматной, успокаивающей жидкости. Мать всегда давала ей чай с медом и корицей, когда она была нездорова.

Ева подошла к телефону. Большие девочки иногда плачут, и в такие моменты им тоже нужны мамы. Она набрала номер телефона в Дулите и услышала первый звонок, когда совсем рядом раздался резкий короткий удар грома, от которого она подпрыгнула.

Боже мой, это был гром или выстрел?

Ева бросила трубку на рычаг. Сердце ее колотилось в ритме стаккато.

«Это был гром, идиотка!» — сказала она себе.

Она поставила на столик чашку с чаем и взяла вложенный в футляр нож для разрезания конвертов.

Громкий стук в дверь заставил ее вздрогнуть.

— Мисс Хэмел! Это Дин Эверетт. Впустите меня!

Давно пора. Она посмотрела в дверной глазок и удостоверилась, что это действительно был телохранитель с каштановыми волосами. Ева с облегчением опустила нож в карман костюма.

— Я так беспокоилась, — она взглянула во тьму за его спину. — А где Свенсон, Моника и Тери?

Эверетт пропустил ее в комнату и деловито запер дверь.

— Не беспокойтесь о них.

— Но я думала...

Он покачал головой, и капли дождя скатились с его щек.

— Они не скоро вернуться сюда. Но я принес кое-что от них.

Ева озадаченно смотрела на него, пока он рылся в кармане своей куртки.

— Это от Моника.

Он передал ей лоскут от красного платья. Ева в недоумении смотрела на квадратик материи.

— А это от Тери.

Он достал кусочек белого шелка и сунул ей в руку.

— А это, — добавил он, томно закатывая глаза и протягивая пропитанный кровью лоскут цвета хаки, — от Тома.

Дин Эверетт уставился на нее, и Ева увидела глаза сумасшедшего. Она оцепенела от ужаса. Она не могла ни кричать, ни шевельнуться. Она в шоке смот-

рела то на лоскут материи в своей руке, то на этого вполне обыкновенного вида человека с безумным блеском в глазах.

— Что вы с ними сделали? — спросила она наконец шепотом.

— Тома я убил — вот этой штукой, — он вытащил пятидюймовый охотничий нож из висевшего у пояса футляра. — Так уж пришлось. Я забыл револьвер на твоей вилле, когда связывал Монику.

Ева проглотила комок в горле, пытаясь сохранить равновесие, потому что пол покачнулся у нее под ногами.

— А с Моникой... все в порядке?

— Да, она жива и здорова. Вот только Тери потеряла много крови. Но ты не должна о них беспокоиться. С ними агент охраны, — внезапно он издал дурашливый смешок. — Проблема, правда, в том, что он тоже мертв... Понимаешь, — и он показал ей еще один клочок материи.

О Боже! Ева непроизвольно отступила на два шага.

«Ты безумный!» — едва не закричала она, но вовремя спохватилась. Надо было искать выход из положения, она лихорадочно пыталась что-то придумать.

Что постоянно вдалбливала ей Максин, когда они проигрывали самые немыслимые сценарии? Оставаться спокойной, соглашаться с ним, поддерживать разговор, то есть делать все, чтобы остаться в живых.

Боже мой, он убил Свенсона и агента охраны, а может, и Тери с Моникой, в панике размышляла Ева. Она представила себе связанную Монику и истекающую кровью Тери. Ее охватил ужас.

«Я буду следующей, — подумала она, — чувствуя, как ее прошибает холодный пот. — Я и мой ребенок. Боже мой, нет!

Надо заставить его говорить».

— Билли, — она провела языком по пересохшим губам. — Почему ты не пройдешь и не сядешь? Я приготовлю чай, — она сделала шаг в сторону кухни.

— Нет! — он бросился вперед и схватил ее за плечо. — Ты всегда уходишь от меня! Больше не надо. Я здесь, и сейчас самое время.

— Билли, я не уйду от тебя, — она сделала попытку улыбнуться и не вырваться, хотя его пальцы больно впились в нее. — Просто я много работаю.

— Слишком много! — он энергично кивнул. — Тебе нужно больше думать о себе. И о нашем ребенке.

Он знал. Знал даже это. Она почувствовала спазм в горле. Его рука блуждала по ее животу. Ей хотелось отодвинуться, но она приказала себе не шевелиться.

— Значит, ты знал о ребенке, — медленно сказала она.

Он сел на диван, увлекая ее за собой. Одной рукой он обнимал Еву за плечи, другой в задумчивости играл ножом.

— Ты должна была сказать мне о ребенке. Я очень рассердился, когда узнал об этом. Тебя надо за это наказать.

Она ощутила запах его дыхания. Пахнуло сладким и терпким, очевидно, он чем-то незадолго до этого прополоскал рот.

— И за Нико. Почему ты все еще продолжаешь встречаться с ним, если ты носишь моего ребенка, Ева? Или ты думала, что я об этом не узнаю? — он вздохнул. — Ты вроде других. Ты очень красивая... Те были тоже красивые. Их

все любили... и забирали у меня... всегда забирали...

— Но я здесь, с тобой, Билли. Я никуда не собираюсь. Я обещаю. Я останусь здесь.

Его карие глаза стали грустными, мечтательными.

— Ты меня любишь, Ева?

Она кивнула, не имея сил выдавить из себя хоть слово.

Лицо Билли помрачнело. Он положил нож на дальний край кофейного столика — это было слишком далеко от нее — и грустно посмотрел на нее. Прежде чем она сообразила, что происходит, он шлепнул ее по подбородку.

— Скажи это, Ева, не упрямься! Мне надоело. Скажи же!

— Я люблю тебя, — выдавила из себя Ева.

— Еще! — последовал новый шлепок.

— Я люблю тебя.

Его лицо озарилось блаженной улыбкой.

— Я знал это. Я знал, что стоит нам побыть немного вместе, как ты это поймаешь... Вот смотри, я хочу тебе кое-что показать. — На его ладони блеснули маникюрные ножницы.

Что еще хранит он в своих бездонных карманах — гранату, мачете? Ева смотрела, как он поднес ножницы к свету. Она боялась что-либо произнести, чтобы не к месту сказанное слово не вывело его из себя.

Билли взял ее мизинец окровавленными пальцами.

— Этот маленький поросенок пошел на базар... — он хихикнул и срезал ножницами полудюймовый наманикюренный ноготь. — Этот маленький поросенок остался дома... Ты должна остаться дома, Ева, — он срезал ноготь на безымянном пальце.

Один за другим он срезал ногти на всех ее пальцах. Сердце у Евы гулко стучало, пока она прислушивалась к его бормотанию. Она потеряла представление о том, сколько времени сидит здесь, тупо уставившись на ножницы. Помощь должна скоро подоспеть, нужно лишь подольше задержать его. Охрана найдет Монику и остальных и станет выяснять, что натворил этот маньяк на других виллах.

— Бобби Сью всегда ездила на гастроли по разным городам... Она отдавалась пению всем сердцем... Но никто не любил ее так, как я... А Лианна... Она была очаровательна!.. У нее были шелковые рыжие волосы. Они развевались на солнце, когда она взмахивала ракеткой. Бац! Пятнадцать-ноль! Бац снова! Тридцать-ноль!.. Она была такая грациозная. Я так любил ее, Ева! И мне было больно наказывать ее. Но я должен был... Ты ведь понимаешь меня, правда?

Ева кивнула.

Билли грустно посмотрел на нее.

— Наверное, ты не совсем понимаешь. Ты просто говоришь, что понимаешь. Никто не понимает. — На его лице появилась хитрая улыбка. А ты догадываешься, как я это делал?

«Убивал женщин? Ускользал от полиции? Отрезал лоскуты от моих платьев? Что именно, идиот? Намекни хотя бы!»

— Нет, не могу себе представить, Билли. Ты мне скажешь? Я всегда удивлялась, какой ты умный.

Ева надеялась, что ее голос звучит негромко и спокойно, однако каждый мускул на ее теле был скован страхом. В ней боролись три несовместимые

друг с другом желая: сопротивляться, бежать и следовать практическому совету Максин — заставить его говорить, успокоить его.

Пока что последний способ срабатывал. Ее вопросы разряжали обстановку. Он казался весьма довольным.

— Я умный, — сообщил он ей, — очень-очень умный. Я могу сделать все, что захочу. И мне совсем не обязательно работать рассыльным. Я стал обслуживать автомобили, чтобы быть ближе к тебе. И мне это удалось. — Сияя улыбкой, он потряс ножницами, как если бы в его руке была связка ключей от автомобиля. — Я должен был видеть тебя постоянно — ты такая красивая... У тебя столько замечательных платьев. И мне нравилось, когда ты оставляла в машине календарь своих деловых встреч. Я чувствовал себя рядом с тобой. Это было как чтение твоего дневника или твоих любовных писем.

Рассыльный... Это буквально потрясло ее. Ну, конечно, эти безымянные, безликие исполнители, которые парковали и подавали автомашину к ресторанам, театрам, отелям. Сколько же раз она вручала им свои ключи, свою машину, а с ней и документы, лежащие на сиденье, никогда потом не думая и не вспоминая о них.

Если при этом Нико о чем-то и беспокоился, то лишь о том, чтобы машину подали побыстрее и не поцарапали. Всякий раз принимая машину, он осматривал ее.

— Ты придумал гениально, — медленно произнесла Ева, не забыв одновременно улыбнуться. — Ты, должно быть, действительно любишь меня, если идешь на такие жертвы. У меня есть идея. Почему бы нам не назначить встречу?

Я надена одно из самых лучших платьев, и мы можем вместе отправиться куда-нибудь и пообедать.

Он схватил Еву сзади за волосы и резко потянул ее голову назад. Его лицо исказилось от гнева.

— Ты не понимаешь этого, Ева! Ты всегда куда-то ходишь! Я постоянно должен ожидать! Сейчас мы наконец-то вместе, а ты мечтаешь только о том, чтобы поесть? Или ты просто хочешь совершить выход, чтобы покрасоваться и порисоваться перед всеми? Но это твоя проблема. Ты слишком хорошенькая и слишком тщеславная. А мы сделаем вот что.

В его руке блеснули ножницы, которые он поднес к ее лицу. Ева испуганно отпрянула в сторону, но Билли со скоростью змеи бросился на нее и прижал к дивану.

— Не надо! — взмолилась она, когда ножницы снова сверкнули перед ее глазами. — Прошу тебя, не надо!

— Это для твоего же блага, — убежденно сказал он. — Будь умницей и лежи спокойно, а то я рассержусь.

Ева в ужасе извивалась под ним, ожидая, что он пропорет ее ножницами, но он стал лишь не спеша, методично срезать пряди волос повыше ушей, поворачивая ей голову и уделяя особое внимание тем прядям, которые рассыпались по дивану. При этом он что-то мурлыкал себе под нос.

— Очень неплохо, правда? — сказал наконец Билли, любуясь своей работой. — Теперь ты уже не такая красивая.

Он ухмыльнулся и наклонился к ней.

— Дай мне поцелуй, будь умницей, — сдавленным голосом произнес он, на-

валиваясь на нее всем своим телом.

Ева с трудом преодолела отвращение, когда его влажные губы прижались к ее рту.

— Открой рот, — прошептал он.

Ей хотелось блевать, кричать, драться, пинать ногами. Но еще больше ей хотелось жить.

Она открыла рот.

Руки и ноги Моники занемели, и лишь в запястьях она испытывала боль. Она охрипла от криков, но до сих пор никто не пришел на ее призывы о помощи. Неужто он убил всех — Антонио, Мими, остальных?

Кровь Тери пропитала ковер. Она лежала неподвижно.

За окнами стучал дождь, от ветра шевелились занавески. Куда все-таки подевалась охрана?

«Спасибо, хоть огни не погасли, — подумала Моника, чтобы как-то справиться с подступающей паникой. — Я по крайней мере могу видеть, что происходит. А то в темноте мое воображение сыграло бы со мной злую шутку.

Ладно, хватит скулить и жаловаться... Ты прочитала в детстве уйму книг о Ненси Дрю. Ненси всегда находила выход из самого отчаянного положения. Что сделала бы она сейчас?

Надо освободиться».

Однако одно дело читать и совсем другое — делать. Как Моника ни извивалась, проклятый пояс не поддавался.

«Я должна доставить Тери в больницу... Должна помочь Еве. Боже мой, что, если он уже убил ее? Может, Тери тоже уже мертва, она потеряла столько крови...»

В этот момент Моника с радостью променяла бы свой роскошный пояс на маленькие бритвенные лезвия. Пропади он пропадом... этот... проклятуций... пояс.

Она в изнеможении затихла. С освобождением ничего не получалось, с трудом повернув голову в сторону Тери, Моника увидела, что лужа крови все увеличивается. Слезы отчаяния брызнули из ее глаз. Однако она быстро подавила в себе приступ малодушия и стала извиваться и дергать ногами еще более яростно.

Внезапно на столике возле дивана зазвонил телефон. Этот звук вселил новую надежду в душу Моники.

Может, это ее единственный шанс. Невероятным усилием она оттолкнулась ногами, не обращая внимания на острую боль в суставах. Три звонка... четыре... Моника сделала попытку зацепиться за ножку стола.

Телефон отключился раньше, чем включился автоответчик. Однако от толчка Моники лампа свалилась на пол и разбилась на множество осколков.

Из уст Моники раздались проклятия, она погрузилась в темноту...

— Мне надо сходить в туалет. Билли перестал целовать Еву и с подозрением посмотрел на нее.

— Я тебе не верю.

— Билли, я беременна... Нашим ребенком. А беременные женщины часто ходят в туалет.

Он поколебался, затем кивнул.

— Смотри, Ева, не выкинь какой-нибудь номер.

— Я вернусь, обещаю тебе.

Он отпустил ее и дал ей возможность встать на ноги. Направляясь к ванной, Ева изо всех сил старалась держаться уверенно. Она должна все это пережить ради ребенка.

— Пстой!

Он бросился к туалету. У нее упало сердце, когда он двумя руками вырвал телефонный провод из стены и бросил аппарат в мраморную ванну.

Мышцы Евы были напряжены, чувства обострены.

«У него нет ножа. Нож все еще лежит на столе... Как и маникюрные ножницы. У меня может не быть другого шанса».

Он вышел из туалета и остановился перед ней. У Евы участилось дыхание. Но он стал лишь ерошить пальцами ее обкромсанные волосы.

— Чудесно. Даже короче, чем у Лианны, — внезапно он нахмурился и наклонился к ее лицу.

— Не закрывай дверь туалета.

— Не буду.

Она повернулась, стараясь не смотреть на запертую переднюю дверь. Билли направился назад к дивану, мурлыкая под нос и глядя на нее с еле заметной улыбкой.

«Сейчас или никогда. Решайся!»

Сердце у Евы билось, словно колокол, когда она заставила себя бросить взгляд на застекленную дверь позади него.

— Не стреляй, Тамбурелли! — закричала она, и в тот момент, когда Билли повернул голову, чтобы посмотреть на застекленную дверь, она опрометью бросилась к закрытой передней двери.

Задвижка не поддавалась, и Еву охватил ужас. Она продолжала дергать ручку, когда Билли настиг ее.

— Лгунья! Шлюха! Ты такая же как все! — закричал он, и от ярости у него вздулись вены на шее. С его губ слетала слюна, глаза стали совершенно безумными.

— Ты заплатишь за это, Ева! Дорого заплатишь! Ты сама виновата! — его ладони приблизились к горлу Евы.

Чувствуя звон в ушах и видя белые круги перед глазами, Ева сунула руку в карман. Только бы у нее хватило сил.

Свет мелькнул и погас в ее глазах. Она резко ударила его ножом в пах.

Крик Билли заглушил раскаты грома. Он отпустил ее горло и отпрянул назад, схватившись за конец ножа, торчавшего в кровоточащей промежности.

Ева повернулась лицом к двери, но едва она схватилась за ручку, как дверь распахнулась.

— Ни с места!

Шесть гавайских полицейских и Моника бросились к Еве. Беззвучные красные и белые мигалки прорезали темноту за дверью.

Полицейские пронесли мимо нее. Моника подхватила Еву на руки, и в это время раздались звуки сирены скорой помощи.

— Все в порядке, Эви Б... Все в порядке, — бормотала Моника, мешая истерический смех со слезами. — Я же говорила тебе, что все будет в порядке... А если я говорю, это гарантировано, — слезы градом покатались по ее щекам,

когда она увидела изуродованные волосы и белое от ужаса лицо Евы.

Позади них Билли Шиэрз изрыгал ругательства, пока его связывали полицейские. По рации передали:

— Подозреваемый ранен. Истекает кровью. У нас двое убитых, один ранен.

Ева потянула Монику из помещения и запрокинула голову вверх, подставляя лицо под струи проливного дождя. Они вдвоем бессильно привалились к бамбуковой калитке.

— Мой ребенок, Моника! — прошептала Ева и стала исступленно обнимать подругу. — Теперь, слава Богу, ты будешь крестной матерью Я сделала это... Я спасла ребенка.

Глава тридцать первая

Адам сидел на диване в отеле Диснейленда, переживая захватывающие перипетии ручной видеоигры. Он не заметил, как по телевизору стали передавать выпуск последних известий, и не мог слышать слов диктора:

«...рассказ о кровавой драме на острове Мауи. Погибло два сотрудника охраны, двое госпитализированы, в том числе подозреваемый маньяк-убийца, который в течение нескольких часов держал в качестве заложницы знаменитую фотомоделль Еву Хэмел, пока не был задержан. В силу случайного стечения обстоятельств была ранена молодая женщина по имени Тери Метьюз из Ливонии, штат Мичиган. Мисс Метьюз находилась на Мауи по приглашению журнала «Идеальная невеста». У нас пока нет сведений о ее состоянии, как и о состоянии мисс Хэмел, которая, как сообщают, беременна от известного автогонщика Нико Чезароне. Они принимали участие в мероприятии, проводимом журналом, в котором задействованы актриса Ана Кейтс и ее жених сенатор Джон Фаррелл, а также владелец журнала миллиардер Ричард Ивз и его невеста графиня Моника Д'Арси, она же главный редактор «Идеальной невесты». Однако ни Кейтс, ни Фаррелл не появились на Мауи, и официальных сообщений об их местонахождении не было. Подробности этой истории мы будем сообщать по мере поступления информации».

Похолодев, Эндрю бросился к телевизору переключать каналы. Си-эн-эн? Эй-би-си? Где еще он может получить информацию о Тери? Почему они не сказали, в какой больнице она находится?

Несмотря на работу кондиционера, с его лба ручьями стекал пот, пока он звонил по персональному номеру Тери, который она ему дала, в полицию Мауи и в Лос-Анджелес.

Адам был настолько поглощен игрой, что не заметил, как Эндрю собрал вещи и поставил чемоданы у двери.

— Нам надо ехать, дружище, — знаками сообщил он, опустившись на колени перед мальчиком и взъерошив ему черные волосы.

— Куда? — знаками спросил Адам, и в его серых глазах читалось ожидание какого-нибудь нового чуда.

— В аэропорт. — Эндрю старался сохранить бодрое выражение лица, но чувство тревоги переполняло его сердце.

Хорошо, что ему не надо было говорить, потому что голос сейчас бы выдал его.

— Мы должны навестить твою мать — Тери, — показал он. — Она нуждается в нас.

Тери лежала опутанная трубками и проволоками с подоткнутыми простынями, которые были такими же белыми, как и ее лицо. На мониторе у ее изголовья можно было видеть ритм биения ее сердца, наблюдая за которым Брайен мог заключить, что Тери дышала. Но ничего кроме страха он не испытывал.

Она была неземной, фарфоровой. Да и можно ли вообще, потеряв столько крови, все-таки остаться живой? Медицинские сестры были внимательными, но от ответов уклонялись.

— Мы не можем дать вам сведений, пока не приедет доктор, мистер Миха-

эльсон.

Брайен и Тамбурелли прилетели из Хило последним рейсом вскоре после того, как хирург присоединился к группе, занимавшейся поимкой Билли Ширза.

Брайен взглянул на часы: три часа ночи. Ева Хэмел и Моника Д'Арси вместе с Тамбурелли ушли всего пятнадцать минут назад, после того как ординатор пригрозил им, что надолго уложит их в больницу, если они не отправятся отдохнуть. Но Брайену казалось, что с того момента прошла целая вечность.

Моника. Она фактически спасла Тери жизнь. Изрезала себе запястья осколками стекол, но освободилась от пут и успела вовремя вызвать помощь, не дав тем самым Тери окончательно истечь кровью. С перевязанными запястьями Моника, не теряя присутствия духа, носилась по этажам больницы, навеваясь то в палату Евы, то к Тери, оптимистично заявляя Брайену, что Тери уже лучше и что все будет в порядке.

Брайену так хотелось в это верить!

Он устало поднялся со стула. При слабом освещении лампы дневного света, укрепленной над головой, Тери напоминала увядшую лилию. Губы ее потрескались и пересохли. По длинным пластиковым трубкам в ее вены по капле поступала кровь. Еще утром она была такой оживленной, так смеялась под лучами солнца, а черные волосы ее развевались по ветру, когда они резвились перед камерой Антонио.

Сейчас это было как бы уменьшенное и бледное изображение, вроде того, что начинает появляться в бачке при проявлении фотографии.

Брайен ласково дотронулся до ее щеки. Он так по-скотски вел себя с ней, когда они ходили в супермаркет за покупками. Тогда его через край переполняли злость и уязвленное самолюбие. Тери просила у него всегда лишь одного — его любви.

И он любил ее. Но знает ли она об этом сейчас, когда ей так нужны любовь и силы, чтобы выжить?

— Я люблю тебя, Тери, — прошептал он. — Боже, как я люблю тебя! Я верю, что ты слышишь меня... Может, еще не поздно. Я говорил тебе, что нашел свою старую модель железной дороги для Адама. Я представляю, сколько удовольствия доставит она нам троим. Мы можем установить ее в подвале на столе для пинг-понга, а когда у нас появится своя квартира, Адам сможет смонтировать ее в своей комнате, если пожелает. Держись, малышка! Я с тобой буду все время. Я люблю тебя...

На кровать легла тень.

— Я тоже люблю ее, — сказал Эндрю, который стоял возле кровати.

Невольно ладони Брайена сжались в кулаки. Усилием воли он заставил их разжаться и повернуть лицо к Эндрю Леонетти.

— В таком случае у одного из нас будут проблемы, — Брайен глубоко вдохнул и повторил слова, которые произнес Эндрю при их первой встрече в Ливонии:

— Возьмите стул, приятель, ночь обещает быть длинной...

Они сидели, шагали, вглядывались в лицо Тери.

Глаза Тери все время оставались закрытыми. В восемь часов пришла медицинская сестра, чтобы заменить трубки. Внезапно Тери открыла глаза и засто-

нала.

— Спокойно, не шевелись, Тери, — бодрым голосом сказала сестра. — Все хорошо, ты в больнице и дело идет на поправку.

— Брайен... я хочу видеть Брайена...

Эндрю был на ногах и при первых словах сестры наклонился над кроватью. Тери всмотрелась в его лицо.

— Эндрю, — прошептала она и коснулась его руки. Лицо ее было отекшее и бледное, как воск. — А где Брайен? Я хочу Брайена, — просительно сказала она, морщась от боли. — Где он?

Лицо Эндрю потемнело. Он отступил на два шага назад. Брайен выдвинулся вперед и наклонился к Тери.

— Я здесь, малышка, — он посмотрел ей в глаза, протянул руку и коснулся ее волос. Тери казалась такой слабой и истощенной, что у него сжалось сердце. Но все же она была в сознании, смотрела на него и держалась за его руку. — Я был рядом с тобой всю ночь и не собираюсь уходить, — сказал Брайен. — Ты меня напугала до смерти. Если ты не хочешь идти со мной под венец, то есть другие способы отделаться от меня.

— Кто тебе сказал, что я не хочу идти с тобой под венец? Я вообще не хочу расставаться с тобой.

Эндрю как-то сразу ссутулился. Он отрешенно смотрел на Брайена и Тери, чувствуя пустоту в душе. Тери уже позабыла о нем. Она вся словно растворилась в Брайене.

— Я так испугалась, — произнесла она. — Брайен, я думала, что никогда больше не увижу тебя.

Она с трудом выговаривала слова. Но это были самые лучшие слова, которые Брайен когда-либо слышал.

Они не заметили, как Эндрю Леонетти повернулся и вышел из комнаты.

Глава тридцать вторая

Джон Фаррелл хлопнул дверцей и прислонился к машине, пытаясь собраться с мыслями перед предстоящим разговором. Ана была уже в номере, автомашина, которую она взяла напрокат, стояла под высоким мамонтовым деревом. Она так мало чего сказала по телефону, когда просила его о встрече, что у него осталась уйма вопросов. Прошла почти неделя с того момента, когда Ана без объяснений покинула дом его родителей и словно исчезла с лица земли.

Такое невозможно простить. Ни слова в течение недели! Этому нет оправдания.

И все-таки он пришел. Он выслушает ее, а затем покажет ей заявление пресс-секретаря, которое будет сделано утром.

Джону показалось, что у него зашел ум за разум, когда в тот вечер он прочитал ее загадочную записку: «Джонни, случилось нечто из ряда вон выходящее. Прости, что покидаю тебя так неожиданно. Объясню позже». После этого он сходил с ума, не имея никаких вестей от нее. Затем тревога и страхи сменились гневом и яростью. Репортеры домогались его день и ночь. Моника Д'Арси чуть не сожгла телефонную линию между Мауи, Род-Айлендом и департаментом. Но хуже всего было выносить полные сострадания и упреков взгляды родителей, которые старательно избегали упоминания имени Аны.

Никто не имел понятия, куда она подевалась, — ни Арни, ни Грациэлла, ни Луиза. Вплоть до ее звонка...

— Что ж, Ана, я пришел, — сказал Джон, когда она открыла дверь и отступила на шаг, давая ему возможность войти.

— Джонни, я ни малейшим образом не хотела причинить тебе боль или доставить неприятности, — негромко сказала Ана, но он оборвал ее так же безжалостно, как какого-нибудь своего оппонента во время дискуссий в сенате:

— Тем не менее ты в этом преуспела.

В его глазах Ана прочитала гнев, от которого ее невольно бросило в дрожь.

Впрочем, она и не ожидала, что объяснение будет легким.

— Я знаю, что ты сейчас в ярости. Но ты мог бы сесть и выслушать меня? Поверь, что у меня имеется объяснение случившемуся.

Он сел. Сел, настроенный воинственно в центре дивана с клетчатой обивкой, тем самым вынудив ее сесть напротив в кресло. Он не желал находиться рядом с ней, во всяком случае на первых порах. Он должен сохранить ясную голову — мало ли какую лапшу станут ему вешать на уши.

Тишину в комнате нарушал лишь треск поленьев в камине. Отблески пламени несколько скрашивали болезненную бледность лица Аны. Просторный свитер поверх черных в обтяжку джинсов, казалось, поглотил ее. Под глазами был и заметны темные круги. Джон никогда не видел Ану такой бледной и подавленной.

— Ты здорова? — неожиданно для самого себя спросил он. Его внезапно обожгла мысль: а вдруг она больна? Вдруг серьезно больна? Он даже приподнялся с дивана. «Боже, как эгоистичен я», — подумал он, а вслух спросил: — Что с тобой?

Ана покачала головой, прочитав скрытую тревогу в его глазах.

— У меня нет рака, у меня нет СПИДа или чего-нибудь вроде этого. Да мне

было бы даже легче рассказать тебе о таких ужасных вещах. Моя задача гораздо сложнее. Пожалуйста, выслушай меня. Если после этого ты меня станешь презирать и ненавидеть, я пойму тебя. Я поручу Арни сделать заявление, что по взаимному согласию мы решили пойти разными дорогами. — Некоторое время она смотрела на свои руки, затем подняла голову и взглянула ему в глаза. — Только ты должен знать, что я люблю тебя... Всегда любила, и всегда буду любить.

Что же она собирается рассказать ему? Джон пытался сохранить бесстрастное выражение лица, когда Ана начала рассказ, однако очень скоро он понял, что сохранить эту напускную бесстрастность ему не удастся.

Ана рассказала ему все, не утаивая ни малейшей подробности, какой бы неприятной она ни была. Невозмутимость Фаррелла исчезла, едва лишь он услышал об Эрике Ганне. Не в силах усидеть на месте, Джон подошел к окну и, продолжая слушать, то и дело нервно проводил пальцами по волосам. Когда Ана стала рассказывать о шантаже, Джон повернулся и посмотрел ей в лицо.

— Почему ты не сказала мне об этом? Черт возьми, ну почему ты не доверилась мне, Ана?

Ана уронила голову на грудь, чувствуя, что ее покидают последние силы.

— Ты не знаешь еще самого ужасного, Джонни. Эрик мертв. Я застрелила его.

— Что?!

И тогда она разрыдалась. Джон разразился потоком слов, которые он обычно адресовал демократам. И пока в нем происходила внутренняя борьба, он вышагивал по комнате, пиная ногами подвертывающиеся поленья. Но, видя отчаяние Аны, слыша ее выворачивающие душу рыдания, он в конце концов взял себя в руки.

Джон подошел к Ане и прижал ее к себе. Ему надо было пережить последствия тех бомбовых ударов, которые нанесла ему Ана. Каждый из них был способен убить его. Все вместе они могли его испепелить и превратить в ничто.

В нем боролись два чувства. Одно говорило ему: не множить потери, а бежать; второе — пренебречь всеми возможными последствиями.

Джон дотронулся до пышных блестящих волос Аны, освещенных пламенем камина.

— Ладно, Ана... Расскажи, как все произошло.

Тремя часами позже он покончил с телефонными звонками.

— Мои люди обо всем позаботились. Все, что могло указать на твое пребывание в квартире этого мерзавца, уничтожено. Они говорят, что полиция еще нехватила его.

Ана передернула плечами.

— Все, что ты оставила там, исчезло. Всякий, кто что-либо знал, позабыл об этом.

Ана сидела на диване, поджав под себя ноги, с чашкой какао в руках.

— Мне так не по душе втягивать тебя в эту грязь, Джонни. Ты здесь совсем ни при чем, а ведь если что-то всплывет, это может погубить тебя.

Некоторое время Джон молча изучал ее. Затем подошел к окну и стал смотреть на багряные отсветы заката в горах.

— Тебе надо было обратиться ко мне раньше.

— Я хотела справиться сама. Я очень боялась потерять тебя... Ты — лучшее,

что я когда-то знала в жизни...

— Ты чуть не убила себя, — внезапно им снова овладел гнев. Он подскочил к ней и схватил ее за плечи. Какао выплеснулось из чашки, Джон отставил чашку в сторону и заключил Ану в объятия.

— Идти одной в логово Эрика Ганна!.. Большой глупости трудно придумать. Да если бы он убил тебя...

Его голос дрогнул. Он провел рукой по ее волосам, затем снова порывисто обнял ее.

— Этого я не смог бы пережить, — выдохнул он.

Ана едва верила своим глазам, когда увидела слезы, затуманившие глаза Джона. В ней появились первые проблески надежды. Впрочем, страхов оставалось гораздо больше.

— Я боюсь, что всякий раз, при взгляде на меня, ты будешь вспоминать эти проклятые фильмы, — с горечью прошептала она.

— Перестань городить чушь, глупышка, — Джон взъерошил ей волосы. — Всякий раз, при взгляде на тебя, я буду думать о той умной, вдумчивой, блестящей женщине, которая покорила меня на вечере в пользу жертвам СПИДа... Эта женщина владела моими мыслями много дней после той встречи. А теперь я хочу провести с этой женщиной в любви всю свою жизнь... Хочу хоть как-то вознаградить за те испытания, которые ей выпали. Все это в прошлом, Ана. Умерло раз и навсегда... Вместе с Эриком Ганном.

Он снял с нее свитер, затем расстегнул молнию на джинсах.

— Давай заключим с тобой пакт.

— Какой еще пакт? — стоя перед Джоном лишь в белоснежном кружевном лифчике и трусиках, Ана вдруг почувствовала, как сладостно заняло все тело. Она игриво засмеялась, когда Джон решительно опрокинул ее на шерстяное покрывало.

— Больше никогда об Эрике Ганне ни слова.

— Я готова выпить за это.

— Это потом, — сказал Джон, прерывая ее поцелуем. — Мы выпьем за это шампанского, или пива, или чего ты пожелаешь, а пока что...

Он быстро расстегнул желтую рубашку и сбросил ботинки. Черные твидовые брюки не могли скрыть его эрекцию. Ана чувствовала себя непривычно возбужденной и раскованной. Передалась ли ей страсть Джона или причина лежала в чем-то другом, но она ощутила сладостное влажное тепло между ног.

Джон расстегнул лифчик, выпустил на свободу упругие груди и нежно поцеловал розовые соски. Ана прерывисто вздохнула. Она едва верила в реальность происходящего: ведь Джон знал о ней все — и тем не менее был рядом с ней, любил и желал ее.

Джон нежно и жадно целовал Ану, перемещаясь губами все ниже, к узкой полоске трусиков. Ана выгнулась навстречу ему, приподняла ягодицы, чтобы он мог снять последний предмет одежды. Когда его язык скользнул ниже, она почувствовала тепло, которое разлилось по всему телу.

Язык медленно ласкал и дразнил ее, затем к ласке присоединились трепетные пальцы, рождая головокружительные сладостные ощущения. Тепло в ее лоне росло, превращалось в пульсирующую боль. Когда она подумала, что сойдет с ума от ожиданий, Джон своими бедрами раздвинул ее ноги и вошел в

нее.

Ана не напрягалась и не сдерживалась, она расслабилась и отдалась сладостным ощущениям и нахлынувшей радости. Джон действительно любит ее... Он рядом с ней... Он не намерен бросать ее из-за ее прошлого.

Ана почувствовала силу и мощь мускулистого тела, Джона накрывшего ее. Она обвила ногами вокруг него, слилась с ним, самозабвенно двигаясь навстречу его движениям.

Джон всецело завладел ею, растворил в себе. Ана погрузилась в мир неповторимых, сладостных ощущений и не имела ни малейшего желания возвращаться из него.

Это было чудесно, волшебно, изумительно. Ана почувствовала себя освеженной и словно заново родившейся. Капельки пота поблескивали на ее теле, ей было тепло и легко, и она счастливыми глазами смотрела в глаза улыбающегося Джона.

— Я люблю тебя, Джонни, — прошептала она.

— Чего стоили мне эти несколько дней, — сказал он, скатываясь с нее. Он намотал прядь ее волос на палец. — Больше никогда так не поступай, не выключай меня из своей жизни и никогда не уходи, не сказав ни слова. Это так несправедливо, Ана!

— Обещаю!

Он поцеловал ее груди и нежно провел рукой по животу, по пышным волосам между бедер.

— Я слишком люблю тебя и не хочу потерять. Я сделаю все, чтобы ты была в безопасности, чтобы мы были вместе.

Ана не знала, сколько проспала. Это был ее первый продолжительный и глубокий сон за неделю, и она проснулась, чувствуя себя отдохнувшей и бодрой. За окном была ночь и лишь несколько звездочек слабо мерцали в темном небе.

Ана вылезла из-под одеяла на гагачьем пуху и прошлепала в ванную.

— Поспала? — сидевший в кожаном кресле Джон опустил книгу, когда она минутой позже вошла в гостиную.

— Да. Хочу побыть с тобой. — Ана обняла его сзади за плечи и спрятала лицо у него на шее, затем поцеловала его в щеку. — Мне хотелось бы навсегда остаться здесь. Здесь так уютно и спокойно... Боже мой, а у тебя нет сведений о Монике Д'Арси?

— Есть. Слава Богу, что мы не были на Мауи.

Удивленная его словами, Ана выпрямилась, обошла вокруг кресла и села ему на колени.

— Почему?

— А разве ты не слушаешь новости?

Ана закрыла глаза, и дрожь пробежала по ее телу.

— Нет... Я боялась услышать что-нибудь... ты сам знаешь, о ком. Я хотела отключиться от всего.

— Дело в том, что на Гавайях была целая заваруха со стрельбой. Еву Хэмел взяли в заложницы. В маникюршу стрелял сексуальный маньяк и убийца. В бюллетене разразился скандал по этому поводу.

— Боже мой! А Тери жива?

— Она потеряла много крови, но дело идет на поправку. А Ева Хэмел пыр-

нула этого идиота ножом, что спасло ей жизнь. Потом подросла полиция.

Ана ошеломленно заморгала глазами.

— Какой ужас! Съемки, должно быть, отменили?

Джон хмыкнул.

— Ты, верно, шутишь? Моника мне всю плешь проела! Она требует, чтобы мы приехали немедленно! Ты способна сейчас это сделать?

— Я так понимаю, — медленно произнесла Ана, внимательно глядя ему в лицо, — это означает, что назначенное на четвертое июля событие должно состояться... это верно?

— Лишь в том случае, если ты обещаешь повторить зажигательную игру, в которую мы недавно играли.

— Сенатор, я полагаю, что этот вопрос может быть решен. Вы хотите повторить все накоротке? — спросила Ана, бросая на него лукавый взгляд.

— Нет, по самой полной программе.

Ана вскочила с колен Джона и потащила его к пуховой кровати.

Глава тридцать третья

Лимузин Максин Гудмен пробрался сквозь толпу репортеров, собравшихся при въезде в Халеакалу, и после предъявления документов — на территорию курорта. Репортеры были в ярости.

Максин нашла Еву Хэмел возле главного бассейна. Несмотря на ослепительное солнце, Ева казалась холодной, как айсберг. Теплый воздух был наполнен запахом ананасов. Еву окружали высокие пальмы, словно часовые, заменившие погибших телохранителей.

Максин позавидовала купальному костюму Евы. Ей было жарко и душно в дорожном наряде, но она не хотела тратить время на переодевание. Максин приехала на курорт прямо из полицейского участка с новостями.

— Мы надеемся, что Билли Шиэрз не удастся избежать экстрадиции и его передадут в наш штат. Ему предъявлено обвинение в двух убийствах, в трех попытках нападения с целью убийства. Он также обвиняется во взломе и проникновении в помещение, в изнасиловании, в предумышленном применении огнестрельного оружия.

Максин отложила бумаги с обвинением и посмотрела на Еву.

— Здесь преследование человека не является таким серьезным преступлением, как в Калифорнии. Но даже если его признают невменяемым по причине безумия, ему все равно придется надолго распрощаться со свободой.

Слушая Максин, Ева наблюдала за высоким светловолосым мужчиной в черных плавках, который играл в бадминтон с мальчиком. Кто-то сказал ей, что это сын Тери. Что касается мужчины, то она не знала о нем ничего.

— Похоже, что ножницы Билли Шиэрза будут зачехлены навсегда, — заметила Ева и вздохнула. — А свое настоящее имя он не сказал? Хотя это не имеет особого значения.

— Уильям Кендрикс. Возраст — 23 года. Первый конфликт с законом произошел в пятнадцать лет. Когда мы узнали его настоящее имя и навели справки, выяснилось, почему о нем ничего не было слышно в промежутке между двумя убийствами: в это время он был в тюрьме.

— Как вы и полагали, — сказала Ева. Она подняла стакан сока ананаса и гуавы, но пить не стала.

— Он отбывал пятилетнее наказание за злостную порчу имущества, был выпущен досрочно за хорошее поведение, затем нарушил слово и исчез. Именно в это время он начал преследовать Бобби Сью Гриффин.

Воцарилась тишина, нарушаемая лишь плеском волн.

— Как жалко Свенсона, — тихо сказала Ева. — Бедная жена, трое детишек — он о них только и говорил... Все мечтал когда-нибудь привезти сюда жену. Вот она, судьба человеческая. Мой ребенок спасен, а чей-то муж и отец погиб. — Ева отвернулась и стала смотреть вдаль. К глазам ее подступили слезы.

Максин положила ей руку на плечо.

— Он был отличный человек. Но он знал об опасностях, которые его подстерегают. В таком деле рискуешь ежедневно, — она перешла на деловой профессиональный тон. — Тело Свенсона будет отправлено домой сегодня вечером. Я надеюсь покончить со всеми бумажными делами и вернуться в Нью-Йорк к его похоронам. Дин Эверетт, Том Свенсон... — она устало потерла виски. — Не

могу поверить, что их нет, — призналась она. — С ума можно сойти! — Максин подняла голову, вздохнула и внимательно посмотрела на Еву. — Ну а вы как себя чувствуете?

— Держусь изо всех сил... Как вам нравится моя новая внешность? — Ева дотронулась до обкромсанных волос и изобразила подобие улыбки. — Слава Богу, парикмахеру Монике удалось как-то облагородить прическу, которую сотворил мне Билли Шиэрз. Не знаю, правда, понравится ли клиентам Эсте Лаудер. — Она пожалала плечами. — Придется воспользоваться париком, если к тому времени волосы не отрастут.

— Ева! — янтарные глаза Максин смотрела на нее серьезно и даже требовательно. — Как вы на самом деле себя чувствуете?

— Время излечит любую травму... Я рада, что осталась жива, — она поставила стакан на маленький столик. — Вы знаете, Максин, ваши наставления спасли мне жизнь. Я буду благодарна вам до конца дней своих.

— Моя заслуга в этом невелика. Просто вы сами были умницей, не потеряли голову.

— Всякий раз, когда отчаяние, казалось, вот-вот возьмет верх надо мной, я напоминала себе то, что вы говорили.

— Теперь надо уповать на время, которое излечивает.

Максин что-то черкнула на обороте своей визитной карточки.

— Ева, вот номер телефона в Нью-Йорке организации помощи пострадавшим. Возможно, вы захотите связаться с ними, когда вернетесь домой. Люди, сами прошедшие через испытание, легче находят общий язык.

В этот момент в воздухе просвистел волан и плюхнулся в запотевший стакан с соком. Холодные брызги окатили ноги Евы, и она ахнула от неожиданности.

— Простите! — знаками показал находящийся в бассейне мужчина, затем рассмеялся и крикнул: — Простите пожалуйста! — он вышел из воды и подошел к шезлонгу Евы.

— Мы, кажется, несколько увлеклись.

Ева полотенцем промокала капли сока на ногах.

— Ничего страшного, — она задумчиво посмотрела на Максин, которая убирала бумаги в сумку. — Это не самая сложная ситуация, в которые я попадаю в последнюю неделю.

— Я слышал об этом, — серьезно сказал мужчина. В его внимательных глазах читалось сочувствие. И еще, пожалуй, затаенная тоска. Но она тут же исчезла, когда он протянул руку и представился:

— Я Эндрю Леонетти, старинный друг Тери Метьюз.

Ева представила ему Максин, но та, сославшись на необходимость встречи с Моникой Д'Арси, оставила их, добавив, что будет держать с Евой связь.

Ева положила солнцезащитные очки в сумку и аккуратно свернула прямоугольником влажное полотенце. Эндрю Леонетти посмотрел, как мальчик нырнул с вышки и сказал:

— Вам выпало суровое испытание, мисс Хэмел. Не каждый способен выдержать его и не потерять голову.

Как ни странно, Ева восприняла слова незнакомца без малейшего раздражения — они были сказаны негромко и очень проникновенно. Пронаблюдав за тем, как мальчик лихо прыгнул с вышки, сделав сальто в воздухе, она мед-

ленно сказала:

— Видно, мне суждено жить долго. Я веду свой род от скандинавов... И потом, — неожиданно добавила она, — я беременна и все время думала о ребенке, о том, чтобы с ним ничего не случилось.

Почему она сообщила незнакомцу такую интимную подробность? Было что-то располагающее в этом высоком светловолосом мужчине, который присматривал за мальчиком Тери. Слова вырвались у Евы совершенно произвольно.

Он внимательно посмотрел на нее. Взгляд его был теплым и спокойным, в нем, слава Богу, не было жалости. И в то же время Еве показалось, что он заглянул ей в душу, увидел ее тревоги, надежды и муки.

— Удивительно, как в детях проявляется все самое лучшее, что свойственно людям, — сказал он улыбаясь. — Мы с Адамом собираемся позавтракать в Зеленом ресторане. Не хотите присоединиться к нам?

Ева заколебалась. На мгновение ей захотелось оказаться в компании этого располагающего к себе мужчины и худощавого мальчика в плавках с изображением черепахи, чтобы забыть о Билли Шиэрзе, Нико, Марго и прочем хотя бы на полчаса.

Однако она покачала головой.

— Благодарю вас, но у меня плохо с аппетитом в последние дни, и я боюсь, что окажусь неподходящей компанией для вас.

— Некомпанейский человек. — Эндрю Леонетти усмехнулся. — В общем, я вас понимаю. Это, конечно, место не для гурманов. Но если вы вдруг передумаете, помните, где можно нас найти.

С помощью нескольких жестов Эндрю позвал Адама из бассейна, накрыл полотенцем его плечи, и по петляющей тропе они направились в сторону курзала.

Ева двинулась было к себе, но внезапно остановилась.

— Эндрю! — крикнула она, и Леонетти остановился в тени деревьев. — Если вы сегодня собираетесь ехать в больницу, я готова составить вам компанию. Мне тоже хочется повидать Тери.

— В три часа, — крикнул он, прикрываясь рукой от солнца. — Это часы посещения для детей. Увидимся на остановке такси.

— Я сегодня с утра несколько часов катался на велосипеде с Адамом, — сказал Брайен, ища глазами место, чтобы положить коробку с орешками в шоколаде, которую он принес для Тери.

— Ну и как? — она посмотрела на него, не донеся шоколад до рта.

— Кажется, мои труды по изучению знаков не пропали даром. Мы прервались, чтобы попить кока-колы, и у нас был интересный разговор о галерее видеоигр и о задачках по математике. — Он сел рядом и улыбнулся. — Ты знаешь, Тери, по-моему, я ему нравлюсь. Я думаю, что все будет хорошо.

Тери сунула шоколад в рот и откинулась на белоснежные подушки.

— У ребенка, должно быть, хороший вкус. Он идет по стопам матери.

Вошла сестра, смерила температуру, проверила пульс и отметила в карте, прикрепленной к металлическому столбику у кровати, и снова удалилась.

Тери посмотрела в окно на бирюзовое небо.

«Удивительно, когда ты принимаешь правильное решение, то испытыва-

ешь удовлетворение. Я поступила правильно. Эндрю — часть моего прошлого. Брайен — мое будущее».

Тери чувствовала его взгляд на себе, но когда посмотрела в его сторону, Брайен стал стряхивать воображаемые пылинки с джинсов. Прокашлявшись, он сказал:

— Я сегодня разговаривал с Эндрю. Он в конце недели уезжает в Аризону. К тому времени Адам будет официально наш. — Брайен перевел дыхание. — Я сказал ему, что хочу усыновить Адама... Знаешь, Тери, я не хочу, чтобы Адам чувствовал себя изгоем судьбы среди детей, которые у нас появятся.

Тери кивнула, взгляд ее потеплел, а сердце было слишком переполнено чувствами, чтобы она могла что-то сказать.

— У Эндрю есть опасения. Он хочет все обдумать, — говоря это, Брайен разглаживал пальцами простыню. — И он хочет, чтобы Адам знал правду о том, что Эндрю — его родной отец. И чтобы Адам мог бывать с ним летом во время каникул, вот так как сейчас... Что ты думаешь по этому поводу?

— Думаю, что я знаю, за что так люблю тебя, Брайен Михаэльсон, — прошептала Тери, потянувшись к его руке. Она сжала ее и прильнула к щеке. — И я думаю, что мне пора отправляться домой и начинать по-настоящему планировать нашу совместную жизнь... Со дня свадьбы.

— О, — улыбнулся Брайен. — Это мне кое о чем напомнило.

У Брайена в глазах сверкнули озорные искорки. Тери с подозрением посмотрела на него.

— Ну, что еще?

— Разговаривал сегодня с Тиной. Знаешь, Жози встретила внука Хильды, Фрэнка, на рождественском вечере. Он служит во флоте и приехал в отпуск. Через две недели бедняге предстоит уезжать в Германию. И угадай, кто с ним собирается ехать? Вот именно — Жози!

Брайен засмеялся, увидев растерянное выражение лица Тери.

— Так что теперь тебе придется искать новую подружку невесты, малышка. Auf Wiedersehen[16], Жози!

Да, да, да, да! — хотя Моника держала трубку на расстоянии вытянутой руки, тирада Ричарда отдавалась эхом в ее ушах.

За окном Ана и Джон Фаррелл позировали перед камерой, идя под руку по узенькому подвесному мостику через ручей. Сзади Мими взбивала шлейф свадебного платья Аны — облако атласа и кружев. Перила мостика были украшены голубыми лентами и гирляндами белых и красных роз — и все это на фоне миниводопада.

— Направьте свой взгляд чуть левее, сенатор, — услышала Моника голос Антонио, после чего ее внимание снова переключилось на рокочущие раскаты голоса Ричарда.

— Я намерена так или иначе спасти этот проклятый номер, — наконец вклинилась она, приблизив трубку. — Кейтс и Фаррелл делают все так, как мы договорились. Я еще не решила, как поступить с Евой и Нико, — дай мне время подумать. Пока я не получу гранки, я не знаю, какие группы снимков нам придется исключить. Ричард, пошли ты в задницу этого Макатура! Если у тебя не хватает мужества, я сделаю это сама! И пусть водят за нос кого-нибудь другого! А ты скажи в отделе распространения, чтобы расширили склад для

приема тиража, потому что это будет самый сенсационный, самый читаемый номер за все время существования журнала!

Моника бросила трубку и достала сигарету. Она посмотрела на заваленный стол своего временного офиса. Ее взгляд остановился на заголовке в газете, которую оставила Максин Гудмен.

Убит мужчина из западного Голливуда.

Заметка занимала три абзаца и была помещена на одиннадцатой странице, но она привлекла внимание Моника. Как и имя жертвы: Эрик Ганн.

«Интересно, знает ли об этом Ана? — подумала Моника. И тут же внутренний голос подсказал: — Конечно же, знает».

Она бросила газету в мусорную корзину и села за письменный стол. Она вызвала в памяти образ Эрика Ганна, наклонившегося над Анной возле бассейна, и вдруг ощутила холодок в позвоночнике.

«Ладно, мисс Исчезнувшая Кейтс, я не буду задавать тебе вопросов, и ты не будешь мне врать. Но я уверена, что новый год у тебя начался бурно».

Моника взглянула на Ану и Джона. Они ворковали перед камерой Антонио под радугой, которая висела над водопадом, и казались беспечными и беззаботными.

Она не станет размышлять о том, знает ли Джон Фаррелл что-либо о личности Ганна. Она не позволит себе думать об этом.

Это была не ее забота.

А вот журнал — это ее забота. Моника выдвинула ящик письменного стола и извлекла оттуда листы бумаги и отточенные карандаши. На первом листе сверху она написала: Новые статьи для июньского номера:

1. Что делать, когда жизнь рушится, а жених сводит тебя с ума?

«Позвонить маме».

— Mon Dieu[17], Моника! Я не перестаю думать о том ужасном человеке, который всем вам принес столько бед! Если бы я не услышала твой голос, я бы не поверила, что с тобой все в порядке после такого кошмара. А как сейчас? Скажи мне, petite, когда ты приедешь?

— Завтра, maman...

Мирей уловила колебания в голосе Моника и мгновенно спросила:

— Что-то не в порядке, дорогая?

— Да нет, все хорошо... Просто я хотела услышать твой голос.

— Что-то с Ричардом?

— Конечно же нет! Я только что разговаривала с ним. Он передает тебе привет.

«Разве грешно соврать матери, если это ее успокоит?»

— Гм...

— Я очень скоро увижу тебя. Не надо беспокоиться. Maman...

— Да, petite?

— А Пит Ламберт закончил окраску террасы?

— Да, еще до отъезда. С тех пор мы его не видели.

«До отъезда?»

— Ты знаешь, я не дождусь, когда увижу террасу, — медленно произнесла Моника. — А ты в курсе, куда Пит уехал? — она попыталась спросить это как можно более безразличным тоном.

— С каких пор это тебя интересуют приезды и отъезды мистера Ламберта? — не без лукавства спросила Мирей.

Моника почувствовала, что краснеет, а тем временем мать продолжала:

— Он сказал, что сделал все, что должен был сделать с усадьбой Паркеров. А перед отъездом он принес мне домашний имбирный торт и подарил красивую шелковую шаль. Моника, ты бы только видела ее! У него такой тонкий вкус! А Дороти он преподнес очаровательную брошь. Да, а я говорила тебе, — Моника почти представила смешинки в глазах матери, — что он для тебя оставил пакет под деревом?

Моника подавила в себе подступившую волну радости. Интересно, что мог оставить Пит Ламберт для нее? Ящик гвоздей или щетки с монограммами?

Моника сдержала улыбку и будничным тоном сказала:

— Как мило, тамап... А сейчас мне надо как-то спасти июньский номер...

Скоро увидимся.

«Как-нибудь... Без Евы и Нико... С минимальными количеством снимков Аны и Джона. С невестой Золушкой, подстреленной маньяком. Это вызовет огромный интерес».

Моника что-то чертила и писала на листке, машинально трогая браслет с бриллиантами, подаренный ей Ричардом на Рождество. И грызла ластик на конце карандаша.

Наконец она написала: Костнер, Тейлор, Бринкли, Эстевеу, Уиллис, Шрайвер...

Список все рос, пока число фамилий не достигло пятидесяти.

Глава тридцать четвертая

К моменту возвращения Евы в свою квартиру в Манхэттене Клара уничтожила в ней все следы Билли Шиэрза, а также Нико Чезароне.

Однако письма от него шли беспрерывно. Ева возвращала их нераспечатанными и отказывалась отвечать на его звонки.

«Он разбил мое сердце, но ему не удастся сломить мою волю», — сказала себе Ева.

Несмотря на то, что он совершил по отношению к ней, она была уверена, что он не лишит ее ребенка. Она дала подробнейшие указания своим адвокатам и занялась проектированием детской комнаты и чтением писем докторов Бразелтона и Спока.

В январе ее навестила мать и пыталась выяснить, что послужило причиной разрыва Евы с Нико. Однако Ева ничего ей не сказала.

В феврале в день святого Валентина она была на обеде у Дженны, у которой за неделю до того муж потребовал развода.

— Снова разразился жизненный кризис, — пожаловалась Дженна, с остервенением набрасываясь на салат. Они подогревали и ели мороженую пиццу Бертино и ругали эгоистичных, самовлюбленных и надменных мужчин. В тот вечер Ева впервые почувствовала, что ребенок ударил ножкой.

— Это должна быть девочка, — радостно объявила Дженна, поднимая бокал кьянти. — Феминистка тренируется.

Ева чокнулась бутылкой пива о бокал вина.

— Аминь!

Март одарил Еву обложкой в журнале «Домашнее хозяйство». Кроме того, она в течение недели снималась для «Эсте Лаудер». Ее обкромсанные волосы быстро отрастали. В конце месяца она вместе со своим тренером Делией и пушистой подушкой отправилась на курсы Ламаза.

От Марго не было никаких вестей.

Ева так и не написала ни одной строчки Нико.

Она не выразила ни малейшего сочувствия затосковавшей Беспризорице, которая спала на подушке Нико и с жалобным мурлыканием тщетно искала в спальне принадлежавшие Нико вещи.

Ева отказалась от поездки в Мичиган на свадьбу Тери и Брайена. Это был их день, и она не хотела напоминать своим присутствием о драматических событиях на Мауи. Она послала им поздравления и хрустальный сервиз, а также кулинарные рецепты, которыми Нана поделилась с ней несколько лет тому назад.

Для Адама Ева вложила билеты в ложу на представление во дворце.

В день свадьбы Тери из Парижа позвонила Марго. Ева была настолько ошеломлена, что не догадалась повесить трубку.

— Я буду в Нью-Йорке в следующем месяце. Нам нужно поговорить. Оставь свободным время для ленча двадцатого числа.

Здесь были все — Рандаззо, Михаэльсоны, Хильда и компания с работы, постоянные клиенты Тери, ребята из мастерской, местные репортеры и операторы. Еще бы: их землячка оказалась причастной к истории, связанной с захватом в качестве заложницы такой знаменитости. И все присутствовали в церкви святого Бартоломео, где Тери и Брайен поклялись друг другу в верности.

Все, кроме Эндрю Леонетти.

Отец Тери улыбался сквозь слезы, когда его семейство заполнило маленькую комнату невесты.

— Если бы сейчас с нами была твоя мама...

— Она с нами, пап. Ты же всегда говорил, что она улыбается, глядя на нас... и на Джину с неба, — сказал отцу Тони, пока Селия и Лена вручали Тери букеты. — Правда ведь, Джина?

Тери молча кивнула.

«Если бы мама была здесь, все было бы просто идеально», — ее отсутствие омрачало праздник и делало счастье неполным.

А чуть позже племянники Тери Никки и Лорен в церкви рассыпали лепестки цветов в лучах солнца. Адам с приглаженными волосами и лицом, сияющим, словно кольца, которые он нес на парчовой с кружевами подушечке, стоял в проходе вместе с друзьями перед первой скамьей.

Тери была великолепа. Высоко поднятые пышные волосы ниспадали к плечам. В ушах поблескивали маленькие бриллиантовые серьги. На ней было платье от Веры Ванг — подарок «Идеальной невесты». Брайен выделялся самой счастливой улыбкой из всех присутствующих в церкви и белым смокингом с ярко-зеленым поясом и галстуком-бабочкой. В бутоньерку смокинга был воткнут трилистник, который должен принести счастье.

Когда месса окончилась и священник представил собравшимся семью Михаэльсонов, Тери и Брайен обменялись поцелуем в голливудском стиле, который, к удовольствию присутствующих, длился бесконечно долго, а затем стали на колени и обняли Адама.

Моника приложила к глазам платок и бросила горсть риса в Михаэльсонов, которые вышли из дверей церкви и прошли мимо десятков фотокорреспондентов к поджидающему их лимузину.

«Пит Ламберт. Что тебе известно о нем?»

Когда Моника, подъезжая по извилистой дороге к загородному дому, прибавила скорости, у нее перехватило дыхание при виде знакомого «пикапа» у подъезда.

Она не стала раскрывать зонтик, а сразу бросилась к парадной лестнице, таща за собой громадную белую коробку.

Ориентируясь на громкие голоса и смех, Моника направилась к террасе, где увидела тама и Пита, жующих сэндвичи.

— Не хочу мешать тебе, — бодро сказала Моника, но когда ты покончишь с едой, тама, я тебе кое-что покажу.

— Приветствую вас, графиня! — Пит слегка подмигнул Мирей. — Или ваши подданные должны падать ниц и ждать, пока вы их узнаете?

Моника была раздосадована внезапным появлением румянца на щеках.

— Я думала, что вы собрали все свое хозяйство и отправились искать новые объекты для приложения своих сил, — ответила она. Не глядя на Пита, она поставила коробку, наклонилась к матери и поцеловала ее.

— Не будем терять времени, petite, — сказала Мирей. — Я умираю от любопытства и не могу ждать ни минуты. Давай откроем.

Моника лишь теперь позволила себе взглянуть на Пита Ламберта.

«Почему он так здорово выглядит в джинсах и в этой спортивного типа

хлопчатобумажной рубашке?» — подумала она.

— А как же он? — спросила Моника, поведя большим пальцем в сторону Пита.

Смех Мирей прозвенел словно хрустальный колокольчик.

— Глупенькая, нельзя, чтобы жених видел тебя в этом платье до свадьбы... Иди!

Через двадцать минут Моника вышла, испытывая такое же смущение, как в тот день, когда впервые надела лифчик. Платье было ее собственным произведением и настолько учитывало все особенности ее фигуры, что ей показалось, будто она появилась на террасе голой.

Мирей разразилась радостными восклицаниями, но гораздо убедительней для Моника была реакция Пита. Он замороженно смотрел на нее, на платье, и на его лице было написано откровенное восхищение.

Платье было дерзкое, с выдумкой, и одновременно элегантно: чисто в духе Моника. Пышные атласные складки были украшены золотыми блестками и вышивкой. Прилегающий, с низким вырезом, отделанный рюшками и золотой лентой лиф доходил до талии, эффектно подчеркивая скульптурность ее груди. Вместо пуговиц от затылка до нижней кромки шли золотые атласные розетки в тон золотистой ленточке. Золотые розетки украшали широкую юбку, развевавшуюся словно атласный парус, наполненный ветром в блистательный июльский день.

— Да, это платье! — только и смог сказать Пит сдавленным голосом, когда Моника в движении продемонстрировала его достоинства.

— Magnifique[18]! — подытожила Мирей с сияющим лицом, и к этой оценке присоединилась Дороти, захлопав в ладоши.

— Потребовалось терпение святого, чтобы его застегнуть, но я не видела ничего красивее этого платья! — воскликнула няня.

— Не слишком ли много здесь блеска? А рукава не слишком пышные? Матап, скажи мне правду.

— Не меняй ни единого стежка, а то я отниму это платье у тебя. Оно идеально! Не правда ли, Пит? Как, моя дочь красива?

— Она прекрасна...

Моника охватило блаженное чувство счастья и радости, и ей было нелегко сохранить бесстрастность. Пит был серьезным. Гораздо серьезнее, чем когда-либо. Румянец на ее щеках достиг цвета розы.

«Идиотка, тебе что — шестнадцать лет?»

Чтобы скрыть замешательство, Моника повернулась к Мирей и защебетала:

— К церемонии уже почти все готово. По видеозаписи, матап, ты все увидишь лучше, чем если бы сидела в первом ряду в церкви. Я говорила тебе, что цветовод составил по моей просьбе пробный букет — и это было нечто божественное! Да, и торт будет совершенно бесподобный, а сверху его украсят розы цвета шампанского. И в ту минуту, когда мы выйдем из собора, сюда будет направлен рассылный с видеозаписью и с полным комплектом свадебного ужина для тебя и Дороти.

— Похоже, что не будет только бала с бриллиантами, — Пит подошел к широкому окну и посмотрел на зазеленевшие кусты роз, цветущие фруктовые деревья и газоны с крокусами и нарциссами, омытыми теплым весенним до-

ждем.

Моника метнула взгляд на его широкую спину.

— Вы, судя по всему, не из тех, кто благосклонно относится к женитьбе, мистер Ламберт.

— An contraire[19], графиня, — возразил он, повернувшись к ней лицом. — Проблема в том, что меня никогда не покидало чувство, что женщины гонятся за мной только из-за денег.

Моника засмеялась.

— Почему же? Возможно, они ценят даже обаяние, внешность, индивидуальность, — уклончиво сказала она, направляясь к выходу. — Дороти, помоги мне снять это платье.

Внезапно она уловила грусть в глазах матери.

— Что с тобой, маман? — спросила она, становясь перед ней на колени.

— О, ничего особенного... Просто... мне бы хотелось увидеть, как ты танцуешь в этом платье.

— Может, устроить закрытый предварительный просмотр? — Пит не стал ждать ответа, а направился в сторону видеотеки:

— Кажется, вы включали мой рождественский подарок, — сказал он, помавав кассетой с записью концерта трех теноров и вставляя ее в магнитофон.

— Я поблагодарила бы вас, если бы у меня был ваш адрес, — отреагировала Моника и в тот же момент оказалась в объятиях Пита, который закружил ее в танце под мелодию «Память».

— Видите, Мирей, как она будет танцевать в объятиях своей истинной любви? — темно-синие глаза Пита встретились с подернутыми дымкой глазами Моника. — Видите, как он будет вести ее и вращать?

Сердце Моника трепыхалось, словно крылья пойманной птицы. Все мелькало и кружилось перед ней, когда Пит вращал ее, прижимая все крепче, все сильнее к себе, наполняя какой-то необъяснимой радостью.

Кружились, превращаясь в сплошное пастельное пятно, цветы за окном, кружилась маман со счастливым лицом, кружилась Дороти. На фоне поющего тенора Моника услышала над ухом шепот Пита:

— Я люблю вас, графиня, не бросайтесь в объятия того, кто не может вас оценить.

Верно ли она расслышала, или ей показалось? Его обветренное лицо оставалось непроницаемым, но руки с силой сжимали ее.

Танец окончился. Моника в смятении сделала шаг назад, сумев скрыть растерянность шуткой.

— Благодарю вас, мсье. Это мой последний вальс в качестве незамужней женщины.

Сделав реверанс, она на дрожащих ногах вышла из комнаты.

— Bambina, пожалуйста, не вешай трубку.

— Нико, — сказала Ева сквозь слезы. — Ты пьян.

— Только малость... чуть-чуть... Да и какое это имеет значение? Я хочу поговорить с тобой!

Ева обхватила себя руками. В нижней части живота шевельнулся ребенок, заставив ее поморщиться, когда он своей ручкой или ножкой нажал на нерв. Ладно, малыш, я выслушаю его, пообещала она, чувствуя, как к глазам подступу-

пают слезы; даже звук голоса Нико причинял ей боль. В течение двух минут, не более. А затем — *finito*[20].

— Завтра у нас была бы свадьба... *Bambina*, пожалуйста, не делай этого... Не перечеркивай все хорошее, что было между нами, из-за одной идиотской ошибки.

— Это ты все перечеркнул, Нико. Мне ничего другого не остается.

— Нет! погоди!.. Пожалуйста, Ева, моя обожаемая *bambina*! Послушай меня! Между Болоньей и Нью-Йорком существует тонкая золотая нить, которая повреждена, но не порвана! Жар нашей страсти может снова спаять ее! Если бы ты только дала мне шанс!.. Клянусь тебе, я больше не встречался с твоей сестрой! Она для меня — ничто... абсолютное ничто, Ева! Ты должна мне верить!

— Я больше никогда не смогу тебе верить, — Ева с трудом сдерживала слезы. — Наш разговор не имеет смысла, Нико. Отныне все то, что ты хочешь сказать, говори через адвокатов.

Она бросила трубку, прервав поток слов, которые все еще продолжали звучать на другом конце. Ева легла набок, укрылась розовым пледом и дала волю слезам.

«Я переболела им, я уверена, — сказала она себе, не замечая, что слезы ручьем стекают на подушку. — Для этого еще потребуется время, но рано или поздно боль пройдет... Должна пройти». Ева посмотрела на Беспризорницу.

— Он ушел навсегда, и ты должна к этому привыкнуть, — решительно сказала она кошке, вытирая слезы.

Ева прошла на кухню, выпила стакан молока и поделилась им с Беспризорницей.

— Конечно, это небольшое утешение, но все же лучше, чем ничего.

Ева старалась не думать о том, что могло бы быть, об уйме подарков, которые она вернула, о финской кружевной скатерти, которую она с грустью запрятала подальше, о том волнении, которое она испытывала бы накануне свадьбы.

Она не помнила, в котором часу уснула с журналом на груди, но проснулась, когда по радио передавали утренние известия. Ева тихонько застонала. В девять часов должна появиться Моника, и они поедут на завтрак.

Ева спустила с легла опухшие ноги на пол. По радио продолжали передавать восьмичасовые новости, и постепенно слова стали доходить до ее сознания.

«...По иронии судьбы он погиб в автокатастрофе. Свидетели говорят, что его машину занесло на узкой горной дороге, и он рухнул в ущелье глубиной свыше восьмидесяти футов. Один из величайших автогонщиков столетия, Нико Чезароне установил больше рекордов, чем кто-либо другой за всю историю автогонок. По слухам, в последние месяцы после разрыва со знаменитой фотомоделлю Евой Хэмел, он проявлял повышенный интерес к спиртному, однако нет подтверждения тому, что алкоголь был причиной этой автокатастрофы...

Нет! Ева выключила радио на тумбочке. Ее глаза наполнились ужасом.

— Нет! — закричала она.

Нико не мог погибнуть. Ведь она разговаривала с ним вчера вечером.

Нет!!!

Ева сползла на пол — ноги занемели, и она едва держалась. Ее прошиб холодный пот. Она закрыла глаза, ее трясло, к горлу подступила тошнота, и

сквозь серое марево ей виделись черные шелковистые волосы... удивительно красивое лицо... Зажигательные, гипнотизирующие глаза. Она видела человека, который вырвал ее из толпы в Лисабоне, угощал итальянскими деликатесами в Болонье и разбил ее сердце в Мауи.

«Нико, пожалуйста, не надо! — рыдала она, охваченная горем и одновременно яростью. — Мой бедный, мой глупый, мой потерянный Нико!»

Глава тридцать пятая

«Мне не надо было соглашаться на встречу», — сказала себе Ева, услышав, что Марго заказала креветок с морковью и тайские специи. Ева взглянула на другие столики, где люди были погружены в оживленные беседы и не подозревали о той мелодраме, которая разыгрывается за ее столиком в бистро Аппер Ист Сайд. А может, у них свои мелодрамы. Может, вся жизнь состоит из них.

Она положила руку на вздутый живот. Младенец должен родиться через месяц, а сейчас выбрал момент для того, чтобы разбушеваться.

«Но ты, мой маленький, не беспокойся. Я дам тебе возможность посмеяться, как бы жизнь ни вынуждала нас плакать».

Ева смотрела на незнакомку с платиновыми волосами, сидящую напротив, и испытывала тоску, неприязнь и ненависть. Какой толк от этой встречи? Нико погиб, а что касается ее отношений с Марго, так они оборвались давно, еще задолго до того, как Ева уличила сестру в предательстве.

Это были похороны. Труп остыл уже давно.

— По крайней мере, ты не носишь вдовий траур. Отдаю тебе должное за это, — сказала Марго, вновь обращаясь к Еве после ухода официанта. Но ради Бога, Ева, пора и повзрослеть... Ты не можешь заставить себя даже взглянуть на меня.

— Я удивляюсь, что у тебя хватает совести смотреть на себя в зеркало.

Марго вздернула подбородок.

— Не стоит во всем винить только меня. Здесь замешаны оба, и вообще... Лично я считаю, что оказала тебе услугу. Я дала тебе возможность увидеть, что представляет собой Нико на самом деле и как он отличается от выдуманного тобой идеального возлюбленного.

Ева сняла с колен салфетку и стала подниматься из-за стола. Щеки ее пылали.

— Я не намерена выслушивать все это. Не пытайся оправдать то, что ты сделала. Этому нет оправдания, в этом нет никакой логики. Ты и раньше не была по-настоящему сестрой мне, но вся эта история — это нечто непостижимое даже для тебя самой, — она покачала головой, сдерживая подступающие рыдания. — В твоих жилах течет та же кровь, что и в моих, и по крайней мере для меня это кое-что значит.

Марго вскочила и загородила Еве дорогу.

— Посиди и посмотри на меня хоть раз в жизни. Ты такой ребенок! И всегда им была. Вечно бежала в спальню к маме и пугалась историй о привидениях... Чтобы донести на старшую сестру?

— Уйди с дороги! — выкрикнула Ева.

— После того как закончим разговор. Садись... Давай разберемся.

Ева глубоко вздохнула. Ей много чего хотелось сказать. За эти месяцы у нее немало накопилось.

«Сделай это до рождения ребенка. Выскажи все, что хотела сказать, и отделись от гнева, — приказала она себе. — Раз и навсегда, пока это не причинит еще больше вреда.

Она тяжело опустилась на стул. Подошел официант с заказанными блюдами. Сидящие неподалеку посетители перестали есть и стали оглядываться на

них. Ева занялась жареным цыпленком, выжидая, когда внимание соседей притупится, а сама она несколько поостынет.

Официант наполнил фужеры водой и удалился. Марго набросилась на креветки с морковью.

Ева игнорировала устремленный на нее ледяной взгляд опаловых глаз. Наконец она отрезала кусочек сдобренного имбирным соусом цыпленка и заставила себя прожевать его.

— Ты, конечно, намерена рассказать все матери?

— Какой в этом смысл? От этого больно будет только ей, а тебе это без разницы, — и хладнокровно добавила: — Вот отец может утратить иллюзии в отношении своей блистательной девочки... Я думаю, тебя именно это волнует, не правда ли?

Удар достиг цели. Марго мгновенно вспыхнула. Она раскрыла серебряный портсигар, взяла длинную сигарету и быстро прикурила.

— Ну да, тебе этого очень хочется... Расстроить отца... Создать трещину в наших с ним отношениях, — она выпустила струйку дыма и прищурилась. — Ты всегда ревновала его ко мне... Так смешно было наблюдать за тем, как ты носишься по грязному двору с мальчишками, карабкаешься на высокие деревья — словом, делаешь все, чтобы отвлечь его внимание от меня. Как будто его интересовали эти спортивные подвиги.

— Заткнись, черт тебя побери! — Ева наклонилась вперед и уцепилась за скатерть с такой силой, что у нее побелели суставы. — Речь сейчас не об отце. Мы больше не дети. То, что ты сделала, — это вполне сознательный и продуманный акт предательства. И на встречу с тобой я согласилась лишь для того, чтобы узнать, зачем ты это сделала.

Марго тряхнула головой, отбрасывая волосы на плечи.

— Мне очень жаль разочаровывать тебя, младшая сестра. Но у меня не было никаких фрейдистских мотивов. Был мужчина, была я. Вот и все. Кстати, пока ты не потрясла ребенком перед его носом, он считал себя свободным — официальное обручение не в счет. Ты как следует не знала Нико, вот в чем дело. Он был человеком страстным, думающим, любящим жизнь.

— Он был лжец и обманщик.

— Может быть, его утомлял твой провинциальный пуританизм. Европейские мужчины несколько отличаются от здешних, сестренка. Они не привязываются к одному яблочному пирогу. Им нужно попробовать все, что есть не десерт.

Ева смотрела на сидящую напротив высокомерную женщину с холодными глазами — и к горлу ее подступало отвращение наподобие того, как поднимается желчь. Было трудно поверить в то, что пятнадцать лет назад они спали в одной комнате, сидели за одним обеденным столом, открывали пакеты с рождественскими подарками возле одной и той же елки. Считается, что кровь погуце воды. Но в таком случае в венах Марго не могло быть ничего другого кроме уксуса.

— В тот вечер, когда Нико впервые увидел тебя, — медленно проговорила Ева, он назвал тебя ледяной принцессой с никотиновым дыханием, — губы ее сложились в скупую, горестную улыбку. — Допустим, ты сумела найти полоскание для рта. Но вот в чем дело, — Ева резко положила вилку. — Если в твои замыслы входило устроить соревнование, то мы обе проиграли. Мы потеряли

Нико. И еще потеряли шанс стать друзьями, — Ева сложила салфетку и бросила ее на стол, давая понять, что разговор окончен. Она почувствовала себя опустошенной и постаревшей. — Но хочу напомнить тебе, Марго, одну вещь.

Официант пока еще не принес счет, однако Ева не стала дожидаться. Она бросила стодолларовую купюру и откинулась на стуле.

— У тебя был кратковременный и бессмысленный флирт с ним, — сказала она со спокойным презрением. — Как бы ты это ни называла, но дело обстоит именно так, — Ева набрала в легкие воздуха. — Тебе удалось разрушить нашу жизнь, заодно погубить и Нико, но я ношу в себе ребенка Нико. Я хочу, чтобы ты помнила это. У меня всегда будет частица его. — Холодная торжествующая улыбка коснулась ее губ, когда Ева поднялась, чтобы уйти. После паузы она сказала: — И кое-что еще: со мной останется мое достоинство. Что бы ты ни делала, как бы низко ты ни падала, старшая сестра, эти две вещи ты у меня никогда не отнимешь.

Ева вышла из бистро и окунулась в шум города. Майское солнце было щедрым и теплым. Ева не стала брать такси. Она перекинула сумку через плечо, надела солнцезащитные очки и пошла среди потока пешеходов, ни разу не оглянувшись назад.

— Теперь эта сучка в моих руках, — торжествующе произнесла Шенна, глядя на меняющиеся цифры на панели лифта. — Единственным предметом из королевского ассортимента для нее станет красный ковер, по которому она выйдет, чтобы стать в очередь безработных.

Она удовлетворенно щелкнула портфелем с документами. Ричард увидит их сегодня попозже. Она может представить себе его реакцию. Он всегда приходил в ярость, когда его пытались одурачить. Это выводило его из себя не в меньшей степени, чем потеря денег.

Ее обращение в библиотеку истории семейств в Солт-Лейк-Сити дало результаты, которые превзошли все ожидания. У мормонов оказалась самая богатая в мире коллекция генеалогических документов, и нанятый ею эксперт раскопал всю подноготную. Как только Моника Д'Арси увидит, что хранится в этом портфеле, этой сучке придется есть ворон, а не фазанов с вальдшнепами.

«Графиня...» — Шенна откинула голову назад и презрительно засмеялась, когда дверцы лифта распахнулись на двадцать втором этаже.

Наконец-то, после многомесячных бесплодных попыток вспомнить, где она впервые встретилась с этой нахальной черноволосой интриганкой, Шенне это удалось. Ну конечно же! Д'Арси, Мирей Д'Арси и ее бесстыжая дочурка, которая пришла просить за мать в краденном платье!

Сколько же наглости нужно иметь, чтобы выдавать себя за знатную особу! Это же анекдот!

«Ну ладно, — с удовлетворением подумала Шенна, входя в отделанную мрамором и медью приемную, — мы скоро увидим, кто смеется последним».

Запах духов Шенны ворвался за три секунды до появления ее самой в офисе Моники.

От этого запаха головная боль у Моники стала совершенно невыносимой.

— Разве мы условливались о встрече? — холодно спросила Моника, поднимая глаза от июньского номера, который она якобы читала.

— Вам следует встречаться только с безымянными самозванцами, — ров-

ным голосом ответила Шенна, закрывая дверь и быстрым шагом подходя к письменному столу. Она изящно опустилась на стул и с самодовольной улыбкой откинулась назад. — Мы обе прошли немалый путь со времен известного вам универмага Бонуита. Но, может быть, не такой уж и большой, как мы это хотим внушить другим? — она подняла бровь, ожидая реакции. Однако лицо Моника осталось бесстрастным.

— Я думаю, сколько времени вам потребуется, чтобы все вспомнить.

«Не надо позволять ей учуять запах крови», — предостерегла себя Моника, стараясь не обращать внимания на боль в висках. Дождь бил в окно, словно кто-то стучал по стеклу пальцами.

— Вы в тот день нажили себе опасного врага, но были слишком заняты собой, чтобы это осознать.

— Опасного врага? Ты, конечно, думаешь, что победила! — Шенна резко встала со стула и поставила портфель на заваленный бумагами стол. — Твои детские игры в мстителей окончены, безмозглая сучка! Как и весь этот фарс! Ты поиграла с моей жизнью и с жизнью Ричарда! Ему будет небезразлично узнать, что ты специально развела нас и пробралась сюда на работу из-за того, что была уволена лживая и неспособная белошвейка, которая к тому же оказалась воровкой! Не сомневаюсь, что и ты такая же подлая и бездарная!

Напускное спокойствие Моника словно ветром сдуло. В бешенстве она выбежала из-за стола, схватила Шенну за руку и с силой дернула ее.

— Вон отсюда, паршивая сука!

Перед Моникой возник образ матери — униженной, оскорбленной, оплеванной в тот вечер, который никогда не изгладится из памяти.

— Моя мать — честнейшая, порядочнейшая, трудолюбивейшая женщина, которая когда-либо работала в фирме, а ты вышвырнула ее, словно рваный чулок! Ты можешь что угодно говорить обо мне, но если ты скажешь еще хоть одно худое слово о моей матери, то твоей заднице не поздоровится!

Шенна вырвалась и подскочила к столу. Трясущимися руками она открыла портфель и вынула оттуда большой конверт.

— Если твоя мать такая честная, почему ты так беспардонно лжешь? Говоришь — графиня? Меня душит дикий смех. Взгляни на эти бумаги и подумай, что скажет Ричард, когда увидит твою родословную, которая не лучше, чем у дворовой собаки!

Моника побледнела, как воск, увидев французскую печать на иммиграционных документах. Собственно говоря, она знала, какие имена могут стоять в графе, где должны быть названы ее родители.

«Мирей Д'Арси, урожденная Ловетт, белошвейка, и Жак Д'Арси, старший конюх...»

— Читай и заливайся слезами, моя милая! Это должно сбить фальшивую корону с твоей головы! Когда я покажу все это Ричарду и репортерам, все узнают, что ты жалкая обманщица и лгунья! Ты никакая не дочь графа де Шевалье, ты даже не Д'Арси! Ты просто незаконнорожденное ничтожество!

Моника готова была швырнуть бумаги в лицо Шенны, но что-то удержало ее. Она вгляделась в графу о родителях.

Жиро?

Моника перечитала документ. Жак Д'Арси вообще там не упоминался.

Здесь была какая-то ошибка. Ее отцом был назван Пьер Жиро, землевладе-

лец.

Землевладелец Пьер Жиро... Но ведь... Но ведь он был графом де Шевалье!
Что?!

«Мапан, почему ты никогда не говорила об этом? Все эти годы ты молча смотрела на мой маскарад, а правда заключается в том, что граф де Шевалье — мой отец! Если я и не графиня в полном смысле этого слова, то где-то очень близко к тому!»

Миллион вопросов пронесся у Моника в голове, но она смогла лишь воскликнуть:

— Мерсі, мисс Мальгрю! — Широко улыбнувшись, она прижала бумаги к груди. — Если бы ты не поленилась навести справки, ты бы узнала, что Пьер Жиро — это имя графа де Шевалье, моего отца. Быть незаконнорожденной в наши дни не считается позором. Позорно быть такой набитой душой, в чем ты сейчас собственноручно и расписалась... А теперь ты сама выметешься отсюда или мне позвать охрану?

Шенна смотрела на нее, выпучив глаза, и было такое впечатление, что она сошла с ума.

В дверь просунула голову Линда.

— Совещание начнется в пять часов, мисс Д'Арси... Может быть, подать кофе?

— К черту кофе! Вина на стол! Большую бутылку! У нас сегодня праздник! — она положила бумаги в ящик письменного стола, заперла его и сунула ключ в карман. Не обращая внимания на Шенну, которая остолбенело застыла в центре комнаты, Моника взяла июньский номер журнала, испытыв прилив глубочайшего удовлетворения.

Она сделала номер. Она вытащила его! И одержала внушительную победу над Шенной!

Моника с гордостью рассматривала журнал, с обложки которого смотрела похожая на принцессу Тери Михаэльсон, внутри было описание ее свадьбы.

На первой полосе крупными буквами давался анонс:

Свадебные советы пятидесяти знаменитостей!

И это было блестящей находкой Моника.

Чтобы компенсировать потерю Евы и Нико для журнала, Моника обратилась к голливудским кинозвездам высказать свои соображения об идеальной свадьбе, что они и сделали, передав журналу никогда ранее не публиковавшиеся фотографии свадебных торжеств и своего времяпровождения в период медового месяца.

Разворот журнала украшали блистательно сделанные гавайские снимки Аны и Джона, Тери и Брайена, ее самой с Ричардом. Следы Евы и Нико были тщательно заретушированы. Мысли пятидесяти знаменитостей, драма, разыгравшаяся на Мауи, — все вместе сыграло свою роль, и тираж журнала подскочил до астрономической цифры.

Удивительно, что головная боль у Моника внезапно прошла. Шенна мешкала с уходом — было такое впечатление, что она искала пули для оружия, которое оказалось незаряженным.

Моника направилась к двери.

— Ты знаешь, дорогая, — сказала она, взявшись за дверную ручку, — я уже давно хотела тебе сказать одну вещь. Макияж как-то в состоянии облагоро-

дить твою внешность, но никакие парижские духи не облагораживают кусок говна.

Она вышла раньше, чем Шенна сумела найти хоть какой-нибудь ответ. Стоя в дверях, Линда сурово сказала:

— Если у вас нет другого дела, мисс Мальгрю...

Шенна хлопнула крышкой портфеля, вылетела из офиса и пронеслась по вестибюлю, не взглянув ни на кого из своих бывших сотрудников.

Кое-кто из присутствующих при этой сцене уверял, что было слышно, как у нее скрипели зубы.

Глава тридцать шестая

Жара была прямо-таки невыносимая. Лишь полощущиеся холщовые тенты, натянутые над ранчо Арни, хоть как-то защищали от безжалостных лучей июльского солнца. Пробки в знак протеста преждевременно вылетали из бутылок с шампанским.

Хотя официанты в смокингах подносили их в красных, белых и голубых ванночках со льдом, лед, однако, на глазах таял, и бутылки очень скоро оказывались в тепловатой воде.

Здесь были все. Прием напоминал праздник по случаю присуждения награды или официальный обед в Белом доме. Джулия Робертс, в элегантном, подчеркивающем фигуру красном платье из муара, Поль Ньюмен и Джоан Вудворд беседовали с Сильвестром Сталлоне возле купального бассейна. Дастин Хоффман, Роберт де Ниро и Френсис Форд Копио отдавали дань шашлыку и белужьей икре. К ним затем присоединились Хиллари Клинтон и Джин Фитцпатрик.

Прислуга сновала по горным дорогам, паркуя «джипы», «мерседесы», «вайпры» и «роллс-ройсы».

Официанты протискивались сквозь толпу, предлагая всевозможные деликатесы, в то время как из многочисленных громкоговорителей лились мелодии Элтона Джона.

Ана находилась в номере для гостей. В своем платье — настоящем шедевре Ангелины — она напоминала принцессу из волшебной сказки. Пока Луиза вплетала белые гардении в ее волосы, Ана трепетала от возбуждения. Ее пугало, что она впервые на своей памяти нервничала до такой степени, что могла забыть свою роль.

«Я люблю... Я люблю тебя, Джон Фаррелл. Больше, чем что-либо или кого-либо на свете».

Вчера вечером при луне Джон затеял с ней в бассейне Арни любовную игру. Когда вода скрыла их плечи, он спрятал лицо в ее мокрых волосах и сказал:

— Знаешь, Арни уговорил меня сыграть эпизодическую роль в картине, в которой ты снимаешься с Костнером.

Ана вопросительно посмотрела на его слабо освещенное луной лицо.

— Я буду играть судью, который приговаривает тебя к тюремному заключению в самом начале фильма.

Ана засмеялась.

— Смотри, не попади впросак. Вдруг какая-нибудь сумасбродная комедия ударит по твоей карьере... Или ты хочешь присматривать за мной, когда я буду играть любовные сцены с Кевином? — лукаво спросила она.

— Ну, эта мысль не приходила мне в голову...

— Джонни...

— Гм? — промычал он, прижимая ее к себе.

— Не забрасывай свою каждодневную работу.

Она брызнула на Джона водой, и он окунул ее с головой. Смех огласил окрестности.

Они резвились до утра, счастливые тем, что вместе, что могут обнимать друг друга.

— Готово, — сказала Луиза, отступая назад и любуясь вплетенными в волосы цветами. Ана посмотрела на свое отражение в трельяже. Идеально!

Луиза подала ей небольшую кружевную подвязку.

— Эта вещь принадлежала моей матери. Она вышла замуж за моего отца сорок пять лет назад. Это сувенир на счастье.

— Спасибо, — Ана приподняла пышную юбку, чтобы Луиза могла водрузить подвязку на место.

— Надо поторопиться, — напомнила Луиза. — Камеры будут включены через десять минут.

— Я как раз успею, — пообещала Ана. Когда Луиза удалилась, Ана взяла маленькую шкатулку и вынула из нее выцветшую фотографию. Она ласково улыбнулась изображению. — Ты говорила, что если иметь мечту и упорно трудиться, мечта может сбыться, какой бы невероятной она ни казалась. Бабушка, ты была абсолютно права!

Какое-то время она подержала фотографию на груди, затем положила ее на столик перед зеркалом. Старыми выцветшими глазами бабушка наблюдала за тем, как внучка вдевала в уши жемчужные серьги-слезки и такое же ожерелье, которые она привезла из Теннесси, — единственную память о бабушке.

— Ну вот, теперь все.

Она в последний раз посмотрела в зеркало и направилась к лестнице, туда, где с минуты на минуту должны были включиться юпитеры.

Ричард держал руку Моники в своей. Они пробирались через толпу к танцевальной площадке. Как всегда, Ричард в течение всего банкета занимался деловыми переговорами.

— В ближайшие десять минут ты будешь принадлежать мне, — объявила ему Моника, трянув головой. Оркестр играл что-то очень задорное, и, несмотря на изнурительную дневную жару, гости, кажется, забыли обо всем, кроме музыки.

Когда они достигли танцевальной площадки, быстрый танец сменился спокойной плавной мелодией, и Моника поплыла в объятиях Ричарда. Они медленно двигались вдвоем до тех пор, пока Ричард не заметил Теда Тернера, прогуливающегося по газону.

— Это Тед... Мо, подожди секунду... Я думаю о его предложении, и у меня к нему ряд вопросов.

Моника осталась стоять, словно истукан, на танцевальной площадке, глядя в спину удаляющемуся Ричарду. Кто-то дотронулся до ее руки. Это оказался жених.

— А ваш большой день, кажется, придет через несколько недель? — спросил Джон Фаррелл.

— Боюсь, что будет трудно тягаться с тем, что я вижу здесь. Изумительный вечер, сенатор! — Моника отвечала машинально, и, несмотря на вежливую улыбку, в ней все еще клокотал гнев.

«Джон Фаррелл ведет себя истинно по-джентльменски», — подумала Моника. Он продолжал легкую беседу, давая ей возможность прийти в себя после того, как Ричард оставил ее одну на танцевальной площадке. Фаррелл удивительно своевременно пришел ей на помощь.

— Нам нужно успеть вернуться из Кэп Феррата, чтобы успеть поднять бока-

лы за вас на вашей свадьбе, графиня, — сказал он, и это прозвучало у него так же естественно, как естественно он сопровождал ее. — Мы с Аной непременно будем у вас, — серо-голубые глаза его блеснули. — В конце концов, разве все это не идеальные свадьбы сезона?

Эти мимоходом сказанные слова засели в голове Моники. Идеальные свадьбы... Моя идеальная свадьба... Должна быть таковой.

Что-то, имеющее отношение к свадебным заботам, продолжало беспокоить Монику, хотя, казалось бы, каждая деталь была продумана. Она намеревалась оставшиеся несколько недель посвятить отдыху, поручив Линде вести дела с фирмой, обслуживающей свадьбы. Все было под контролем. И Монике не оставалось ничего другого, как безмятежно провести несколько дней дома с тамап. Это будет ее последняя поездка в загородный дом в качестве незамужней женщины.

Почему же ее так неотступно преследовало чувство, что она что-то не сделала?

Моника снова мысленно прошлась по всем пунктам, не пропуская ни единой детали. Внешне все казалось в полном порядке. Однако беспокойство ее не проходило.

Через час она столкнулась с Ричардом в баре возле бассейна.

— Какая приятная встреча, — холодно сказала она, проходя мимо.

— Коктейль для дамы, — приказал Ричард бармену и взял ее за руку. — Мо, ты как никто другой должна знать, как я решаю дела. Кстати, это и в интересах твоего будущего, — он подал ей коктейль, но его глаза уже выискивали кого-то в толпе. — Не надо дуться, это так не похоже на тебя, графиня. — Прежде чем она успела что-то ответить, он подтолкнул ее вперед. — Приготовь свою миллиондолларовую улыбку. Я хочу, чтобы ты кое с кем пообщалась.

«Кого-то хочет сразить моим титулом», — устало подумала она и неожиданно разозлилась на себя. Ей нравился напор Ричарда, его железная решимость и настойчивость. Ей нравилось быть частью его команды. Это был поэт, артист бизнеса, ему не было в этом равных. Когда она успела позабыть правила игры? Она сосчитала до десяти, погасила раздражение и напомнила себе, как сильно она любит Ричарда.

— Покажи объект, босс, но знай, что ты должен мне еще один танец.

Ричард подмигнул ей и легонько поцеловал в нос.

— Можешь считать, сделка состоялась, моя красавица! Но сперва надо поговорить с шейхом Абу ибн Хассаном.

Глава тридцать седьмая

Моника поставила на поднос чай, блюдце с лимоном, положила булочку и понесла все это в солнечную спальню матери. Она остановилась в дверях, пораженная тем, с каким интересом мать изучает последний выпуск журнала «Мода».

Даже сейчас, когда мать болела и у нее сильно ухудшилось зрение, она не потеряла интереса к новинкам моды. Глядя на ее лицо, Моника вспомнила, как часто, возвращаясь из школы домой, она заставляла мать за таким же занятием. Только тогда мама могла воплотить свои замыслы в реальность с помощью иглы и материи. Сейчас же ей с трудом удавалось отхлебнуть без чьей-то помощи чай да поднести ко рту булочку.

Моника с болью и нежностью смотрела на лежащую в кровати женщину, которая прожила тяжелую и одинокую жизнь. Она попыталась представить мать молодой, любящей графа де Шевалье и отдающей себе отчет в том, что он никогда не будет ей принадлежать. После бурного визита Шенны в офис Моника досконально изучила вопрос, и Мирей наконец рассказала всю историю рождения Моника.

Глаза Мирей увлажнились, когда дочь показала ей документы. Они сидели в тот вечер на террасе перед камином.

— Да, *petite*, Пьер Жиро был твоим отцом... Я давно хотела рассказать тебе, но стеснялась и боялась, что ты не поймешь меня. А вот сейчас позволь мне все объяснить... Вот ты придумала себе титул, а ведь ты и в самом деле графиня...

Они проговорили всю ночь. Лицо Мирей помолодело и просветлело, когда она рассказывала историю своей давней любви. Как выяснилось, брак матери с Жаком Д'Арси был ни чем иным, как попыткой избежать монастыря. Этот беспутный пьянчуга с блуждающими глазами был гораздо старше ее. Напившись, он жестоко избивал ее. Однажды граф де Шевалье застал Мирей на рабочем месте в слезах и с синяками на лице. Разъяренный граф лично разыскал Жака, задал ему взбучку и выгнал вон. С тех пор Мирей ничего о нем не слыхала, зато ее регулярно стал навещать граф.

Пьер Жиро женился без любви. Его брак был предрешен договоренностью между его родителями и герцогом из соседней провинции. Детей у него не было. Графиня оказалась злой и властной женщиной, язык у нее был острее игл, которыми Мирей шила. Пьер нашел хрупкую, изящную белошвейку очаровательной, а Мирей обрела доброжелательного, надежного и красивого покровителя. Развод для графа-католика был делом немыслимым, но они, соблюдая всяческие предосторожности, стали жить как любовники.

Мирей жила в постоянном страхе из-за того, что графине станет что-то известно. Для нее тяжким испытанием была каждая встреча с графиней, когда та давала ей какие-либо поручения.

— Он молился на меня, *petite*. Когда ты родилась, какая радость светилась в его глазах! Он собирался обеспечить нас обеих средствами к существованию, но внезапно погиб в автомобильной катастрофе и не успел распорядиться об этом... Он был замечательный человек, — прошептала Мирей, сжимая руку дочери. — Ты могла бы с гордостью называть его *Pere*[21].

В ту ночь, рассказывая подробности о графе и их любви друг к другу, Мирей

словно помолодела. Сейчас же лежащая на пуховых подушках мать показала Монику гораздо старше своих пятидесяти шести лет.

— Спасибо, *petite*, — тихо сказала Мирей, когда Моника предложила ей чай. — Ты бы знала, как я дорожу этими днями, которые ты провела со мной накануне своей свадьбы... Они принесли мне столько дорогих сердцу воспоминаний.

Моника поцеловала мать в макушку как в детстве это делала *татап*.

— Я буду думать о тебе и своем красивом *Реге*, когда в субботу пойду под венец...

— Да *petite*, чуть было не забыла. Пит Ламберт переезжает на этой неделе. Он вчера сказал, что хотел бы, чтобы ты заскочила к нему. — Мирей внимательно посмотрела на дочь. — Вы, кажется, подружились? Я рада этому. Он придет на твою свадьбу?

— Нет. И мы никакие не друзья, *татап*... В обычном понимании этого слова. — Моника тут же сменила тему. — Я надеюсь, что Ева будет на свободе. Мой маленький крестник не должен появиться до того, как я пойду под венец, иначе его рождение затмит мою свадьбу.

Вошла Дороти и объявила, что Мирей пора вздремнуть. Моника вышла на террасу и взглянула на ослепительно голубое небо. Надо напомнить Дороти, чтобы она включила дождевальную установку, когда солнце опустится ниже, — бедные розы совсем поникли от июльской жары, а газон шелестит, словно высохшее сено.

Несмотря на сказанные шутливым тоном слова, Моника сожалела, что Ева не будет подружкой невесты на свадьбе. Акушерка предупредила Еву, что ей нужно щадить свои ноги, и поэтому не было никаких надежд увидеть Еву в этом качестве.

Монику до сих пор всякий раз трясло, когда она думала о том, что едва не потеряла подругу. Ева мужественно перенесла все выпавшие на ее долю испытания, однако хорошо знавшая ее Моника чувствовала, что предательство Нико потрясло ее даже сильнее, чем кошмарная история с Билли Шиэрзом.

И вдобавок ко всему этот парень разбился. Просто удивительно, что у Евы не произошел выкидыш. Но она оказалась сильной. «Это тебе не застывшие взбитые сливки», — размышляла Моника, выйдя из дверей террасы и направляясь к мостику, через который лежал путь к усадьбе Паркера.

Внезапно ей вспомнилась зимняя ночь у нее на кухне, когда Пит посмеялся над ее бравадой. Теперь всякий раз, когда Моника видела в супермаркете взбитые сливки, она вспоминала мороженую пиццу Бертино, вспоминала и его. И вообще в последнее время она думала о Пите Ламберте очень часто.

Моника дошла до холма, с которого открывался вид на флигель, и внезапно задумалась, с какой стати она идет к Питу по его зову. Она не видела Ламберта несколько месяцев.

Однако при виде фургона, стоящего возле большого дома, у нее что-то шевельнулось внутри. Может быть, это и к лучшему, что Пит закончил работу и уезжает. Да и время для этого очень удачное: у нее в субботу свадьба, он в это время уезжает... И с теми безрассудными отношениями, которые сложились между ними зимой, будет раз и навсегда покончено. Сейчас уже разгар лета. Снег сошел, лед растаял, труба флигеля не задымит до зимы. Монику вспомнились, как во время ее визита к Питу он поцеловал ее во флигеле. Вспомина-

лись его шепотом сказанные слова в тот день, когда она демонстрировала тамап свадебное платье. Она понимала, что Пит хотел от нее того, чего она не в состоянии была дать ему.

Ричард был человек, с которым она хотела прожить жизнь. Неужели Пит Ламберт всерьез думает, что она порвет с Ричардом, если он поманит ее пальцем? Бесспорно, мужчина он привлекательный и пикантный, хотя и не вполне в ее вкусе.

Ему не хватает лоска, напора, да и, нужно признать, банковского счета Ричарда. И дело не в том, что она гналась за деньгами Ричарда. Видит Бог, у нее хватало собственных. Но они оба вращались в одних и тех же кругах, были знакомы с одними и теми же людьми, имели одни и те же цели.

«Господи, я превращаюсь в настоящего сноба», — подумала она, внезапно испытав угрызения совести. Моника замедлила шаги, приблизившись к газонам с кустами роз, маргаритками, олеандрами и папоротниками. Она подняла руку, чтобы постучать в дверь, но не успела — дверь открылась сама.

— Графиня, — широко улыбнулся Пит и втянул ее внутрь. — Очень вовремя! Поможете мне упаковываться.

— Так вы по этой причине хотели меня видеть?

— Верно. Вы мне должны!

— Простите?

— Вы разбиваете мне сердце, мадам. — Он так пронзительно посмотрел Монике в глаза, что у нее защемило сердце. — И все, что вы можете, это должным образом проводить меня.

Некоторое время она молча смотрела на его лицо, пытаясь понять, шутит он или говорит серьезно. Однако этого ей так и не удалось понять.

Внезапно она почувствовала, что жара становится невыносимой. Интересно, отключил ли он уже кондиционер?

— Вы все такой же невозможный, — сказала она сквозь зубы, затем огляделась по сторонам. Вокруг все было уставлено коробками, пакетами, захламлено газетами, упаковочными лентами и шпагатом.

— Пора отказываться от торжественного бала, — бросил Пит через плечо, поднимая стопу книг с обеденного стола и укладывая ее в коробку.

— Что вы хотите, чтобы я сделала для вас, Ламберт? — спросила Моника, обмахиваясь сложенной газетой.

Пит повернулся и подошел к ней.

— Вы действительно хотите это знать? Он без предупреждения положил руку на талию Монике.

— Каким образом я могу помочь вам? — спросила она холодным тоном и поспешно добавила: — с вашей упаковкой?

Руки Пита задержались не ее талии. Монике показалось, что в комнате не меньше сорока градусов жары, однако выражение ее лица продолжало оставаться бесстрастным. Увидев холодок в глазах Моника, Пит со вздохом отпустил ее.

— Превосходно. Вот вам газеты. Берите коробку и складывайте в нее вон тот хлам с камина. Надеюсь, это не повредит вашему маникюру. Я ни в коем случае не хочу чтобы у вас оказались поломанными ногти перед великим днем.

Моника не смогла объяснить себе, почему она осталась. Она молча завора-

чивала в бумагу латунные подсвечники и фарфоровые статуэтки, любуясь их нежной бело-голубой расцветкой.

— Это любимая статуэтка моей матери. — У нее была целая коллекция, а у жены брата находится остальная часть.

— Очень милы. — Моника аккуратно уложила статуэтки и закрыла клапаны коробки. Она взяла фломастер и печатными буквами надписала сверху: «осторожно, хрупкие вещи».

«Хрупкие вроде тебя», — подумал Пит, наблюдая за ней уголком глаза. Моника была в коротких джинсах, в желтой безрукавке с круглым вырезом и в изящных сандалиях золотистого цвета. Ее темные волосы были прихвачены сзади желтой лентой, и она выглядела юной, свежей и чертовски привлекательной. Сейчас в ней ничего не было от главного редактора сногшибательного журнала и той рассерженной особы, которая напустилась на него в их первую встречу. Она напоминала маргаритку, сияющую под солнечными лучами.

Пит сдвинул на затылок бейсбольную кепку, вытер пот со лба и несколько минут наблюдал за тем, как Моника работает. Его рука скользнула в карман шорт и извлекла маленькую прямоугольную коробочку.

«Сейчас или никогда, Ламберт, — сказал он себе. — А если не скажешь сейчас, то впредь не сетуй».

Однако он не мог это сделать. Во всяком случае, вот так, сейчас. Это должно исходить от нее. А от нее ему достались сегодня лишь аккуратно упакованная коробочка с фарфором, легкий аромат духов да сладостно-горькое прощальное рукопожатие.

— Когда вы переезжаете? — спросила она у двери.

— В субботу.

Явно вымученная улыбка...

— Похоже, что это станет красным днем для нас обоих... И куда же вы едете?

— Зачем вам знать? Или вы собираетесь прислать мне открытку во время своего медового месяца?

— Думаю, я буду слишком занята.

— Я тоже так думаю...

Внезапно Пит притянул Моника к себе, и его сильные руки обхватили ее, словно железный обруч. Она ощутила на своем лице его дыхание.

— Моника...

— Пит, мне надо идти... — однако она не сделала попытки освободиться.

— В самом деле надо? — он пальцами коснулся ее губ и заглянул в затуманенные дымкой глаза. — Вы уверены?

— Да... — еле слышно ответила Моника.

О Господи, ну почему она стоит, словно истукан, и позволяет ему обнимать себя? Ее словно растворяет этот взгляд. Его ладонь поднимается и ласкает шею, его пальцы словно излучают электрические разряды...

Моника отпрянула назад и тихонько нервно засмеялась.

— У меня тысяча дел... — однако ей самой голос ее показался каким-то неестественным, чужим. — Телефонные звонки, возможные сбои в последний момент... и потом я обедаю в городе с Ричардом.

Он ничего не сказал. Он дал ей уйти и смотрел, как она повернулась и

быстро пошла по тропе. Солнце заливало ее светом, отражаясь от блестящей подвески на ее груди.

Он понимал, что все кончено. Он проиграл.

— Алло, графиня!

Она остановилась.

— Не забудьте быть счастливой! — крикнул он. — Это — приказ!

— Намерена быть! — откликнулась Моника и махнула напоследок рукой. И быстро скрылась среди деревьев.

«И ты тоже, Пит Ламберт, — прошептала она, ступая по хрустящим прутьям. — Ты тоже будь счастлив».

Официант хорошо знал Ричарда и к приходу Моника и Ричарда подал традиционные напитки. Ричард заказал обед на двоих и откинулся на стуле, глядя оценивающим взглядом на Моника.

— Ты выглядишь очень даже неплохо для женщины, которая через два дня выходит замуж... Все под контролем?

— Да, конечно. — Моника повела глазами, сделала глоток шотландского виски. — Если не считать того, что у распорядителя банкета несколько часов назад удалили аппендикс, а его помощник простудился... Да еще цветовод куда-то задевал наши заказы, и Линде пришлось снимать копии... Опять же срочно из Лондона прибыли Александерсы и Донованс, и нужно срочно поменять распоряжение по размещению... Мне продолжать, или тебе картина в целом ясна?

Ричард покачал головой, изображая сочувствие.

— Мне ясна картина, — сказал он с улыбкой. — Бедная Мо. Но ты думай о том, что через несколько дней будешь загорать на греческих островах. Кстати, мне нужно сделать телефонный звонок.

— По поводу медового месяца? — спросила она, рисуя в уме идиллические картинки будущего отдыха.

— Естественно.

Моника поискала глазами официанта, чтобы попросить телефон, но Ричард отодвинул стул.

— Это мой маленький сюрприз. Я сейчас вернусь.

Моника смотрела, как он со свойственной ему вкрадчивой грацией шел по залу.

Невольный вздох вырвался из ее груди. Но она даже не отдала себе отчета о его причине.

Секретарша ответила ему после первого же звонка. Сандра не любила оставаться в здании одна, однако он платил ей достаточно для того, чтобы она преодолела свои страхи.

— Цифры, — лаконично сказал Ричард.

Она зачитала их ему.

Он присвистнул.

— Отлично... Лучше, чем я ожидал, — он сделал несколько пометок в записной книжке. — А теперь сделайте обычные поправки в доклад для мисс Д'Арси. И введите подлинные цифры в закодированный файл в моем компьютере.

— Да, мистер Ивз, все будет сделано, как всегда.

— Хорошо. Буду в семь. И вот еще что, Сандра... Мне нужно десять копий

всего того, что готово для утренней встречи с Теогастусом.

— Они будут в запертом ящике вашего письменного стола.

Вешая трубку, Ричард улыбнулся про себя. Цифры тиража июньского номера «Идеальной невесты» были астрономическими. При таком тираже Теогастусу придется платить по высшей ставке за журнал — и за Монику. Как и сам титульный лист журнала, она была частью и предметом сделки.

Нужно отдать ей должное. Она проделала колоссальную работу. Очень жаль, что она не может рассказать ей, насколько успешно она сработала. Это повредит его глобальным планам. Он вынужден продолжать давить на Монику. Она блистательно работает под прессом, и он не хочет рисковать.

Ричард сунул записную книжку в нагрудный карман синего костюма и в задумчивости поджал губы. Моника не должна узнать о том, что цифры тиража никогда не были такими обескураживающими, как он их представлял, или о том, что они сейчас близки к умопомрачительным. Успех заставляет людей почивать на лаврах. Он не может допустить этого. Он вынужден держать Монику в уверенности, что тираж еще не вполне на высоте, продолжать оказывать на нее давление, требовать от нее не ослаблять усилий.

Покупка Теогастусом «Идеальной невесты» станет грандиозным успехом Ричарда. Благодаря напору и цепкости Моника он получит от Генри отличный куш.

«Она около месяца пробудет на островах... Отдохнет, расслабится, музыка и средиземноморская луна размягчат ее, и она спокойно перенесет новость о том, что оказалась частью и предметом сделки».

Конечно, вначале она рассердится, когда узнает, что на год переходит к новому боссу, но он постарается убедить ее в разумности сделки, а двадцатипятипроцентная надбавка к жалованью поспособствует ее прозрению. Теогастус совсем не дурак. Он потребовал письменные гарантии от Ричарда в том, что Моника останется главным редактором в течение года с момента совершения покупки, чтобы он смог без потрясений пережить переходный период.

«А после этого, — подумал Ричард, — у меня есть другие предложения для нее».

Садясь за столик, Ричард улыбнулся Монике.

— Все улажено. Тебе наверняка будет по душе то, что я приготовил для тебя. Но... есть и менее приятное сообщение. Я звонил Сандре по поводу окончательных цифр за июнь и...

Моника оставила виски. Она почувствовала спазм в желудке.

— О чем ты говоришь? Хорошие цифры! И все показатели положительные.

Ричард покачал головой, вновь откидываясь на стуле.

Моника вцепилась пальцами в край стола.

— Они хорошие, это верно, но все же недостаточные, — сказал он спокойно. Не вполне такие, как мы рассчитывали. Ты проделала дьявольскую работу, Мо, но цифры не достигли нужного уровня. После медового месяца придется налечь с удвоенной силой. Я думал, что мы заткнем рот Макартуру через несколько месяцев, но для этого нужно, чтобы октябрь и ноябрь принес по-настоящему блестящие цифры.

— Какие они сейчас? Ты можешь их назвать? — потребовала Моника, смачивая пересохшие губы. — Они должны были вырасти по крайней мере на двадцать процентов.

— Не сию минуту, — покачал головой Ричард. — Сейчас наш вечер. Не будем думать о делах сегодня. Меня интересует лишь одна идеальная невеста — это ты!

— Но...

— Выбрось все из головы до того времени, когда мы вернемся из Греции, — жестко сказал Ричард. Он погладил ее руку и, видя беспокойство с примесью вины в ее глазах, сказал с добродушной улыбкой:

— Расслабься, Мо. Это наш вечер, — он поднес ее руку к своим губам и, страстно глядя ей в глаза, почувствовал тыльную сторону ладони.

— Я никогда не говорил тебе, моя обожаемая графиня, как люблю тебя?

Глава тридцать восьмая

Моника открыла глаза за пятнадцать минут до звонка будильника и сладко потянулась в громадной кровати гостевой спальни Евы.

«Ну, вот и нет возврата назад. Остается шесть часов до того момента, как я войду в церковь, имея лишь чуть более презентабельный вид, чем в этот момент».

Моника и Ева засиделись до трех часов ночи, и хихикая, словно пятнадцатилетние. Ни одна из них не могла похвалиться хорошим сном в последние несколько недель. Ребенок давил на мочевой пузырь, и Ева без конца бегала в туалет. А на мозг Моника давили разные мысли, и она не могла заснуть, куря одну сигарету за другой и поглощая невероятное количество кофе. Встав под душ, она ахнула и пустила на полную мощность струю, моля Бога о том, чтобы рассосались мешки под глазами.

Еще не высохшая, Моника прошла на кухню, привлеченная пьянящим запахом кофе со сливками, на ходу зажигая сигарету.

— Тебе надо отделаться от этой привычки, — вместо приветствия сказала ей Ева. — Или ты не хочешь дожить до золотой свадьбы с Ричардом?

Моника сделала гримасу и налила себе кофе.

— Кроме того, ты обещала не курить здесь. Ради ребенка, — напомнила ей Ева.

— Уф, забыла, — Моника загасила в пепельнице сигарету и виновато улыбнулась. Она достала из холодильника грейпфрут. — Между прочим, ты мне так и не сказала, кто сопровождает тебя на свадьбе.

— Верно, не говорила...

— Так кто же?

К удивлению Моника, Ева смутилась, словно школьница.

— Ты, в общем-то, знаешь его... Помнишь Эндрю Леонетти?

Моника уронила грейпфрут, напугав Беспризорницу, которая собиралась было пристроиться на стуле.

— Я не знала... Ты встречаешься в нем?

Ева засмеялась, отвела выбившуюся прядь волос за ухо. Она поправилась на сорок фунтов, и живот ее достиг размеров фарфорового Будды, но в пушистом желтом халате она казалась свежей и цветущей, хотя полы халата едва сходились на ее животе.

— Ну, мы немного поговорили на Гавайях. А когда он узнал о гибели Нико в автокатастрофе, он позвонил мне из Аризоны... Он славный.

— И симпатичный, — поспешно заметила Моника.

— И симпатичный, — спокойно согласилась Ева, глядя Беспризорницу, которая запрыгнула ей на колени. — Но ты не думай Бог знает чего... Эндрю в прошлом месяце приезжал сюда на конференцию по вопросам воспитания детей, больных аутизмом, и мы встретились за обедом, вот и все.

— «Вот и все...» Все ли? Мы прокаляли с тобой до трех часов, а ты прибегла эту новость на сегодня?

— Каждый имеет право на маленькие секреты, — произнесла Ева, отставив чашку и напустив на себя строгий вид. — Тебе яичницу — болтунью или глазунью?

Моника заявила, что она ничего не хочет, и с удовольствием наблюдала за

тем, как Ева расправилась с болтуньей из четырех яиц с гренком в масле и пончиком, запивая все это клубничным соком. Будет ли она тоже есть как лошадь, если забеременеет? Сейчас ей не хотелось даже думать о еде.

Она пыталась вообразить, что беременна ребенком Ричарда, а ей рисовался нелепый образ няни, которая подносит ей младенца, в кулачке малыша — трубка, а с пуповины его свисает крупная денежная купюра.

Не зная, приходить в ужас от такого видения или смеяться, Моника сказала Еве:

— Судя по твоему аппетиту, мой крестник будет похож на борца сумо. Обещай мне, что ты не родишь толстячка, пока я буду венчаться.

Около двух часов в квартире Евы закипела работа. Дженна, Делия и Ева носились в шелковых голубых нарядах, а парикмахер Моника занимался укладкой ее волос.

Клара потчевала ароматным кофе гримера, фотографа и двух его ассистентов, а тем временем ворвалась Линда и торжественно положила на счастье шестипенсовую монету в украшенную жемчугом и стеклярусом туфлю Моника.

Наконец Моника в ее ослепительно-золотом платье подвели к кавалькаде лимузинов.

— Теперь возврата нет! — бодро сказала Ева.

Моника почувствовала спазм в желудке. Может быть, ей все-таки надо было позавтракать. Когда она увидела из лимузина шпили собора св. Патрика, на фоне голубого июльского неба, ее охватила слабость.

«Моника, держись».

— У кого-нибудь найдется парочка крекеров? — услышала она свой слабый голос.

Дженна пошарила в своей кожаной сумке и извлекла оттуда вафлю.

— Мы хотели протащить для тебя неосвященные вафли, — пошутила она.

На улице было около сорока градусов, но Моника испытывала озноб, когда словно в полусне вышла из машины и направилась по белому ковру, устилавшему цементную лестницу и затененный вестибюль.

Они прибыли последними. Собор был полон.

— Ричард выглядит потрясающе, — услышала она чей-то шепот. Ей показалось, что это была Делия.

Ева обняла Моника.

— Я пойду внутрь, отыщу Эндрю. Сейчас все начнется с минуты на минуту, — она легонько прикоснулась к щеке Моника, стараясь не испортить ей макияж. — Будь счастлива! — шепнула она. — Ты заслуживаешь этого...

Под широкими складками платья колени Моника колотились.

«Возможно, моя идея самостоятельно идти к алтарю была не самой удачной — сейчас бы мне в самый раз опереться на чью-то руку. Похоже, я не так сильна, как думала».

Она ужаснулась пришедшей ей внезапно в голову мысли. А может быть, Пит был прав? Может, он знает ее лучше, чем она себя?

Из-за закрытой двери донеслась органная мелодия.

— Это сигнал для нас, — шепнула Линда. С этими словами она, Дженна и Делия вошли в двери и растворились в соборе, украшенном экзотическими цветами и мерцающими свечами, оставив Моника одну в вестибюле.

В этот момент Моника подумала о матери, представив, как Мирей и Дороти сейчас сидят в гостиной, не спуская глаз с хрустальных часов на камине, переживая вместе с ней.

«Но скорее всего они не могут представить, в какой панике сейчас я».

Помощник оператора указал кивком головы на дверь.

— Через две секунды вы будете в кадре, графиня.

Две секунды... Дверь закрылась. Моника набрала в легкие воздуха и распахнула дверь. Собор представлял собой сказочное волшебное царство с цветами, белым ковром и переполненными скамьями, на которых сверкали украшениями гости в элегантных праздничных нарядах.

«Ты любишь эту мишуру, — напонила она себе. — Ты любишь совершать выход и оказываться в центре внимания. Вот такая ты и есть».

Она сделала шаг, и музыкальный аккорд возвестил о ее выходе. Глаза всех присутствующих были обращены к Монике. Воцарилась абсолютная тишина.

Моника направилась к алтарю.

Она не видела лиц, лишь некоторые попадали в поле ее зрения, пока она шла по усыпанному лепестками цветов ковру.

Вот Ана и Джон держат друг друга за руки.

Алек Андерсен, новый главный художественный редактор «Идеальной невесты», знаком показывает ей: «Браво! Выше голову!»

У прохода между рядами Антонио изобразил аплодисменты, а Фил одобрительно наклонил в ее сторону голову.

Сидевший рядом с Мими Генри Теогастус дружелюбно улыбался. Но почему-то он напомнил ей кота, проглотившего канарейку.

Она заметила, как приветливо кивнул Брайен Михаэльсон и осветилась улыбкой Тери, Когда Моника проплывала мимо.

Она увидела Еву и Эндрю Леонетти, сидящих впереди, и отметила про себя, насколько хорошо они смотрятся вдвоем.

Запах рассыпанных лепестков роз пьянил и кружил голову. Цвета и лица смешались и удалились. Она почти подошла к алтарю. У нее сбилось дыхание, когда глаза Ричарда и ее встретились. Он выглядел удивительно эффектно в своем черном смокинге. Высокий, красивый, импозантный. Легкая улыбка появилась на его лице, когда он шагнул вперед и согнул в локте руку. Последние несколько шагов они должны были сделать вместе. Моника набрала в легкие воздуха и просунула руку под его локоть. Она потеряла представление о времени, когда Линда забрала у нее букет, распустила фату. Началась церемония бракосочетания.

«Мы собрались здесь для того, чтобы стать свидетелями таинства соединения священными узами брака. Если у кого-либо из здесь присутствующих имеется какая-либо причина для того, чтобы предотвратить соединение священными узами брака Монике Д'Арси и Ричарда Чарльза Ивза, пусть он скажет об этом сейчас или хранит молчание о том навеки...»

Высказаться могли лишь против Ричарда, который был женат в течение многих лет, как-то отрешенно подумала Моника, после чего увидела, что Поль, племянник Ричарда, подносит отороченную кружевами подушечку с обручальными кольцами.

— Ричард Чарльз Ивз, согласны ли вы, чтобы эта женщина, Моника Лизетт Д'Арси, стала вашей законной женой? — слова епископа эхом отдались в собо-

ре, когда Ричард пронзительно посмотрел в ее глаза. Моника лишь по губам его поняла, что он говорит «Да, согласен», хотя практически не слышала звука его голоса.

— Моника Лизетт Д'Арси, согласны ли вы, чтобы этот мужчина, Ричард Чарльз Ивз, стал вашим законным мужем...

Моника не слышала остального.

— Нет!

Епископ сделал паузу, его заостренное лицо вздрогнуло. Он вперил взгляд в Моника, словно не расслышав ее.

— ...начиная с сегодняшнего дня и до тех пор, пока вас не разлучит смерть?

— Нет!

Моника увидела, как широко раскрылись глаза епископа. Она повернулась к Ричарду, который смотрел на нее с застывшей ледяной улыбкой.

— Моника, какого черта? — сделав вдох, произнес он негромко с плохо сдерживаемой яростью. Видеокамера крупным планом запечатлела его искаженное гневом лицо.

Моника слегка покачала головой.

— Нет, Ричард... Прости меня... Я не могу...

Какое-то странное спокойствие снизошло на нее. Она улыбнулась щедрой, открытой улыбкой, подобрала полы своего царственно великолепного платья и с высоко поднятой головой направилась к выходу. Моника покинула собор так, как могла это сделать только она. Величественно и легко скользя по бело-снежному ковру и освещаемая яркими солнечными лучами, она подошла к лимузину.

Не обращая внимания на ошеломленного водителя, она скомандовала:

— Сразу же на Меррит Парквей. Мы едем в Коннектикут.

Пот застилал ей глаза, когда Моника добралась до тропы, ведущей к флигелю Паркеров. Ее платье-то и дело цеплялось за кусты роз и шиповника. Оно выглядело изрядно помятым, туфли поцарапались и запылились. Но Моника беспокоило лишь одно: только бы не опоздать!

Она тарабанила в дверь флигеля.

Нажимала на звонок.

Кричала.

Ответа не было.

Над покрытыми лаком волосами прожужжала муха, и, покружившись, улетела в сторону цветущих газонов. Июльский воздух был наполнен мирным, сонным запахом роз, маргариток и олеандров.

Моника с трудом сдерживала слезы отчаяния.

«Ты еще не мог уехать. Ты просто не мог».

Она бросилась к большому зданию. Может быть, новые владельцы знают, куда он уехал. Из верхнего окна донеслись звуки музыки. У нее перехватило горло: Паваротти... Ну не ирония ли судьбы!

Она решительно потянулась к латунному кольцу на дверях и стала отчаянно его дергать. Наградой ей стали звуки приближающихся шагов.

— Вы не могли бы мне сказать, куда...

В дверях стоял Пит Ламберт. Держа в руках недоеденный кусок пиццы, он с изумлением смотрел на нее.

— Куда что?

Монике показалось, что в ее груди не сердце, а отбойный молоток.

— Что вы делаете здесь? Я думала, что вы переехали.

— А что вы делаете здесь? Я думал, что вы выходите замуж.

— Я спросила первая, — сердито произнесла она.

Знакомая широкая, сводящая с ума улыбка озарила его лицо.

— Да, графиня, конечно же вы первая, — он взял ее за руку и провел в вестибюль.

Даже тогда, когда дом был пуст и свежеекрашен, он казался очень красивым. Сейчас же, обставленный выдержанной в светло-коричневых тонах мебелью, с пушистыми коврами ручной работы, он был бесподобен.

Впрочем, Моника пришла сюда отнюдь не для того, чтобы восхищаться отделкой. Она в упор посмотрела на Пита и упрямо повторила:

— Я думала, что вы переехали.

— Так оно и есть. Как вам нравится моя новая берлога?

— Ваша берлога? Должно быть, вы имеете в виду берлогу вашей мечты.

Он громко рассмеялся, бросил пиццу на коробку, стоящую на кофейном столике, и вытер руки о салфетку. Тем временем Моника пыталась решить для себя, не оказалась ли она в каком-то невероятном сне в духе Сальвадора Дали. Но Пит казался реальным, он отнюдь не был сновидением. Он был вполне материальным, из костей и плоти, и смотрел на нее, виновато поблескивая глазами.

— Я должен сделать признание... Это мой дом. Он был моим с самого начала.

— Как? Вы хотите сказать...

— Минутку, графиня. У вас был вопрос. Я на него ответил. Теперь моя очередь, — он поднял левую руку. — Я не вижу свадебной повязки на вас. Что случилось?

Моника выпростала запыленную лодыжку из-под складок платья.

— Я свободна и от алмазных вериг замужества, — ответила она. — Говорят, они уже вышли из моды.

Пит ничего не сказал, лишь внимательно взгляделся в ее лицо.

Моника вздохнула, пробормотала «Какого черта!» и выпалила:

— Я бросила Ричарда у самого алтаря... Ради тебя... и если ты еще... Если ты не...

Пит обнял ее с такой силой, что она задохнулась. Его рот буквально впился в ее губы. Моника уцепилась за него и отдалась поцелую со всей столь долго сдерживаемой страстью.

— Черт возьми, Моника! — Пит оторвался, чтобы глотнуть воздуха. — Ты дотянула до последней минуты!

— Не напоминай мне об этом, — попросила она, целуя ему грудь в вырезе тенниски и глядя ладонями его мускулистую спину. — Я была дура... А вот если ты не расскажешь всю правду о себе и этом доме, я ее выбью у тебя.

— Обещаю, Моника, обещаю! Давай присядем на минуту, — он подвел ее к дивану, усадил, притянул к себе и стал целовать ее в губы, в мочки ушей, в шею. Он жаждал сорвать с нее свадебное платье и исцеловать ее всю, но заставил себя проявить выдержку. Нужно было многое объяснить, рассказать Монике всю правду.

Он сжал в своих ладонях руки Моника и выдержал ее взгляд.

— Шутки в сторону, Моника. Я и в самом деле владелец этого дома. И вообще у меня много домов. — Увидев удивление на лице Моника, он засмеялся. — Я люблю покупать дома и самостоятельно приводить их в порядок. Некоторые я затем продаю, в других живу, как, например, в Палм Бич или в старом замке возле Лондона.

— Кто ты? — в изумлении спросила Моника.

— Пит Ламберт. Вообще-то, согласно документам, я Питер Амброуз Ламбертино. Мой отец сделал бизнес на производстве замороженных пищевых продуктов и оставил состояние моему брату Теду и мне. Каждый из нас получил капитал, достаточный для того, чтобы купить парочку небольших стран. Если добавить сюда стоимость акций, доверительную собственность и растущие проценты, можно смело сказать, что я могу не беспокоиться о хлебе насущном.

— Так ты миллионер? — спросила Моника, пытаюсь скрыть удивление, по поводу того, что этот плотник с обветренным лицом, которого она привыкла видеть в спортивной одежде и бейсбольной кепке, — владелец огромного состояния.

— На порядок выше, — серьезно ответил он. — Я полагаю, что отцу хотелось, чтобы я вместе с Тедом руководил семейным делом. Но у меня иной склад характера. Я всегда предпочитаю делать все собственными руками. Мой отец — светлая ему память! — понимал это. Он обеими ногами стоял на земле, начиная как пекарь. Так что Тед сейчас управляет компанией в одиночку, я только иногда бываю на заседаниях совета директоров. Это избавляет меня от ежедневного парадного костюма и галстука.

Моника стукнула кулаком ему в предплечье.

— И ты никогда об этом мне не говорил? Но почему?

— Поверь, Моника, мне иногда очень хотелось все рассказать... Ты самостоятельно пробилась наверх, я был рожден в богатстве, — тень легла на его лицо. — Удивительное дело... Мне почему-то постоянно встречались женщины, которых интересовал вопрос, что я имею, а не что я представляю собой. Со всем другим чувством, когда знаешь, что тебя кто-то любит или хотя бы испытывает симпатию к тебе, к твоей личности, а не к твоему богатству. Были мгновения, когда я чуть не рассказал тебе все — хотел составить конкуренцию Ричарду Ивзу на его условиях. Но все же подумал, что деньги не должны стать стимулом для принятия тобой решения. И вообще они должны быть исключены из игры. Иначе я потерял бы больше, чем даже в том случае, если бы ты решила соединить свою жизнь с Ричардом.

— Ты просто тупица! Я люблю тебя за твои человеческие качества, — Моника схватила его за концы воротника тенниски и в такт словам стала дергать их. — Черт побери, я ушла от Ричарда на глазах четырех сотен друзей, близких и знакомых. Я оставила его перед алтарем в соборе св. Патрика и наплевала на состояние, на работу, на медовый месяц на греческих островах! И все это ради своего несносного, упрямого, очаровательного и чертовски привлекательного партнера по танцу! Тебе о чем-нибудь это говорит?

Пит поцеловал ее в нос.

— Означает ли это, что мы любим друг друга?

— Это предложение? — вопросом на вопрос ответила Моника. Она сбросила бейсбольную кепку с его головы и запустила пальцы в его шевелюру. Глядя

ему в глаза, она ждала ответа.

— Именно... А в связи с этим...

Невероятно, но из своего кармана он достал маленькую обтянутую бархатом коробочку.

— Я ношу ее с собой несколько дней. У меня в кармане скоро будет от нее дырка. Я собирался в понедельник отвезти ее назад ювелиру. Он со щелчком открыл коробочку и протянул Монике, не спуская с нее глаз.

Моника зачарованно смотрела на кольцо с шестикаратовым голубым бриллиантом, лежащее на бархатной подушечке.

— Никогда не видела ничего более красивого, — прошептала она.

— А я видел, — тихо ответил Пит. — И я воспринимаю твои слова как «да», — добавил он и вновь поцеловал ее.

— Между прочим, — спросила Моника, когда Пит, сняв диадему с ее головы, бросил ее на пол и занялся расстегиванием платья, — производством каких продуктов занимался твой отец?

— Пиццей. Пиццей Бертино.

— Что? — Моника посмотрела на коробку с пиццей на столе. — Так это ты и есть «пицца Бертино»?

— Я же говорил тебе, что это наш старинный семейный рецепт, — напомнил он и тут же поднял ее и понес к лестнице.

Когда они приблизились к площадке, на которую лился свет с неба, Моника приподняла голову над его плечом и пробормотала:

— Я должна сделать совершенно новое платье на свадьбу. Мамап мне поможет... Будет что-то совершенно новое... мне даже не терпится, — внезапно она воскликнула:

— Знаешь, сейчас самое лучшее время для проектирования платья... Чтобы воплотить идею во что-то реальное... Сделать что-то очень красивое... А что, если мне открыть собственное ателье? Ведь я так или иначе не вернусь в журнал «Идеальная невеста», — ее голос задрожал от волнения. Я даже вижу сейчас это ателье для пошива вечерних и подвенечных платьев. Ателье графини. Можно работать прямо здесь, стоит тебе переделать флигель под ателье... И мы можем каждый день навещать мамап и завтракать с ней.

Пит опустил ее на кровать.

— Как ты думаешь, мы можем отложить на час-другой работы по переоборудованию флигеля? Мне бы хотелось сию минуту заняться кое-чем другим.

Моника широко улыбнулась и, лукаво сверкнув глазами, потянула его к себе за шорты.

— Правда? А что еще ты прячешь здесь для меня?

Платье, в которое трое женщин облачали Моника в течение получаса, Пит снял за пять минут.

— Боже мой, как я люблю тебя, Моника! — он бросил смятое платье на пол и накрыл ее длинное обнаженное тело своим. — И всегда любил тебя. — Он осыпал поцелуями лицо и шею Моника, затем его губы приблизились к розовым соскам грудей.

— Я тоже люблю тебя, Пит Ламберт, — улыбнулась Моника, вдыхая аромат его волос. — Гарантировано!

Джиллиан КАРР

"ИЗ ЖИЗНИ ЗВЕЗД"

Впервые на русском языке!

Слава, состояние, верная любовь — ведь это мечта!

Но... никогда не знаешь, какую шутку может выкинуть жизнь.

New Hollywood

Jillian KARR

Внимание!

Текст предназначен только для предварительного ознакомительного чтения.

После ознакомления с содержанием данной книги Вам следует незамедлительно ее удалить. Сохраняя данный текст Вы несете ответственность в соответствии с законодательством. Любое коммерческое и иное использование кроме предварительного ознакомления запрещено. Публикация данных материалов не преследует за собой никакой коммерческой выгоды. Эта книга способствует профессиональному росту читателей и является рекламой бумажных изданий.

Все права на исходные материалы принадлежат соответствующим организациям и частным лицам.

Примечания

1

Coup de grace — последний удар (*фр.*).

[^^^]

2

Bambina — девочка (*ит.*).

[^^^]

3

Dottoressa — докторша (*um.*).

[^^^]

4

Merda — дерьмо (*ит.*).

[^^^]

5

Carissima — любимая (*ит.*).

[^^^]

6

Ma petite (*фр.*) — моя маленькая.

[^^^]

7

Dio mio! — Боже мой! (*ит.*).

[^^^]

8

Basta — хватит, довольно (*ит.*).

[^^^]

9

Bambino numero uno — ребенок номер один (*ит.*).

[^^^]

10

Инь и ян — мужское и женское начало в космологии.

[^^^]

11

Sara mia — любимая моя (*ит.*).

[^^^]

12

Mangia, bambina, mangia — ешь, девочка, ешь. (*ит.*).

[^^^]

13

Menege a trois — жизнь втроем (*фр.*).

[^^^]

14

Finito — окончено (*ит.*).

[^^^]

15

Сіао — правый (*ит.*).

[^^^]

16

Auf Wiedersehen — до свидания (нем.).

[^^^]

17

Mon Dieu — Боже мой (*фр.*).

[^^^]

18

Magnifique — великолепно (фр.).

[^^^]

19

An contraire — напротив (*фр.*).

[^^^]

20

finito — кончено (*ит.*).

[^^^]

21

Реге — отец (*φρ.*).

[^^^]